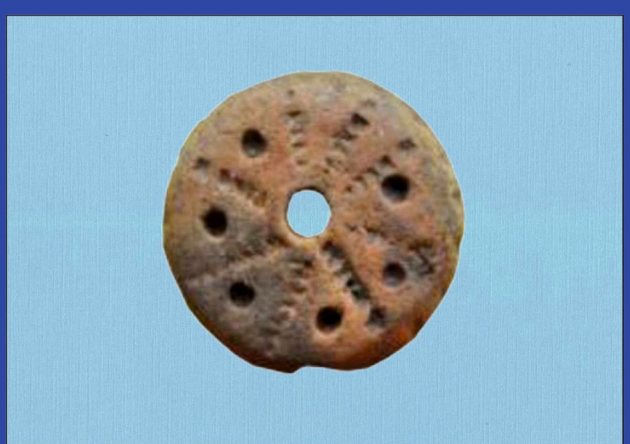
ИПОС СО РАН

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

3 (66)
2024
ISSN 2071-0437 (Online)



**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (66)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:
Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: http://www.ipdn.ru

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (66)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Proffessor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege
(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: http://www.ipdn.ru

Содержание

Археология

Шнайдер С.В., Каспаров А.К., Филимонова Т.Г., Марковский Г.И., Баранова С.В., Черноносов А.А., Коваль В.В., Федорченко А.Ю. Результаты повторного изучения неолитических материалов со стоянки Ак-Таньги (северный Таджикистан) 5

Зах В.А. К периодизации переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в Нижнем Приишимье 16

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Опыт социальной интерпретации материалов некрополя предтюркского времени Чобурак-I (Северный Алтай) 31

Султанова М.Н., Кубаев С.Ш. Прически раннесредневекового Согда (по материалам резного дерева с Кафиркалы) 42

Зиняков Н.М., Пошехонова О.Е. Вооружение верхнетазовских селькупов по данным металлографических исследований (по материалам могильника Кикки-Акки) 52

Терехина В.В. Опыт применения экспериментально-трасологического анализа к этнографическим коллекциям (на примере ножа-улу эскимосов алютиик с о. Кадьяк) 65

Гюрджоян К.Г., Ткачев Ал.Ал., Ткачев А.А. К вопросу о христианизации населения Тазовского Заполярья (по материалам могильника Нум-хибя-сихэри VIa) 77

Кокшаров С.Ф., Зыков А.П., Яковлева Е.А. Тал I — памятник средневекового княжества Эмдер 90

Рогожинский А.Е., Калдыбаева Г.А. О границах «Жетысу» и «Семиречья» в научных трудах, казахском фольклоре и художественной литературе 106

Антропология

Шуньков М.В., Козликин М.Б. Палеолитические обитатели Денисовой пещеры 116

Широбоков И.Г., Павлова М.С. О влиянии метода оценки возраста на возрастную структуру умерших (по материалам средневекового могильника в Старой Ладоге) 127

Этнология

Конев А.Ю., Адаев В.Н. Хозяйство населения Сургутского Приобья в начале XIX в. глазами частного земского комиссара 139

Томилов Н.А. Пища сибирских татар в этнокультурных процессах XVII–XVIII вв. (по материалам культуры томской группы татар) 151

Московченко Д.В., Федоров Р.Ю., Тигеев А.А., Лонский А.И., Слепченко С.М. Ландшафтно-климатическая приуроченность поселений крестьян-переселенцев конца XIX — начала XX в. на территории Одесского района Омской области 162

Дирин Д.А., Шиян П.А., Гудковских М.В. Современная этнокультурная дифференциация территории Республики Алтай 173

Уваров С.Н., Чернышева Н.В. Динамика образовательного уровня женщин-удмурток в 1920–1980-е гг.: основные тенденции и результаты 188

Агапов М.Г. Михаил Константинович Сидоров глазами современников и потомков: к 200-летнему юбилею предпринимателя, мецената, «ревнителя Севера» 197

Щеглова Т.К. Практики по формированию исторического сознания в ветеранском и студенческом общественном движении Алтайского края в 1960–1980-е гг. 209

Информация для авторов 220

Список сокращений 223

На передней стороне обложки: глиняные изделия переходного от эпохи бронзы к раннему железному веку времени с памятников Нижнего Приишимья Борки 1 (фото слева, раскопки И.А. Сыркиной) и Марай 1 (раскоп 2016 г. В.А. Заха).

Contents

Archaeology

Shnaider S.V., Kasparov A.K., Filimonova T.G., Markovskii G.I., Baranova S.V., Chernonosov A.A., Koval V.V., Fedorchenko A.Yu. The results of re-examination of the Neolithic materials from the Ak-Tangi site (northern Tajikistan) 5

Zakh V.A. To the periodisation of the Transitional Period from the Bronze Epoch to Early Iron Age in the lower Ishim River basin 16

Seregin N.N., Matrenin S.S. An experience of social interpretation of the materials from the pre-Turkic necropolis of Choburak-I (Northern Altai) 31

Sultanova M.N., Kubaev S.Sh. Hairstyles of the Early Medieval Sogdiana (by the materials of carved wood from Kafirkala) 42

Zinyakov N.M., Poshekhonova O.E. Weaponry of the upper Taz River Selkups according to metallographic studies (based on materials from the Kikki-Akki burial ground) 52

Terekhina V.V. An experience of application of experimental-traceological analysis to ethnographic collections (the example of the ulu-knife of the Alutiiq Eskimos from Kodiak Island) 65

Gyurdzhoyan K.G., Tkachev Al.Al., Tkachev A.A. On the issue of Christianization of the population of the Taz River Subarctic (by the materials of the burial ground of Num-hibya-siheri VIa) 77

Koksharov S.F., Zykov A.P., Yakovleva E.A. Tal I — an archaeological site of the medieval principality of Emder 90

Rogozhinskiy A.E., Kaldybayeva G.A. On the boundaries of “Zhetysu” and “Semirechye” in scholarly works, Kazakh folklore and general fiction 106

Anthropoogy

Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Paleolithic inhabitants of Denisova Cave 116

Shirobokov I.G., Pavlova M.S. The impact of aging method on the age-at-death distribution: a case of medieval Staraya Ladoga skeletal sample 127

Ethnology

Konev A.Yu., **Adaev V.N.** The economy of the population of the Surgut Ob basin in the beginning of the 19th century through the eyes of a private zemsky commissar 139

Tomilov N.A. Food of the Siberian Tatars in the ethno-cultural processes of the 17th–18th centuries (by the materials of the culture of the Tomsk group of Tatars) 151

Moskovchenko D.V., Fedorov R.Yu., Tigeev A.A., Lonsky A.I., Slepchenko S.M. Landscape and climatic confinement of settlements of peasant-migrants of the late 19th — early 20th century on the territory of the Odessa district of the Omsk oblast 162

Dirin D.A., Shiyan P.A., Gudkovskikh M.V. Modern ethno-cultural differentiation of the territory of the Altai Republic 173

Uvarov S.N., Chernysheva N.V. Dynamics of the educational level of Udmurt women in the 1920s–1980s: main trends and results 188

Agapov M.G. Mikhail Konstantinovich Sidorov through the eyes of contemporaries and descendants: to the bicentenary of the entrepreneur, philanthropist and “zealot of the North” 197

Shcheglova T.K. Practices of the formation of historical consciousness in the veteran and student social movement of Altai Krai in the 1960s–1980s 209

Memo to the authors 220

Abbreviations 223

АРХЕОЛОГИЯ

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-1

УДК 903.01

Шнайдер С.В. [a, *], Каспаров А.К. [a, b], Филимонова Т.Г. [c], Марковский Г.И. [a], Баранова С.В. [d], Черноносов А.А. [d], Коваль В.В. [d], Федорченко А.Ю. [e]

[a] Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН
ул. Кутателадзе, 7/3, Новосибирск, 630090
[b] Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186
[c] Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ
ул. Рудаки, 33, Душанбе, 734000, Республика Таджикистан
[d] Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 8, Новосибирск, 630090
[e] Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com (Шнайдер С.В.); alexkas@yahoo.com (Каспаров А.К.); tatjanafilimonova@mail.ru (Филимонова Т.Г.); markovskyyy@gmail.com (Марковский Г.И.); swb@niboch.nsc.ru (Баранова С.В.); alexander.chernonosov@niboch.nsc.ru (Черноносов А.А.); koval@niboch.nsc.ru (Коваль В.В.); winteralex2008@gmail.com (Федорченко А.Ю.)

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОВТОРНОГО ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ СО СТОЯНКИ АК-ТАНЬГИ (СЕВЕРНЫЙ ТАДЖИКИСТАН)

Приводятся результаты переосмысления неолитических комплексов Гиссар I–VI стоянки Ак-Таньги, полевое изучение которой проводилось в середине XX в. На момент открытия в горной части Центральной Азии была изучена только гиссарская неолитическая культура, к которой и были отнесены материалы Ак-Таньги. На новом этапе исследований был осуществлен комплексный анализ архивных материалов и сохранившейся коллекции, которая включает палеофаунистические материалы, каменные и костяные артефакты, выполнены радиоуглеродное датирование и ZooMS-анализ для части костяных артефактов.

Ключевые слова: Центральная Азия, Памиро-Алай, неолит, каменная индустрия, костяные орудия.

Ссылка на публикацию: Шнайдер С.В., Каспаров А.К., Филимонова Т.Г., Марковский Г.И., Баранова С.В., Черноносов А.А., Коваль В.В., Федорченко А.Ю. Результаты повторного изучения неолитических материалов со стоянки Ак-Таньги (северный Таджикистан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 5–15. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-1

Введение

История исследования неолитических памятников горной части Центральной Азии насчитывает свыше полувека; за эти годы было открыто более сотни археологических объектов, предложены различные варианты их культурно-хронологической интерпретации. Выразительные комплексы открытых здесь памятников позднего каменного века характеризовались как яркие и информативные свидетельства существования самобытных культур: гиссарской, маркансуйской и обиширской [Исламов, 1980; Исламов, Тимофеев, 1986; Коробкова, 1996]. Комплексные исследования раннеголоценовых объектов Центральной Азии активизировались в последнее десятилетие; полученные данные позволили ответить на множество вопросов, связанных с хронологией, функциональностью и культурной атрибуцией изученных археологических комплексов, установить раннее появление в регионе скотоводства [Taylor et al., 2021; Шнайдер и др., 2021; Brancaleoni et al., 2022; Nishiaki et al., 2022].

В рамках современных исследований в качестве одного из опорных и информативных объектов эпохи неолита Центральной Азии рассматривается грот Ак-Таньги, расположенный на

* Corresponding author.

севере Таджикистана, на Туркестанском хребте, на высоте 2300 м над ур. м. (рис. 1). Памятник был открыт в 1959 г. и исследовался на протяжении пяти полевых сезонов в 1959, 1960, 1961, 1963 и 1966 гг. [Литвинский, 1973]. В результате раскопок было изучено 166 м^2 площади стоянки, выделены слои средневековья и античного времени, бронзового века (Бронза I и II), энеолита (Бронза III), неолита (Гиссар I–VI) и мезолита (Гиссар VII и VIII). В контексте проблематики культурно-хронологической вариабельности неолитических комплексов Центральной Азии наибольший интерес представляют материалы нижних культурных горизонтов грота Ак-Таньги — слоев Гиссар I–VI. Указанные подразделения изучались на нескольких участках площадью от 35 до 7 м^2; здесь встречены отдельные углистые пятна кострищ и каменные выкладки очагов.

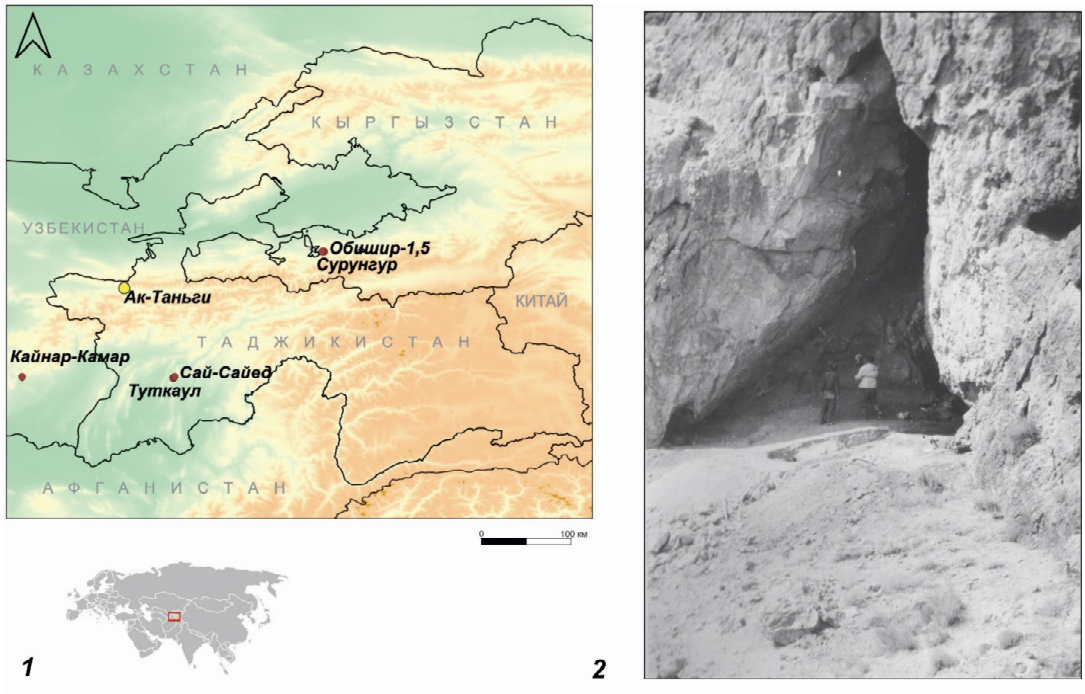


Рис. 1. Стоянка Ак-Таньги:
1 — карта расположения памятников, упоминаемых в работе; *2* — навес Ак-Таньги (фото из архива В.А. Ранова, ИИАиЭ АН РТ).
Fig. 1. Ak-Tangi site:
1 — the location of the sites mentioned in the paper; *2* — Ak-Tangi canopy (photo from the archive of V.A. Ranov, Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish of NAST).

На момент открытия и изучения памятника Ак-Таньги в 1960-е гг. в горной части Центральной Азии выделялась единственная неолитическая культура — гиссарская [Окладников, 1959; Ранов, 1985], к которой и были отнесены слои Гиссар I–VI; на долгое время указанная атрибуция закрепилась в историографии. Настоящая работа заключалась в повторном анализе сохранившихся археологических и фаунистических материалов стоянки Ак-Таньги с целью уточнения хронологии и культурной принадлежности выявленных здесь неолитических комплексов.

Материалы и методы исследования

Основная часть археологических материалов, послуживших источником исследования, находилась на хранении в ИИАиЭ АН РТ им. А. Дониша (г. Душанбе, Таджикистан), фаунистическая коллекция — в ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург); в последней представлены только фрагменты определимых костей — вероятно, в процессе полевых и лабораторных работ проводился предварительный отбор материала для последующего хранения, неопределимые кости отбраковывались. В рамках исследования была проанализирована вся коллекция фаунистического материала в количестве 434 ед. определимых костей. Сохранившаяся археологическая коллекция представлена артефактами из камня (n = 50) и кости (n = 5).

Радиоуглеродный анализ осуществлялся в лаборатории университета Познани (Польша), калибровка дат проводилась с помощью программы OxCal 4.4. version 162 и кривой IntCal 20 [Ramsey, 2023]. Для определения видовой принадлежности костных фрагментов использовался

традиционный зооархеологический метод с привлечением компаративных материалов из коллекции А.К. Каспарова и ЗИН РАН. Шесть артефактов из кости было проанализировано посредством ZooMS с использованием оборудования Центра масс-спектрометрического анализа ИХБФМ СО РАН; пробоподготовка образцов осуществлялась согласно общепринятым протоколам [Buckley et al., 2009; Brown et al., 2020]. Полученные результаты интерпретировались в соответствии с базой данных эталонных таксонов [Welker et al., 2016].

Технико-типологический анализ каменных артефактов выполнялся в рамках атрибутивного подхода. Фиксировались тип и форма скола; характер фрагментации и огранки дорсальной поверхности; тип латерального профиля и поперечного сечения, ударной площадки и ударного бугорка; наличие или отсутствие усиков и трещин на ударном бугорке, изъянца и карниза; угол ударной площадки, способ редуцирования ударной площадки. Изучение артефактов из кости базировалось на данных технологического и экспериментально-трасологического методов. Следы износа и обработки изучались посредством микроскопа «Альтами CM0745-T» при малом (×7,5–×30) и среднем увеличении (×30–×45), фотофиксация — камерой Canon EOS 5D Mark IV с объективом EF 100 mm f/2.8 Macro USM. Для интерпретации полученных результатов привлекались экспериментальные данные из опубликованных источников [Legrand, Sidéra, 2007; Bradfield, Brand, 2015; Orłowska et al., 2022]. 3D-моделирование артефактов осуществлялось посредством сканера RangeVision Spectrum; при визуализации артефактов и измерении морфометрических характеристик полученные модели обрабатывались в программах RangeVision ScanCentre, Geomagic Desing X, KeyShot 11 (trial версии).

Результаты исследования

Абсолютное датирование. В результате AMS-датирования было получено определение возраста по костному фрагменту из материалов слоя Гиссар IV — 7430 ± 50 (Poz-145011) / 8371–8052 л.н. (кал. Сигма 2). В рамках архивных изысканий, проведенных в ИИАиЭ АН РТ им. А. Дониша, были обнаружены записи В.А. Ранова, содержащие ранее не публиковавшиеся даты по образцам кости со стоянки Ак-Таньги: 5980 ± 380 (ЛЕ-429) / 7590–6000 л.н. (кал. Сигма 2) — слой Гиссар IV, 8785 ± 130[1] / 10 177–9545 л.н. (кал. Сигма 2) — слой Гиссар VI, или Мезолит I.

Археозоологические исследования. Для изученного фаунистического материала характерна хорошая сохранность, следы выветривания отмечены лишь на малом количестве образцов. Из нижних слоев остеологические материалы представлены в слоях I–VI, при этом в I, V, VI — исключительно кости мелкой фауны и птиц (табл. 1). В слоях III, IV также обнаружены кости ovicaprine, большая часть которых, согласно морфометрическим характеристикам, относится к диким видам. При этом для части костных остатков однозначное видовое определение затруднено, поскольку по морфологическим признакам и размерным характеристикам они могут относиться как к диким, так и к доместицированным ovicaprine. Примечательным является обнаружение в слое Гиссар III задней копытной фаланги кулана *Equus hemionus* Pall. и центральнозаплюсневой кости джейрана *Gazella subgutturosa* Guld. Среди остеологических остатков во всех слоях выявлено заметное количество костей зайца и птиц.

В результате ZooMS-анализа были получены данные о видовой принадлежности фаунистических материалов, послуживших основой для производства двух костяных орудий — шильев. Один образец сохранил пептиды с m/z 1105,6; 1180,6; 1196,6; 1427,7; 1580,8; 1648,8; 2131,1; 2792,5; 2883,4; 3033,5 и относится к роду *Ovis.* Второй образец сохранил пептиды с m/z 1105,6; 1427,7; 2131,1; 2883,5; 3093,5 и показывает возможную принадлежность к родам *Capra* или *Reindeer*, у образца не зафиксированы пептиды A и A', благодаря которым их можно было бы подразделить. Учитывая район расположения стоянки, можно с уверенностью исключить обнаружение костей северного оленя и связывать эти образцы с представителями рода *Capra*.

Анализ археологической коллекции. В результате анализа было установлено, что каменные артефакты слоев Гиссар I–VI обладают схожими технико-типологическими характеристиками, наибольшее их число происходит из слоев Гиссар V и VI (табл. 2). В коллекции преобладают пластинки с продольной огранкой дорсальной поверхности (n = 40), большинство из которых представлено медиально-проксимальными и медиальными фрагментами. Пластинки с сохранившейся проксимальной частью имеют прямые точечные или линейные остаточные площадки, подработанные посредством абразивной подработки, расплывчатый ударный бугорок и вентральный карниз; изъянец, усики и трещины в большинстве случаев отсутствуют. Длина це-

[1] Лабораторный номер для даты отсутствовал.

лых сколов варьирует от 17 до 25 мм (единично — до 56 мм), ширина — 4–7 мм, толщина — 1–2 мм. Фиксируемое сочетание признаков указывает на получение пластинок в технике отжима [Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2014]. Почти половина пластинок несет следы вентральной (*n* = 11), дорсальной (*n* = 4), притупления (*n* = 2) или утилизационной (*n* = 2) ретуши (рис. 2). Остальные каменные артефакты коллекции представлены отщепами (*n* = 4), чешуйками (*n* = 3), обломками (*n* = 4) без следов модификации или утилизации.

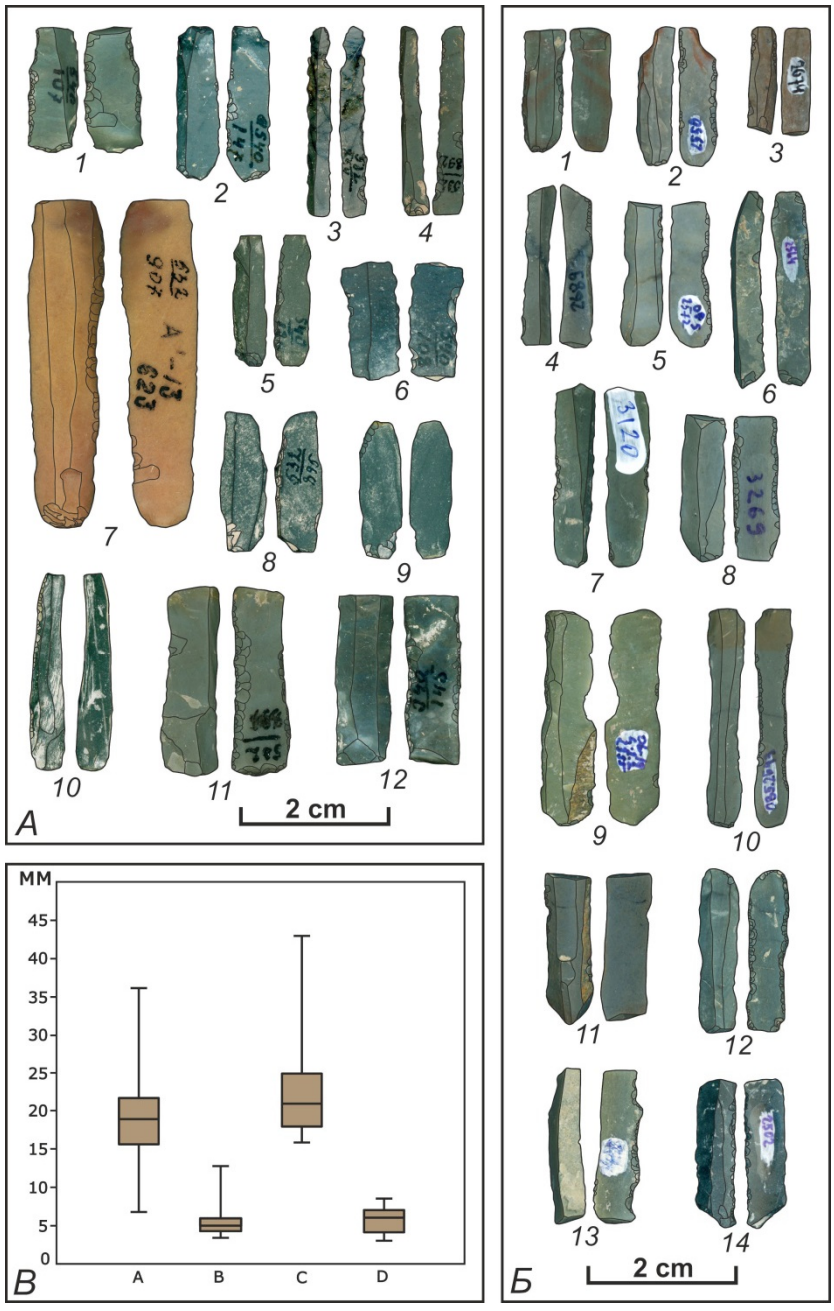


Рис. 2. Каменная индустрия со стоянок Ак-Таньги и Обишир-5:
А — пластинки с вентральной ретушью со стоянки Ак-Таньги (слои Гиссар IV–VI); *Б* — пластинки с вентральной ретушью со стоянки Обишир-5 (слои 2, 3); *В* — диаграмма размаха длины (A) и ширины (B) пластинок с вентральной ретушью из Ак-Таньги и длины (C) и ширины (D) пластинок с вентральной ретушью из Обишир-5.

Fig. 2. Lithic industry from the Ak-Tangi and Obishir-5 sites:
A — bladelets with ventral retouch from Ak-Tangi site (layers Gissar IV–VI); *Б* — bladelets with ventral retouch from Obishir-5 site (layers 2, 3); *B* — boxplot of length (A) and width (B) of bladelets with ventral retouch from Ak-Tangi and length (C) and width (D) of bladelets with ventral retouch from Obishir-5.

В результате анализа археологической коллекции было выявлено пять формальных орудий, выполненных из фрагментов стенок трубчатых костей крупных млекопитающих: мелкие фрагменты игл (*n* = 3) и шилья (*n* = 2). Было установлено, что одно изделие с шифром 532/357, ранее атрибутированное В.А. Рановым в качестве шила, не имеет следов искусственной модификации и следов работы.

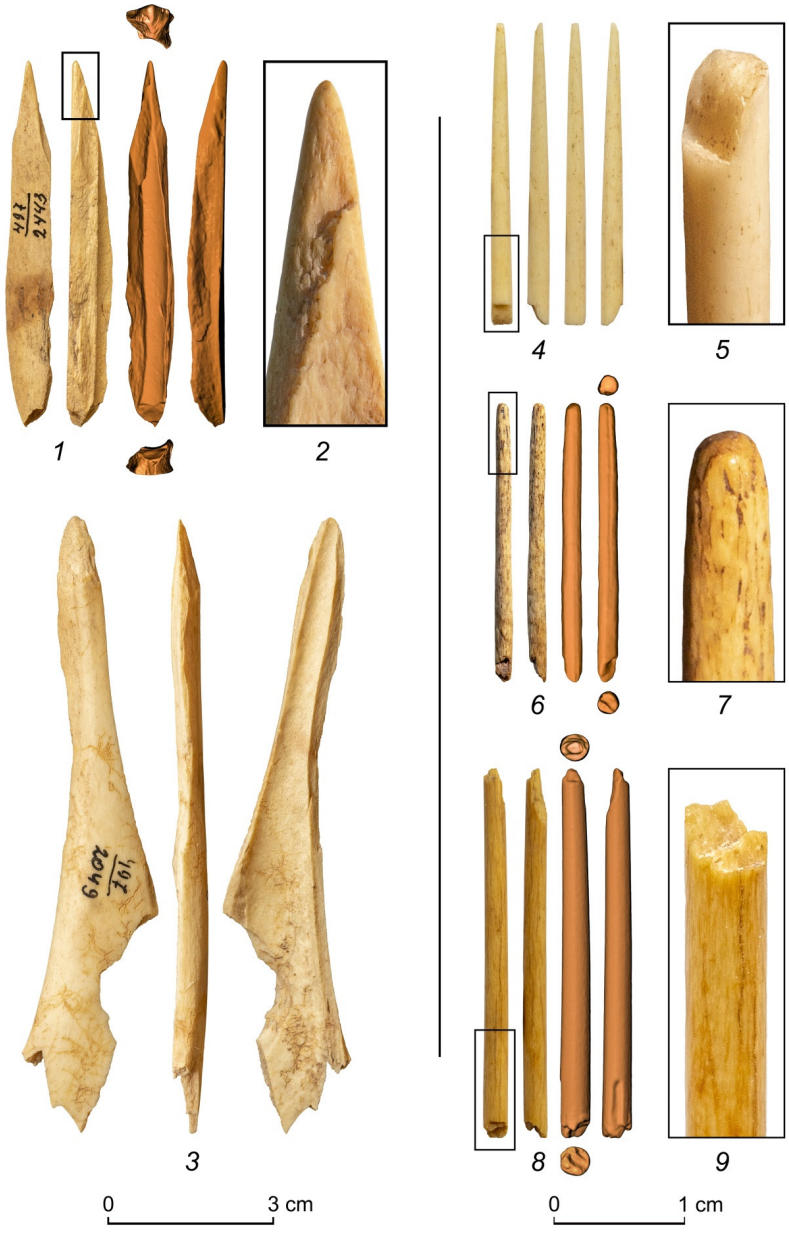


Рис. 3. Костяные орудия гиссарской культуры со стоянки Ак-Таньги:
1, *3* — шилья из слоя Гиссар III; *2* — следы обработки и износа на дистальном окончании шила;
4, *6* — иглы из слоя Гиссар V; *5* — следы слома со ступенчатым окончанием на кончике иглы; *7* — следы износа;
8 — игла из слоя Гиссар VI; *9* — следы слома занозистой формы на кончике иглы.
Fig. 3. Bone tools of the Hissar Culture from the Ak-Tangi site:
1, 3 — awls from the Hissar III layer; *2* — traces of processing and wear on the distal end of the awl;
4, 6 — needles from the Hissar V layer; *5* — traces of breakage with a stepped end on the tip of the needle; *7* — traces of wear;
8 — needle from the Hissar VI layer; *9* — traces of splinter-shaped breakage on the tip of the needle.

Шилья (*n* = 2) узкой удлиненной формы имеют прямой профиль и сечение, варьирующее по форме от проксимальной к дистальной части — от подпрямоугольной или плоско-выпуклой до овальной и округлой. Использование 3D-моделирования позволило уточнить размеры артефак-

тов: длина — 65,87–111,30 мм, ширина — 8,58–18,20 мм, толщина — 5,60–6,92 мм. Первое орудие (рис. 2, *1*) имеет выделенные плечики, отделяющие рабочий кончик от медиальной части. Поверхность шила в дистальной части подработана шлифовкой [Orłowska et al., 2022]. Признаки использования абразива в виде рядов из тонких линейных следов, ориентированных поперечно длинной оси орудия, прослежены на гранях и одной из широких сторон изделия. Второе шило (рис. 2, *3*) несет признаки аккомодации поверхности мелкими краевыми сколами по одной из граней. На макроуровне кончики покрыты матовой обволакивающей заполировкой от прокалывания кожи или тщательно выделанной шкуры (рис. 4, *2*) [Legrand, Sidéra, 2007]. Поверхности изделий в медиальной и проксимальной частях залощены, вероятно, от удержания в руке.

Иглы коллекции представлены дистальными (n = 2) (рис. 3, *4, 6*) и медиальными (n = 1) фрагментами (рис. 4, *8*), имеющими прямой профиль и округлое поперечное сечение. Посредством 3D-сканирования были уточнены метрические параметры изделий: длина — 21,70–33,10 мм, ширина и толщина — 1,50–2,50 мм. Поверхности игл тщательно выровнены и заглажены шлифовкой, признаки использования которой в большинстве случаев перекрывают линейные следы от формообразующей обработки строганием. На макроуровне поверхности всех игл сильно залощены от использования (рис. 3, *7*), дистальные и проксимальные концы изделий несут признаки поперечного слома ступенчатой, петлеобразной или занозистой формы (рис. 3, *5, 9*), что указывает на фрагментацию вследствие чрезмерного изгиба и/или сильного нажима в процессе шитья [Bradfield, Brand, 2015].

Обсуждение и заключение

На момент открытия в 1960-е гг. гиссарская культура являлась единственной общностью эпохи неолита, известной в горной части Центральной Азии [Окладников, 1959; Ранов, 1985]. Индустрии этой культуры было присуще сочетание галечного расщепления для получения крупных отщепов и утилизации объемных призматических нуклеусов для производства пластинок и крупных пластинчатых сколов. В орудийном наборе выделялись скребла на крупных отщепах, концевые скребки, симметричные трапеции и треугольники, выемчатые изделия, единично — вкладыши серпов, терочники и изделия со шлифовкой — топоры, ножи и долотовидные орудия; небольшими сериями представлены костяные шилья и украшения [Юсупов, 1975; Ранов, 1985]. Подавляющее большинство памятников гиссарской культуры расположено в Афгано-Таджикской депрессии и среднегорьях Гиссаро-Алая; ключевые объекты — поселения Туткаул, Сай-Сайод, Кангурттут, Тегузак и Куй-Бульон.

Таблица 1

Состав фаунистических коллекций неолитических слоев стоянки Ак-Таньги

Table 1

Composition of faunal collections from the Neolithic layers of the Ak-Tangi site

Определение	Гиссар I	Гиссар III	Гиссар IV	Гиссар V	Гиссар VI
Ушастый еж *Hemiechinus auritus* Gmel.	—	—	5	—	—
Кости п/к скелета мелких грызунов	3	2	—	—	—
Сурок *Marmota caudata* Geoffr.	—	—	—	—	3
Пищуха *Ochotona rutila* Severtzov.	—	1	5	—	—
Заяц *Lepus tolai* Pall	41	43	57	18	3
Кулан *Equus hemionus* Pall.	—	1	—	—	—
Джейран *Gazella subgutturosa* Guld.	—	1	—	—	—
Дикий баран *Ovis ammon* L.	—	1	2	—	—
Дикий козел *Capra sibirica* Pall.	—	—	1	—	—
Козел или баран дикие	—	12	25	—	—
Овца или коза дикая или домашняя	—	20	28	1	15
Овца или коза домашняя	—	5	31	—	1
Кости птиц	27	24	45	7	3
Итого	71	110	199	26	25

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. были открыты и исследовались памятники Обишир-1 и -5 в Ферганской долине; материалы этих стоянок послужили основой для выделения обиширской мезолитической культуры [Исламов, 1980]. Согласно построениям У.И. Исламова, эти объекты характеризуют ранний этап обиширской культуры, более поздний этап ее развития представлен материалами памятников Центральной Ферганы: Тайпак, Узункуль и Мадьяр [Исламов, Тимофеев, 1986]. Возобновление комплексных исследований позволило уточнить хронологическую и культурную атрибуцию стоянок обиширской группы. Было установлено, что в основе их каменных

индустрий лежало расщепление объемных и торцовых микронуклеусов, орудийный набор включал пластинки с ретушью, концевые скребки, проколки, долотовидные изделия, трапецию [Шнайдер и др., 2019]. Своеобразие этим комплексам придавали каменные украшения и шилья из костей ovicaprine. Археозоологический анализ материалов памятника Обишир-5 выявил присутствие домашних овец. Возраст обиширских комплексов укладывается в диапазон 9,5–6,5 тыс. кал. л.н. [Taylor et al., 2021].

Таблица 2

Состав каменных артефактов из неолитических слоев стоянки Ак-Таньги

Table 2

Lithic assemblage of the Neolithic layers from the Ak-Tangi site

Определение	Гиссар IV	Гиссар IV–VI	Гиссар V	Гиссар VI	Слой не указан
Пластинка	—	7	21	12	—
Отщеп	1	—	—	—	2
Отходы производства (обломки, осколки, чешуйки)	—	1	2	4	—
Итого	1	8	23	16	2

Ревизия материалов стоянки Ак-Таньги позволила уточнить хронологию археологических комплексов Гиссар I–VI. В предыдущие годы для этих слоев было получено две даты, указывающие на заселение грота человеком в период от 10 до 6 тыс. кал. л.н. (Гиссар VI / Мезолит I — Гиссар IV). Новое AMS-определение укладывается в указанную хронологию, демонстрируя возраст 8,3–8 тыс. кал. л.н. В изученной палеофаунистической коллекции было отмечено присутствие преимущественно диких видов животных — зайцев, ovicaprine, джейрана, кулана, барса и др.

Результаты анализа археологической коллекции свидетельствуют, что в индустрии слоев Гиссар I–VI стоянки Ак-Таньги доминируют пластинки с ретушью, аналогичные по типологии, размерным характеристикам и характеру вторичной обработки орудиям из обиширских комплексов (рис. 2). В 70 % случаев вентральная ретушь наносилась на один продольный край заготовок, противоположный край несет следы утилизационной ретуши. Подобное сочетание обработки и следов утилизации может указывать на использование пластинок в качестве составных орудий со схожим функциональным назначением [Shnaider et al., 2017; Шнайдер и др., 2019]. Фиксируемые в материалах Ак-Таньги костяные шилья широко представлены в неолитических комплексах прилегающих районов Центральной Азии: Обишир-5 [Исламов, 1980], Кайнар-Камар [Nishiaki et al., 2022], Сурунгур [Шнайдер и др., 2021], Сай-Сайод [Скакун и др., 2014], Туткаул [Ранов, Коробкова, 1971]. Иглы с ушком обнаружены пока только на памятниках Сай-Сайод и в Истыкской пещере [Скакун и др., 2014; Шнайдер и др., 2019]. Использование таких специализированных инструментов, как костяные шилья и иглы, связывается с изготовлением теплой одежды [Федорченко, Белоусова, 2021]. Швейные орудия из кости широко распространены в период неолита, присутствие таких изделий на памятниках Центральной Азии вряд ли возможно рассматривать в качестве культурной особенности.

В целом, результаты исследования позволяют поднять вопрос о пересмотре культурной принадлежности материалов неолитических комплексов стоянки Ак-Таньги. Материалы неолитических слоев этого памятника хронологически синхронны комплексам Обишир-1 и -5, каменные индустрии слоев Гиссар I–VI демонстрируют хоть и редуцированный, но схожий состав орудийного набора, близкий по типологии и характеру вторичной обработки индустриям обиширской группы. Стоянки Обишир-1, -5 и Ак-Таньги представляют собой скальные навесы и расположены в сходной географической зоне — в среднегорном поясе Туркестанского и Алайского хребтов, что окаймляют Ферганскую долину с юга. Результаты анализа материалов памятника Ак-Таньги открывают перспективы для поиска и обнаружения остатков одомашненных видов животных (овец и коз) в раннем хронологическом контексте. В настоящий момент для материалов этой стоянки проводится генетический анализ, который позволит подтвердить или опровергнуть гипотезу относительно типа хозяйства, схожего с таковым у обитателей обиширских стоянок.

Благодарности. Авторы выражают признательность сотрудникам ИИАиЭ АН РТ за многолетнее плодотворное сотрудничество: директору д.и.н. Н.К. Убайдулло, заведующему отделом археологии к.и.н. Н.Н. Сайфуллоеву и н.с. Т.У. Худжагелдиеву.

Финансирование. Изучение архивных материалов, каменной индустрии, палеофаунистической коллекции, сравнительный анализ с неолитическими индустриями горной части Центральной Азии выполнены в рамках проекта РНФ №19-78-10053. Анализ костяных орудий проведен при поддержке проекта Пре-

зидента РФ МК-882.2022.2. Радиоуглеродное датирование проведено при поддержке Национального научного центра Польши (грант № 2018/29/B/ST10/00906).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исламов У.И. Обиширская культура. Ташкент: ФАН, 1980. 147 с.

Исламов У.И., Тимофеев В.И. Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент: ФАН, 1986. 304 с.

Коробкова Г.Ф. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 87–135. (Археология СССР).

Литвинский Б.А. Археологические работы в Таджикистане в 1962–1970 гг.: (Некоторые итоги и проблемы // Археологические работы в Таджикистане. 1973. Т. 10. С. 5–41.

Окладников А.П. О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. (в Гиссарской и Дангаринской долинах) // Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР, 1959. Вып. 5. С. 5–20.

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник Новосиб. ун-та. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 5: Археология и этнография. С. 26–36.

Ранов В.А. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 10–35.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. 1971. № 2. С. 133–147.

Скакун Н.Н., Филимонова Т.Г., Юсупов А.Х., Кутимов Ю.Г. Костяные орудия и украшения неолитического поселения Сай-Сайед (Таджикистан) // Археология древних обществ Евразии: Хронология, культурогенез, религиозные воззрения: Памяти В.А. Массона. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2014. С. 53–61.

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. Хронология и культурная атрибуция древнейших костяных игл верхнего палеолита Сибири // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 1. С. 217–247.

Шнайдер С.В., Жилич С.В., Федорченко А.Ю., Рендю В., Пархомчук Е.В., Алишер кызы С., Оленченко В.В., Цибизов Л.В., Сердюк Н.В., Зеленков Н.В., Чаргынов Т.Т., Кривошапкин А.И. Сурунгур — новый памятник раннего голоцена в Ферганской долине // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 2. С. 319–337.

Шнайдер С.В., Сайфулоев Н.Н., Алишер-кызы С., Рудая Н.А., Дедов И.Е., Зоткина Л.В., Жуков В.А., Караев А., Наврузбеков М., Алексейцева В.В., Кривошапкин А.И. Первые данные изучения многослойного памятника Истыкская пещера (Восточный Памир, Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 293–298.

Юсупов А.Х. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана // СА. 1975. № 2. С. 138–147.

Bradfield J., Brand T. Results of utilitarian and accidental breakage experiments on bone points // Archaeological and Anthropological Sciences. 2015. Vol. 7. Iss. 1. P. 27–38.

Brancaleoni G., Shnaider S., Osipova E., Danukalova G., Kurbanov R., Deput E., Alisher kyzy S., Abdykanova A., Krajcarz M.T. Depositional history of a talus cone in an arid intermontane basin in Central Asia: An interdisciplinary study at the Late Pleistocene — Late Holocene Obishir-I site, Kyrgyzstan // Geoarchaeology. 2022. Vol. 37. P. 350–373.

Brown S., Hebestreit S., Wang N., Boivin N., Douka K., Richter K.K. Zooarchaeology by Mass Spectrometry (ZooMS) for bone material — Acid insoluble protocol. 2020. [Web Document]. https://doi.org/10.17504/protocols.io.bf43jqyn

Buckley M., Collins M., Thomas-Oaies J., Wilson J.C. Species identification by analysis of bone collagen using matrix-assisted laser desorption/ionisation time-of-flight mass spectrometry // Rapid Communications in Mass Spectrometry. 2009. № 23. P. 3843–3854.

Legrand A., Sidéra I. Methods, Means, and Results When Studying European Bone Industry // Bones as tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 67–79.

Nishiaki Y., Aripdjanov O., Arai S., Akashi C., Nakata H., Sayfullayev B., Ergashev O., Suleimanov R. Neolithization during the 6th millennium BCE in western Central Asia: New evidence from Kaynar Kamar Rockshelter, Hissar Mountains, Southeast Uzbekistan // Archaeology Research in Asia. 2022. Vol. 30. 100352.

Orłowska J., Ćwiek M., Osipowicz G. Was it ground? A closer look at various prehistoric bone grinding techniques — An experimental and traceological study // Journal of Archaeological Science: Reports. 2022. Vol. 46. 103675.

Ramsey C.B. Radiocarbon Calibration: from bane to blessing // Radiocarbon. 2023. P. 1–11.

Taylor W.T.T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia // Nature Human Behaviour. 2021. Vol. 5. P. 1169–1179.

Welker F., Hajdinjak M., Talamo S., Jaouen K., Dannemann M., David F., Julien M., Meyer M., Kelso J., Barnes I., Brace S., Kamminga P., Fischer R., Kessler B.M., Stewart J.R., Pääbo S., Collins M.J., Hublin J. Palaeoproteomic Evidence Identifies Archaic Hominins Associated with the Châtelperronian at the Grotte Du Renne // PNAS. 2016. Iss. 113 (40). P. 11162–11167.

Shnaider S.V. [a, *], Kasparov A.K. [a, b], Filimonova T.G. [c], Markovskii G.I. [a], Baranova S.V. [d], Chernonosov A.A. [d], Koval V.V. [d], Fedorchenko A.Yu. [e]

[a] International Laboratory "Archaeozoology in Siberia and Central Asia" ZooSCAn, IRL 2013, National Research Center — Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Kutateladze st., 7/3, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
[b] Institute for the History of Material Culture RAS
Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation
[c] Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish of NAST
Rudaki ave., 33, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan
[d] Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine SB RAS
Akademika Lavrentieva prosp., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
[e] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Akademika Lavrentieva prosp., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com (Shnaider S.V.); alexkas@yahoo.com (Kasparov A.K.); tatjanafilimonova@mail.ru (Filimonova T.G.); markovskyyy@gmail.com (Markovskii G.I.); swb@niboch.nsc.ru (Baranova S.V.); alexander.chernonosov@niboch.nsc.ru (Chernonosov A.A.); koval@niboch.nsc.ru (Koval V.V.); winteralex2008@gmail.com (Fedorchenko A.Yu.)

The results of re-examination of the Neolithic materials from the Ak-Tangi site (northern Tajikistan)

The paper reports on the results of reinterpretation of the Neolithic complexes of Hissar I–IV of the Ak-Tangi site, a field study of which was carried out in the middle of the 20th century. At the time of its discovery, only the Hissar Neolithic Culture had been studied in the mountainous part of Central Asia, which the Ak-Tangi materials were attributed to. At the new stage of the research, a comprehensive analysis of the archival materials and surviving collection, which comprises palaeofaunal materia and lithic and bone artefacts, was performed, and radiocarbon dating and ZooMS-analysis were employed on some of the bone artefacts.

Keywords: Central Asia, Pamir-Alai, Neolithic, lithic industry, bone tools.

Acknowledgements. The authors would like to express their gratitude to the members of the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish of NAST for many years of fruitful cooperation: Director, Dr. N.K. Ubaidullo, Head of the Department of Archaeology, Dr. N.N. Saifulloev, and Dr. T.U. Khudzhageldiev.

Funding. The study of archival materials, lithic industry, paleofaunistic collection, comparative analysis with Neolithic industries of the mountainous part of Central Asia was carried out within the framework of the RSF project № 19-78-10053. The analysis of bone implements was supported by the Russian President's project MK-882.2022.2. Radiocarbon dating was supported by the National Science Center of Poland (grant No. 2018/29/B/ST10/00906).

REFERENCES

Bradfield, J., Brand, T. (2015). Results of utilitarian and accidental breakage experiments on bone points. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 7(1), 27–38.

Brancaleoni, G., Shnaider, S., Osipova, E., Danukalova, G., Kurbanov, R., Deput, E., Alisher kyzy, S., Abdykanova, A., Krajcarz, M.T. (2022). Depositional history of a talus cone in an arid intermontane basin in Central Asia: An interdisciplinary study at the Late Pleistocene — Late Holocene Obishir-I site, Kyrgyzstan. *Geoarchaeology*, (37), 350–373.

Brown, S., Hebestreit, S., Wang, N., Boivin, N., Douka, K., Richter, K.K. (2020). Zooarchaeology by Mass Spectrometry (ZooMS) for bone material — Acid insoluble protocol. [Web Document]. https://doi.org/10.17504/protocols.io.bf43jqyn

Buckley, M., Collins, M., Thomas-Oaies, J., Wilson, J.C. (2009). Species identification by analysis of bone collagen using matrix-assisted laser desorption/ionisation time-of-flight mass spectrometry. *Rapid Communications in Mass Spectrometry*, (23), 3843–3854.

Fedorchenko, A.Ju., Belousova, N.E. (2021). Chronology and cultural attribution of ancient bone needles of Upper Paleolithic in Siberia. *Stratum Plus. Arheologija i kul'turnaja antropologija*, (1), 217–247. (Rus.).

Islamov, U.I. (1980). *Obishirian culture*. Tashkent: FAN. (Rus.).

Islamov, U.I., Timofeev, V.I. (1986). *The Culture of Stone Age of the Central Fergana*. Tashkent: FAN, 1986. (Rus.).

Jusupov, A.H. (1975). Neolithic settlement of Say-Sayod on the south-west of Tajikistan. *Sovetskaja archeologija*, (2), 138–147. (Rus.).

Korobkova, G.F. (1996). Middle Asia and Kazakhstan: *Neolit Severnoi Evrasii (Archeologia SSSR)*. Moscow: Nauka, 87–135. (Rus.).

Legrand, A., Sidéra, I. (2007). Methods, Means, and Results When Studying European Bone Industry. *Bones as tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies.* Oxford: Archaeopress, 67–79.

* Corresponding author.

Litvinskij, B.A. (1973). Archaeological work in Tajikistan in 1962–1970: (Some results and problems). *Arheologicheskie raboty v Tadzhikistane*, (10), 5–41. (Rus.).

Nishiaki, Y., Aripdjanov, O., Arai, S., Akashi, C., Nakata, H., Sayfullayev, B., Ergashev, O., Suleimanov, R. (2022). Neolithization during the 6th millennium BCE in western Central Asia: New evidence from Kaynar Kamar Rockshelter, Hissar Mountains, Southeast Uzbekistan. *Archaeology Research in Asia*, (30), 100352.

Okladnikov, A.P. (1959). About the work on study Stone Age in Tajikistan in 1957 (in Hissar and Dangara valleys). *Arheologicheskie raboty v Tadzhikistane v 1957 g.*, (5), 5–20. (Rus.).

Orłowska, J., Ćwiek, M., Osipowicz, G. (2022). Was it ground? A closer look at various prehistoric bone grinding techniques — An experimental and traceological study. *Journal of Archaeological Science: Reports*, (46), 103675.

Pavlenok, G.D., Pavlenok, K.K. The pressure technology on stone age: the review of English and Russian literature. *Vestnik Novosibirskogo universiteta. Serija Istorija, filologija*, 5(13). 26–36. (Rus.).

Ramsey, C.B. (2023). Radiocarbon Calibration: from bane to blessing. *Radiocarbon*, 1–11.

Ranov, V.A. (1985). Hissar culture — Neolithic of mountain regions of Central Asia (genesis, spread and charactristics). *Kamennyj vek Severnoj, Srednej i Vostochnoj Azii.* Novosibirsk: Nauka, 10–35. (Rus.).

Ranov, V.A., Korobkova, G.F. (1971). Tutkaul — multilayered settlements of Hissar culture in South Tajikistan. *Sovetskaja arheologija*, (2), 133–147. (Rus.).

Skakun, N.N., Filimonova, T.G., Jusupov, A.H., Kutimov, Ju.G. (2014). Bone tools and ornamentations of the Neolithic settlement Say-Sayod (Tajikistan). *Arheologija drevnih obshhestv Evrazii: Hronologija, kul'turogenez, religioznye vozzrenija: Pamjati V.A. Massona.* St. Petersburg: Izd-vo IIMK RAN, 53–61. (Rus.).

Shnaider, S.V., Sajfuloev, N.N., Alisher-kyzy, S., Rudaja, N.A., Dedov, I.E., Zotkina, L.V., Zhukov, V.A., Karaev, A., Navruzbekov, M., Aleksejceva, V.V., Krivoshapkin, A.I. (2019). First results on study of multilayer site Istikskaya cave (Eastern Pamit, Tajikistan). *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*, 25. Novosibirsk: Izd-vo IAJeT SO RAN, 293–298. (Rus.).

Shnaider, S.V., Zhilich, S.V., Fedorchenko, A.Ju., Rendu, V., Parhomchuk, E.V., Alisher kyzy, S., Olenchenko, V.V., Cibizov, L.V., Serdjuk, N.V., Zelenkov, N.V., Chargynov, T.T., Krivoshapkin, A.I. (2021). Surungur — new Early Holocene site in Fergana valley. *Stratum plus. Arheologija i kul'turnaja antropologija*, (2), 319–337. (Rus.).

Taylor, W.T.T., Pruvost, M., Posth, C., Rendu, W., Krajcarz, M.T., Abdykanova, A., Brancaleoni, G., Spengler, R., Hermes, T., Schiavinato, S., Hodgins, G., Stahl, R., Min, J., Alisher kyzy, S., Fedorowicz, S., Orlando, L., Douka, K., Krivoshapkin, A., Jeong, C., Warinner, C., Shnaider, S. (2021). Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia. *Nature Human Behaviour*, (5), 1169–1179.

Welker, F., Hajdinjak, M., Talamo, S., Jaouen, K., Dannemann, M., David, F., Julien, M., Meyer, M., Kelso, J., Barnes, I., Brace, S., Kamminga, P., Fischer, R., Kessler, B.M., Stewart, J.R., Pääbo, S., Collins, M.J., Hublin, J. (2016). Palaeoproteomic Evidence Identifies Archaic Hominins Associated with the Châtelperronian at the Grotte Du Renne. *PNAS*, 113(40), 11162–11167.

Шнайдер С.В., https://orcid.org/0000-0003-2230-4286
Каспаров А.К., https://orcid.org/0000-0001-7761-9301
Марковский Г.И., https://orcid.org/0000-0003-2698-707X
Баранова С.В., https://orcid.org/0000-0001-9228-3025
Черноносов А.А., https://orcid.org/0000-0001-8362-2443
Коваль В.В., https://orcid.org/0000-0002-2577-2184
Федорченко А.Ю., https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

Сведения об авторах:

Шнайдер Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

Каспаров Алексей Каспарович, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; старший научный сотрудник, Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

Филимонова Татьяна Германовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, Душанбе, Республика Таджикистан.

Марковский Григорий Иванович, младший научный сотрудник, Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

Баранова Светлана Владимировна, кандидат химических наук, научный сотрудник, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, Новосибирск.

Черноносов Александр Анатольевич, доктор химических наук, ведущий научный сотрудник, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, Новосибирск.

Коваль Владимир Васильевич, кандидат хиических наук, директор, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, Новосибирск.

Федорченко Александр Юрьевич, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

About the authors:

Shnaider, S.V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the International Laboratory "Archaeozoology in Siberia and Central Asia" ZooSCAn, IRL 2013, National Center for Scientific Research — Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

Kasparov, A.K., Candidate of Historical Sciences, Head of the Laboratory, Institute for the History of Material Culture, St. Petersburg; Senior Researcher of the International Laboratory “Archaeozoology in Siberia and Central Asia” ZooSCAn, IRL 2013, National Center for Scientific Research — Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk.

Filimonova, T.G., Candidate of Historical Sciences, Main Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish of NAST, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

Grigory, I.M., Junior Researcher of the International Laboratory “Archaeozoology in Siberia and Central Asia” ZooSCAn, IRL 2013, National Center for Scientific Research — Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk.

Baranova, S.V., Candidate of Chemical Sciences, Researcher at the Center for Mass Spectrometric Analysis — Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine SB RAS, Novosibirsk.

Chernonosov, A.A., Habil. in Chemical Sciences, Main Researcher at the Center for Mass Spectrometric Analysis — Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine SB RAS, Novosibirsk.

Koval, V.V., Candidate of Chemical Sciences, Director of the Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine SB RAS, Novosibirsk.

Fedorchenko, A.Yu., Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 30.05.2024

Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-2

УДК 902.01

Зах В.А.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишеский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: viczakh@mail.ru

К ПЕРИОДИЗАЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ

В конце I тыс. до н.э. в Нижнем Приишимье, как и на сопредельных южнотаежных и лесостепных притобольских и приртышских территориях, в меняющихся природных условиях и при усиливающемся притоке мигрантов из таежных областей формируются культуры, предшествующие становлению культурных образований раннего железного века. Носители традиций с крестовой орнаментацией посуды, проникая в лесостепь, смешивались с аборигенным скотоводческим позднебронзовым населением. Сложившиеся в результате культурные комплексы усть-утякский, красноозерский, позднеирменский и завьяловский, судя по материалам, представляют этапы в рамках переходного периода, который, на наш взгляд, следует считать продолжавшимся вплоть до утверждения стабильных саргатской и большереченской культур. В Нижнем Приишимье этот период, вероятно, охватывает время от сложения красноозерской культуры (приишимский вариант), включая этапы ее развития: ефимовский, борковский, марайский, лихачевский, до появления саргатских комплексов. У населения Нижнего Приишимья и сопредельных территорий в этот период сохраняются таежные традиции: практикуется строительство укрепленных поселков с наземными жилищами, захоронения совершаются в грунтовых могильниках или существует иной способ погребения. Прослеживается быстрая смена материальной культуры. Вероятно, с IV в. до н.э. происходит переориентация на традиции лесостепных и степных культур. Отмечаются углубленные в грунт жилища и обряд захоронения под курганными насыпями. Аналогичные процессы с разными нюансами наблюдаются практически по всей территории лесостепной и южно-таежной полосы Западной Сибири.

Ключевые слова: Нижнее Приишимье, переходный период, красноозерская культура, ефимовский, борковский, марайский, лихачевский этапы, процесс развития, периодизация.

Ссылка на публикацию: Зах В.А. К периодизации переходного времени от бронзы к раннему железу в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 2. С. 16–30. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-2

Введение

По имеющимся материалам, в переходное от эпохи бронзы к железу время, в меняющихся природных условях, на лесостепных пространствах Западной Сибири, с одной стороны, в связи с кризисом позднебронзовой экономики произошло сокращение автохтонного населения, с другой — отмечаются признаки миграции с севера носителей традиции с крестовой и струйчатой орнаментацией керамики. Демографические изменения были значительны. Если на территории Нижнего Притоболья известно более 50 позднебронзовых (бархатовской культуры) поселений [Матвеев, Аношко, 2009], то к началу переходного времени относится один исследованный памятник — городище Усть-Утяк 1, в комплексе которого присутствует керамика, близкая к посуде бархатовской и гамаюнской культур, а также синкретичного облика [Кайдалов, Сечко, 2006]. В Приобье насчитывается более 83 открытых ирменских поселений и могильников [Матвеев, 1993], а памятников переходного времени — около 10. Число памятников этого времени в Барабе также незначительно, наиболее изученным является городище Чича 1 [Молодин и др., 2001, 2004, 2009]. В Приишимье и Прииртышье в пределах ареала позднебронзовой сузгунской культуры с производящей и присваивающей экономикой отмечается наибольшее количество комплексов переходного времени — около 50. Вышеприведенное распределение памятников на лесостепной территории от Притоболья до Приобья показывает, что уклады экономики, в основе которых было скотоводство, пришли в упадок, по-видимому, вследствие изменения природных условий в сторону увлажнения: длительные весенние половодья сокращали доступ к ресурсам на пойменных угодьях [Зах и др., 2008]. Жизнеобеспечение сузгунского населения базировалось на комплексном хозяйстве, включавшем как производящие, так и присваивающие формы. Ограничение, в частности, кормовой базы при придомном скотоводстве, когда необхо-

димо было заготавливать животным корма на зиму, подорвало экономику коллективов с производящим хозяйством. Сузгунскому обществу, с большей долей присваивающих отраслей, удалось, на наш взгляд, сохранить свой экономический и человеческий потенциал. С другой стороны, в Притоболье, Приишимье и Приобье, с меридиональным течением рек, по долинам продвинулись мигранты из таежных областей. При взаимодействии с населением культур эпохи бронзы образовались синкретичные культуры, в развитии которых прослеживается несколько этапов. В Барабинской лесостепи притоку населения с севера препятствовали малопроходимые Васюганские болота. Носители таежных традиций проникали в Барабу, скорее всего, по долинам рек, протекающих в широтном направлении, из Прииртышья и в меньшей степени из Приобья. Территориальная замкнутость, своего рода «консервация» позднебронзового населения Барабы, обусловила, на наш взгляд, своеобразную культурно-историческую ситуацию на этой территории. Процесс ассимиляции автохтонного населения и «северных» пришельцев, скорее всего, происходил здесь опосредованно, достаточно динамично, а в большей степени, вероятно, можно говорить о саморазвитии, о чем свидетельствуют позднеирменские комплексы. Этот процесс сопоставим с формированием комплексов в переходное время на приишимских североказахстанских территориях, куда практически не проникало влияние носителей северных традиций и где берликское население является, на наш взгляд, преемником носителей позднебронзовой алексеевско-саргаринской культуры.

Цель работы — наметить этапы культуры переходного от эпохи бронзы к раннему железному веку времени в Нижнем Приишимье и определить место соответствующих материалов в культурно-хронологической шкале лесостепной территории Западной Сибири (рис. 1).

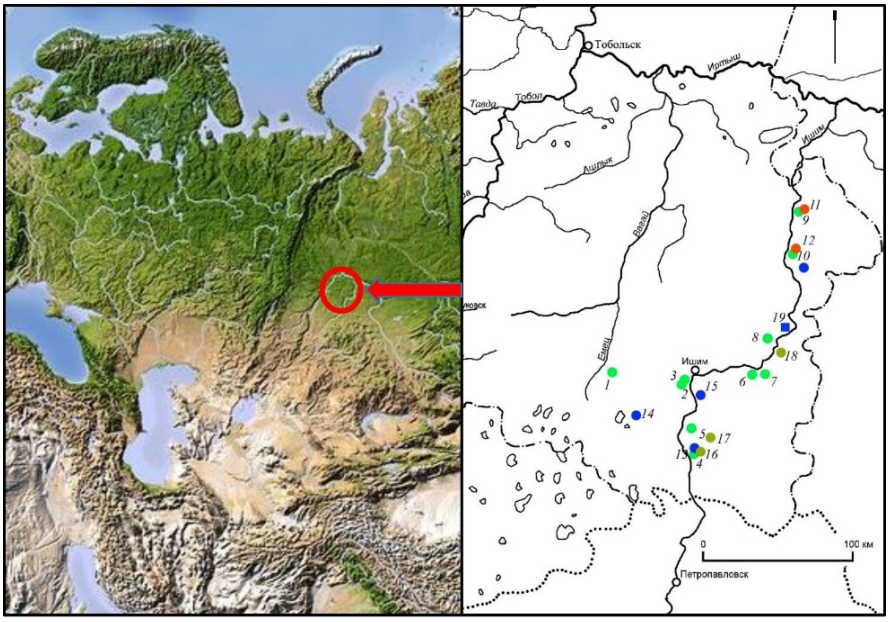


Рис. 1. Расположение памятников переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Нижнем Приишимье:
Поселения ефимовского этапа: *1* — Карьковское; *2* — Мергень 2; *3* — Мергень 6; *4* — Марай 1; *5* — Кучум-Гора; *6* — Чупино; *7* — Старо-Маслянское; *8* — Ефимово 1; *9* — Боровлянка 2; *10* — Борки 1; борковского этапа: *11* — Боровлянка 2; *12* — Борки 1; марайского этапа: *13* — Марай 4; *14* — Савино; *15* — Ласточкино Гнездо 1; лихачевского этапа: *16* — Марай 5; *17* — Озеро Ченчерь 6; *18* — Лихачевское городище. Могильник ефимовского этапа: *19* — Абатское 3.

Fig. 1. Location of monuments of the Transition Period from Bronze to Early Iron in the Lower Ishim region.
Settlements of the Efimovo stage: *1* — Karkovskoe; *2* — Mergen 2; *3* — Mergen 6; *4* — Marai 1; *5* — Kuchum-Gora; *6* — Chupino; *7* — Staro-Maslyanskoe; *8* — Efimovo 1; *9* — Borovlyanka 2; *10* — Borki 1; Borki stage: *11* — Borovlyanka 2; *12* — Borki 1; Marai stage: *13* — Marai 4; *14* — Savino; *15* — Lastochkino Gnezdo 1; Likhachevo stage: *16* — Marai 5; *17* — Ozero Chencher 6; *18* — Likhachevskoye site. Cemetery of the Efimovo stage: *19* — Abatskoye 3.

Материалы и методы исследования

Понятия «переход, переходный» и «переходный период» в археологии обычно применяются для обозначения временного интервала, характеризуемого особыми культурными процессами, вызывающими или отражающими смену культур или эпох [Манзура, 1990; Илюшина, 2011]. Иткульские, журавлевские, белоярские, предсаргатские и другие материалы, следующие за

комплексами с крестовой орнаментацией посуды, первоначально относили к начальным этапам раннего железного века, однако впоследствии потребовалось переосмыслить их «эпохальную принадлежность», что проявилось в тенденции «расширения хронологических и культурных рамок переходного периода и его сдвига в сторону омоложения» [Труфанов, 2003]. Вопрос о хронологических и культурных границах рассматриваемого периода весьма важен. По нашему представлению, переходный период от бронзы к раннему железу в Западной Сибири начался со смешения носителей таежных традиций с населением лесостепных позднебронзовых культур и формирования синкретичных культур и продолжался, по-видимому, до полной ассимиляции привнесенных культурных традиций в местной среде, т.е. от начала процесса взаимодействия двух или нескольких стабильных культур до формирования новой стабильной культуры [Зах, 2013]. Иными словами, от позднебронзовых: бархатовской, сузгунской и ирменской — до стабильных культур эпохи раннего железа: саргатской и большереченской/каменской (березовский этап по М.П. Грязнову) [Грязнов, 1956; Могильников, 1997]. В связи с этим для Верхнего Приобья, на наш взгляд, до сих пор являются актуальными и правомерными схема формирования и развития комплексов у с. Большая Речка [Грязнов, 1956], а также интерпретация материалов поселений Завьялово 5 и Линево 1, на основе которых была выделена завьяловская культура [Троицкая и др., 1989]. Аналогичные процессы происходили, вероятно, и в Притоболье, где на основе бархатовской и гамаюнской культур сформировались комплексы усть-утякского типа (городище Усть-Утяк 1), а затем иткульские (восточный вариант) [Зимина, Зах, 2009].

Учитывая новые материалы из Приишимья, мы приходим к выводу, что ситуация на лесостепных территориях Притоболья, Прииртышья и Приобья в рассматриваемый период складывалась во многом по схожим сценариям. Генезис переходных комплексов лишь в лесостепной Барабе отличался от аналогичного на сопредельных территориях, в силу отмеченной выше относительной изолированности ее территории с севера [Зах, 2010].

Южная тайга и лесостепь западнее Иртыша (Нижнее Приишимье) являлись территорией, на которой происходило взаимодействие носителей, с одной стороны, соседних бархатовской и сузгунской культур, с другой — местных позднебронзовых культур и культур мигрантов (атлымская культура) с таежных территорий. С конца X — IX в. до н.э. в Прииртышье и Приишимье формируется красноозерская культура синкретичного облика [Абрамова, Стефанов, 1985; Панфилов и др., 1991]. Между приишимскими и прииртышскими керамическим комплексам красноозерской культуры отмечаются некоторые различия [Зимина, 2015], что, возможно, свидетельствует о существовании локальных вариантов культуры на этих территориях[1]. С течением времени происходят изменения в комплексах: в оборонительном и жилищном строительстве, керамическом производстве и инвентаре, что позволяет выделить несколько этапов в развитии этой синкретичной культуры. Охарактеризуем их на материалах с территории Нижнего Приишимья (приишимский локальный вариант). Для упорядочения и синхронизации вариантов красноозерской культуры мы даем, по возможности, сначала название этапа для приишимской территории, а затем, в скобках,— название этапа для Прииртышья.

Ефимовский (хуторборский) этап. В Нижнем Приишимье крестовые (красноозерские) поселенческие комплексы содержат наряду с позднебронзовой сузгунской (Мергень 2, 6, Марай 1, 7, Ефимово 1, Боровлянка 2, Борки 1) посуду с бархатовскими чертами (Карьковское 1, Кучум-Гора, Чупино, Старо-Маслянское) (см., напр.: [Зах, Зимина, 2014; Голдина, 1969; Генинг, Евдокимов, 1969; Панфилов и др., 1991; Матвеев, Горелов, 1993; Зах и др., 2016; Цембалюк, 2013; Зимина, Скочина, 2008]). Известен один могильник (Абатское 3) с четырьмя погребениями. Умершие захоронены в погребенной почве и могильных ямах, выкопанных в материке, на спине. Найдены сосуды, в том числе с крестовыми оттисками, бронзовые пластинчатые ножи, двухлопастные наконечники стрел, серьга [Матвеева, 1991].

Судя по материалам (керамика поселения Мергень 6), местное позднебронзовое население не только взаимодействовало с носителями крестовой орнаментальной традиции (атлымской культуры), но и испытывало влияние представителей культур гамаюно-иткульского круга [Зимина и др., 2023].

[1] Обоснование локальных вариантов красноозерской культуры не входит в задачи статьи, отметим только, что в Приишимье местную позднебронзовую основу представляли сузгунская и бархатовская, а в Прииртышье — сузгунская и ирменская культуры, в Барабе — ирменская и в меньшей степени сузгунская. На эти территории с севера проникали, скорее всего, представители атлымской культуры, носители крестовой и гребенчато-ямочной орнаментальной традиций, в отличие от горно-лесного Зауралья и Притоболья, куда мигрировали носители гамаюнской культуры.

Рис. 2. Материалы ефимовского этапа:
1, 12, 13 — Марай 1; *4, 5, 7, 9, 13, 19* — Мергень 6; *3, 8, 15* — Мергень 2; *2, 11, 14, 16, 18* — Борки 1; *6* — Кучум Гора; *17* — Старо-Маслянское; *20* — Боровлянка 2 (по: [Генинг, Евдокимов, 1969; Зах, Зимина, 2014; Зах и др., 2016; Панфилов и др., 1991; Кузьминых и др., 2017]): *4, 5, 7, 9, 10, 19* — бронза; *18* — рог; *2, 3, 6, 8, 11–17, 20* — глина.
Fig. 2. Materials of the Efimovo stage:
1, 12, 13 — Marai 1; *4, 5, 7, 9, 13, 19* — Mergen 6; *3, 8, 15* — Mergen 2; *2, 11, 14, 16, 18* — Borki 1; *6* — Kuchum Gora; *17* — Staro-Maslyanskoe; *20* — Borovlyanka 2: *4, 5, 7, 9, 10, 19* — bronze; *18* — horn; *2, 3, 6, 8, 11–17, 20* — clay.

Поселки ефимовского этапа, как правило, находятся на надпойменных террасах. Чаще это многослойные поселения; иногда однослойные, расположенные на ограниченной территории (например, урочище Марай) в Приишимье, где наряду с ранним крестовым комплексом (ефимовский этап) содержатся материалы более поздних хронологических этапов переходного периода. Компактность территории таких урочищ, удобной для проживания в условиях увлажненного периода (сезонных половодий), и однослойность поселений, возможно, также указывает на поэтапное развитие культуры переходного времени. Население в этот период сооружало жилища, углубленные в материк, в керамическом комплексе присутствует посуда, сочетающая как местные позднебронзовые черты, так и таежные, в числе которых дуговидные («молчановские») профили и оттиски в виде креста.

Жилища представляли собой углубленные в материк сооружения, вероятно, усеченно-пирамидальной формы, с основой в виде каркасно-столбовой конструкции, площадью от 40 до 100 м^2 и более. Внутри котлованов в центре, иногда у стен находились очаги и хозяйственные ямы. Выходы в виде коридоров или тамбуров устраивались в стенках или углах жилых соору-

жений. Жилища ефимовского этапа находят аналогии в конструкциях позднебронзового и переходного к раннему железному веку времени в лесостепи и южной тайге Западной Сибири [Очерки культурогенеза…, 1995].

Керамика ефимовских комплексов представлена крупными плоскодонными горшками и посудой круглодонной формы, покрытыми орнаментом на 2/3 поверхности емкости. Элементы узоров соответствуют набору как из сузгунского, так и из пришлого (таежного) комплексов, иногда те и другие сочетаются на одном сосуде [Зах и др., 2016].

Инвентарь. Представлен бронзовыми пластинчатыми однолезвийными ножами слабо изогнутой и прямой форм, двухлопастными с ромбовидным и листовидным пером наконечниками стрел [Кузьминых и др., 2017; Матвеева, 1991]. В одном из погребений кургана 1 Абатского 3 могильника обнаружена бронзовая серьга в полтора оборота. Наряду с бронзовыми изделиями присутствуют фигурки из глины, роговой клин и глиняные пряслица (рис. 2).

Борковский (журавлевский) этап. Комплексы сформировались на основе предшествующих, ефимовских и маркируют начальный (раннескифский) период эпохи раннего железа. К настоящему времени на территории Приишимья изучено два ранних журавлевских комплекса — Боровлянка 2 [Панфилов и др., 1991] и Борки 1 [Сыркина, 1977, 1979, 1981; Зах и др., 2015]. Последний представляет собой городище с наземными жилищами, чистый керамический комплекс которого исследован на памятнике в 2014 г. Остатки, вероятно, аналогичных построек изучены в раскопах И.А. Сыркиной (1981 г.) и Д.Н. Еньшина (2013 г.) [Зах, 2023].

Жилища. На поверхности городища Борки 1 вскрыт участок с хозяйственными ямами, тремя скоплениями керамики, очагом на уровне материка. Выявлены ямы, из которых брался грунт для присыпки стен (завалинка). Практически полное отсутствие столбовых ямок и выраженных топографических признаков наземных жилищ со столбовой конструкцией, вероятно, свидетельствует о сооружении в пределах площадки укрепленного поселка срубных построек. Судя по расположению ям и очага, находившегося практически в центре между ямами-карьерами, жилище в виде сруба было поставлено непосредственно на древней поверхности. Для утепления конструкция с боков, скорее всего, была присыпана грунтом из ям, расположенных по периметру жилища, площадь которого могла составлять около 36 м^2. На уровне второго и третьего горизонтов встречены керамика, изделия из бронзы, кости и глины [Там же, с. 91].

Керамика. Применялись глины с естественной примесью песка, а также с добавками шамота и органики. Сосуды формировались, вероятно, лоскутным методом, с толщиной стенок 4–7 мм. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов обрабатывалась заглаживанием с помощью гребенчатого штампа, щепы или пучка травы [Зах и др., 2015; Илюшина, 2018]. Посуда в основном горшковидной и баночной форм. Орнамент, при кажущемся однообразии, отличается множеством различных сочетаний элементов. Наряду с вариативностью морфологических характеристик сосудов в пределах одного сооружения это, вероятно, может свидетельствовать о выработке канонов как в форме, так и в орнаментации посуды. Керамика борковского (журавлевского) этапа отражает, видимо, процесс продолжающегося активного слияния аборигенной и пришлой культур, начало которого фиксируют ефимовские комплексы [Зах, 2023].

Инвентарь. Представлен целыми предметами и обломками изделий из бронзы, железа, кости и глины. Обломки изделий из металла и масса обломков литейных форм происходят из ямы № 23 сооружения 2 борковского комплекса. Среди них пластинчатые ножи без выделенной рукояти, с прямой сужающейся к острию спинкой, с каплевидным отверстием-петелькой. Судя по фрагментам форм, длина отливавшихся ножей могла составлять от 19 до 22 см. Обнаружены формы для отливки кинжалов с бабочковидным перекрестием и отливки кельтов с двумя ушками. С борковским (журавлевским) комплексом связана проколка четырехугольного сечения длиной около 6 см со слегка расплющенным основанием. Представлены наконечники стрел трехлопастной формы с прямым основанием, небольшими шипами и выступающей втулкой. Найдена бронзовая застежка (пуговица) стержневидной формы с небольшими утолщениями на концах и перехватом в центре, длиной около 6 см. Подобные изделия встречаются на степной и лесостепной территории Евразии в пределах VIII–VI вв. до н.э. (см., напр.: [Зах и др., 2015; Археология СССР, 1989; Грязнов, 1956, 1980; Костомарова, 2018]). Железная игла — коррозирована, изделие в виде стерженька небольшого диаметра; аналогичные встречаются на территории Западной Сибири с конца VIII в. до н.э. [Могильников, 1992]. Из костяных изделий примечателен слегка изогнутый стержень с отверстием, один его конец приострен, второй оформлен в виде головки лося. Наиболее многочисленная категория (встречены целые экземпляры и об-

ломки) — литейные формы, пряслица и блюда. Блюдца или миниатюрные чашечки — обломки емкостей небольшого объема, невысоких, с прямыми или слегка отогнутыми внутрь или наружу венчиками. Широкое распространение получают с эпохи бронзы и раннего железа (рис. 3).

Рис. 3. Материалы борковского этапа:
1, 2, 4, 9–16, 18–21 — Борки 1; *3, 5–8, 17, 22–24* — Боровлянка 2: *15, 16, 19, 21* — бронза; *20* — кость; *2–14, 18, 22–24* — глина.
Fig. 3. Materials of the Borki stage:
1, 2, 4, 9–16, 18–21 — Borki 1; *3, 5–8, 17, 22–24* — Borovlyanka 2: *15, 16, 19, 21* — bronze; *20* — bone; *2–14, 18, 22–24* — clay.

Марайский этап. Продолжающие развитие борковского (журавлевского) комплекса материалы представлены укрепленными поселениями, из которых частично исследованы мысовое (?) укрепление Ласточкино Гнездо 1 [Зах, 2009; Илюшина, Рафикова, 2018] и «городище» округлой формы Марай 4 [Илюшина и др., 2019].

Жилища. Наземные, возможно срубные, сооружения и жилища с каркасно-столбовой конструкцией основы, на дневной поверхности фиксируемые в виде приподнятых площадок овальной формы. По их периметру находились ямы-карьеры, грунт из которых использовался для присыпки стен жилищ. Площадь исследованного в укрепленном поселке Марай 4 жилища около 30 м^2 [Там же]. Аналогичные жилые сооружения были распространены в эпоху раннего металла, переходное время от бронзы к железу, а также отмечаются у северных народов, например у тазовских селькупов (см., напр.: [Зах, Фомина, 1999; Зимина, Зах, 2009; Адаев, Зимина, 2016]).

Керамика. По морфологическим признакам посуда марайского этапа находит аналогии в борковских и журавлевских комплексах Ишимо-Иртышского междуречья, а также в материалах баитовской культуры. Керамическая коллекция Марая 4 состоит из четырех основных групп сосудов, различающихся по форме, технике нанесения и композиционному построению орнамента [Илюшина и др., 2019]. При сходстве с борковским комплексом соответствия марайские материалы находят также в посуде памятника Ласточкино Гнездо 1, а с другой стороны, прослеживаются параллели им в комплексах Озеро Ченчерь 6, Марай 1, 5 и других из Приишимья, которые, в нашем представлении (в отличие от мнения В.В. Илюшиной), демонстрируют развитие приишимской линии культурогенеза переходного времени и синхронны баитовским из Притоболья [Там же, с. 43].

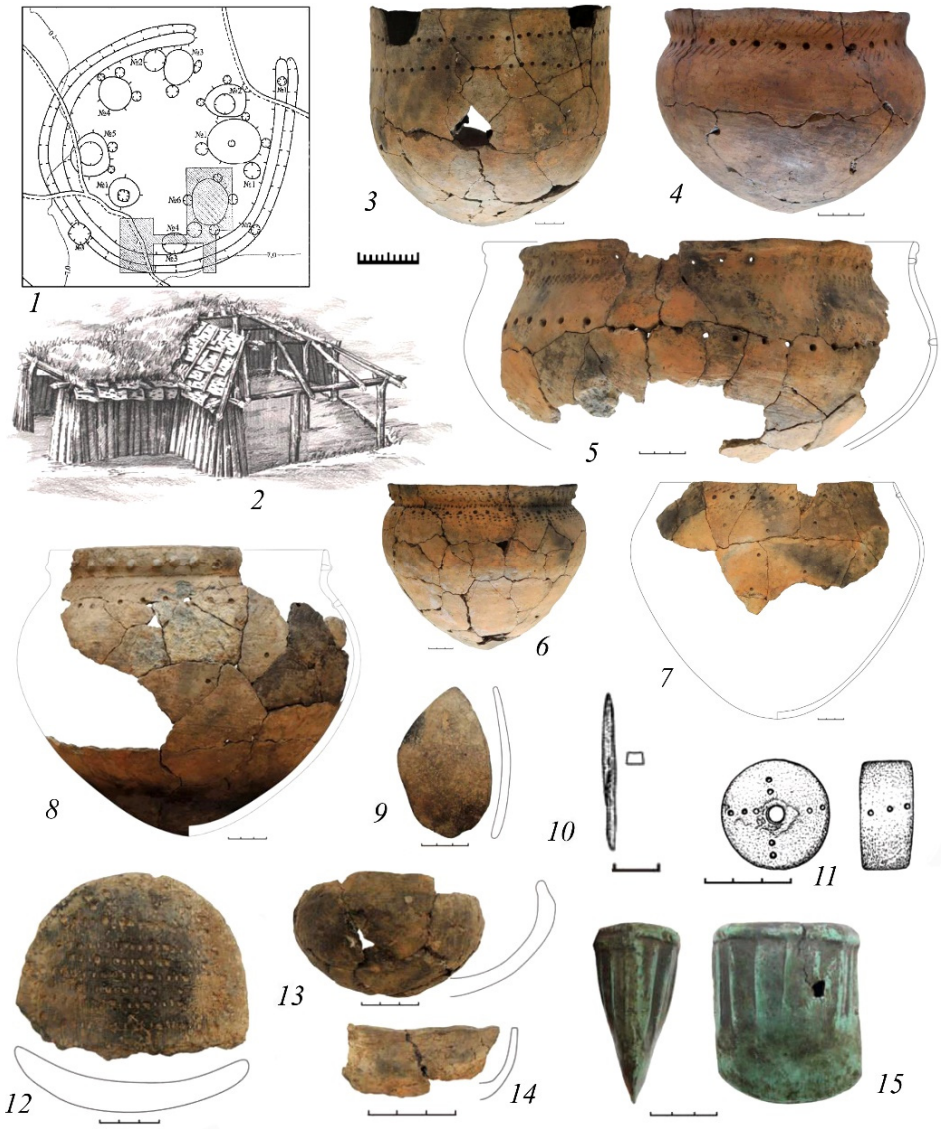


Рис. 4. Материалы марайского этапа:
1–15 — Марай 4 (по: [Илюшина и др., 2019]): *10, 15* — бронза; *3–9, 11–14* — глина.
Fig. 4. Materials of the Marai stage:
1–15 — Marai 4: *10, 15* — bronze; *3–9, 11–14* — clay.

Инвентарь. Немногочислен, представлен бронзовыми изделиями, среди которых обломки пластинчатых ножей и шило подчетырехугольной в сечении формы. Найден также бронзовый кельт прямоугольной формы, овального сечения. По верхнему краю находится валик, от которого вниз спускаются узкие валики или треугольники. Похожие изделия встречаются в комплексах раннего

железного века Зауралья и Приишимья (см., напр.: [Матвеева, 1989, с. 94; Цембалюк, Берлина, 2014, с. 63, рис. 3, 10; Панфилов и др., 1991]. В Тоболо-Ишимском междуречье, судя по всему, подобные кельты были распространены в VII–IV вв. до н.э.

Из костяных изделий известны проколки. Из глины изготовлены пряслица, из обломков сосудов — керамические скребки. Отдельную категорию представляют миниатюрные чашечки и блюдца с округлым или уплощенным дном. Блюдца орнаментированы с внутренней стороны оттисками гребенки или разреженными наколами (рис. 4) [Зах, 2009; Илюшина и др., 2019].

Лихачевский этап. Представлен комплексами Озеро Ченчерь 6, Марай 1, 5 и Лихачевского городища. Последнее исследовано практически полностью [Волков, 2001; Цембалюк, Берлина, 2014]. На поверхности Лихачевское городище прослеживалось в виде площадки, ограниченной канавкой, диаметром около 45 м. Площадь памятника около 1200 м^2.

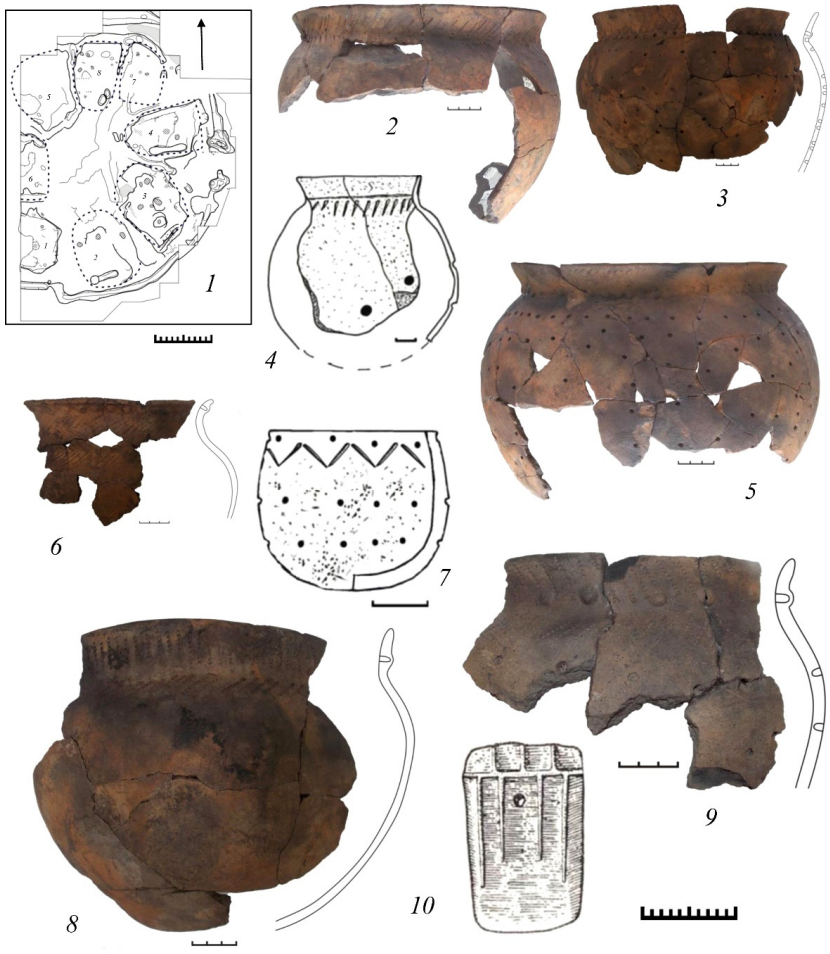


Рис. 5. Материалы лихачевского этапа:
1, 4, 7, 10 — Лихачевское городище (по: [Цембалюк, Берлина, 2014]); *2, 3, 5, 6, 8, 9* — Марай 1: *10* — бронза; *2*–*9* — глина.
Fig. 5. Materials of the Likhachevo stage:
1, 4, 7, 10 — Likhachevskoye site; *2, 3, 5, 6, 8, 9* — Marai 1: *10* — bronze; *2*–*9* — clay.

Жилища. На городище было изучено восемь жилищ, расположенных по кругу и примыкавших к канаве: семь наземного типа и одно углубленное в материк. В центре поселения находилась довольно ровная, свободная от застройки площадка. Основания стен были установлены в специально выкопанные канавы, иногда использовавшиеся и для стен соседних построек. Основу каркасно-столбовой конструкции составляли вертикально установленные бревна или жерди, скрепленные сверху балками перекрытия. Стены и кровля изготовлены из жердей, покрытых слоем бересты, и утеплены грунтом [Цембалюк, Берлина, 2014].

Керамика. Представлена преимущественно профилированными, с короткой шейкой сосудами, в меньшей степени — банками яйцевидной формы с округлым или слабо приостренным

дном. Диаметр сосудов в основном 17−30 см, толщина стенок 4−6 мм, но встречаются и емкости с толщиной стенок 10−12 мм. Орнамент, как правило, наносился на шейку, венчик, редко — на плечико сосуда. Элементов орнамента немного, в основном это один ряд ямок или «жемчужин» или их чередование, встречаются ряд уголкового штампа, наклонные линии или елочка, выполненные гребенчатым или гладким штампом. Присутствуют сосуды с рядами ямок, нанесенными по тулову [Там же, с. 62−63].

Инвентарь. Бронзовый кельт, найденный у входа жилища 3 Лихачевского укрепленного поселка, близок к изделию с Марая 4, но отличается от последнего пропорциями и орнаментом (рис. 5).

Результаты и обсуждение

Накопленные за последние годы материалы по переходному времени в Нижнем Приишимье и на сопредельных территориях (Нижнее Притоболье, Прииртышье, Верхнее Приобье) свидетельствуют о постепенном, поэтапном и, очевидно, во многом схожем развитии синкретичных культур. Исключением является территория Барабы, естественным образом «защищенная» от непосредственного проникновения северных мигрантов, изготовлявших посуду с крестовой орнаментацией. Такая изолированность обусловливала преимущественно саморазвитие местной ирменской культуры [Зах, 2010].

В Притоболье синкретичным усть-утякским комплексам наследовали комплексы иткульского, карагай-аульского, вак-куровского этапов восточного варианта иткульской культуры [Зимина, Зах, 2009, рис. 111]. В Верхнем Приобье М.П. Грязновым [1956] была выделена и описана большереченская культура с рядом этапов развития. А с открытием, исследованием и накоплением материалов с крестовой орнаментацией посуды Т.Н. Троицкая предложила рассматривать их как завьяловскую культуру, включающую три этапа [Троицкая, 1985; Троицкая и др., 1989]. В Прииртышье пока отсутствует единая периодизация переходного времени, но отмечается разница в хронологическом соотношении отдельных комплексов (см., напр.: [Абрамова, Стефанов, 1985; Данченко, 1996; Труфанов, 1990]).

Правомерность выделения культуры (красноозерской) переходного времени с несколькими этапами развития в Нижнем Приишимье подтверждается, на наш взгляд, изменениями во времени конструкции жилищ, посуды и некоторых типов вещевого комплекса и их хронологией.

Поселки и жилища. На ефимовском этапе население проживало в неукрепленных или слабо укрепленных поселках, в которых сооружались каркасно-столбовые углубленные в материк жилища в форме усеченной прямоугольной пирамиды площадью до 100 м^2. На следующем, борковском этапе поселки окружались системой ров-вал, иногда достаточно мощной, конструкция жилищ кардинально меняется; судя по всему, это были строения в виде срубов площадью 30 м^2, поставленные на дневную поверхность. На марайском и лихачевском этапах поселки представляли собой замкнутые круговые структуры с наземными жилищами, вероятно, каркасно-столбовой конструкции площадью в пределах 60−150 м^2. Таким образом, отмечается постепенное формирование поселков с оборонительными системами. В жилищном строительстве наблюдается переход от строений, углубленных в грунт, к наземным срубным и каркасно-столбовым конструкциям, которые в этот период распространены на территории Притоболья, Приишимья, Прииртышья и Сургутского Приобья [Зах, 2015; Зимина, Зах, 2009; Чемякин, 2008].

Керамика. На смену синкретичной плоскодонной посуде ефимовского этапа приходят круглодонные сосуды с меняющейся морфологией и орнаментом. На борковском этапе сохраняются баночные и профилированные круглодонные формы, а также «молчановские» профили, варьирующиеся до слабо выраженных. Степень орнаментированности уменьшается. Гребенчато-ямочная орнаментация сохраняется, но меняется форма ямок — становится ближе к каплевидной. Практически исчезают оттиски крестового штампа, лишь изредка им нанесены глубокие ямки. Орнамент на посуде борковского (журавлевского) этапа кажется однотипным, но в плане сочетаний элементов очень разнообразен. На марайском этапе продолжает уменьшаться орнаментированность посуды, ямки разделительных поясов вновь становятся круглыми. Появляются короткие «молчановские» венчики, резко отогнутые наружу у слегка удлиненных со слабо приостренным дном сосудов [Илюшина и др., 2019]. На лихачевском этапе венчики становятся короче, исчезают «молчановские» профили, орнамент покрывает, как правило, только верхнюю часть сосуда [Цембалюк, Берлина, 2014].

Кельты. В борковском (журавлевском) комплексе обнаружены формы и сердечники для отливки кельтов с двумя ушками, трапециевидной формы, длиной 9,0 см, шириной лезвия 4,2 см. Ширина овального отверстия в основании кельта около 3,0 см. В марайском инвентаре присутствует брон-

зовый кельт прямоугольной формы, длиной 7,4 см, шириной 6,2 см. От края втулки, оформленной в виде широкого валика, вниз спускаются 14 более узких валиков [Илюшина и др., 2019]. В лихачевском комплексе бронзовый кельт отличается от марайского пропорциями и орнаментом.

Ножи. На ефимовском этапе это изделия, относящиеся к однолезвийным, выделяются слабоизогнутые и прямые формы; на борковском (журавлевском) этапе, судя по бронзовым обломкам и многочисленным глиняным формам, использовались пластинчатые ножи без выделенной рукояти, с прямой сужающейся к острию спинкой, с каплевидным отверстием-петелькой.

Наконечники стрел. На ефимовском этапе применялись двухлопастные с ромбовидным и листовидным пером наконечники, в борковских комплексах встречаются трехлопастные наконечники с разной длины выступающей втулкой.

К сожалению, не все типы изделий представлены в рассмотренных комплексах: это касается, например, бронзовых кинжалов, глиняных блюд и некоторых других категорий. Тем не менее по имеющимся материалам, особенно по жилищным комплексам и посуде, прослеживается этапность существования красноозерской культуры (приишимского локального варианта). Причем можно говорить, что изменения в форме и орнаментации посуды происходили достаточно быстро, с сохранением преемственности. Предлагаемая периодизация применима к комплексам переходного времени от бронзы к раннему железу в пределах бассейна р. Ишим от северной границы степной зоны на юге до южной кромки тайги.

Вместе с тем можно говорить, что представленная периодизация переходного времени в Нижнем Приишимье — от культур финальной стадии эпохи бронзы до формирования стабильной, длительное время существующей культуры раннего железного века, при всем разнообразии имеющихся версий развития культур, в определенной степени соотносится с соответствующими схемами для сопредельных территорий Западной Сибири (табл.).

Соотношение этапов развития лесостепных и южнотаежных культур переходного времени Западной Сибири *

Correlation of stages of forest-steppe and southern taiga cultures of the Transitional Period in Western Siberia

Период	Верхнее Приобье	Бараба	Прииртышье	Приишимье	Притоболье
	Завьяловская	Позднеирменская	Красноозерская		(?)
IX–VIII вв. до н.э. — начало переходного времени	Линевский Завьяловский	Позднеирменская Красноозерская Берликская	Хуторборский Инберенский?	Ефимовский Мергень 6	Усть-Утяк 1
Первая половина VII в. до н.э.					Иткульский
Вторая половина VII в. до н.э.	Большеелбанский	Новочекинская Раннесаргатская	Журавлевский	Борковский	Карагай-аульский
VI в. до н.э.	Бийский		Богочановский	Марайский Лихачевский	Вак-куровский
V–IV вв. до н.э.					Баитовский Баитово «лесное»
IV в. до н.э.					Баитовско-гороховско-саргатский
IV–III вв. до н.э. — III в. н.э.	Комплексы саргатской культуры				

* Таблица составлена на основе публикаций: [Абрамова, Стефанов, 1985; Грязнов, 1956; Данченко, 1996; Зимина, Зах, 2009; Троицкая, 1985, Троицкая и др., 1989; Молодин и др., 2001, 2004, 2009] с добавлениями и изменениями. Предложенная схема носит предварительный характер, требует доработки и дополнительных исследований.

Заключение

Определение границ переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку на лесостепной территории Западной Сибири следующим образом: от формирования синкретичных комплексов и культур (усть-утякский, красноозерская, позднеирменская и завьяловская) до стабильных саргатской и большереченской культур — на наш взгляд, наиболее логично и правомерно, в частности, для Нижнего Приишимья. Комплексы ефимовского этапа и последующих, преемственных с ним: борковского, марайского и лихачевского — мы рассматриваем в рамках приишимского варианта красноозерской культуры, сформировавшейся на основе сузгунской с незначительным участием бархатовской и, вероятно, атлымской культур. На протяжении практически всего переходного периода у населения Нижнего Приишимья и сопредельных территорий сохраняются таежные традиции — и это следует считать главным показателем, или критерием, «переходности»: практикуется строительство укрепленных поселков с наземными жилищами, широко распространенное на таежных территориях; захоронения, вероятно, совершаются в грунтовых могильниках либо существует иной способ погребения (например, на поверхности почвы или так

называемый воздушный). Другой важный показатель — быстрая, динамичная смена материальной культуры, обусловливающая выделение этапов культуры.

Вероятно, с IV в. до н.э. — времени существования лихачевских комплексов — общество переориентируется на традиции лесостепных и степных культур. Появляются углубленные в грунт жилища и обряд захоронения под курганными насыпями, связанные уже с достаточно стабильной саргатской культурой. Аналогичные процессы с разными нюансами отмечаются практически по всей лесостепной и южно-таежной полосе Западной Сибири, за исключением Барабы.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.

Адаев В.Н., Зимина О.Ю. Каркасно-столбовые жилища наземного типа в Западной Сибири: Археолого-этнографические параллели // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 3. Т. 44. С. 63–71.

Археология СССР: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. 464 с.

Волков Е.Н. Археологические исследования в Казанском районе Тюменской области в 1998−1999 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 226−231.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Старо-Маслянское поселение // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 57−64.

Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 138−158.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. 1956. 170 с.

Грязнов М.П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 67–80.

Зах В.А. Общее и частное в культурах переходного времени от бронзы к раннему железному веку лесостепи Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол. конф. Томск, 19–21 мая 2010 г. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 340–342.

Зах В.А. К понятию «переходный период» в археологии Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 20−27.

Зах В.А. Домостроительные традиции и их сопряженность с палеоклиматическими и миграционными процессами в Тоболо-Ишимье // AB ORIGINE: Археолого-этнографический сборник ТюмГУ. 2015. Вып. 7. С. 4–18.

Зах В.А. Журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3 (62). С. 88−102. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-8

Зах В.А., Зимина О.Ю. Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 48–59.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Илюшина В.В., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н. Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа с Борковского городища (по результатам работ 2012–2013 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 33–47. https://doi.org/ 10.20874/2071-0437-2016-35-4-033-047

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.

Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М. Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 4–14.

Зах В.А., Фомина Е.А. К вопросу о происхождении андреевской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 14−21.

Зимина О.Ю. Комплексы красноозерской культуры Ишимо-Иртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. 4 (31). С. 49−56.

Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зимина О.Ю., Зах В.А., Скочина С.Н. Керамический комплекс переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 120−133. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-9

Зимина О.Ю., Скочина С.Н. Комплекс переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6 в Приишимье // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. С. 187–189.

Илюшина В.В. Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1 (по результатам работ 2013–2014 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 41–52. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-041-052

Илюшина В.В., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Кисагулов А.В. Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 29–47. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-029-047

Илюшина В.В., Рафикова Т.Н. Комплекс раннего этапа эпохи железа городища Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 61–73. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-061-073

Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Материалы переходного времени от бронзы к железу городища Усть-Утяк-1 (по результатам исследований 2002−2004 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 7. С. 76−84.

Костомарова Ю.В. Инвентарный комплекс журавлевского населения Нижнего Приишимья (по материалам 2012−2014 гг. городища Борки 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 51−60. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Тигеева Е.В. Металлопроизводство красноозерской и иткульской культур // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 37–50. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-037-050

Манзура И.В. О понятии «переходный период» // Археологические культуры и археологическая трансформация: Материалы методол. семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1990. С. 82−87.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 181 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень, 2009. 416 с.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1. Препринт. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 75 с.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюм. ун-т, 1989. С. 77–103.

Матвеева Н.П. Первые погребения переходного периода от бронзового века к железному в лесостепном Приишимье // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1991. С. 78−84.

Могильников В.А. население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М.: ИА РАН, 1997. 195 с.

Могильников В.А. Ранний железный век лесостепи Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 274–283.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи: (Первые результаты исследований). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 240 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В, Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Васильевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайсс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребущак В.А., Дребущак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Рейхе И., Кузьминых С.В., Марченко Ж.В. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища / Под общ. ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Кн. 1. 490 с.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 25−50.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Тюм. ун-т, 1985. С. 54–69.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюм. ун-т, 1989. С. 103–116.

Труфанов А.Я. К проблеме содержания понятия «переходное время к железному веку» // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. С. 384–386.

Цембалюк С.И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье // Новые материалы и методы археологического исследования: (Материалы II междунар. конф. молодых ученых, Москва, 19–21 марта 2013 г.). М., 2013. С. 70−72.

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55−65.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 222 с.

ИСТОЧНИКИ

Сыркина И.А. Отчет Тобольского Государственного историко-архитектурного музея-заповедника об археологических исследованиях на территории Тюменской области в 1977 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6785.

Сыркина И.А. Отчет Тобольского Государственного историко-архитектурного музея-заповедника об археологических исследованиях в Викуловском районе Тюменской области в 1979 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7636.

Сыркина И.А. Отчет об археологических раскопках городища близ с. Борки Викуловского района Тюменской области в 1981 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8882.

Илюшина В.В. Эволюция культуры лесостепной части Западной Сибири второй четверти II — середины I тыс. до н.э.: Автореф. дис. … канд. культурологии. Челябинск, 2011. 26 с.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ...канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 202 с.

Zakh V.A.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Chervishesky trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: viczakh@mail.ru

To the periodisation of the Transitional Period from the Bronze Epoch to Early Iron Age in the lower Ishim River basin

In the end of the 1st millennium BCE, in the lower Ishim River basin, the events were taking place that turned out to be groundbreaking in the history of Western Siberia. As in the bordering southern-taiga and forest-steppe territories of the Tobol and Irtysh river basins, under the changing environmental conditions and increasing migration flow from the taiga regions, there begins the development of cultures precursive to the establishment of the cultural formations of the Early Iron Age. The representatives of the tradition of crossed ornamentation of ware, penetrating into the forest-steppe, commingled with the indigenous Late Bronze Age pastoralist population. The developed, as a result, complexes and cultures of Ust'-Utyak, Krasnoozerka, Late Irmen, and Zavyalovo, according to the materials, represent the stages within the timeframe of the Transitional Period, which, in our opinion, continued until the formation of established Sargatka and Bolsherechenskaya Cultures. In the lover Ishim basin, transition from the Bronze to Iron Age, as it would seem, spans the period from the formation of the Krasnoozersk Culture (the Ishim basin variant), including the stages of its development — Efimovo, Borki, Marai, and Likhachevo,— until the emergence of Sargatka complexes. In the population of the Lower Lower Ishim basin and bordering territories, taiga traditions retain — building of fortified settlements with above-ground dwellings was in common practice, burials were performed in earthen graves or there was another type of interment. There appears to be a rapid change of the material culture. It would seem that from the 4th c. BCE a reorientation towards the tradition of the forest-steppe and steppe cultures was taking place. There appear ground-deepened dwellings and a ceremony of burial under kurgan mounds. Similar processes with various nuances can be observed virtually across the entire forest-steppe and southern-steppe belt of Western Siberia.

Keywords: Lower Ishim region, Transition Period, Krasnoozerka Culture, complexes of the Efimovo, Borki, Marai, Likhachevo stages, development process, periodization.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021-0006).

REFERENCES

Abramova, M.B., Stefanov, V.I. (1985). Krasnoozerka culture on the Irtysh. In: *Arkheologicheskiye issledovaniya v rayonakh novostroyek Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 103–130. (Rus.).

Adayev, V.N., Zimina, O.Yu. (2016). Ground-type frame-and-post dwellings in Western Siberia: Archaeological and ethnographic parallels. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, 44(3), 63–71. (Rus.).

Melyukova A.I. (Ed.) (1989). *Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period. Arkheology of the SSSR*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Chemyakin, Yu.P. (2008). *Barsova Gora: Essays on the archeology of the Surgut Ob region*. Surgut; Omsk: Omsk. dom pechati. (Rus.).

Danchenko, Ye.M. (1996). *South taiga Irtysh region in the middle — second half of the 1st millennium BC.* Omsk: Izd-vo OmGPU. (Rus.).

Gening, V.F., Yevdokimov, V.V. (1969). Staro-Maslyanskoe settlement. *Voprosy arkheologii Urala.* Sverdlovsk. 57−64. (Rus.).

Goldina, R.D. (1969). Settlement Kuchum-Gora. *Voprosy arkheologii Urala*, (8), 138−158. (Rus.).

Gryaznov, M.P. (1956). History of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the village. Big River. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, (48). (Rus.).

Gryaznov, M.P. (1980). *Arzhan, the royal mound of Early Scythian times*. Leningrad: Nauka. (Rus.).

Ilyushina, V.V. (2018). Zhuravlevsky ceramic complex of the early stage of the Iron Age of the ancient settlement of Borki 1 (based on the results of work in 2013–2014). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 42(3), 41–52. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-041-052

Ilyushina, V.V., Rafikova, T.N. (2018). Complex of the early stage of the Iron Age of the settlement of Lastochkino Gnezdo 1 in the Lower Ishim region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 43(4), 61–73. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-061-073

Ilyushina, V.V., Zakh, V.A., Yen'shin, D.N., Tigeyeva, Ye.V., Kisagulov, A.V. (2019). Complex of the fortified settlement of Marai 4 at the beginning of the Early Iron Age in the for-est-steppe region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 46(3). 29–47. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-029-047

Kaydalov, A.I., Sechko, Ye.A. (2006). Materials of the transitional period from Bronze to Iron of the Ust-Utyak-1 settlement (based on the results of research in 2002−2004). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (7), 76−84. (Rus.).

Kostomarova, Yu.V. (2018). Inventory complex of the Zhuravlevsky population of the Lower Ishim region (based on materials from the 2012−2014 settlement of Borki 1). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 43 (4), 51–60. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060

Kuz'minykh, S.V., Degtyareva, A.D., Tigeyeva, Ye.V. (2017). Metal production of the Krasnoozerka and Itkul cultures. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 39(4), 37–50. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-037-050

Lukina N.V. (Ed.) (1995). *Essays of the culturae genesis of peoplts of the West Siberia. Vol. 1. Book 1.* Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).

Manzura, I.V. (1990). On the concept “transitional period” In: *Arkheologicheskiye kul'tury i arkheologicheskaya transformatsiya: Materialy metodol. seminara LOIA AN SSSR*. Leningrad, 82−87. (Rus.).

Matveyev, A.V. (1993). *Irmen culture in the forest-steppe Ob region*. Novosibirsk: Izd-vo NGU. (Rus.).

Matveyev, A.V., Anoshko, O.M. (2009). *Trans-Urals after Andronovo: Barkhatovo culture*. Tyumen'. (Rus.).

Matveyev, A.V., Gorelov, V.V. (1993). *The settlement Efimovo 1*. Tyumen': IPOS SO RAN. (Rus.).

Matveyeva, N.P. (1989). The initial stage of the Early Iron Age in the Tobol-Ishim forest-steppe. In: *Zapadno-Sibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov*. Tyumen': TyumGU, 77–103. (Rus.).

Matveyeva, N.P. (1991). The first burials of the transition period from the Bronze Age to the Iron Age in the forest-steppe Ishim region. In: *Drevniye pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya*. Omsk: Izd-vo Omsk. un-ta, 78−84. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (1992). Early Iron Age of the forest-steppe of Western Siberia. In: *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya.* Moscow: Nauka, 274–283. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (1997). *Population of the Upper Ob region in the middle — second half of the 1st millennium BC*. Moscow: IA RAN. (Rus.).

Molodin, V.I., Partsinger G., Garkusha Yu.N., Shneyevayss Y., Grishin A.Ye., Novikova O.I., Yefremova, N.S., Chemyakina, M.A., Myl'nikova, L.N., Vasil'yev, S.K., Bekker, G., Fassbinder, Y., Manshteyn, A.K., Dyad'kov, P.G. (2001). *Chicha — a settlement of the transitional period from Bronze to Iron Age in the Baraba forest-steppe: (First research results)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

Molodin, V.I., Partsinger, G., Garkusha, Yu.N., Shneyevayss, Y., Grishin, A.Ye., Novikova, O.I., Chemyakina, M.A., Yefremova, N.S., Marchenko, Zh.V, Ovcharenko, A.P., Rybina, Ye.V., Myl'nikova, L.N., Vasil'yev, S.K., Beneke, N., Manshteyn, A.K., Dyad'kov, P.G., Kulik, N.A. (2004). *Chicha is a settlement of the transitional period from Bronze to Iron Age in the Baraba forest-steppe. Vol. 2.* Novosibirsk; Berlin: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

Molodin, V.I., Partsinger, G., Krivonogov, S.K., Kazanskiy, A.Yu., Chemyakina, M.A., Matasova, G.G., Vasil'yevskiy, A.N., Ovcharenko, A.S., Grishin, A.Ye., Yermakova, N.V., Dergacheva, M.I., Fedeneva, I.N., Nekrasova, O.A., Myl'nikova, L.N., Durakov, I.A., Kobeleva, L.S., Zubova, A.V., Chikisheva, T.A., Pozdnyakov, D.V., Pilipenko, A.S., Romashchenko, A.G., Kulikov, I.V., Kobzev, V.F., Novikova, O.I., Vasil'yev, S.K., Shneyevayss, Y., Privat, K., Boldyrev, V.V., Drebushchak, V.A., Drebushchak, T.N., Derevyanko, Ye.I., Borodovskiy, A.P., Bourgarit, D., Reykhe, I., Kuz'minykh, S.V., Marchenko, Zh.V. (2009). *Chicha is a settlement of the transitional period from Bronze to Iron in the Baraba forest-steppe. Vol. 3*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

Panfilov, A.N., Zakh, Ye.M., Zakh, V.A. (1991). Borovlyanka 2 — a monument of the Neolithic and transitional times from Bronze to Iron in the Lower Ishim region. *Istochniki etnokul'turnoy istorii Zapadnoy Sibiri*. Tyumen': Izd-vo TyumGU, 25−50. (Rus.).

Troitskaya, T.N. (1985). Zavyalovo culture and its place among the forest-steppe cultures of Western Siberia. In: *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'ye.* Tyumen': TyumGU, 54–69. (Rus.).

Troitskaya, T.N., Zakh, V.A., Sidorov, Ye.A. (1989). New information about the Zavyalovo culture. In: *Zapadno-Sibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov*. Tyumen': TyumGU, 103–116. (Rus.).

Trufanov, A.Ya. (2003).On the problem of the content of the concept of “transition to the Iron Age”. *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoyeniya Zapadnoy Sibiri*. Barnaul: Alt. un-t, 384–386. (Rus.).

Tsembalyuk, S.I. (2013). Economy and life of the population of the Krasnoozersk culture based on materials from the Marai 1 settlement in the Lower Ishim region. In: *Novyye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: (Materialy II mezhdunar. konf. molodykh uchenykh, Moskva, 19–21 marta 2013 g.).* Moscow, 70−72. (Rus.).

Tsembalyuk, S.I., Berlina, S.V. (2014). Early Iron Age complex of the Likhachevskoe settlement in the Ishim region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 26(3), 55−65. (Rus.).

Volkov, Ye.N. (2001). Archaeological research in the Kazansky district of the Tyumen region in 1998−1999. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 226−231. (Rus.).

Zakh, V.A. (2009). Settlement Lastochkino Gnezdo 1 in the Lower Ishim region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (11), 67–80. (Rus.).

Zakh, V.A. (2010). General and particular in the cultures of the transition from the Bronze Age to the Early Iron Age in the forest-steppe of Western Siberia. In: *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt zapadno-sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy: Materialy XV Mezhdunarodnoy Zapadno-Sibirskoy arkheologicheskoy konferentsii*. Tomsk: Agraf-Press, 340–342. (Rus.).

Zakh, V.A. (2013). On the concept of “transition period” in the archeology of Western Siberia. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 21(2), 20−27. (Rus.).

Zakh, V.A. (2015). House-building traditions and their connection with paleoclimatic and migration processes in Tobol-Ishim region. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskiy sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (7), 4−18. (Rus.).

Zakh, V.A. (2023). Zhuravlevo complex of the Borki 1 settlement in the Lower Ishim region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 62(3), 88−102. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-8

Zakh, V.A., Fomina, Ye.A. (1999). On the question of the origin of the Andreevskaya culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii,* (2), 14−21. (Rus.).

Zakh, V.A., Ilyushina, V.V., Tigeyeva, Ye.V., Yen'shin, D.N., Kostomarov, V.M. (2015). Closed Zhuravlevo complex of the Borki 1 settlement in the Lower Ishim region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 29(2), 4–14. (Rus.).

Zakh, V.A., Zimina, O.Yu. (2014). Early complex of the Krasnoozerka culture of the Mergen 2 settlement in the Ishim region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 27(4), 48–59. (Rus.).

Zakh, V.A., Zimina,O.Yu., Ilyushina, V.V., Danchenko, Ye.M., Yen'shin, D.N. (2016). Ceramic complex of the final Bronze Age and the transitional time to the Iron Age from the Borki settlement (based on the results of work in 2012–2013). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 35(4), 33–47. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-033-047

Zakh, V.A., Zimina, O.Yu., Ryabogina, N.Ye., Skochina, S.N., Usacheva, I.V. (2008). *Holocene landscapes and interaction of cultures in the Tobol-Ishim interfluve.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zimina, O.Yu. (2015). Complexes of the Krasnoozerka culture of the Ishimo-Irtysh region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 31(4), 49−56. (Rus.).

Zimina, O.Yu., Skochina, S.N. (2008). Complex of the transitional time from Bronze to Iron of the settlement of Mergen 6 in the Ishim region. In: *Istoricheskiye chteniya pamyati M.P. Gryaznova*. Omsk, 187–189. (Rus.).

Zimina, O.Yu., Zakh, V.A. (2009). *Lower Tobol region at the turn of the Bronze and Iron Ages.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zimina, O.Yu., Zakh, V.A., Skochina, S.N. (2023). Ceramic complex of the transition period from Bronze to Iron of the settlement of Mergen 6 in the Lower Ishim region (Western Siberia). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 63(4), 120−133. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-9

Зах В.А., https://orcid.org/0000-0002-3635-5933

Сведения об авторе: Зах Виктор Алексеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the author: Zakh, V.A., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre of SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 30.05.2024

Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-3

УДК 902/904

Серегин Н.Н. *, Матренин С.С.

Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Серегин Н.Н.); matrenins@mail.ru (Матренин С.С.)

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ НЕКРОПОЛЯ ПРЕДТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ ЧОБУРАК-I (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

Статья посвящена основным аспектам социальной интерпретации серии погребений, раскопанных в составе некрополя предтюркского времени на памятнике Чобурак-I (Республика Алтай). Охарактеризованы основные элементы демографической структуры группы кочевников, представлены особенности стратификации данного небольшого коллектива. Обосновано заключение о том, что рассматриваемый некрополь булан-кобинской культуры оставлен представителями местной элиты населения предтюркского времени.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, предтюркское время, социальная интерпретация, демографическая структура, некрополь.

Ссылка на публикацию: Серегин Н.Н., Матренин С.С. Опыт социальной интерпретации материалов некрополя предтюркского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 31–41. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-3

Введение

Благодаря интенсивным раскопкам погребальных памятников на территории Алтая, осуществленным в конце XX — начале XXI в., сформирована представительная источниковая база для исследования различных аспектов истории населения булан-кобинской археологической культуры. Одним из важных направлений изучения этих материалов стали социальные реконструкции, позволившие дать общие и особенные характеристики половозрастной, профессиональной и социально-имущественной стратификации кочевников региона во II в. до н.э. — V в. н.э. [Васютин С.А., Васютин А.С., 2005; Бобров и др., 2003; Мамадаков, 1997; Матренин, Тишкин, 2005; Серегин, Матренин, 2020; и др.]. Процедурно-методическую основу таких изысканий составляет определение маркеров погребального обряда и сопроводительного инвентаря, которые демонстрируют прижизненный статус умерших людей в горизонтальной и вертикальной структуре рассматриваемого общества. При этом общей позицией во всех обозначенных исследованиях является утверждение о том, что включение Алтая в сферу влияния кочевых империй Центральной Азии (хунну, сяньби, жужаней) привело к формированию у полиэтничного населения региона новой социально-политической организации, базировавшейся на родоплеменной стратификации.

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Чобурак-I на территории Алтая.
Fig. 1. Map-scheme of the location of the Choburak-I site in Altai.

* Corresponding author.

Перспективным направлением исследований этносоциальной истории кочевников Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. является детализация специфики развития отдельных локальных групп населения булан-кобинской культуры, а также анализ динамики статуса носителей разных погребальных традиций на протяжении обозначенного периода. В этом контексте принципиально важным следует считать анализ полностью раскопанных могильников, изучение которых позволило получить качественные археологические и антропологические источники для различного рода реконструкций. Один из примеров таких памятников — некрополь Чобурак-I, демонстрирующий существование небольшой группы кочевников на территории Северного Алтая в предтюркское время. Результаты раскопок этого комплекса в полном объеме опубликованы в вышедшей недавно монографии [Серегин и др., 2023]. Также в данной книге охарактеризована общая картина дифференциации группы номадов, оставившей могильник [Серегин и др., 2023, с. 214–234]. В настоящей статье представлены возможности социальной интерпретации имеющихся археологических материалов в связи со сложными процессами социо- и этногенеза, происходившими на Алтае на рубеже древности и средневековья.

Характеристика источников

Погребально-поминальный памятник Чобурак-I находится на правом берегу р. Катуни, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи в составе данного комплекса был раскопан некрополь булан-кобинской культуры. Он состоял из 12 непотревоженных курганов, расположенных компактной группой (рис. 2) в северной части памятника, возле погребальных сооружений периода энеолита и раннескифского времени, а также неподалеку от тюркских оградок.

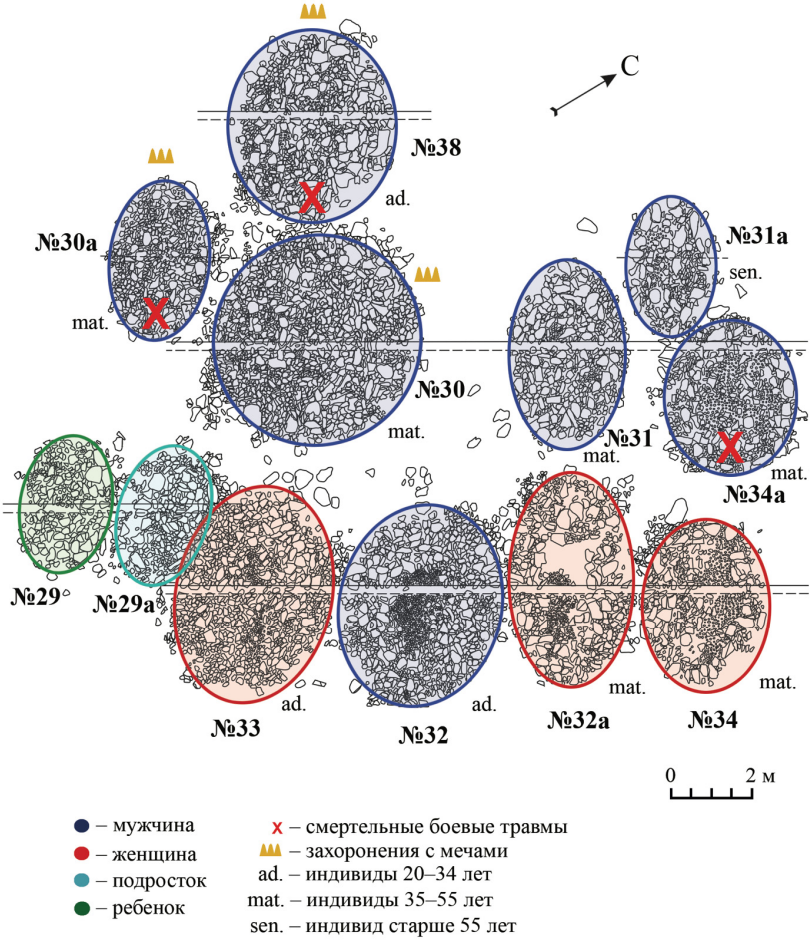


Рис. 2. Планиграфическая схема некрополя булан-кобинской культуры Чобурак-I
Fig. 2. Planigraphic scheme of the necropolis of the Bulan-Koby culture Choburak-I.

Ключевыми характеристиками рассматриваемых объектов являются локализация несколькими «плотными» рядами; невысокая каменная насыпь овальной формы с крепидой; неглубокая (до 1,3 м) и узкая (до 1,1 м) яма с деревянными внутримогильными конструкциями и без таковых; одиночная ингумация умерших людей вытянуто на спине; ориентировка покойных головой в западный сектор горизонта с отклонением на север; сопроводительное захоронение лошади в «ногах» и поверх умершего. По совокупности этих признаков раскопанные погребения относятся к дялянской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162; Митько, 2018]. Анализ сопроводительного инвентаря с привлечением результатов радиоуглеродного датирования позволяют определить хронологию некрополя в рамках середины — второй половины IV в. н.э. [Серегин и др., 2023].

Среди скелетированных останков 12 чел. идентифицированы 7 мужчин, 3 женщины, подросток и ребенок[1] (табл. 1). Гендерная принадлежность индивидов во всех случаях подтверждена составом вещей, обнаруженных рядом с погребенным [Серегин, Матренин, 2020, с. 35–67]. Сформированная серия материалов дает основания для ряда заключений об особенностях демографии, половозрастной структуры и социальной стратификации «булан-кобинцев», оставивших некрополь.

Половозрастной состав умерших людей из некрополя булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I

Age and sex of deceased people from the necropolis of the Bulan-Koby culture of the Choburak-I site

Пол и возраст, лет		
Дети и подростки		
1	Курган № 29	9–11
2	Курган № 29а	13–15
Женщины		
3	Курган № 32а	40–50
4	Курган № 33	20–25
5	Курган № 34	30–35
Мужчины		
6	Курган № 30	30–35
7	Курган № 30а	30–40
8	Курган № 31	Около 40
9	Курган № 31а	Старше 55
10	Курган № 32	25–30
11	Курган № 34а	30–35
12	Курган № 38	25–30

Демографическая структура

Данные раскопок памятника Чобурак-I демонстрируют типичную для булан-кобинской культуры ситуацию резко выраженного количественного доминирования (в три раза) мужской части населения над женской [Серегин, Матренин, 2020, с. 74–77]. Судя по антропологическим определениям, средняя продолжительность жизни взрослых людей составляла 35 лет с незначительной разницей у мужчин (35,7 года) и женщин (32,2 года). Обозначенные параметры совпадают с показателями среднего возраста смерти мужчин (36 лет) и женщин (32 года), полученными на основе обобщенной выборки по разным погребальным комплексам последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. с территории Алтая [Серегин, Матренин, 2020, с. 77].

Следует отметить, что в материалах раскопок некрополя Чобурак-I имеются захоронения ребенка 9–11 лет и подростка 13–15 лет и в то же время отсутствуют могилы детей младшей возрастной подгруппы. Это выглядит необычным, если учесть высокую смертность детей в первые годы жизни, характерную для всех народов древности и средневековья. Данный факт, с одной стороны, можно рассматривать как свидетельство существования у «булан-кобинцев» практики захоронения детей небольшого возраста отдельно от взрослых[2]. В качестве другого варианта

[1] Выражаем благодарность к.и.н. С.С. Тур за предоставленные антропологические определения.

[2] На сегодняшний день единственным примером отдельного «детского» кладбища в материалах булан-кобинской культуры является комплекс погребений сяньбийского времени Бике-I (Северный Алтай) [Кубарев и др., 1990]. В обобщенной выборке захоронений рассматриваемой общности удельный вес детей и подростков составляет 25 %, что, в целом, представляется возможным проецировать на реальную популяцию. При этом на отдельных хорошо исследованных некрополях количество детских могил могло достигать, а иногда превышать третью часть всех вскрытых объектов [Серегин, Матренин, 2020, с. 75–76].

объяснения зафиксированной ситуации следует допустить чрезвычайно короткий период использования территории некрополя для совершения захоронений небольшим коллективом кровных родственников. Аргументами в пользу последнего предположения является принадлежность объектов булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I к одной погребальной традиции, а также достаточно однородный в хронологическом отношении сопроводительный инвентарь.

Среди умерших женщин две относятся к возмужалой (от 20 до 35 лет), а одна — к зрелой (40–50 лет) возрастной группе. Для мужской части рассматриваемой популяции характерно, во-первых, отсутствие индивидов моложе 25 лет, а во-вторых — одинаковое распределение погребенных по возрастным когортам 25–30, 30–35 и 35–40 лет. Материалы дают основание считать, что пик смертности у мужчин приходился на период с 30 до 35 лет. Вероятно, шесть из семи представителей данного пола принадлежали к одному поколению. Показательным является случай доживания мужчины до пожилого возраста (старше 55 лет). В этом контексте следует отметить, что в обобщенной антропологической серии булан-кобинской культуры среди 444 индивидов зафиксировано всего десять (2,2 %) человек (семь мужчин и три женщины), умерших после 55 лет[3].

Важным фактором, повлиявшим на представленную картину демографической структуры, было участие рассматриваемой группы кочевников в вооруженных конфликтах. Отражением этого являются обнаруженные на посткраниальных скелетах трех взрослых мужчин повреждения без следов заживления, нанесенные мечом (курганы № 30а, 31), сочетающиеся в одном случае с декапитацией (курган № 34а). Обозначенные свидетельства подтверждают высокий уровень вооруженного насилия на Алтае в эпоху Великого переселения народов, когда в связи с распадом державы сяньби во второй половине III в. н.э. и обострением междоусобной борьбы за власть в IV в. н.э. отдельные коллективы «булан-кобинцев» могли стать участниками вооруженных столкновений, в том числе с культурно/этнически чужеродным населением [Тур и др., 2018, с. 136].

Социальная стратификация

Материалы раскопок памятника Чобурак-I подтверждают вывод о том, что главным маркером социальной стратификации населения булан-кобинской культуры Алтая был сопроводительный инвентарь [Матренин, Тишкин, 2005, с. 161–177; Серегин, Матренин, 2020, с. 90–92]. Анализ обнаруженных изделий подтверждает полученные ранее на обширной серии объектов выводы о социальной «престижности» разных категорий предметов исходя из сравнения различных параметров: частота встречаемости; функциональное назначение при учете кочевого скотоводства как главного компонента системы жизнедеятельности; материальная ценность с точки зрения количества и качества использованного для их изготовления материала, а также трудоемкости технологии производства; незаурядность сакрально-символической роли изделия в системе религиозно-мифологических представлений; «модность» вещи [Матренин, Тишкин, 2005, с. 161–182; Серегин, Матренин, 2020, с. 35–71, 92–107].

Обозначенные параметры сравнения стали основанием для выделения разных по «престижности» наборов вещей (категорий) сопроводительного инвентаря, обнаруженных в погребениях взрослых людей из могильника Чобурак-I (рис. 3, 4). Для предметов вооружения первый по уровню социальной значимости набор включает мечи и доспехи, второй — боевые ножи, третий — луки и стрелы с железными наконечниками. Снаряжение человека подразделяется на три набора: в первый входят пояса с большим количеством деталей гарнитур (более десяти), во второй — стрелковые пояса с крюками-застежками, ножны с железными деталями, в третий — простые и наборные пояса с немногочисленными элементами гарнитуры. Амуниция верхового коня представлена двумя социальными наборами, первый из которых — декоративная уздечная и седельная гарнитура, второй — удила, псалии, уздечные, подпружные пряжки, блоки, застежки и прочие изделия. Орудия труда и предметы быта подразделяются на три набора: первый представлен металлическим котлом, второй — гребнем и косметической щеточкой, третий — всеми остальными изделиями (преимущественно ножи, костяные наконечники стрел, плети, шилья). Среди украшений самый «престижный» набор включает нашивные металлические пластины и круглую золотую бляху большого размера, второе место по социальной значимости занимают серьги и бляхи-нашивки, третье — все остальные предметы.

[3] Судя по антропологическим материалам, в обществе кочевников булан-кобинской культуры Алтая старость наступала у мужчин уже в интервале 45–50 лет, а количество индивидов этого пола, доживших до 55 лет, составляет 3,7 % [Серегин, Матренин, 2020, с. 74].

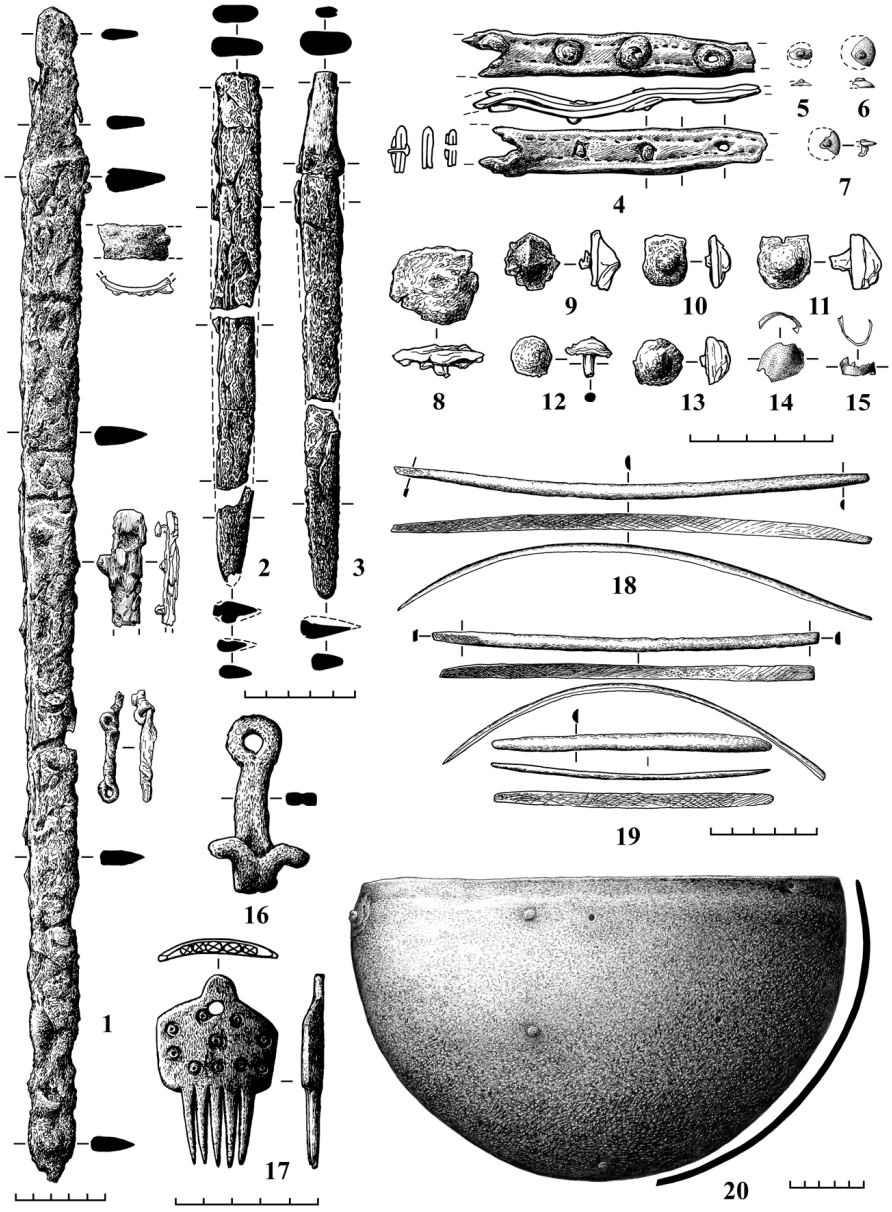


Рис. 3. Социально значимые категории сопроводительного инвентаря из погребений мужчин и подростка предтюркского времени памятника Чобурак-I:
1 — меч с деталями ножен; 2, 3 — боевые ножи; 4–13 — уздечные бляхи; 14, 15 — обкладки нагривника лошади; 16 — колчанный крюк; 17 — гребень; 18, 19 — седельные канты; 20 — котел: 1–3, 8–13, 16, 20 — железо; 4 — цветной металл, кожа; 5–7 — цветной металл, железо; 14, 15 — цветной металл; 17–19 — кость (рог).

Fig. 3. Socially significant categories of accompanying inventory from the burials of men and a teenager of the Pre-Turkic period at the Choburak-I site:
1 — sword with scabbard details; 2, 3 — combat knives; 4–13 —bridle plaques; 14, 15 — facings horse's breastplate; 16 — quiver hook; 17 — comb; 18, 19 — saddle edges; 20 — boiler: 1–3, 8–13, 16, 20 — iron; 4 — non-ferrous metal, leather; 5–7 — non-ferrous metal, iron; 14, 15 — non-ferrous metal; 17–19 — bone (horn).

Результаты ранжирования наборов предметов материальной культуры, а также обоснованные «социальные стандарты» погребальной практики (признаки, встречающиеся более чем в 50 % захоронений людей определенного пола) [Серегин, Матренин, 2020, с. 72] дают основания для выделения нескольких социальных групп погребений некрополя Чобурак-I.

Ребенок и подросток. При интерпретации социального статуса данных индивидов учитывалось, что стандарт их погребального обряда у населения Северного Алтая во второй половине IV — первой половине V в. н.э. предусматривал одиночную ингумацию без сопроводительного захоронения лошади, отсутствие инвентаря у детей до 3 лет и наличие немногочисленных вещей (нож, бусы,

костяные подвески, реже другие предметы) у индивидов 4–13 лет [Серегин, Матренин, 2020, с. 72]. Принимая во внимание эти наблюдения, наличие в могиле ребенка 9–11 лет из кургана № 29 комплекса Чобурак-I трех железных, костяного (рогового) наконечников, простого пояса и короткоклинкового ножа определенно указывает на его достаточно высокое социальное происхождение.

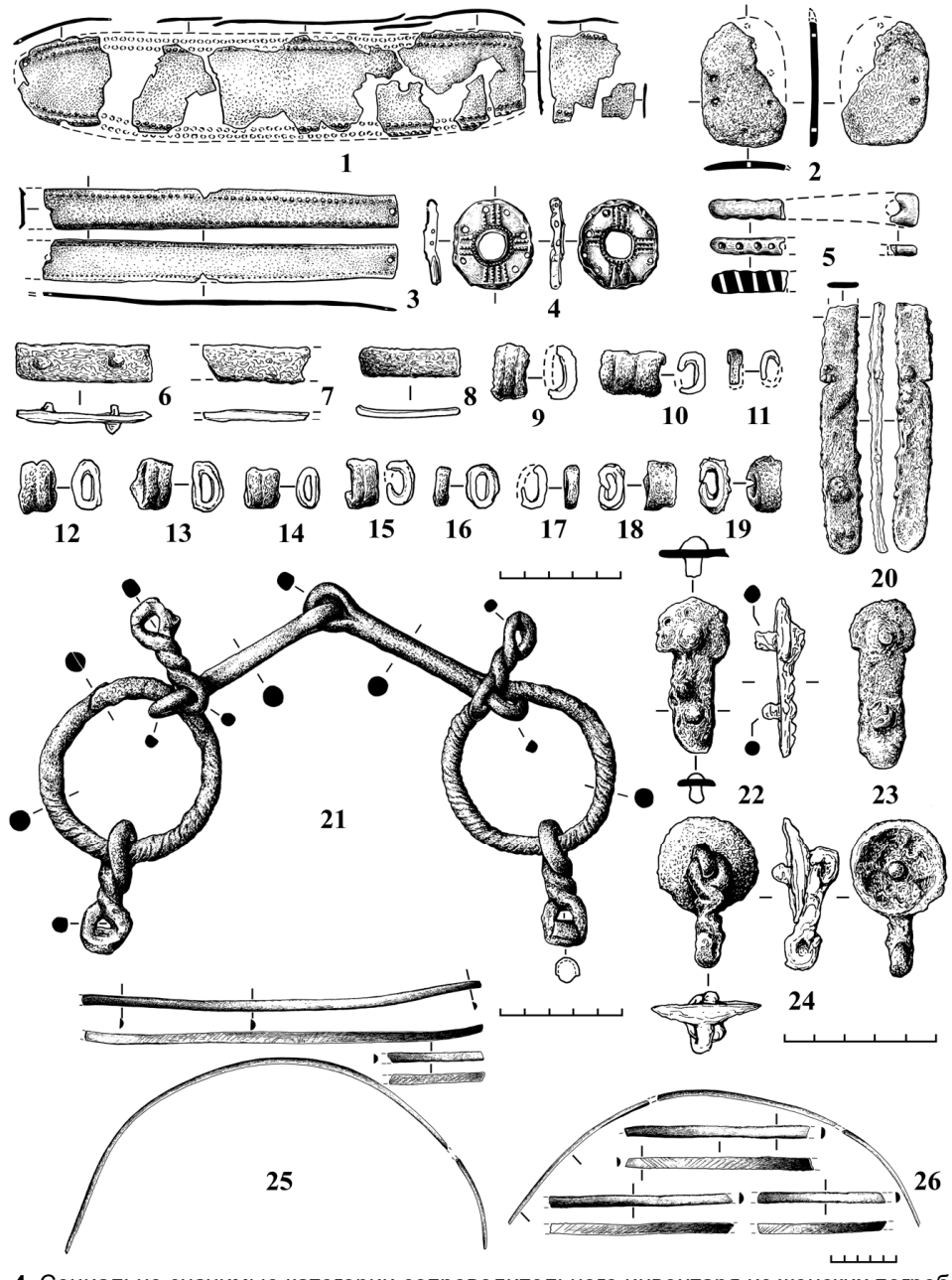


Рис. 4. Социально значимые категории сопроводительного инвентаря из женских погребений предтюркского времени памятника Чобурак-I:
1, 3 — большая и малая нашивные пластины от очелья накидки головного убора; 2 — панцирная пластина доспеха; 4 — бляха от диадемы; 5 — рукоять косметической щетки; 6–20, 24 — уздечные бляхи; 22, 23 — наконечники от ремней конского суголовья; 21 — удила с кольчатыми ложновитыми псалиями; 25, 26 — седельные канты: 1, 3, 4 — цветной металл; 2, 6–24 — железо; 5, 25, 26 — кость (рог).

Fig. 4. Socially significant categories of accompanying inventory from the female burials of the Pre-Turkic period at the Choburak-I site:
1, 3 — large and small sewn-on plates from the cape of the headdress; 2 — armor plate; 4 — plaque from the diadem; 5 —cosmetic brush handle; 6–20, 24 — bridle plaques; 22, 23 — tips from the belts of the horse head; 21 — bit with ringed false cheek-pieces; 25, 26 — saddle edges: 1, 3, 4 — non-ferrous metal; 2, 6–24 — iron; 5, 25, 26 — bone (horn).

В погребении подростка 13–15 лет из кургана № 29а зафиксирован необычный для данной возрастной группы состав изделий (сложносоставной лук, железные наконечники стрел, в том числе один бронебойный, железный боевой нож в ножнах, пояс с различными ременными гарнитурами, костяная рукоять плети, костяной гребень). Большинство этих предметов выступали атрибутами сопроводительного инвентаря взрослых мужчин населения Алтая эпохи Великого переселения народов. Показательно, что в обобщенной выборке из 158 захоронений детей и подростков булан-кобинской культуры предметы вооружения обнаружены только у девяти индивидов (не более 5 %), а само по себе присутствие данных изделий определенно демонстрирует их высокое социальное положение, обусловленное главным образом происхождением и, вероятно, в меньшей степени — индивидуальными особенностями физиологического развития [Серегин, Матренин, 2020, с. 43–44]. Гребень относится к социально «престижным» элементам погребальной обрядности женской части населения Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. [Серегин, Матренин, 2020, с. 36, 66]. С формальной точки зрения подросток из кургана № 29а мог уже частично преодолеть обряд инициации во взрослое состояние. Вместе с тем умерший был похоронен без верхового коня, что является отклонением от нормы для «булан-кобинцев», практиковавших трупоположение с лошадью. При объяснении обозначенной ситуации важно отметить антропологическое заключение о том, что физическое развитие скелета молодого человека несколько отставало от состояния зубного аппарата, указывающего на биологический возраст 13–15 лет. Представленные наблюдения дают основание для предположения об «особом» социальном статусе подростка, получившем отражение в обрядовой практике. Вероятно, специфика прижизненного положения умершего определялась состоявшимся (в связи с возрастом и довольно высоким статусом семьи) «переходом» человека во взрослое состояние, но при этом сохранением некоторых ограничений, связанных с особенностями его физического развития.

Женщины. Все три раскопанных на памятнике Чобурак-I женских погребения по качественному составу вещевых комплексов выбивались из «социального стандарта» женского инвентаря кочевников булан-кобинской культуры эпохи Великого переселения народов, который предусматривал наличие основного (преимущественно простого) пояса и небольших металлических украшений, обычно в виде бронзовых блях-нашивок (подвесок) на головной убор и (или) верхнюю одежду [Серегин, Матренин, 2020, с. 72]. Учитывая малочисленность объектов, целесообразным будет кратко рассмотреть каждую могилу по отдельности с акцентом на выявление общих и особенных признаков, характеризующих прижизненный статус умерших.

Сопоставление качественно-количественного состава наборов сопроводительного инвентаря показывает, что наиболее высоким был прижизненный статус у женщины 30–35 лет, похороненной в кургане № 34. Погребенная имела весьма оригинальный по оформлению головной убор, состоявший, по-видимому, из повязки-диадемы, декорированной крупной золотой бляхой-нашивкой, и тканевой накидки, богато украшенной одной большой и семью малыми нашивными бронзовыми пластинами. У носителей булан-кобинской культуры обозначенные изделия относятся к социально «престижным» предметам [Трифанова, Соенов, 2019, с. 63–65; Серегин, Матренин, 2020, с. 92, табл. 4]. Кроме того, необходимо отметить присутствие в рассматриваемом захоронении других украшений (бляхи-нашивки на верхнюю одежду и сумочку, серьги, накосник, подвеска из зуба марала), многочисленного снаряжения верхового коня (разнообразные уздечные бляхи, удила с псалиями, уздечные и подпружные пряжки, крепления), а также иных предметов, в том числе достаточно редких (косметическая щеточка, пряслице с орнаментом). Важно подчеркнуть, что по размерам насыпи и могильной ямы, а также особенностям конструкции данный объект не отличался от других курганов булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I, содержавших захоронения взрослых людей. С учетом совокупности обозначенных характеристик можно сделать вывод, что рассматриваемая женщина являлась представительницей местной элиты скотоводов Северного Алтая второй половины IV — первой половины V вв. н.э. Наиболее близкие ей по статусу захоронения предтюркского времени исследованы на некрополях Верх-Уймон, Дялян, Катанда-I и Кок-Паш [Гаврилова, 1965, с. 54; Соенов, 2000, с. 48–50, рис. 1–2, 8–10; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 176–177, табл. Va–б, XIII; Серегин, Матренин, 2020, с. 100].

Незаурядное положение в социальной стратификации «чобуракцев» занимала женщина 20–25 лет из кургана № 33. Основанием для такого заключения выступает обнаруженный с ней весьма специфичный набор предметов, в котором типично «женскими» изделиями являлись только серьга из цветного металла (зафиксирована в области пояса, вероятно, в сумочке) и железная ромбовидная подвеска. Остальные вещи (железная панцирная пластина доспеха,

шило, железный инструмент) в большей степени характерны для погребального обряда мужчин [Серегин, Матренин, 2020, с. 36]. Обратим внимание на то, что из данного захоронения происходит редкий уздечный набор, от которого сохранились различные функциональные (удила, ложновитые кольчатые псалии, пряжки, распределители, крепления, тренчик) и декоративные (бляхи, наконечники) гарнитуры. Наконец, важно подчеркнуть, что среди женских данное погребение выделялось самой большой по размерам насыпью, уступавшей по параметрам только захоронению мужчины из кургана № 30, а также устройством камеры в виде массивной деревянной колоды с перекрытием, размещавшейся на глубине 1,3 м от уровня древнего горизонта (могильные ямы в остальных объектах рассматриваемого комплекса не превышали в глубину 1 м).

В погребении женщины зрелого возраста (40–50 лет) из кургана № 32а были найдены несколько более скромный комплект «престижных» нашивных украшений головного убора в виде бронзовых пластин, снаряжение верхового коня (удила, уздечная и седельная пряжка, тренчик ремня, два седельных канта), а также другие изделия (две серьги, подвески из зуба марала, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, каменное пряслице, шило), которые демонстрируют социальный статус погребенной выше среднего — очевидно, она также относилась к достаточно привилегированной группе кочевников Северного Алтая предтюркского времени.

Отметим, что в составе некрополя Чобурак-I женские могилы входили в один («восточный») ряд компактно локализованных погребальных объектов (рис. 2). При этом курганы № 32а и 34, похожие по облику сопроводительного инвентаря, были расположены в непосредственной близости друг от друга, что могло отражать тесные родственные связи умерших.

Мужчины. В рамках социальной интерпретации мужских захоронений необходимо отметить, что стандартный для них комплект погребального инвентаря «булан-кобинцев» Северного Алтая во второй половине IV — первой половине V в. н.э. предполагал наличие лука и (или) стрел с железными наконечниками, простых или наборных поясов с небольшим количеством гарнитур, орудий труда (железные ножи, стрелы с костяными наконечниками) [Серегин, Матренин, 2020, с. 72]. Социальная стратификация наиболее отчетливо проявлялась в качественном и количественном составе предметов вооружения, снаряжения человека и верхового коня, что отражает большое влияние на материальную культуру скотоводов региона эпохи Великого переселения народов военного фактора, демонстрирующего зависимость статуса мужчин от занимаемого ими места в системе воинской иерархии. В результате сравнительного анализа семь мужских захоронений могильника Чобурак-I разделены на три социальные группы.

Первая социальная группа включает погребения из курганов № 30, 30а, 38, которые содержали максимально «престижный» комплекс предметов вооружения, состоявший из трех наборов: средства ведения дальнего боя (лук, железные наконечники стрел), короткоклинковое (нож) и длинноклинковое (меч) оружие. Остальной инвентарь представлен двумя наборами воинского снаряжения (простые или наборные пояса, ножны), разнообразной амуницией верхового коня (удила, функциональные и декоративные элементы узды, застежки, детали седельной гарнитуры), орудиями труда (ножи и (или) стрелы с костяными наконечниками, плети и др.), а в двух объектах — также украшениями из цветного металла (пронизь, нашивные пластины). Общее число обнаруженных в захоронениях изделий варьировало от 35 до 76. Мужчины имели близкий возраст смерти: 25–30 лет, 30–35 лет, 30–40 лет. Важно отметить, что в рамках некрополя они образовывали компактное скопление внутри «западного» ряда погребальных сооружений (рис. 2). Показательно, что на костях двух из трех индивидов рассматриваемой группы зафиксированы следы насильственной смерти, связанные с использованием оружия. Данное свидетельство с большой долей вероятности может указывать на синхронность захоронений в курганах № 38 и 30а. При интерпретации обозначенных объектов стоит подчеркнуть, что носители булан-кобинской культуры помещали мечи в могилы военачальников или особо отличившихся профессиональных воинов [Горбунов, 2006, с. 74]. Вероятно, в курганах № 30, 30а, 38 были похоронены представители местной элиты скотоводов Северного Алтая второй половины IV в. н.э.

Вторая социальная группа представлена погребением мужчины 25–30 лет из кургана № 32, похороненного с оружием дальнего (лук и стрелы с железными наконечниками) и ближнего (боевой нож в ножнах) боя, наборным поясом с большим количеством гарнитур, стрелковым поясом с колчанным крюком-застежкой, предметами снаряжения верхового коня (удила, уздечная и подпружная пряжки, застежки, седельные канты) и орудиями труда (нож, плеть). Всего с умершим найдено 36 изделий. Сравнение зафиксированного комплекса предметов с материалами других некрополей Алтая показывает, что данный мужчина имел социальный статус выше среднего. В обобщенной

серии захоронений булан-кобинской культуры удельный вес объектов с похожим составом оружия и снаряжения не превышает 7 % [Серегин, Матренин, 2020, с. 95]. Вероятно, этот мужчина при жизни относился к зажиточной части кочевников Северного Алтая и являлся профессиональным воином. Особенностью планиграфии рассматриваемого кургана является его расположение в центре «восточного» ряда погребальных объектов, включавшего могилы женщин, ребенка и подростка (рис. 2). Причины такой локализации данного мужского захоронения пока непонятны.

Третья социальная группа объединяет погребения мужчин из курганов № 31, 31а, 34а, которые содержали только один набор предметов вооружения в виде лука и стрел с железными наконечниками. Другой зафиксированный инвентарь включал воинское снаряжение (пояс с большим количеством гарнитур и (или) стрелковый пояс с крюком-застежкой), амуницию верхового коня (удила, разнообразные железные детали узды, подпружные пряжки, застежки, седельный кант), единичные орудия труда (костяные наконечники стрел, ножи, плеть, шило), а в одном случае — железный котел. Количество обнаруженных в могилах вещей варьировало от 29 до 40. В возрастном отношении среди погребенных присутствуют индивиды 30–35 лет, 40 лет, а также старше 55 лет. Судя по имеющимся материалам, в могилах с таким инвентарем были похоронены представители зажиточной прослойки рядового населения булан-кобинской культуры[4]. В мирное время они являлись скотоводами и охотниками, а в военное — легковооруженными ополченцами [Серегин, Матренин, 2020, с. 96–97]. Обратим внимание на то, что в составе некрополя Чобурак-I курганы № 31, 31а, 34а образовывали компактное скопление в «западном» ряду объектов, который состоял только из мужских захоронений (рис. 2).

Заключение

Проанализированные материалы полностью раскопанного некрополя Чобурак-I, сформированного носителями дялянской традиции обрядовой практики, предоставили основания для ряда важных заключений об особенностях демографии, половозрастной структуры и социальной стратификации населения Северного Алтая в предтюркское время. Установлена типичная для булан-кобинской культуры ситуация резко выраженного количественного доминирования погребенных в составе комплекса мужчин над женщинами, а также средняя продолжительность жизни взрослых людей (мужчины — 35,7 года; женщины — 32,2 года), близкая аналогичным показателям многих групп кочевников Алтая конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э.

Исследование продемонстрировало, что главным маркером социальной стратификации «булан-кобинцев» был сопроводительный инвентарь. Выявлен «особенный» социальный статус подростка 13–15 лет из кургана № 29а, который определялся состоявшимся формальным переходом данного индивида во взрослое состояние при сохранении некоторых ограничений, обусловленных отставанием в физическом развитии. Судя по наборам украшений и конского снаряжения, все женщины имели социальный статус выше среднего. При этом женщина, погребенная в кургане № 34, занимала максимально высокое положение не только в рамках рассматриваемого локального коллектива, но и среди других групп булан-кобинского населения Северного Алтая в предтюркское время. Вероятно, она являлась представительницей местной элиты кочевников. Социальная стратификация мужчин нашла отражение в качественном и количественном составе предметов вооружения, снаряжения человека и верхового коня. Изучение взаимной встречаемости различных категорий изделий позволило выделить три социальные группы: военачальники или особо отличившиеся профессиональные воины (курганы № 30, 30а, 38); профессиональный воин с высоким материальным достатком (курган № 32); представители зажиточной прослойки рядового населения (курганы № 31, 31а, 34а). Наличие у мужчин скелетных травм без следов заживления свидетельствует об активном участии «чобуракцев» в вооруженных конфликтах. Правомерность такой дифференциации подтверждается сопоставлением рассматриваемых захоронений с другими погребальными комплексами булан-кобинской культуры.

Одним из результатов работы стали наблюдения, касающиеся социальной планиграфии анализируемого комплекса: раздельная локализация погребений взрослых людей разного пола в отдельных рядах; расположение захоронений ребенка и подростка у кургана, возведенного для молодой женщины; компактное размещение могил военачальников или особо отличившихся профессиональных воинов. В целом, на основе полученных данных можно сделать вывод о том,

[4] В связи с этим важно отметить специфику прижизненного статуса пожилого мужчины из кургана № 31а, учитывая, что у большинства мужчин, умерших в возрасте от 55 лет, отсутствовал сопроводительный инвентарь либо встречались единичные, социально не выразительные вещи.

что оставившие рассмотренный могильник Чобурак-I носители булан-кобинской культуры принадлежали к местной элите кочевников Северного Алтая предтюркского времени. Таким образом, проведенное нами исследование позволяет уточнить сложившиеся представления о характере социальных процессов, происходивших на территории Алтая на рубеже поздней древности и раннего средневековья, а также демонстрирует дальнейшие перспективы комплексных реконструкций с привлечением широкого круга специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Васютин С.А., Васютин А.С. Население Восточного Алтая в предтюркское время // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 224–236.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.

Мамадаков Ю.Т. Отражение общественных отношений булан-кобинского населения в детских погребениях // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 159–161.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 152–183.

Митько О.А. Археологические свидетельства миграции алтайских племен в восточноевропейские степи в конце первой половины I тыс. н.э. // Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии. Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2018. С. 26–39.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С. Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. 432 с.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. № 5. С. 48–62.

Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2019. 160 с.

Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 132–139.

Seregin N.N. *, Matrenin S.S.

Altai State University, prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Seregin N.N.); matrenins@mail.ru (Matrenin S.S.)

An experience of social interpretation of the materials from the pre-Turkic necropolis of Choburak-I (Northern Altai)

The paper concerns the main aspects of social interpretation of a series of burials excavated as part of the pre-Turkic period necropolis at the site of Choburak-I. This complex, investigated by the expedition of the Altai State University, is located in Chemalsky District of the Altai Republic. The burial ground of the Bulan-Koba Culture comprises 12 burial mounds arranged in a compact group. Each of these contained an undisturbed human burial with or without a horse. The analysis of the retrieved accompanying inventory, involving the results of radiocarbon dating, allowed it to determine the chronology of the necropolis within the middle — second half of the 4th century CE. The excavation materials turned out to be highly informative for the study of various aspects of the social history of the population of Northern Altai in the pre-Turkic period. It has been established that the accompanying grave goods was the main marker of the social stratification of the 'Bulan-Kobins'. A 'special' social status of a 13- to 15-year-old adolescent from mound No. 29a was revealed, which was indicated by the completed formal transition of this individual to an adulthood with retention of certain restrictions due to the lag in physical development. Based on the sets of jewellery and horse equipment, all women had an above-average social status. Meanwhile, the deceased female buried in barrow No. 34 occupied a highest possible position and, probably, was a member of a local nomadic elite. The social stratification of men was reflected in the qualitative and quantitative composition of weapons and personal and horse equipment. The analysis of mutual occurrence of various categories of goods allowed the identification of three social groups: (i) warrior leaders or highly-distinguished profes-

* Corresponding author.

sional warriors (mounds Nos. 30, 30a and 38); (ii) a professional warrior with a high material wealth (mound No. 32); and (iii) members of the prosperous stratum of the civil population (mounds Nos. 31, 31a and 34a). The data obtained support a conclusion that the necropolis of the Bulan-Koba Culture at the site of Choburak-I was left behind by members of local nomadic elite of Northern Altai of the pre-Turkic period. The performed study refines the conventional views on the nature of social processes that were taking place in the territory of Altai at the turn of the late antiquity and Early Middle Ages, as well as demonstrates further prospects for complex reconstructions involving a wide range of specialists.

Keywords: Altay, Bulan-Koba Culture, pre-Turkic times, social interpretation, demographic structure, necropolis.

REFERENCES

Bobrov, V.V., Vasjutin, A.S., Vasjutin, S.A. (2003). *Eastern Altai in the Great Migration period*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SO RAN. (Rus.).

Gavrilova, A.A. (1965). *Burial ground Kudyrge as a source on the history of the Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).

Gorbunov, V.V. (2006). *Military affairs of the population of Altai in the III–XIV centuries. Part II: Offensive weapons (weapons).* Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).

Kubarev, V.D., Kireev, S.M., Cheremisin, D.V. (1990). Mounds of the Bike place. In: *Arkheologicheskie issledovaniia na Katuni*. Novosibirsk: Nauka, 43–95. (Rus.).

Mamadakov, Ju.T. (1997). Reflection of public relations of the Bulan-Koba population in children's burials. In: *Social'no-jekonomicheskie struktury drevnih obshhestv Zapadnoj Sibiri*. Barnaul: Altaiskii universitet, 159–161. (Rus.).

Matrenin, S.S., Tishkin, A.A. (2005). Bulan-Koba culture of Gorny Altai. In: *Social'naja struktura rannih kochevnikov Evrazii*. Irkutsk: Irkutskii tekhnicheskii universitet, 152–183. (Rus.).

Mit'ko, O.A. (2018). Archaeological evidence of the migration of the Altai tribes to the Eastern European steppes at the end of the first half of the 1st millennium AD. In: *Aktual'nye voprosy izuchenija istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Evrazii*. Astana: Euraziiskii natsional'nyi universitet im. L.N. Gumilyova, 26–39. (Rus.).

Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2016). *The funeral rite of the nomads of Altai in the II century BC — XI century AD.* Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).

Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2020). *Social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (II century BC — XIV century AD): based on materials from archaeological complexes.* Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).

Seregin, N.N., Matrenin, S.S., Tishkin, A.A., Parshikova, T.S. (2023). *Altai in pre-Turkic period (based on materials from the Choburak-I archaeological complex).* Barnaul: Altai university. (Rus.).

Soenov, V.I. (2000). The results of excavations at the Verkh-Uimon burial ground in 1999. In: *Drevnosti Altaja*. Gorno-Altajsk: Gorno-Altaiskii universitet, 48–62. (Rus.).

Trifanova, S.V., Soenov, V.I. (2019). *Ornaments of the Altai population of the Hun-Sarmatian period.* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaiskii universitet. (Rus.).

Tur, S.S., Matrenin, S.S., Soenov, V.I. (2018). Armed violence among the pastoralists of the Altai Mountains in the Hunno-Sarmatian period. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (4), 132–139. (Rus.).

Vasjutin, S.A., Vasjutin, A.S. (2005). The population of the Eastern Altai in the pre-Turkic period. In: *Social'naja struktura rannih kochevnikov Evrazii*. Irkutsk: Irkutskii tekhnicheskii universitet, 224–236. (Rus.).

Серегин Н.Н., https://orcid.org/0000-0002-8051-7127
Матренин С.С., https://orcid.org/0000-0001-7752-2470

Сведения об авторах: Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, Алтайский государственный университет, Барнаул.

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет, Барнаул.

About the authors: Seregin, N.N., Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Altai State University, Barnaul.

Matrenin, S.S., Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Senior Researcher, Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Barnaul.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 18.12.2023
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-4

УДК 903.27

Султанова М.Н. [a], Кубаев С.Ш. [b, *]

[a] Самаркандский институт археологии имени Я. Гулямова
ул. В. Абдуллаева, 5/5 кв., Самарканд, 140151, Республика Узбекистан
[b] Национальный центр археологии АН РУз
Массив Юнусабад, 4 кв. 12/17, Ташкент, 100093, Республика Узбекистан
E-mail: muniras8512@gmail.com (Султанова М.Н.); kubaev.surat@gmail.com (Кубаев С.Ш.)

ПРИЧЕСКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СОГДА (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕЗНОГО ДЕРЕВА С КАФИРКАЛЫ)

Одна из уникальных археологических находок последних лет на территории Согда — обугленный деревянный декор с резными изображениями с территории городища Кафиркала Самаркандской области. Он состоит из панно и еще нескольких относящихся к нему прямо или косвенно частей. Целью статьи является специальное исследование причесок персонажей на деревянном декоре Кафиркалы как элементов культуры и быта согдийского населения. Мастер изобразил около 10 видов причесок, которые были известны в раннем средневековье в Согде.

Ключевые слова: Кафиркала, Согд, резное панно, арка, Нана, согдийцы, прическа.

Ссылка на публикацию: Султанова М.Н., Кубаев С.Ш. Прически раннесредневекового Согда (по материалам резного дерева с Кафиркалы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 42–51. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-4

Введение

В процессе археологических исследований получают самые разные материалы, которые позволяют восстановить культуру древних обществ, с присущими ей архитектурными сооружениями, домашней утварью, орудиями труда и оружием. Антропологические реконструкции дают возможность воссоздать физический облик людей прошлого. Однако, к сожалению, только по немногочисленным памятникам искусства можно судить о прическах, характерных для мужчин и женщин в разные эпохи, о моде на укладку волос и, наконец, рассматривать прически как индикатор этнической идентификации. Как известно, собственно волосы или прическа в древности в разных цивилизациях не только украшали человека, но и подчас были знаком профессии, социального происхождения, национальной или религиозной, а в особых случаях — даже политической принадлежности. Также они являлись показателями высокого уровня жизни общества, появления парикмахерского искусства и его развития. Каждая эпоха вносила что-то новое в развитие парикмахерского искусства, которое отражало быт и нравы народа, представления людей о красоте.

Объект исследования

Городище Кафиркала расположено на левом берегу Даргома, в 18 км к юго-востоку столицы Согда — Афрасиаба. Оно отождествляется с загородной резиденцией самаркандских правителей. Обугленный деревянный декор был найден на цитадели городища [Бердимурадов и др., 2018]. Он состоит из панно размерами 124×141 см, арки размерами 156×53 см и еще двух деталей, относящегося к нему прямо или косвенно (рис. 4, 5). Панно представляет собой две широкие доски, скрепленные железными скобами. На лицевой стороне панно вырезана композиция из 46 человеческих фигур, размещенных в четыре яруса; кроме того, на других сохранившихся фрагментарно деревянных элементах декоративного оформления помещения выявлено еще более 20 персонажей. В центре двух верхних ярусов панно помещена крупная фигура богини, сидящей на троне в виде лежащего льва. К ней развернуты все остальные персонажи. Сюжет, изображенный на панно, и костюмы персонажей уже рассматривались специалистами по истории и искусству Согда [Богомолов и др., 2018, с. 26–44]. По их мнению, на панно представлена культовая сцена поклонения богине Нане или церемония в честь какого-то праздника или события (например, избрания царя старейшинами).

* Corresponding author.

Анализ изображений, сопоставление укладок волос и характера причесок показали, что персонажи хоть и несколько схематичны, но разнятся между собой и даже переданы с некоторой претензией на индивидуальность. Исходя из этого можно разделить их на три большие группы: персонажи с гладкими, волнистыми и кудрявыми волосами, которые также состоят из нескольких подгрупп.

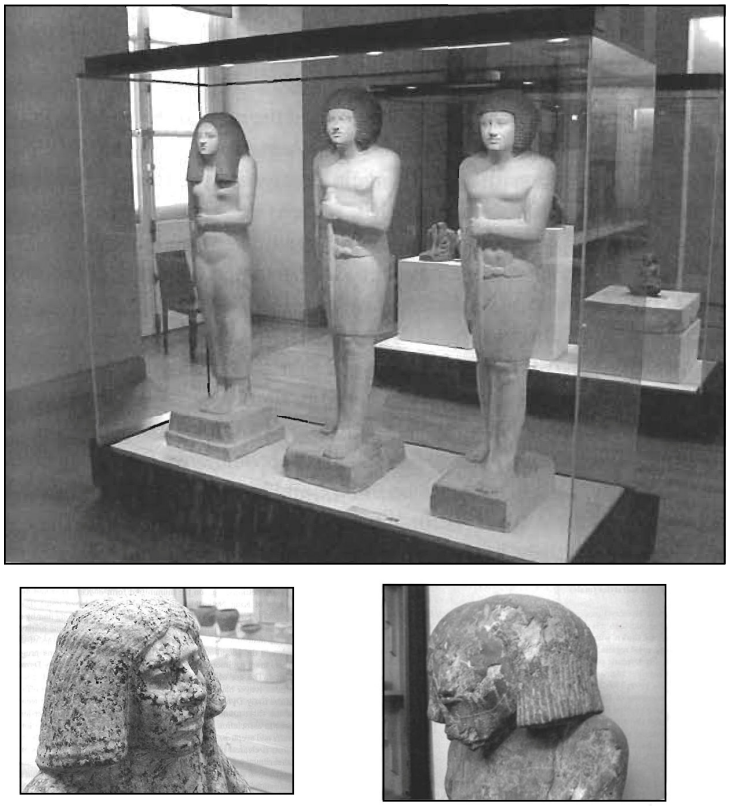


Рис. 1. Прически Древнего Египта (по: [Tassie, 2011, fig. 7–9]).
Fig. 1. Hairstyles of Ancient Egypt (according to: [Tassie, 2011, fig. 7–9]).

К *первой группе* отнесены персонажи, у которых волосы обычные гладкие (15, 17, 26, 27, 29, 32, 46, 56, 57) (рис. 4). Их прически также разделяются на несколько подгрупп.

Персонаж № 15. У него округлая голова, прямой нос, короткие усы и большие миндалевидные глаза. Волосы обычные гладкие, спускаются до шеи, передняя часть волос подстрижена ровно, т.е. прическа представляет собой классическое каре.

Персонаж № 17. У него прямой нос, небольшие миндалевидные глаза, короткие усы и бородка (конической формы). Волосы гладкие, короткие, классическая стрижка.

Персонаж № 26. Одет так же, как и другие персонажи. Показаны короткие бородка и усы. Волосы гладкие, короткие, передняя часть подстрижена ровно. Волосы на затылке длинные, закрывают шею.

Персонаж № 27. Правая рука поднята на уровень плеча, ладонь раскрыта, но пальцы сжаты. Волосы обычные гладкие, передняя часть расчесана налево, на обратной стороне — длинные, закрывают уши и шею.

Персонаж № 29. Голова повернута направо, назад от центра композиции. Нос маленький прямой, брови уголком, глаза миндалевидной формы с выделенным зрачком, короткие усы над верхней губой. Бороды нет. Волосы гладкие, классическое каре, передняя часть зачесана вправо.

Персонаж № 32. Волосы гладкие, более длинные, падают почти до плеч, «классическое каре», лицо безбородое с короткими усами.

Персонаж № 38. У него длинные волосы, переданные вертикальными линиями, спускаются до плеч, короткая челка закрывает часть лба. Нос прямой, глаза миндалевидной формы с выделенным зрачком. Короткие усы и бородка.

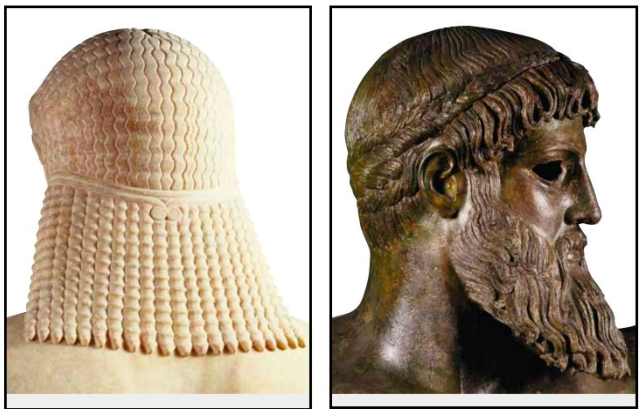


Рис. 2. Прически Древней Греции (по: [Vlachiogianni, 2015, fig. 1, 2]).
Fig. 2. Hairstyles of Ancient Greece (after [Vlachiogianni, 2015, fig. 1, 2]).

Рис. 3. Прически Древнего Рима (по: [Tassie, 2009, fig. 10]).
Fig. 3. Hairstyles of Ancient Rome (after [Tassie, 2009, fig. 10]).

Персонаж № 44. Волосы длинными прямыми прядями падают на шею, часть лба закрыта короткой челкой. Черты лица прослеживаются слабо.

Персонаж № 46. Лицо круглое, небольшой прямой нос, миндалевидные глаза и маленький рот. Бороды и усов нет, что, видимо, указывает на юный возраст. Волосы гладкие, в стиле «классическое каре», передняя часть расчесана налево.

Персонаж № 56 (рис. 5). Волосы длинными прямыми прядями падают на плечо, часть лба закрыта короткой челкой. Лицо передано в профиль, нос прямой, глаза миндалевидной формы с выделенным зрачком. Короткие усы, без бороды.

Персонаж № 57 (рис. 5). Лицо передано в профиль, глаза миндалевидной формы с выделенным зрачком. Короткие усы, без бороды. Волосы длинные, прямые, до плеч, часть лба закрыта короткой челкой.

Таким образом, в первой группе можно выделить следующие стили причесок. У персонажа № 17 волосы и сзади, и спереди короткие, в классическом стиле, у персонажей № 15, 27, 32, 46 волосы опущены до плеч (классическая стрижка, короткое каре). Но у всех них передняя часть волос подстрижена ровно. У персонажа № 29 передняя часть волос длинная и расчесана направо (каре), у персонажей № 27, 46 передняя часть расчесана влево. А у персонажей № 38, 44 волосы длинные гладкие в стиле «классическое каре». Соответственно в первой группе персонажей выделяются: классическая стрижка, короткое каре, каре с удлинением или классическое каре.

Вторая группа состоит из персонажей с волнистыми волосами. Но здесь мы также видим несколько типов причесок. Первый тип (№ 22, 23, 24, 34, 37, 41) — волосы короткие, волнистые в классическим стиле, передняя часть подстрижена ровно, сзади волосы доходят до шеи.

Персонаж № 22. У него крупная голова, показанная в профиль, волосы волнистые короткие, передняя часть подстрижена ровно (стиль «цезарь»). Нос прямой, глаза миндалевидной формы с выделенным зрачком, брови прямые.

Персонаж № 23. Лицо передано в профиль, нос прямой, глаза миндалевидной формы с выделенным зрачком. Короткие усы, без бороды. Волосы волнистые короткие, передняя часть подстрижена ровно (стиль «цезарь»).

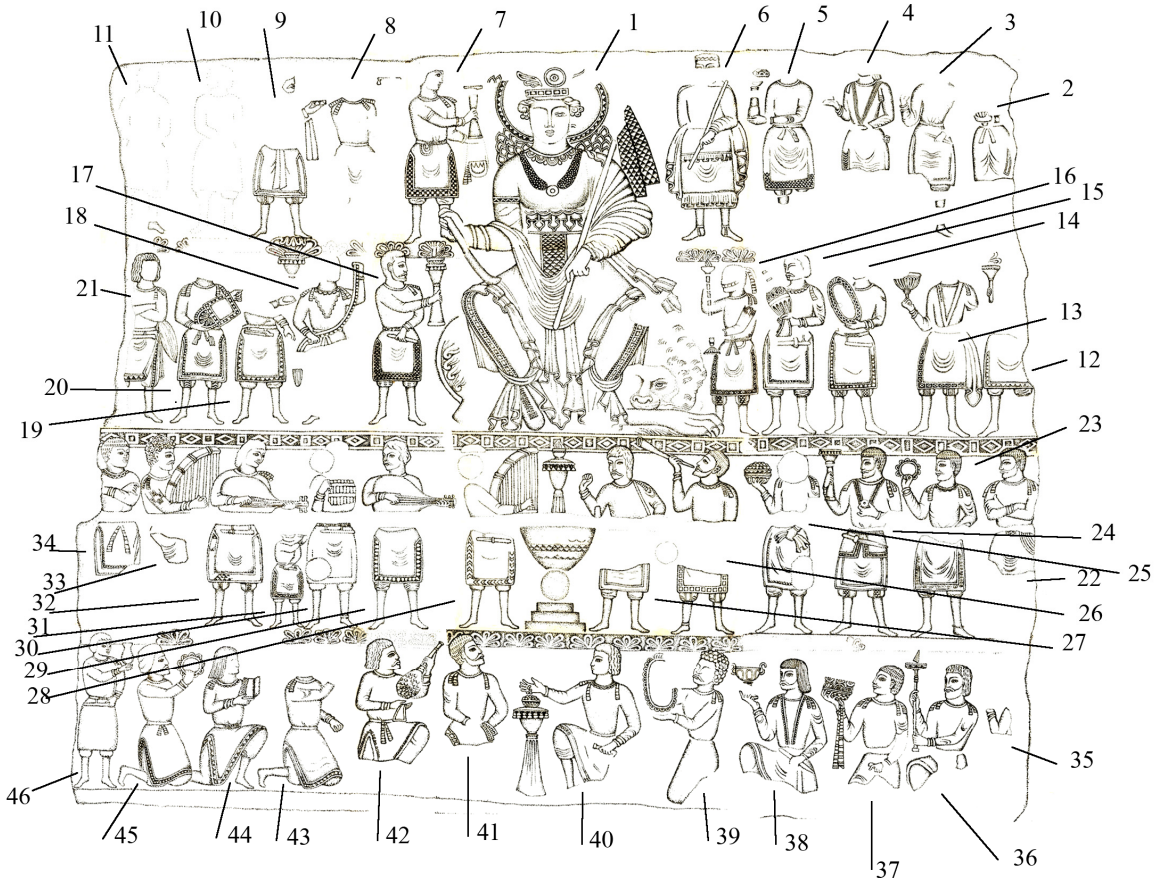


Рис. 4. Панно из Кафиркалы (по: [Богомолов и др., 2018, рис. 1]).
Fig. 4. Panel from Kafirkala (according to: [Bogomolov et al., 2018, fig. 1]).

Персонаж № 24. Тело и голова развернуты к центру композиции. Голова показана в профиль. Небольшой прямой нос, глаза миндалевидной формы, отдельной линией выделены скулы. Усы и борода короткие. Волосы волнистые короткие, передняя часть подстрижена ровно (стиль «цезарь»).

Персонаж № 34. Показан со сложенными на груди руками. Голова повернута в сторону музыкантов. Лицо схематично, но отличается от других: нос маленький, прямой, глаза миндалевидные, брови дуговидной формы. Бороды и усов нет. Волосы волнистые короткие, передняя часть подстрижена ровно (стиль «цезарь»).

Персонаж № 37. Нос прямой, глаза миндалевидные, брови дуговидной формы. Бороды нет, усы короткие. Волосы волнистые короткие, передняя часть подстрижена ровно (стиль «цезарь»).

Персонаж № 41. Голова повернута к центру и слегка поднята вверх. Волосы короткие, пряди переданы чередующимися горизонтальными рядами из мелких скобообразных черточек (где в каждом следующем ряду скобки направлены в противоположную сторону). Лоб открыт, нос прямой, глаза миндалевидной формы с выделенным зрачком. Показаны усы и короткая борода. Волосы волнистые короткие, передняя часть подстрижена ровно (стиль «цезарь»).

Второй тип — длинное волнистое каре (№ 21, 36, 40, 42, 47, 49, 50).

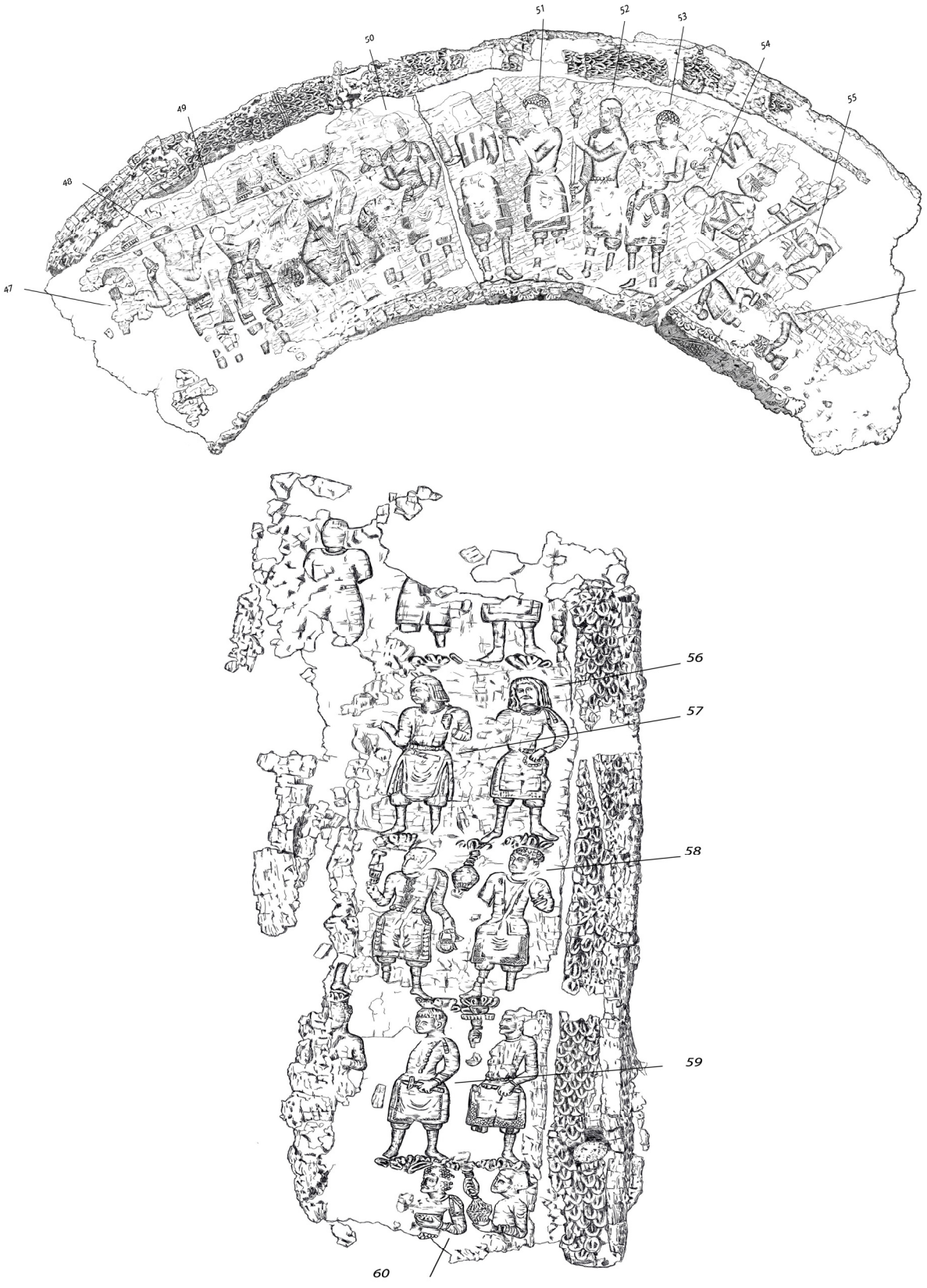


Рис. 5. Детали декора из Кафиркалы (по: [Богомолов и др., 2018, рис. 2]).
Fig. 5. Panel details from Kafirkala (according to: [Bogomolov et al., 2018, fig. 2]).

Персонаж № 21. У него крупная голова с длинными волосами, но черты лица стерты. Волосы длинные, спускаются до плеч, классическое волнистое каре.

Персонаж № 36. Нос прямой, глаза миндалевидной формы с выделенным зрачком, имеются короткие усы и борода. Волосы длинные, спускаются до плеч, классическое волнистое каре.

Персонаж № 40. У персонажа небольшой, прямой нос, глаза миндалевидной формы с выделенным зрачком. Усы необычной формы, подковой охватывают подбородок. Волосы длинные, спускаются до плеч, в классический волнистый каре.

Персонаж № 42. Голова повернута к центру и тоже слегка поднята вверх. Волосы длинными волнистыми прядями падают на шею (волнистое каре). Нос прямой, глаза миндалевидной формы с выделенными зрачками. Бороды нет, над верхней губой показаны пышные усы со слегка загнутыми вверх кончиками.

Персонаж № 47 (рис. 5). Голова повернута к центру. Волосы длинными волнистыми прядями падают на шею (волнистое каре). Нос прямой, глаза миндалевидной формы с выделенными зрачками. Борода короткая.

Персонаж № 49 (рис. 5). Голова повернута к центру. Волосы длинными волнистыми прядями падают на шею (волнистое каре). Изображение лица не очень хорошо сохранилось. Борода короткая.

Персонаж № 50 (рис. 5). Голова повернута к центру. Волосы длинными волнистыми прядями падают на шею (волнистое каре). Изображение лица сохранилось плохо. Борода короткая.

Рис. 6. Прически на терракотах Согда (по: [Мешкерис, 1977, табл. 25, 28]).
Fig. 6. Hairstyles of terracotta Sogd (according to: [Meshkeris, 1977, tab. 25, 28]).

Рис. 7. Прически, изображенные на монетах раннесредневекового Согда (по: [Смирнова, 1981, табл. 2]).
Fig. 7. Hairstyles imaging of coins of the Early Medieval Sogd (according to: [Smirnova, 1981, tab. 2]).

Третья группа состоит из персонажей с кудрявыми волосами (№ 33, 39, 51, 53, 58, 60). Они также разделяются на два типа: с курчавыми волосами с круглыми и трапециевидными завитками.

Персонаж № 33. Нос прямой, глаза миндалевидной формы с выделенным зрачком, имеются короткие усы. Волосы короткие, не закрывают ушей, курчавые, показаны короткими завитками, передняя часть подстрижена до лба.

Персонажи № 39, 60 (рис. 4, 5). Нос прямой, изображения глаз не сохранились, имеются короткие усы. Волосы короткие, спускаются до середины шеи, курчавые волосы, закрывающие уши, показаны мелкими округлыми завитками, передняя часть подстрижена ровно.

Персонажи с курчавыми волосами с трапециевидными завитками следующие.

Персонаж № 51 (рис. 5). Изображение лица не сохранилось. Волосы короткие, спускаются до середины шеи, курчавые волосы не закрывают уши, показаны мелкими трапециевидными завитками, передняя часть подстрижена ровно.

Персонаж № 53 (рис. 5). Нос прямой, глаза миндалевидные. Волосы короткие, спускаются до середины шеи, курчавые волосы, закрывающие уши, показаны мелкими трапециевидными завитками, передняя часть подстрижена ровно.

Персонаж № 58 (рис. 5). Нос прямой, глаза миндалевидные. Курчавые волосы показаны мелкими трапециевидными завитками, передняя часть подстрижена ровно.

Обсуждение результатов

В целом, резные деревянные панели с городища Кафиркала свидетельствуют не только о развитии художественно-прикладного искусства Согда, но и о некоторых слабо изученных аспектах культурной жизни и быта раннесредневекового населения. Мастер, создавший композицию на деревянном декоре, постарался придать индивидуальность почти каждому персонажу не только через одежду и предметы в руках, но и через форму лица и прическу. Особенно ярко это прослеживается по прическам. Изображено около 10 видов причесок, которые были известны в раннем средневековье в Согде. Ранее на территории Средней Азии были отмечены артефакты, связанные с уходом за волосами (ножницы, заколки, гребень), но свидетельства об этой сфере в материалах памятников и предметов искусства являются редким исключением. Безусловно, по мере продолжения археологических работ в регионе значительно расширяется база данных, включающая помимо персонажей настенных росписей образы людей, выполненные на монетах, печатях и в виде терракотовых статуэток. Она не только содержит информацию, отражающую моду на прически в Согде, но и позволяет рассматривать вопросы об автохтонности и инородных влияниях в согдийской культуре.

Известно, что с древнейших времен развивается своеобразная традиция передачи образа человека на сосудах, в скульптуре, мелкой пластике и т.п. Но искусство Древнего Востока и эллинистического мира развивалось в разных направлениях. Мастера эллинистического искусства в своих произведениях, строго соблюдая принципы пропорциональности, равномерности и реалистичности, стремились изобразить красоту человеческого тела [Двуреченская, 2006, с. 147]. А в выполненных в автохтонном стиле, уходящем корнями в культуру Древней Средней Азии, произведениях заключено больше философского смысла, вследствие чего гармоничность, пропорциональность и реалистичность отходили на второй план и строго не соблюдались [Кубаев, 2017, с. 28–29]. Кроме того, в местных традициях персонажи преимущественно изображались в головных уборах.

В частности, на терракотах, найденных на территориях Согда, можно выделить несколько причесок, подобных наблюдаемым на обугленном декоре из Кафиркалы. Например, у фигурок, выполненных в стиле эллинской культуры, изображены вьющиеся волосы, а у фигурок раннего средневековья мы можем видеть прическу в стиле «каре-боб» [Мешкерис, 1977, табл. 25, рис. 27, 30, 31] (рис. 6). На монетах Средней Азии также часто встречается изображение людей. Например, на монетах Диодота 2 и Евтидема 1, Антиоха греко-бактрийской эпохи правители изображены с кудрявыми волосами [Смирнова, 2015, с. 408–409]. А на монетах Согда, в отличие от греко-бактрийских образцов, персонаж часто показан с длинными волосами в стиле «каре-боб», который восходит к прическам Древнего Египта (рис. 1, 7).

Следовательно, анализируя изображения терракот и монет, можно сказать, что «кудрявый» стиль причесок, отображенный на резном дереве Кафиркалы, связан с сохранением некоторых эллинистических традиций. В то же время анализ изображений на согдийских монетах, терракоте и печатях показывает, что в раннесредневековую эпоху наиболее популярным (модным) был «каре-боб» — стиль, который появляется и широко распространяется в Древнем Египте.

В искусстве Древнего Египта мастера всегда обращали особое внимание на волосы. О древнеегипетских прическах можно судить по памятникам скульптуры, предметам прикладного искусства. Мужчин изображали с короткими волосами (выбритыми, остриженными или с короткими круглыми кудрями), за такими прическами последовали стрижки средней длины. На некоторых изображениях видим длинные волосы, в основном зачесанные назад или с трехсторонней прической [Tassie, 2011, p. 612–613] (рис. 1). У женщин прически были масштабнее и богаче, большинство женских причесок были длинными, выполненными в трехстороннем стиле или зачесанными назад, без фронтальных накладок. Исключение составляли прически цариц, они могли изображаться с дуплексными пышными косами средней длины, также можно видеть волнистый «каре-боб» (иначе — стиль «Клеопатра») — короткие кудрявые волосы с круглыми завитками. Кроме того, специалисты, изучая останки погребенных, отмечали парики из шкур животных и заплетенные волосы [Tassie, 2011, p. 612–613].

В Древней Греции у мужчин красивые длинные волосы, завитые в спиральные локоны и падающие на спину прядями, перевязанные лентой на затылке, назывались ассирийской прической и считались знаком принадлежности к аристократии в архаическом обществе (VIII в. до н.э.) [Vlachiogianni, 2015, p. 303] (рис. 2). Также были широко распространены волосы, заплетенные в косы и уложенные в красивые низкие пучки. Часто волосы подбирались под ленту, которая охватывала всю голову. Самой распространенной была прическа из кос, заплетенных за ушами. Косы в два ряда кольцом обвивали голову [Tassie, 2011, p. 615–616]. При этом на лбу волосы укладывались в густую челку из мелких кольцеобразных или серповидных локонов. Древнегреческие мастера, обладая большим вкусом и чувством гармонии, создавали прически всегда с учетом возраста, особенностей лица и фигуры. Другой распространенной мужской прической была густая грива из завитых волос — прическа бога Зевса. Локоны располагались красивыми вертикальными рядами. В V–IV вв. до н.э. эти прически постепенно исчезли. На смену им пришли аккуратные маленькие парики из подстриженных крупно завитых кудрей. Только среди спартанцев оставались в моде длинные волосы [Vlachiogianni, 2015, p. 303].

В Древнем Риме во времена Поздней Римской республики (I в. до н.э.) мужчины были чисто выбриты, с короткими волосами до затылка, зачесанными вперед на лбу (рис. 3). В имперский период прическа демонстрировала не тщеславие, она выступала скорее символом ценностей в обществе. Так, короткие серповидные локоны Августа символизировали престиж и чистоту. Начиная с периода императора Адриана в моде были густые и курчавые более длинные волосы [Vlachiogianni, 2015, p. 304].

А в Древнем Китае и Индии по-иному относились к мужским прическам, например, в Китае стрижка волос рассматривалась как варварство, антисоциальное явление. Поэтому китайские мужчины носили длинные волосы, которые считались признаком благочестия и мужественности, обычно закручивали волосы и стягивали их в узел на макушке. Позже, с времен империи Цин, мужчины начали брить переднюю лобовую часть волос.

На прическу у древнеиндийского населения влияли различные факторы: климатические условия, кастово-социальная система. Прически мужчин не отличались разнообразием и сложностью форм. Это были зачесанные назад волосы, завитые волнами, с локонами на концах. А кшатрии — воины брили голову, оставляя небольшой пучок волос в центре головы. Сикхи носили длинные волосы, уложенные в продолговатые пучки, укрепленные над лбом. Пучки делались из косы или жгута. Воины носили также длинную прядь волос, завитую в локон и свисающую с правой стороны. Среди брахманов большим позором считалось сбривание волос на голове.

О прическах людей, живших в древности и раннем средневековье на территории Средней Азии, можно судить по сохранившимся их изображениям на настенных росписях, по терракотовым фигуркам и другим образцам искусства. Однако, поскольку большинство этих произведений изображают торжественные церемонии во дворцах, прием послов, охотничьи сцены или легендарные события, речь идет в основном о таких персонажах, как боги, правители, легендарные герои, воины или иные официальные лица. В частности, такие же сюжеты можно наблюдать в росписях памятников Афрасиаба и Пенджикента. В росписях Афрасиаба послы из разных государств показаны в своих традиционных одеждах и с национальными прическами (послы из Китая, Кореи), а местные — в основном в головных уборах или с длинными волосами [Альбаум, 1975]. Поэтому рассматриваемый нами декор представляет собой значимый исторический источник, в частности, по таким мало изученным аспектам культуры, как прически и реальный облик согдийцев.

Заключение

Таким образом, анализ персонажей композиции резного декора с Кафиркалы показал многообразие существовавших среди населения Согда причесок. Всего выделено более 10 видов причесок, восходящих к древним культурам эллинистического мира и Ближнего Востока, Древнего Египта и Рима. Что может еще раз свидетельствовать о своеобразной ассимиляции разных культур в Согде. В то же время различие стилей стрижек персонажей Кафиркалинского панно и причесок людей Афрасиабских и Пенджикентских росписей VII–VIII вв. позволяет предположить, что рассматриваемые нами изображения были созданы сравнительно раньше. В частности, тот факт, что на кафиркалинском декоре не показаны длинные прически, характерные для тюрков VII–VIII вв., является основанием считать его образцом дотюркского согдийского искусства. Также изображения резного декора дают обширную информацию о социальной и культурной жизни жителей Согда в раннем средневековье. На основании этой находки можно говорить о том, что в

городах Согда были люди, которые занимались уходом за волосами, или о появлении парикмахерского дела. Своеобразие персонажей создает впечатление, что образы были скопированы с реальных людей, участвовавших в церемонии. То, что мастер, создавший резьбу, придал индивидуальность каждому персонажу, еще раз демонстрирует следование принципу реалистичности, принятому в согдийском изобразительном искусстве, в отличие от сасанидского искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба // Отв. ред. д-р ист. наук Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1975. 160 с.

Богомолов Г.И., Бердимурадов А.Э., Уно Такао, Бегматов А. Кафыркала: Новые выдающиеся находки искусства Согда // Согдийский сборник. Вып. 5: Новейшие исследования по истории и истории культуры Согда в Узбекистане / Под. ред. Ш. Камолиддина. LAP LAMBERT Academic Publishing, RU. 2018. С. 25–44

Бердимурадов А.Э., Уно Такао, Богомолов Г.И., Асланов А., Бегматов А. Археологические исследования цитадели городища Кафиркала в 2015–2017 гг. // Археологические исследования в Узбекистане 2015–2017 гг. Самарканд, 2018. Вып. 11. С. 23–38

Двуреченская Н.Д. Терракотовая пластика древней Бактрии III–I вв. до н.э. // РА. 2006. № 3. С.143–153.

Кубаев С.Ш. Культ богини по терракоте Хантепа // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2017. Вып. 3–4. С. 24–34

Мешкерис В.А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977. 123 с.

Смирнова Н.М. О ранних монетных выпусках греко-бактрийских правителей // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2015. С. 403–412.

Смирнова О.И. Сводный каталог Согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981. 547 с.

Tassie G.J. Hairstyles Represented on the Salakhana Stelae. Ed. by T. du Quesne (Ed.) // The Salakhana Trove: Votive Stelae and Other Objects from Asyut. L., 2009. 459–536.

Tassie G.J. What your hair says about you. Changes in hairstyles as an indicator of state formation processes // Egypt at its Origins: Proceedings of the Third International Conference “Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt”, London, 27th July — 1st August 2008. Leuven; Paris; Walpole, 2011. P. 605–643.

Vlachogianni E. The art of hairstyling. Hairstyles in the Greco-roman world and their semiology // The countless aspects of beauty in ancient art. Ed. by M. Lagogianni-Georgakarakos. Athens, 2018.

Sultanova M.N. [a], Kubaev S.Sh. [b, *]

Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov
V. Abdullayev st., 5/5 m, Samarkand, 140151, Republic of Uzbekistan
National Center of Archaeology Academy of Sciences Republic of Uzbekistan
Yunusabad district, 4 m 12/17, Tashkent, 100093, Republic of Uzbekistan
E-mail: muniras8512@gmail.com (Sultanova M.N.);
kubaev.surat@gmail.com (Kubaev S.Sh.)

Hairstyles of the Early Medieval Sogdiana (by the materials of carved wood from Kafirkala)

One of the unique archaeological finds is represented by a charred tree with carved images, found at the settlement of Kafirkala in the Samarkand Oblast. It consists of a panel itself and several parts. The panel of a rectangular shape (measuring 124×141 cm) is composed of two boards fastened together with iron brackets. On the front of the panel, a composition of 46 human figures arranged in four tiers is carved, whilst more than 20 other characters have been identified on the other parts of the surviving fragmentary wooden elements of the decorative design. In the centre of the two upper tiers of the panel, a large figure of a goddess seated on a throne in the form of a lion couchant was placed, which all the other characters are pivoted to. According to researchers, the panel depicts worship of the goddess Nana-Anahita or a gathering of Sogdians to conduct ceremonies. This paper is aimed at the study of hairstyles of the characters of the wooden décor of Kafir-kala as indicators of the culture and living of the Sogdian population. The craftsman depicted about ten types of hairstyles which were known in Sogdiana in the Early Middle Ages. Previously, finds related to hair care (scissors, hairpins, comb) were recorded in the territory of Central Asia, but evidence of the development of this practice from sites and art objects was a rare exception. The analysis of the characters in the composition of the carved wood from Kafirkala showed a variety of hairstyles that existed amongst the population of Sogdiana. The ten types of hairstyles identified originate from ancient cultures of the Hellenistic world of Middle East, Ancient Egypt and Rome. This signifies the peculiar assimilation of different cultures in Sogdiana. At the same time, differences in the haircut styles of the characters of the Kafarkala panel from the hairstyles of the people of the Afrasiab and Penjikent murals of the 7th–8th centuries suggest that they were created relatively earlier. The fact that no long hairstyles, characteristic of the

* Corresponding author.

Turkic groups of the 7th–8th centuries, are shown in the Kafirkala panel provides the reason to attribute it to examples of pre-Turkic Sogdian art.

Keywords: Kafirkala, Sogd, panel, arch, Nana, Sogdians, hairstyle.

REFERENCES

Albaum, L.I. (1975). *Painting of Afrasiab*. Tashkent: Fan. (Rus.).

Bogomolov, G.I., Berdimuradov, A.E., Uno, Takao, Begmatov, A. (2018). Kafyrkala: new outstanding finds of Sogd art. In: Sh. Kamoliddin (Ed.). *Sogdiiskii sbornik. Vyp. 5. Noveishie issledovaniya po istorii i istorii kul'tury Sogda v Uzbekistane.* LAP LAMBERT Academic Publishing, RU, 25–44 (Rus.).

Berdimuradov, A.E., Uno, Takao, Bogomolov, G.I., Aslanov, A., Begmatov, A. (2018). Archaeological research of the citadel of the ancient settlement of Kafirkala in 2015–2017. In: A. Berdimuradov (Ed.). *Arheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane 2015–2017 gg.*, (11). Samarkand, 23–38. (Rus.).

Dvurechenskaya, N.D. (2006). Terracotta sculpture of ancient Bactria III–I centuries BC. *Rossiiskaya arheologiya*, (3), 143–153. http://www.ra.iaran.ru/?page_id=232&lang=ru

Kubaev, S.Sh. (2017). The cult of the goddess Khantepa on the terracotta. *Narody i religii Evrazii*, (3–4), 24–34. (Rus.). http://journal.asu.ru/wv/article/view/3508/2807

Meshkeris, V.A. (1977). *Coroplasting of Sogd*. Dushanbe: Danish. (Rus.).

Smirnova, N.M. (2015). On the early coin issues of the Greco-Bactrian rulers. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, (1). (Rus.).

Smirnova, O.I. (1981). *Consolidated catalog of Sogdian coins. Bronze*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Tassie, G.J. (2009). “Hairstyles Represented on the Salakhana Stelae”. In: T. du Quesne (Ed.). *The Salakhana Trove: Votive Stelae and Other Objects from Asyut.* L., 459–536.

Tassie, G.J. (2011). What your hair says about you. Changes in hairstyles as an indicator of state formation processes. In: *Egypt at its Origins. Proceedings of the Third International Conference “Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt”, London, 27th July — 1st August 2008*. Leuven; Paris; Walpole, 605–643.

Vlachogianni, E. (2018). The art of hairstyling. Hairstyles in the Greco-roman world and their semiology. *The countless aspects of beauty in ancient art.* Athens.

Султанова М.Н., https://orcid.org/0000-0001-8087-9155
Кубаев С.Ш., https://orcid.org/0000-0001-9761-8613

Сведения об авторах: Султанова Мунира Намозовна, младший научный сотрудник, Самаркандский институт археологии имени Я. Гулямова, Самарканд, Республика Узбекистан.

Кубаев Суръат Шавкатович, PhD, старший научный сотрудник, Национальный центр археологии, Академия наук Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан.

About the authors: Sultanova, M.N., Junior Researcher, Gulyamov Samarkand Institute of Archeology, Samarkand, Republic of Uzbekistan.

Kubaev, S.Sh., PhD, Senior Researcher, National Center of Archeology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-5

УДК 902.01

Зиняков Н.М. [a], Пошехонова О.Е. [b, *]

[a] Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000
[b] ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: nmzinyakov@rambler.ru (Зиняков Н.М.); poshehonova.olg@gmail.com (Пошехонова О.Е.)

ВООРУЖЕНИЕ ВЕРХНЕТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ ПО ДАННЫМ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА КИККИ-АККИ)

Статья посвящена исследованию предметов вооружения (108 наконечников стрел, 2 наконечника копий, 2 наконечника пальм), обнаруженных в могильнике верхнетазовских селькупов Кикки-Акки (ЯНАО, р. Таз) XVII–XIX вв., с целью реконструкции технологии их производства. С помощью методов металлографического анализа установлено, что производством вооружения из черного металла занимались профессиональные мастера. В качестве исходного сырья кузнецы использовали сыродутные крицы, без специальной дополнительной обработки, состоявшие из неравномерно науглероженной стали, реже — железа, или смеси того и другого. Основу технологии производства предметов вооружения составляли операции свободной ковки металла в горячем состоянии. При этом основное внимание уделялось отделке внешних форм изделий, без использования сложных технологических схем. Производственный процесс, как правило, проходил при оптимальной температуре нагрева. В целом, предметы вооружения, не обладая высоким качеством, соответствовали техническим условиям его применения.

Ключевые слова: северные селькупы, предметы вооружения, металлографический анализ, технология производства

Ссылка на публикацию: Зиняков Н.М., Пошехонова О.Е. Вооружение верхнетазовских селькупов по данным металлографических исследований (по материалам могильника Кикки-Акки) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 52–64. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-5

Введение

Тазовские селькупы, являющиеся потомками нарымских селькупов, сформировались как отдельная этническая группа в бассейне р. Таз в XVII–XIX вв. Заметное влияние на процесс формирования группы северных селькупов оказали ваховские ханты, енисейские кеты и лесные энцы [Лебедев, Соколова, 1982, с. 119–126]. Новым местом обитания селькупов явилась Верхнетазовская возвышенность, основными занятиями тазовских селькупов были охота, рыболовство и транспортное оленеводство, дополняемые собирательством [Тучкова и др., 2012, с. 64].

Археологические исследования североселькупских памятников затруднены вследствие отдаленности и труднодоступности региона их местонахождения. Тем более важным научным событием последних лет явились раскопки могильника Кикки-Акки, предоставившие обширные археологические источники, характеризующие материальную и духовную культуру тазовских селькупов XVII–XIX вв. Выявленные материалы не раз привлекали внимание исследователей — археологов, антропологов, металловедов, палеобиологов, химиков-технологов [Poshekhonova et al., 2018, 2020; Зиняков, Пошехонова, 2020; Пошехонова и др., 2021].

Среди обширных археологических материалов могильника Кикки-Акки особое место занимает коллекция изделий из черного металла, состоящая из орудий труда, предметов вооружения и атрибутов шаманского костюма. Большая часть находок была подвергнута металлографическому изучению. Часть полученных результатов, имеющих отношение к русскому импорту и атрибутике шаманского костюма, уже введена в научный оборот [Зиняков, Пошехонова, 2020 и др.]. Однако вооружение северных селькупов еще не было материалом для такого исследования.

Целью работы является реконструкция технологии производства предметов вооружения из железа и железоуглеродистых сплавов северными селькупами в XVII–XIX вв. на основании металлографического анализа находок из могильника Кикки-Акки.

* Corresponding author.

Материалы и методы

Среди сопроводительного инвентаря погребений могильника Кикки-Акки предметы вооружения занимают главенствующее положение. Этот факт отражает не только религиозные представления местного населения, но и реальную картину быта и жизнеобеспечения верхнетазовских селькупов, у которых охота играла первостепенную роль и «была настоящим мужским делом» [Головнев, 2012, с. 77]. При этом лук со стрелами служил основным орудием охоты, хотя к XIX в., судя по находкам из могильника, отмечено использование для этой цели огнестрельного оружия (в погребении № 16 среди остатков поминальной тризны обнаружены три кости от двух особей глухарей (*Tetrao urogallus* ♀) с отверстиями от дроби [Poshekhonova et al., 2018, с. 140]). Кроме того, существовали межплеменные военные столкновения, прежде всего с соседними группами — ненцами и эвенками [Прокофьев, 1928, с. 98–99], в которых оружие применялось в качестве боевого.

Селькупский лук неоднократно описывался в литературе. Среди известных публикаций особого внимания заслуживает информация И.Н. Шухова, основанная на материалах экспедиции 1914 г. в верховья Таза, и Г.П. Визгалова — о луке из фонда Красноселькупского краеведческого музея, обнаруженном В.В. Суминым в заброшенном лабазе на р. Ратта [Шухов, 1915, с. 38; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 62]. Эти свидетельства базируются на реальных материалах, они во многом схожи, а в чем-то дополняют друг друга. Согласно этой информации, дуга лука (основа) состояла из двух склеенных осетровым клеем пластин — лиственничной и березовой. При этом лиственничная пластина имела фигурную форму: сужалась в середине до 3 см и расширялась к концам до 6 см. К концам образованного остова приклеивались черемуховые пластины. Изготовленный таким образом лук оклеивался берестой для предохранения от сырости. Длина лука (без концевых пластин) составляла 157 см, что соответствовало среднему росту человека. Тетива делалась из конопляной пряжи.

В материалах могильника Кикки-Акки имеются фрагменты древков стрел диаметром 1–1,2 см с берестяной обмоткой в области крепления наконечника. Из 14 исследованных древков 11 были сделаны из древесины ели, два из березы и одно из кедра [Poshekhonova et al., 2018, с. 140]. Из этнографических источников известно, что для изготовления древков стрел западносибирские народы предпочитали использовать древесину ели, места крепления железного или костяного наконечника обматывали полосками бересты [Дмитриев-Садовников, 1998, с. 66–67]. Древесина кедра менее практична, а березы — вообще считается неподходящей для изготовления древков. В связи с этим можно заключить, что стрелы с березовыми древками, скорее всего, не предназначались для прямого практического применения.

По информации этнографов, в селькупском обществе существовала традиция, согласно которой охотнику полагалось носить в колчане семь стрел с различными наконечниками, а воину — семь десятков [Головнев, 2012, с. 78].

По данным археологических материалов мы наблюдаем более разнообразную картину. Отметим наиболее характерные закономерности и некоторые особенности. Во-первых, стрелы в качестве сопроводительного инвентаря в заупокойный мир присутствуют только в мужских погребениях, в том числе в могиле младенца (9–12 месяцев), ребенка первого детского возраста (1,5–2 года) и юноши (15–17 лет), где находилось соответственно 9, 7 и 7 экз. В погребениях взрослых мужчин насчитывается, как правило, от 7 до 35 стрел. Исключение представляют коллективное захоронение № 14, индивид 1 (1 стрела), парные захоронения № 4, индивид 2 (полное отсутствие стрел), и № 15 (2 и 3 стрелы). В качестве сопроводительного инвентаря в загробный мир стрелы укладывали рядом с телом, в основном пучками справа и слева от ног. В трех случаях стрелы находились в деревянных колчанах корытообразной формы с крышками, которые были сделаны из древесины ели или кедра [Пошехонова и др., 2015]. В могиле (№ 1) молодого мужчины стрелы были разложены вдоль ног так, что наконечники лежали от стоп до колен. В погребении одного из шаманов (№ 6) и у индивида 2 из могилы № 16 стрелы разместили под левым бедром. В могиле № 14 у индивида 2 стрелы были разложены рядами у правой руки. Сакральное значение стрел отражено в других особенностях их локализации. Практически в каждой мужской могиле в засыпи между перекрытиями были обнаружены от 1 до 3 наконечников, в погребении № 10 стрела была воткнута вертикально в дно за головой захороненного. В погребениях № 2 и 18 наконечник стрелы находился на дне погребальной конструкции слева от черепа. Кроме того, стрелы оставляли у могил, причем они были перекрыты выбросом, т.е. сначала их положили, а уже потом выкопали могилы.

Зафиксированы еще два интересных факта. В наборе стрел у индивида 3 из могилы № 14 часть шиловидных наконечников была покрыта орнаментом. Узор распространялся от черешка практически

до середины наконечника по всем четырем граням, он состоял из глубоких узких насечек (чередующиеся косые кресты и горизонтальные линии) (рис. 1, *13*). В засыпи могилы (№ 1) молодого мужчины, страдавшего при жизни гипофизарным нанизмом, кроме срезня обычных размеров был обнаружен очень маленький наконечник такого же типа, длина которого составляла всего 3,5 см.

Для всех выявленных комплектов наконечников стрел показательно разнообразие форм, чаще всего 3–5 разновидностей (табл.). Этот факт хорошо согласуется с этнографическими данными, согласно которым у каждого охотника был целый набор охотничьих стрел. Выбор стрелы зависел от повадки и размеров жертвы, расстояния до цели, силы ветра, мастерства стрелка [Тучкова и др., 2012, с. 78]. В качестве материала для изготовления наконечников стрел в подавляющем большинстве случаев использовалось железо (в широком смысле слова, т.е. черный металл). Лишь в двух захоронениях были обнаружены костяные наконечники стрел.

Распределение типов наконечников стрел по захоронениям и индивидам могильника Кикки-Акки

Distribution of arrowhead types by burials and individuals of the Kikki-Akki burial ground

№ могилы, возраст смерти	Плоские железные														Граненые железные			Костяные	*Всего*
	I, 1 *	I, 2	I, 3	II, 1	II, 2	II, 3	II, 4	III, 1	III, 2	III, 3	IV	V	VI	VII	I	II	III		
1, 16–22	—	—	—	3	—	12	2	—	—	—	-	—	—	3	2	—	—	—	22
2, 35–45	2	—	—	—	—	—	—	—	—	3	12	—	—	—	15	3	—	—	35
4, 30–40	8	9	5	1	4	—	—	—	—	—	4	—	4	—	—	—	—	—	35
4, 25–30		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
4 **	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
6, 50+	—	—	—	6	5	—	—	8	—	—	—	—	—	—	12	—	—	—	31
7, 40–50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	7
8, 9–12 мес.	—	—	—	2	4	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
10, 40–45	—	—	—	4	4	2	—	—	—	—	—	8	—	—	7	—	—	—	25
11, 15–17	—	—	—	4	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	7
14, 30–40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
14, 25–35	6	—	—	1	2	1	—	—	—	—	—	1	—	—	11	—	—	—	22
14, 50+	—	—	—	1	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	24	—	2	—	31
14 **	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
15, 30–40	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
15, 20–25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	3
15 **	—	—	—	—	—	9	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
16, 20–25	9	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	15
16, 25–30	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	12
16, 7–8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
18, 1,5–2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	7
Всего	34	9	5	26	27	28	2	10	1	3	16	11	4	3	81	3	2	13	278

* В головке таблицы: римские цифры — тип, арабские — вариант наконечника.

** Наконечники, обнаруженные в засыпи или рядом с коллективными могилами, неизвестно какому индивиду принадлежащие.

Таким образом, в качестве материалов для исследования использованы предметы вооружения — наконечники стрел (108 экз.), наконечники копий (2 экз.) и наконечники пальм (2 экз.), найденные в могильнике Кикки-Акки (рис. 1, 2). Все предметы хранятся в ГБУ «МВК» им. И.С. Шемановского (г. Салехард).

Исследование объектов производилось на основе методики Б.А. Колчина, предложенной им в середине XX в. для металлографического анализа археологических находок [Колчин, 1953]. В соответствии с нею отобранные для изучения образцы подвергнуты макроструктурному и микроструктурному анализу и измерению микротвердости структурных составляющих металла. Для визуальной фиксации производилось фотографирование макро- и микроструктур при увеличении в 25 и 100 раз. Наименование полученных структур металла приведено согласно существующей в металлографии терминологии, основанной на визуальной характеристике микроструктур: феррит, феррито-перлит, перлит, сорбит, троостит, мартенсит.

Результаты

Наконечники стрел. Для металлографических исследований отобрано 108 экз., охватывающих основное типологическое разнообразие наконечников стрел. При классификации авторы придерживались типологической схемы А.И. Соловьева, основанной на морфологии предметов, в большей степени соответствующей технологическим характеристикам изделий [1987,

с. 34–49]. Функциональная идентификация наконечников стрел, предложенная И.Н. Гемуевым и А.И. Соловьевым [Гемуев, Соловьев, 1984], отдельные типы которой порой включают несколько форм пера, имеет скорее дополнительное значение. По форме сечения пера изученная коллекция подразделяется на две разновидности: плоские и граненые наконечники стрел.

Рис. 1. Типовое разнообразие наконечников стрел из могильника Кикки-Акки:
1 — могила 16; *2*, *3*, *10*, *11* — могила 4; *4*, *5*, *8* — могила 6; *6* — могила 15; *7*, *12* — могила 1; *9* — могила 10; *13*, *16* — могила 14; *14*, *15* — могила 2.

Fig. 1. Typical variety of arrowheads from the Kikki-Akki burial ground:
1 — grave 16; *2*, *3*, *10*, *11* — grave 4; *4*, *5*, *8* — grave 6; *6* — grave 15; *7*, *12* — grave 1; *9* — grave 10; *13*, *16* — grave 14; *14*, *15* — grave 2.

Рис. 2. Наконечник пальм (*1*, *2*) и копий (*3*, *4*) из могильника Кикки-Акки:
1 — могила 14; *2* — могила 16; *3* — могила 15; *4* – могила 16.
Fig. 2. Spearheads (*3*, *4*) and palm heads (*1*, *2*) from the Kikki-Akki burial ground:
1 — grave 14; *2* — grave 16; *3* — grave 15; *4* — grave 16.

Группа I. Плоские наконечники стрел.

Тип I. Боеголовковые наконечники стрел. Среди изученных находок данный тип составляет самую значительную группу (32 экз.), в трех вариантах: 1 — наконечники с вытянуто-треугольной головкой, узким четырехгранным острием и узким пером (18 экз. рис. 1, *1*); 2 — с вытянуто-треугольной головкой, узким четырехгранным острием и широким пером (9 экз. рис. 1, *2*); 3 — с вытянуто-треугольной головкой ромбического сечения и шипами (3 экз. рис. 1, *3*). Размеры боеголовковых наконечников: 1 вариант — общая длина — 13,3–18,4 см, длина пера — 4,5–5,7 см; 2 вариант — общая длина — 14,6–16,4 см, длина пера — 5,5–6,2 см; 3 вариант — общая длина — 13,7–16,1 см, длина пера — 6–7,2 см.

Как показал металлографический анализ, почти все боеголовковые наконечники, за исключением одного экземпляра, имели цельностальную конструкцию. В качестве исходного сырья использовалась преимущественно сырцовая сталь с неравномерным распределением углерода в металле (рис. 3, *1*, *8*). В двух случаях отмечено использование высокоуглеродистой стали (ан. 2739, 2771). Зафиксированный единственный факт употребления кричного железа, имеющего структуру феррита с отдельными зонами феррито-перлита, свидетельствует о некоторой близости его свойств со свойствами низкоуглеродистой сырцовой стали. С целью упрочнения металла использовалась мягкая закалка (10 экз.). Структура такого металла — сорбит (ан. 2707, 2736, 2737, 2742, 2743, 2943, 2948, 2950, 2953, 2954).

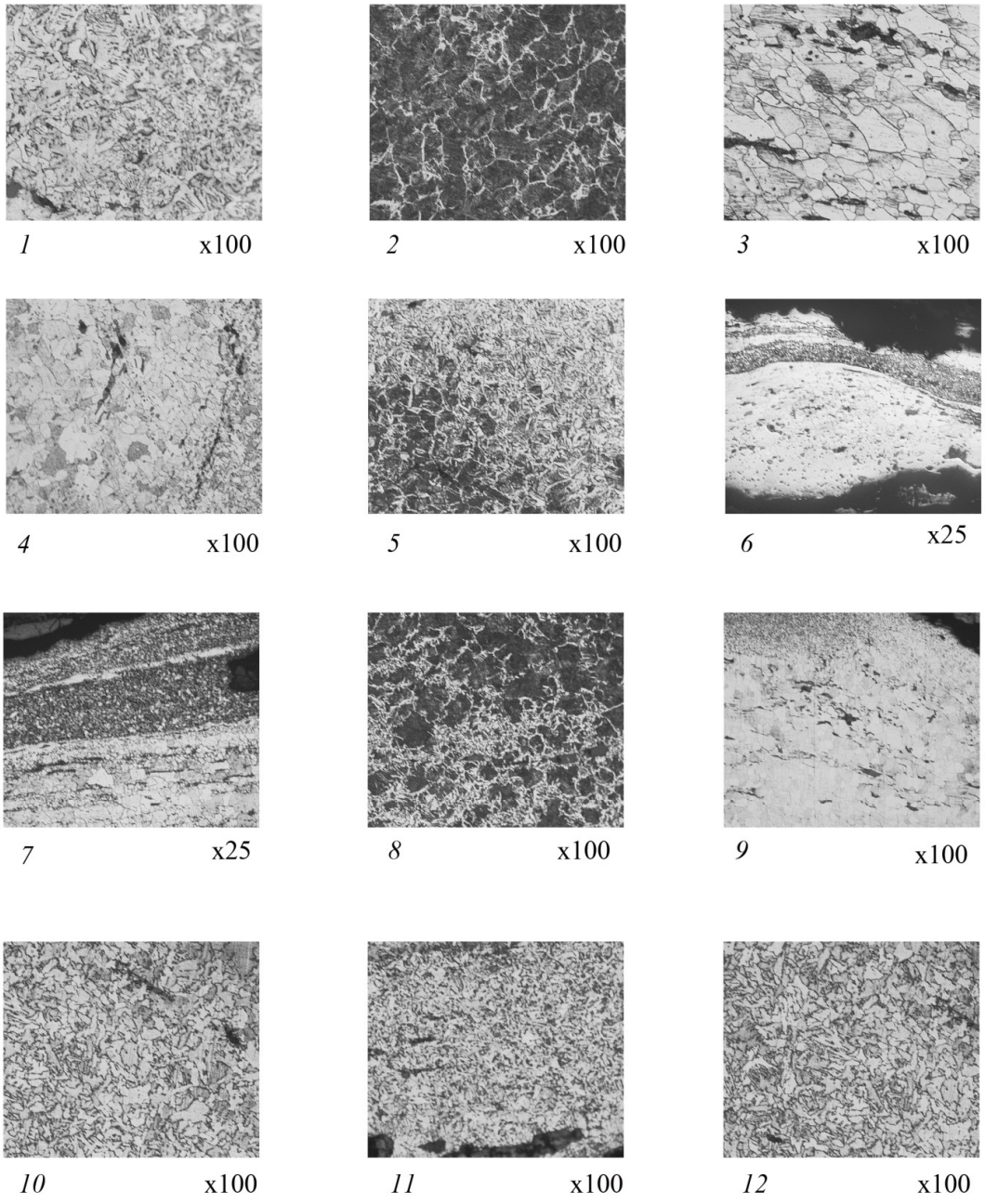


Рис. 3. Микроструктуры наконечников стрел (*1–8*), пальм (*9*, *12*) и копий (*10*, *11*):
1 — ан. 2951; *2* — ан. 2940; *3* — ан. 2916; *4* — ан. 2956; *5* — ан. 2944; *6* — ан. 2957; *7* — ан. 2909; *8* — ан. 2954; *9* — ан. 2854; *10* — ан. 2861; *11* — ан. 2862; *12* — ан. 2855.
Fig. 3. Microstructures of arrowheads (*1-8*), palms (*9*, *12*) and spears (*10*, *11*):
1 — an. 2951; *2* — an. 2940; *3* — an. 2916; *4* — an. 2956; *5* — an. 2944; *6* — an. 2957; *7* — an. 2909; *8* — an. 2954; *9* — an. 2854; *10* — an. 2861; *11* — an. 2862; *12* — an. 2855.

Тип II. Развильчатые срезни. Среди плоских наконечников развильчатые срезни занимают значительное место (30 экз.). На основании конструкции боевой части в данном типе выделяется 4 варианта: 1 — развильчатые срезни пластинообразной треугольной формы с короткими прямыми режущими лезвиями — 8 экз. (рис. 1, *4*); 2 — развильчатые срезни пластинообразной треугольной формы с удлиненными режущими лезвиями — 8 экз. (рис. 1. *5*); 3 — развильчатые срезни с длинными режущими лезвиями треугольной формы — 12 экз. (рис. 1, *6*); 4 — развильчатые наконечники с длинными и узкими, рожковидной формы, лезвиями — 2 экз. (рис. 1, *7*).

Стрелы с развильчатым наконечником, снабженным длинными лезвиями, селькупы называли «сипаль-тище» (сипа — утка, тище — стрела). Использовались они для охоты на водоплавающую птицу [Гемуев, 1984, с. 41]. И.Н. Шухов, побывавший в 1914 г. с экспедицией в бассейне р. Турухан, писал, что такие вилообразные стрелы при попадании в шею утки или гуся буквально сносят голову, чему он сам был не раз очевидцем [Шухов, 1915, с. 38].

Размеры данных наконечников стрел пропорциональны величине ударного лезвия: 1 вариант — 9,5–14,5 см, 2 вариант — 14–15,2 см, 3 вариант — 14,3–16,4 см, 4 вариант — 18,1–19,2 см.

Как показал микроструктурный анализ, при изготовлении развильчатых срезней применены следующие технологические схемы: 1) цельностальные — 19 экз. (ан. 2727, 2744, 2745, 2750, 2754, 2765, 2769, 2770, 2910–2912, 2914, 2917, 2921, 2924, 2925, 2928, 2929, 2932); 2) цельножелезные — 6 экз. (ан. 2722, 2918, 2939, 2949, 2957, 2960); 3) ковка изделий из пакетной заготовки — 4 экз. (ан. 2726, 2909, 2923, 2924; рис. 3, *6*, *7*); 4) двухслойная сварка — 1 экз. (ан. 2734).

При ковке цельностальных наконечников в большинстве случаев (17 экз.) использовалась сырцовая сталь с неравномерным распределением углерода по сечению. Концентрация углерода в металле колеблется от 0,1 до 0,5 %, в одном случае — до 0,6 %. Два наконечника этой группы изготовлены из высокоуглеродистой стали (ан. 2750, 2765). Оба они происходят из погребения № 1. Цельножелезные наконечники стрел откованы из низкокачественного, загрязненного неметаллическими включениями, кричного железа. Есть основания полагать, что образование подобной структуры (феррит + большое количество шлаковых включений) связано с определенными технологическими особенностями металлургического процесса. К их числу относятся: уменьшенная пропорция угля в шихте, сильное дутье, ускоренное продвижение частиц восстановленного железа в рабочей камере, редкий выпуск шлака (возможно, его полное отсутствие).

Ковка наконечников с использованием многослойной пакетной заготовки, зафиксированная на четырех экземплярах, объясняется использованием в качестве исходного материала пакетированной заготовки, позволяющей увеличить объем обрабатываемого металла. Подбор сварных полос носит случайный характер — это могли быть только пластины из сырцовой стали или неупорядоченные слои сырцовой стали и кричного железа.

Технология двухслойной сварки железа и стали зафиксирована на одном наконечнике стрелы (ан. 2734). Структура стальной пластины феррито-перлитная, с различным содержанием углерода по сечению.

Из дополнительных операций, повышающих твердость металла развильчатых наконечников стрел, в восьми случаях (26,6 %) отмечено использование мягкой закалки. В результате термообработки металл приобретал структуру сорбита или сорбита, переходящего в феррито-перлит, реже — в феррит (ан. 2726, 2910, 2919, 2921, 2923, 2924, 2926, 2929).

Тип III. Бронебойные наконечники (11 экз.). В данную группу входят наконечники стрел с длинной узкой ударной головкой, в нескольких вариациях. Вариант 1 — наконечник с длинной узкой ударной головкой, переходящей в боеголовку в средней части предмета. Боеголовка вытянуто-треугольная с шипами, шейка плоская (рис. 1, *8*). Вариант 2 отличается от предыдущего оформлением овальной шейки, снабженной коротким черешком и упором. Вариант 3 — наконечники с узкой и длинной четырехгранной головкой, переходящей в небольшое плоское расширение в средней и нижней части. Черешок короткий, снабжен уступом (рис. 1, *14*). Общая длина: вариант 1 — 17,6–21,4 см, вариант 2 — 14,2 см, вариант 3 — 16,3–16,5 см.

По данным информаторов, стрела с таким наконечником в селькупском обществе называлась «кезынго» (кезы — железо). Применялась кезынго для дальнего боя. Ее использовали для охоты на крупного зверя, а в далеком прошлом — в качестве боевой [Гемуев, Соловьев, 1984, с. 84].

Микроструктурный анализ выявил единую для всего данного (третьего) типа конструктивную схему. Все они откованы целиком из стали. В качестве исходного материала, в случаях, когда это удалось установить, использовалась сырцовая и высокоуглеродистая сталь (рис. 3, *2*). Дополнительной операцией, направленной на повышение твердости металла, являлась мягкая закалка. Структура термообработанной стали — сорбит (ан. 2915, 2920, 2922, 2926) и бейнит (ан. 2908, 2930). Закалке подвергнуто 55 % изделий третьего типа. Микротвердость структур — 239–260 кг/мм^2.

Тип IV. Наконечники стрел со спиралевидной ударной головкой (7 экз.; рис. 1, *10*). Наконечник представляет собой плоский четырехгранный стержень, в одной плоскости постепенно расширяющийся к ударному лезвию. Передняя часть наконечника развернута по отношению к тыльной на 45°. Наконечники черешковые, с упором, большая часть их (5 экз.) снабжена одним

или двумя шипами. Иногда шипы располагались на разных уровнях. Рабочее лезвие скошено. Общая длина — 10–13 см.

Согласно этнографическим источникам, селькупы называли стрелы, снабженные спиралевидными наконечниками и наконечниками долотовидной формы, «аттель-тище» (оленья стрела). Использовали их для охоты на диких оленей [Гемуев, Соловьев, 1984, с. 43–44].

Микроструктурный анализ показал, что наконечники откованы из неравномерно науглероженной стали. В двух случаях отмечено применение закалки (ан. 2736, 2752). Структура термообработанной стали — сорбит и сорбит, ориентированный по мартенситу.

Тип V. Наконечники фигурнолистовые без упора (8 экз.; рис. 1, *9*). Перо в сечении линзовидное, ударная головка ромбовидная или линзовидная, насад — прямоугольный. Общая длина — 13,1–19,3 см. Ширина — 3,2–4,5 см. Как показывает микроскопическое исследование, при изготовлении фигурнолистовых наконечников стрел использованы две технологические схемы: 1 — целиком из железа — 5 экз. (ан. 2907, 2916, 2934, 2945, 2955; рис. 3, *3*); 2 — из сырцовой стали — 3 экз. (ан. 2931, 2938, 2941). Исходное сырье, как правило, загрязнено шлаковыми примесями.

Тип VI. Долотовидные срезни с упором (2 экз.; рис. 1, *11*). Наконечники имеют расширяющуюся к острию ударную головку, расположенную перпендикулярно плоскости основания пера. Черешок для древка короткий, с упором. Сечение основания пера прямоугольное. Общая длина — 10,9–12,8 см. При микроструктурном изучении установлено, что долотовидные срезни откованы из низкоуглеродистой сырцовой стали (ан. 2723, 2756).

Тип VII. Наконечники листовидные без упора (2 экз.; рис. 1, *12*). Характер формы асимметричный. Сечение пера прямоугольное. Общая длина — 9,9 и 11 см. Ширина — 1,5 и 2 см (ан. 2755, 2768). Как показывает металлографический анализ, листовидные наконечники откованы из сырцовой стали с неравномерным распределением углерода (ан. 2755, 2768). Один из наконечников подвергнут ускоренному охлаждению. Микроструктура его металла — сорбит, переходящий в феррито-перлит. Микротвердость сорбита — 250–261 кг/мм^2.

Группа II. Граненые наконечники стрел. К ним относится сравнительно немногочисленная группа наконечников, изготовленных на длинном граненом стержне, увенчанном небольшой ударной головкой. По морфологическим признакам в группе выделено три типа.

Тип I. Шиловидные наконечники стрел (11 экз.; рис. 1, *13*). Представляют собой длинные, квадратные в сечении стержни с зауженной ударной головкой. В некоторых случаях снабжены коротким выделенным черенком. Длина наконечников колеблется от 12,8 см до 15,5 см. Микроструктурным анализом выявлено две технологические схемы. Первая — изготовление цельностальных изделий (7 экз.) (ан. 2760, 2762–2764, 2944, 2946, 2958). В качестве исходного сырья использовалась сырцовая и высокоуглеродистая сталь (ан. 2762, 2764; рис. 3, *5*). Вторая схема — изготовление цельножелезных изделий (4 экз.) (ан. 2749, 2927, 2947, 2959). В структуре металла (феррит), как правило, фиксируется большое количество шлаковых включений.

Тип II. Копьевидные наконечники стрел (3 экз.; рис. 1, *15*). Наконечник представляет собой длинный четырехгранный стержень, увенчанный остроугольной ударной головкой овального сечения. Общая длина варьирует от 13,5 до 15,9 см. По данным микроструктурного анализа, два наконечника рассматриваемого типа откованы из сырцовой и высокоуглеродистой стали (ан. 2751, 2761), один — из кричного железа (ан. 2758).

Тип III. Зубиловидные наконечники стрел (2 экз.; рис. 1, *16*; 3, *4*). Представляют собой длинные четырехгранные стержни, несколько уплощенные к острию, заканчивающиеся ударным лезвием с двухсторонней заточкой, по форме напоминающим рабочую часть зубила. Длина наконечников 14 и 14,9 см. Микроструктурное изучение наконечников выявило структуру неравномерно науглероженного металла — феррито-перлит, переходящий в отдельных зонах в феррит (ан. 2942, 2956). Концентрация углерода в металле не превышает 0,2 %. Структура одного наконечника сохранила следы незначительного перегрева (видманштетт).

Наконечники копий. Наконечники копий с черешковым насадом обнаружены в двух мужских захоронениях (№ 15 и 16; 30–40 и 25–30 лет), содержащих сравнительно богатый сопроводительный инвентарь. Судя по известным исследованиям, наконечников копий с уплощенным насадом в археологических памятниках Западной Сибири выявлено немного (14 экз.). Бытовали они в период с XI–XIII по XVII–XVIII вв. и представляют собой специфическую группу находок, характеризующих культуру позднесредневекового населения северной части Западной Сибири [Кардаш, 2010].

Подвергнутые микроструктурному изучению наконечники имеют узкую (в одном случае длинную, в другом — короткую) заостренную четырехгранную ударную головку, переходящую в

широкую лопасть листовидной формы (рис. 2). Длина лопасти 20 и 21 см. Черешок округлый и овальный в сечении, на конце уплощен. Общая длина изделий 44,9 и 38,4 см. Наибольшая ширина лопасти — 4,6 и 5 см.

Микроструктурное исследование показало, что оба наконечника копий откованы из неравномерно науглероженного металла, полученного непосредственно в ходе сыродутного металлургического процесса. Микроструктура металла состоит из феррита и феррито-перлита. Концентрация углерода не превышает 0,4 % (рис. 3, *10*, *11*; ан. 2861, 2862). Технология изготовления ограничивалась обычными приемами свободной ковки, с помощью которых изделиям придавали необходимую форму.

Наконечники пальм. Обнаружены в двух захоронениях (№ 14 и 16) — мужчины старше 50 лет и ребенка. Пальма представляет собой большой тяжелый нож, закрепленный на длинном (1,5–2 м) древке [Головнев, 2012, с. 84]. Это было полифункциональное рубяще-колющее оружие, по размеру и конструкции превосходящее копье. При общем морфологическом сходстве описываемые наконечники имеют и некоторые индивидуальные особенности, нашедшие отражение в размерах, форме лезвия и орнаментации. Учитывая большую редкость подобных находок, остановимся на их описании более подробно.

Наконечник пальмы из погребения № 14 (индивид 3, мужчина старше 50 лет) имеет прямой обух. Лезвие на большей части клинка почти параллельно обуху. У острия лезвие плавно поднимается к обуху. Заточка лезвия произведена только с одной («правой») стороны. Черешок от лезвия плавно сужается к прямому кончику хвостовика. В месте перехода клинка в черешок располагается ограничитель — кованое утолщение шириной 1,4 см. Общая длина орудия 52,7 см. Длина клинка 38,7 см. Ширина клинка 3,7–4 см. Толщина 0,8 см. Длина черешка 14 см. На одной стороне клинка имеется орнамент. У обуха и посередине клинка нанесены узкие продольные желобки. Они фиксируются до середины клинка. У ограничителя располагаются короткие поперечные желобки (7 шт.). Между поперечными желобками фиксируются полоски окислов меди, оставшиеся от аппликации. Ограничитель украшен тремя поперечными желобками (рис. 2, *2*; ан. 2853).

Наконечник пальмы из погребения № 16 (индивид 3, ребенок 7–8 лет) (рис. 2, *1*). Изделие имеет прямой обух. Лезвие в центральной части расширено, а к острию плавно поднимается к обуху. Заточка лезвия произведена только с одной («правой») стороны. Обух с лицевой стороны скошен. Хвостовик черешка, одинаковой ширины на всех участках, сломан. В месте перехода клинка в черешок располагается ограничитель — кованое утолщение шириной 0,5–0,6 см. Ограничитель изготовлен только с лицевой стороны. Общая длина орудия 49,8 см. Длина клинка 41,4 см, ширина 2,8–4 см. Толщина клинка до 0,8 см. Длина черешка 8,4 см. На одной стороне клинка нанесен орнамент, состоящий из узких поперечных желобков, объединенных в пять групп, по 2–3 шт. в каждой. Между сгруппированными желобками фиксируются полоски окислов меди, оставшиеся от несохранившейся аппликации.

Как показывают данные металлографического анализа, оба наконечника изготовлены из неравномерно науглероженного сыродутного железа. Микроструктура одного (рис. 3, *9*; ан. 2854) состоит из феррита и отдельных зон феррито-перлита, другого — из мелкозернистого феррито-перлита и отдельных участков сорбита (рис. 3, *12*; ан. 2855). Микротвердость сорбита 308–321 кг/мм^2; феррито-перлита — 250–261 кг/мм^2. Технология изготовления описанных изделий состояла в использовании основных приемов пластической обработки металла в горячем состоянии. В качестве дополнительной операции, улучшавшей режущие качества клинка, отмечено использование мягкой закалки (ан. 2855). Для декоративной отделки оружия применялась техника накладной аппликации из меди или сплава на медной основе.

Обсуждение

Оружие в среде тазовских селькупов играло весьма важную роль. Оно широко использовалось в охотничьем хозяйстве, а также в случае необходимости выступало в качестве боевого. Последнее было особенно актуально в XVI–XVII вв. Письменные источники этого периода и фольклор селькупов изобилуют описаниями военных столкновений [Васильев, 2005, с. 313; Головнев, 1995, с. 98].

Металлографическое исследование предметов вооружения северных селькупов XVII–XIX вв. позволяет сделать следующее заключение. В могильных комплексах селькупского могильника Кикки-Акки представлено три вида вооружения — наконечники стрел, копий и пальм. Самую многочисленную и репрезентативную группу составляют наконечники стрел. В качестве исходного сырья при их производстве использован металл, полученный непосредственно в ходе сыродутного металлургического процесса: сырцовая сталь и простое железо. Обнаруженная до-

эвтектоидная высокоуглеродистая сталь у 10 % находок с концентрацией углерода 0,6–0,8 % может быть отнесена к вышеописанной категории металла, получение которого вполне возможно при определенных физико-химических условиях работы сыродутного горна. В производстве наконечников стрел кузнецы использовали следующие технологические схемы: 1) цельностальные изделия (79 %); 2) цельножелезные (16 %); 3) из «пакетного» металла (3,7 %); 4) сварка железа и стали (1 экз. — 0,9 %).

Основу производственной технологии составляла ковка металла в горячем состоянии, при помощи которой наконечникам придавали необходимую форму. Форма, размеры и вес изделий отличаются большим разнообразием. Обращает на себя внимание тонкая обработка отдельных деталей поковок, присущая им симметричность — все это свойственно основной массе археологических находок. Только в двух случаях наконечники изготовлены достаточно небрежно. Полученные данные позволяют скорректировать и уточнить известное утверждение Г.Ф. Миллера, относящееся ко времени его пребывания в Сибири: «До прихода русских остяки, возможно, плавили железо, но теперь предпочитают покупать готовое железо у русских и куют из него свои стрелы… Однако не каждый умеет ковать» [Миллер, 2009, с. 284]. Анализ изученного материала свидетельствует, что подавляющее большинство наконечников стрел произведено кузнецами-профессионалами с использованием необходимого оборудования, профессиональных навыков и рациональной температуры. Последнее объективно отражено в микроструктуре металла.

Сварные конструкции среди рассматриваемой категории находок немногочисленны (4,6 %). Учитывая хаотичный характер расположения и чередования отдельных пластин в пакете, можно сделать заключение о непреднамеренном (технологически обусловленном) характере кузнечной сварки.

В качестве дополнительной операции, увеличивавшей твердость металла, отмечено применение мягкой закалки. Доля термообработанных изделий составляет 25 %. Микроструктура термообработанных изделий — сорбит, реже — бейнит.

Наконечники копий довольно редко встречаются в археологических памятниках Западной Сибири. Обычно они входят в состав инвентаря «относительно богатых» захоронений взрослых мужчин, интерпретируемых как «воинские» [Кардаш, 2010, с. 65–66]. Данному положению не противоречат материалы могильника Кикки-Акки. В могильнике наконечники копий обнаружены в захоронениях мужчин 30–40 лет и 25–30 лет, содержащих некоторые примечательные артефакты. В одном погребении (№ 15) находился охабень русского производства с декоративной отделкой из золотных нитей [Пошехонова и др., 2021]. В другой могиле (№ 16), помимо многочисленных наконечников стрел, зафиксированы остатки обильной поминальной тризны — кости рыб, птиц, млекопитающих.

Микроструктурным анализом установлено, что наконечники копий откованы из низкоуглеродистой сырцовой стали, в структуре которой фиксируются отдельные зоны простого железа (структура феррита). Так как копья имели относительно большие размеры, то использование сырцовой стали в качестве исходного сырья для их производства вполне обеспечивало необходимую твердость режущих граней и достаточную продольную упругость при боковых (изгибающих) нагрузках в процессе эксплуатации.

Пальмы, представлявшие собой большие массивные ножи, насаженные на деревянную рукоять, имели большое распространение в изучаемое время среди населения лесной зоны Западной и Восточной Сибири. Это было рубяще-колющее оружие, используемое обычно в охоте на медведя [Шухов, 1915, с. 38]. В связи с этим пальма имела и другое наименование — «медвежья палка» [Головнев, 2012, с. 84]. По сообщениям П. Третьякова (30-е гг. XIX в.), тазовские остяки охотились с пальмой на медведя большей частью тогда, когда он лежал в берлоге [Третьяков, 1871, с. 274]. Пальма широко применялась и при охоте на диких оленей во время сезонных миграций, при переправе этих животных через реки.

Технология изготовления наконечников пальм была не очень сложной. Основой производства являлась свободная кузнечная ковка неравномерно науглероженного железа, с помощью которой формировалось лезвие и черешок рукояти. Из дополнительных операций, улучшавших рабочие качества оружия, отмечено использование термической обработки (мягкой закалки). Заточка лезвий готовых изделий осуществлялась с правой стороны. Лезвие украшалось тонкими резными линиями и медной аппликацией. Выявленные особенности заточки лезвий, ленточный орнамент, выполненный резьбой и медными прямоугольными накладками, присущи якутскому металлообрабатывающему производству [Серошевский, 1896, с. 396]. Это позволяет отождествлять изученные экземпляры с продукцией якутских мастеров. Еще одним аргументом в пользу высказанного положения являются свидетельства Г.Ф. Миллера, изложенные им при

описании якутов. «Якуты, которые плавят железо, умеют также выковывать из него всякие предметы… Их изделия изготовляются в таком большом изобилии, что могут снабжать ими и далеко живущие народы» [Миллер, 2009, с. 285].

Сравнение полученных данных по металлопроизводству верхнетазовских селькупов XVII–XIX вв. с материалами Нарымского Приобья (исконной территории расселения селькупов) XIV–XVII вв. [Зиняков, 2019, с. 67] свидетельствует об определенной преемственности в сфере производства предметов вооружения, выражавшейся в сохранении номенклатуры целого ряда наконечников стрел, применении идентичных технологических приемов обработки изделий и использовании металлургических полуфабрикатов без дополнительной специальной обработки. Однако у северных селькупов были распространены некоторые новые типы наконечников стрел: спиралевидные, фигурнолистовые и копьевидные. Северным селькупам присуще больше вариантов развильчатых срезней, а также для них характерны более массивные и более разнообразные боеголовковые наконечники стрел. Нововведением можно считать эпизодическое использование пакетных заготовок, более широкое распространение термической обработки в виде мягкой закалки и исчезновение из практики производства твердой закалки. Отмеченные изменения отражают общие процессы экономического развития социума таежных охотников и рыболовов, появление отношений товарного обмена, усиление влияния русского населения, поставлявшего селькупам качественную металлопродукцию ремесленного, а затем и заводского производства. Доказательством последнего служат, среди прочих, и материалы могильника Кикки-Акки, в захоронениях которого обнаружены русские ткани, одежда, украшения, ножи, топоры и т.п.

Выводы

Проведенные металлографические исследования предметов вооружения верхнетазовских селькупов позволяют сделать следующие выводы. Предметы вооружения играли важную роль в обыденной жизни и погребальном обряде тазовских селькупов рассматриваемого периода. Производством вооружения из черного металла занимались профессиональные мастера, обладавшие необходимыми эмпирическими знаниями и набором инструментов. В качестве исходного сырья кузнецы использовали сыродутные крицы, состоявшие из неравномерно науглероженной стали, реже — железа или смеси того и другого. Основу технологии изготовления предметов вооружения составляли операции свободной ковки металла в горячем состоянии. Структура металла свидетельствует, что обработка изделий производилась, как правило, при оптимальной температуре, без пережога или недогрева. Из дополнительных операций, направленных на улучшение рабочих свойств изделий, селькупским кузнецам была известна мягкая закалка стали. В целом, предметы вооружения, не обладая высоким качеством, соответствовали техническим условиям их применения.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.И. Селькупы: Основные этапы этнической истории // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. С. 311–317.

Визгалов Г.П., *Пархимович С.Г.* Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Гемуев И.Н., *Соловьев А.И.* Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 39–55.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Головнев А.В., *Тучкова Н.А.* Хозяйство селькупов // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Томский политехнический университет, 2012. С. 64–94.

Дмитриев-Садовников Г.М. Версты и строки / Ред.-сост. В.К. Белобородов. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. 224 с.

Зиняков Н.М. Черная металлургия и металлообработка Западной Сибири эпохи раннего железа и средневековья. Кемерово: КРИРПО, 2019. 167 с.

Зиняков Н.М., *Пошехонова О.Е.* Кузнечные изделия русских ремесленников XVII–XIX вв. у верхнетазовских селькупов (по материалам могильника Кикки-Акки): Технологическая характеристика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1. С. 65–77. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-48-1-7

Кардаш О.В. Вооружение воина Северо-Западной Сибири XVII–XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского и Обдорского городков) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Из-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 11. С. 126–129.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 259 с.

Лебедев В.В., *Соколова З.П.* Селькупы // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 118–129.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Пошехонова О.Е., *Афонин А.С.*, *Кисагулов А.В.*, *Гимранов Д.О.*, *Некрасов А.Е.*, *Якимов С.А.*, *Якимов А.С.*, *Баженов А.И.* Некоторые элементы погребального обряда северных селькупов по данным палеоэкологических исследований // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4. С. 165–174.

Пошехонова О.Е., *Подосенова Ю.А.*, *Афонин А.С.*, *Елкина И.И.*, *Губин А.А.* Мультидисциплинарное исследование золотных и металлических нитей из погребений североселькупского могильника Кикки-Акки: Предварительные результаты // Культура русских в археологических исследованиях: Археология Севера России. Омск. Сургут: Издат. группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 352–358.

Прокофьев Г.Н. Янов Стан: Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. С. 96–103.

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1896. Т. 1. 719 с.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.

Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб.: Тип. Безобразова, 1871. 316 с.

Тучкова Н.А., *Глушков С.В.*, *Кошелева Е.Ю.*, *Головнев А.В.*, *Байдак А.В.*, *Максимова Н.П.* Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Томский политехнический университет, 2012. 318 с.

Шухов И.Н. Общий обзор бассейна реки Таза (по данным Таз-Тунгусской экспедиции И.Н. Шухова в 1914 г.). Ачинск: Тип. К.Ф. Крестникова, 1915. 52 с.

Poshekhonova O.E., *Kisagulov A.V.*, *Gimranov D.O.*, *Nekrasov A.E.*, *Afonin A.S.* Transformation of Upper Taz Selkup funeral rites according to paleoecological data // Journal of Archaeological Science: Reports. 2018. № 22. P. 132–141. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.08.035

Poshekhonova O.E., *Razhev D.I.*, *Slepchenko S.M.*, *Marchenko Z.V.*, *Adaev V.N.* Reconstruction of Dietary Habits of a Local Upper Taz Selkup Group in the 18th and 19th Centuries Based on Archaeoparasitology, Osteology, Stable Isotope Analysis, and Archival Documents // Arctic Anthropology. 2020. Vol. 57 (1). P. 35–52. https://doi.org/10.3368/AA.57.1.35

Zinyakov N.M. [a], Poshekhonova O.E. [b, *]

[a] Kemerovo State University, Krasnaya st., 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation
[b] Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Chervishevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: NMZINYAKOV@rambler.ru (Zinyakov N.M.);
poshehonova.olg@gmail.com (Poshekhonova O.E.)

Weaponry of the upper Taz River Selkups according to metallographic studies (based on materials from the Kikki-Akki burial ground)

The paper presents the analysis of the weaponry items (108 arrowheads, 2 spearheads, and 2 glaive heads) recovered from the 17th–19th cc. burial ground of Kikki-Akki (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Taz River) of the Upper Taz Selkups, aiming at the reconstruction of the technology of their production. With the aid of the methods of metallographic analysis, it has been established that the production of ferrous metal weapons was carried out by professional craftsmen. As raw materials, blacksmiths used malleable blooms, without special additional processing, consisting of unevenly carbonized steel and, less often, of iron or a mixture of both. Operations of smith forging of hot metal constituted the basis of the technology for the production of weapons. While doing so, the main attention was paid to finishing the external forms of the products, without using complex technological schemes. The production process, as a rule, was taking place at an optimal heating temperature. In general, weapons, although being not of a high quality, complied with technical specifications for their use.

Keywords: Northern Selkups, armament, metallographic analysis, production technology.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021-0006).

REFERENCES

Dmitriev-Sadovnikov, G.M. (1998). *Miles and lines*. Yekaterinburg: Sredneural'skoye knizhnoye izdatel'stvo. (Rus.).

Gemuyev, I.N., Solov'yev, A.I. (1984). Selkup arrows. In: *Etnografiya narodov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 39–55. (Rus.).

Golovnev, A.V. (1995). *Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians*. Yekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).

Golovnev, A.V., Tuchkova, N.A. (2012). Selkup economy. In: *Sel'kupy: Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka*. Tomsk: TGU, 64–94. (Rus.).

* Corresponding author.

Kardash, O.V. (2006). Armament of a warrior of North-Western Siberia in the 17th–18th centuries (based on archaeological research materials of the Nadym and Obdorsk towns). In: *Sovremennyye problemy arkheologii Rossii*. Novosibirsk: IAET SO RAN,126–129. (Rus.).

Kolchin, B.A. (1953). *Ferrous metallurgy and metalworking in Ancient Rus*. Moscow: AN SSSR. (Rus.).

Lebedev, V.V., Sokolova, Z.P. (1982). Selkups. In: *Etnicheskaia istoriia narodov Severa*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Miller, G.F. (2009). *Description of the Siberian peoples*. Moscow: Pamyatniki drevnikh mysley. (Rus.).

Poshekhonova, O.E., Afonin, A.S., Kisagulov, A.V., Gimranov, D.O., Nekrasov, A.Ye., Yakimov, S.A., Yakimov, A.S., Bazhenov, A.I. (2015). Some elements of the funeral rite of the northern Selkups according to paleoecological studies. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 165–174. (Rus.).

Poshekhonova, O.E., Kisagulov, A.V., Gimranov, D.O., Nekrasov, A.E., Afonin, A.S. Transformation of Upper Taz Selkup funeral rites according to paleoecological data. *Journal of Archaeological Science: Reports*, (22), 132–141. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.08.035

Poshekhonova, O.E., Podosenova, Yu.A., Afonin, A.S., Yelkina, I.I., Gubin, A.A. (2021). Multidisciplinary study of gold and metal threads from burials of the North Selkup burial ground Kikki-Akki: Preliminary results. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: Arkheologiya Severa Rossii*. Omsk; Surgut: Izdatel'skaya gruppa ANO «Institut arkheologii Severa», 352–358. (Rus.).

Poshekhonova, O.E., Razhev, D.I., Slepchenko, S.M., Marchenko, Z.V., Adaev V.N. Reconstruction of Dietary Habits of a Local Upper Taz Selkup Group in the 18th and 19th Centuries Based on Archaeoparasitology, Osteology, Stable Isotope Analysis, and Archival Documents. *Arctic Anthropology*, 57(1), 35–52. https://doi.org/10.3368/AA.57.1.35

Prokof'yev, G.N. (1928). Yanov Stan: Ostyak-Samoyeds of Turukhansk region. *Etnografiya*, (2), 96–103. (Rus.).

Seroshevskiy, V.L. (1896). *Yakuts. Ethnographic research experience*. *Vol. 1.* St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. (Rus.).

Shukhov, I.N. (1915). *General overview of the Taza River basin (according to the Taz-Tunguska expedition of I.N. Shukhov in 1914)*. Achinsk: Tipografiya K.F. Krestnikova. (Rus.).

Solov'yov, A.I. (1987). *Military affairs of the indigenous population of Western Siberia: The Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Tret'iakov, P.I. (1871). *Turukhansk Territory, its nature and inhabitants*. St. Petersburg: Typografiya V. Bezobrazova. (Rus.).

Tuchkova, N.A., Glushkov, S.V., Kosheleva, E.Yu., Golovnev, A.V., Baydak, A.V., Maksimova, N.P. (2012). *Selkups: Essays on traditional culture and Selkup language*. Tomsk: TGU. (Rus.).

Vasil'yev, V.I. (2005). Selkups: Main stages of ethnic history. In: *Narody Zapadnoy Sibiri*. Moscow: Nauka, 311–317. (Rus.).

Vizgalov, G.P., Parkhimovich, S.G. (2008). *Mangazeya: Novyye arkheologicheskiye issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.).* Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. (Rus.).

Zinyakov, N.M. (2019). *Ferrous metallurgy and metalworking of Western Siberia of the Early Iron Age and the Middle Ages*. Kemerovo: KRIRPO. (Rus.).

Zinyakov, N.M., Poshekhonova, O.E. (2020). Blacksmith products of Russian artisans of the 17th–19th centuries. among the Upper Tazov Selkups (based on materials from the Kikki-Akki burial ground): Technological characteristics. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 65–77. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-48-1-7

Зиняков Н.М., https://orcid.org/0000-0002-3015-5594
Пошехонова О.Е. https://orcid.org/0000-0002-5081-4331

Сведения об авторах: Зиняков Николай Максимович, доктор исторических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, Кемерово.
Пошехонова Ольга Евгеньевна, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.
About the authors: Zinyakov, N.M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University, Kemerovo.
Poshekhonova, O.E., Researcher, Tyumen Scientific Centre of SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-6

УДК 903.01/.09

Терехина В.В.

Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186
E-mail: terehinavera@mail.ru

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА К ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ КОЛЛЕКЦИЯМ (НА ПРИМЕРЕ НОЖА-УЛУ ЭСКИМОСОВ АЛЮТИИК С о. КАДЬЯК)

Представлены результаты комплексного анализа ножа-улу (улючик) из этнографической коллекции И.Г. Вознесенского эскимосов алютиик с о. Кадьяк. Историю орудия труда, технологию его изготовления и применение можно реконструировать на основе синтеза разных видов источников, включая этнографию и экспериментально-трасологический анализ. Благодаря этому подходу было установлено реальное функциональное назначение изучаемого ножа-улу, а также дополнено описание технологии его изготовления.

Ключевые слова: Русская Америка, эскимосы алютиик, нож-улу, комплексная методика, этнотрасология, реконструкция.

Ссылка на публикацию: Терехина В.В. Опыт применения экспериментально-трасологического анализа к этнографическим коллекциям (на примере ножа-улу эскимосов алютиик с о. Кадьяк) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 65–76. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-6

Введение

Для построения корректных моделей хозяйственной деятельности древнего человека используется комплексная методика исследования орудий труда. Она основывается на экспериментально-трасологическом анализе орудий и привлечении этнографических данных [Скакун, 2006; Скакун и др., 2022, 2023; Терехина, 2020, 2023; Skakun, Aleksashenko, 2008]. Использование последних часто вызывает дискуссии среди археологов, так как простой перенос этих данных в предметную область археологии может привести к искаженной картине прошлого. Однако стоит отметить, что достаточно полная и всесторонняя реконструкция древних производств возможна лишь на основе синтеза разных видов источников, включая этнографичесние [Клейн, 2013, с. 308]. Привлекая данные этнографии, необходимо учитывать, что они нуждаются в верификации, так как информант мог предоставить недостоверную информацию [Алексашенко, 2020].

При изучении сланцевых шлифованных ножей-улу из древнеэскимоского могильника Эквен (I тыс. н.э., Чукотка) с помощью экспериментально-трасологического анализа в качестве эталонов использовались атрибутированные этнографические коллекции ножей-улу [Терехина, 2022; Скакун и др., 2022]. Так как эти коллекции в основном XIX века, то в них имеются ножи не только из сланца, но и из металла. К сожалению, не все металлические ножи поддаются трасологическому анализу. Это связано либо с плохой сохранностью, либо с реставрационными работами, уничтожившими все имевшиеся следы.

Наше внимание привлек нож-улу из коллекции эскимосов алютиик с о. Кадьяк (МАЭ № 593-44) (рис. 1, 2), который выставлен в постоянной экспозиции в Музее антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера).

В каталоге коллекции Кунсткамеры по эскимосам алютиик этот нож носит наименование «улючик» [Корсун, 2010b, с. 214, рис. 254]. Для обозначения шлифованных сланцевых ножей из этой коллекции используются термины «улу» и «улюгкхак» [Корсун, 2010b, с. 214–215], а в каталоге коллекции Кунсткамеры по алеутам аналогичные ножи названы пекулками [Корсун, 2014, с. 193–194], что внесло терминологическую путаницу в обозначение одних и тех же изделий. Изучаемый нож был передан в Кунсткамеру русским ученым-путешественником И.Г. Вознесенским в 1845 г. Отметим, что его экспедиция была первой академической экспедицией в Русскую Америку и Северо-Восточную Азию, в планы которой входил систематический сбор этнографических предметов [Ляпунова, 1967, с. 8]. Специально для И.Г. Вознесенского была разработана инструкция по сбору таких коллекций [Ляпунова, 1967, с. 33], предписывавшая не только фик-

сировать русское и местное название каждого предмета, материал, из которого он изготовлен, его назначение, но и обращать внимание на уникальность отдельных экземпляров, т.е. отмечать, «в какой ценности» они находятся у местных жителей. К каждой вещи было необходимо также делать этикетку, а к отдельным посылкам составлять списки предметов [Корсун, 2010а, с. 18–19]. В описи коллекции Кунсткамеры № 593 по Северо-Западной Америке, собирателем которой обозначен И.Г. Вознесенский, исследуемый нож значится под названием «пекулка» [МАЭ РАН. Опись коллекции № 593, л. 54]. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились подлинники и копии списков этнографических коллекций, собранных И.Г. Вознесенским во время его кругосветного путешествия в 1839–1849 гг. В этих списках исследуемый нами нож записан под порядковым номером 34. Ему дано следующее описание: «Пекулька (род ножа) с о. Кадьяк; по туземному “Улючик” (I р. / Спис. V предм. 104; послано 1845 г. в ящике 68 за № 20» [ПФА РАН. Ф. 142, оп. 1 до 1918, № 9, л. 62]. Других сведений об этом ноже от собирателя коллекций не сохранилось. С большой вероятностью, термин «пекулка» использовался русскими путешественниками и миссионерами в период существования Русской Америки для обозначения ножей, аналогичных ножам чукчей и к тому времени русским известных. Так, в луораветланско-русском (чукотско-русском) словаре под редакцией В.Г. Богораза отмечено, что слово pæqul/paqul было записано этнографом, североведом Н.Б. Шнакенбургом и обозначало оно широкий женский нож для мяса [Богораз, 1937, с. 118]. И.С. Вдовин для обозначения «женского» ножа чукчей также использовал термин «пэкул» [Вдовин, 1965, с. 34]. Интересно отметить, что горный хребет в Северо-Восточной Сибири, один из краевых цепей Чукотского нагорья, называется Пэкульней, что в переводе с чукотского означает «нож-гора» [Леонтьев, Новикова, 1989, с. 303].

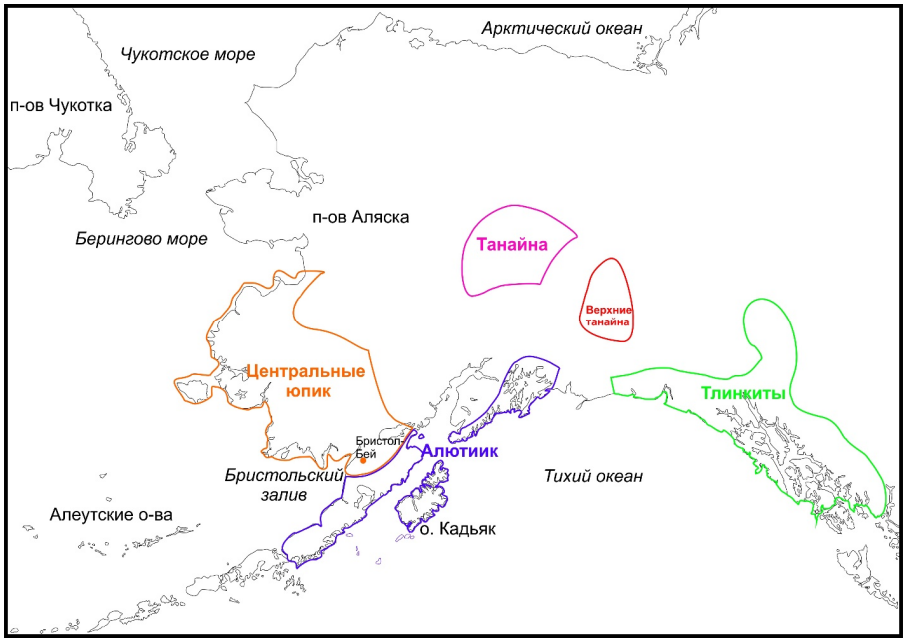


Рис. 1. Карта Русской Америки с обозначением территории расселения эскимосов и индейцев, упомянутых в статье.
Fig. 1. Map of Russian America indicating the territory of settlement of the Eskimos and Indians mentioned in the article.

На наш взгляд, путаница в терминах произошла на этапе подготовки С.А. Корсуном каталога коллекции Кунсткамеры по эскимосам алютиик, в котором исследователь и составитель не уточнил, что только для двух ножей И.Г. Вознесенский записал местное название, а все остальные ножи названы собирателем коллекции устоявшимся в русском языке на тот момент термином «пекульки», а не «улу», который С.А. Корсун использует для обозначения остальных двух ножей из изучаемой коллекции. Одним из первых, кто стал использовать термин «улу/ulu» в русскоязычной этнографии и археологии для обозначения полулунного ножа эскимосов, был С.И. Руденко [Руденко, 1947, с. 26]. Вероятно, это связано с тем, что при написании монографии «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема» автор использовал сведения

о быте эскимосов в основном из англоязычной литературы [Руденко, 1947], в которой подобные ножи обозначены как «ulu».

Отметим, что в языке алеутов, тесно связанном с языком алютиик, *уллюк* обозначает «мясо» [Вениаминов, 1846, с. 63; Вахтин, 1996]. Мы предполагаем, что *улючик* — производное от уллюк/улюк («мясо») с тем же окончанием -ик, которое используется в алеутском языке для обозначения ножей: *дикас**ик*** и *каляулис**ик*** [Вениаминов, 1846, с. 21, 36], т.е. *улючик* можно перевести как «нож для мяса». Интересен тот факт, что у эскимосов алютиик различные типы стрел и гарпунов, предназначенные для охоты на разных животных, были обозначены соответствующими терминами. Так, И.Г. Вознесенский пометил, что имеется несколько типов каменных наконечников для китовых гарпунов (калугиат); два тяжелых гарпуна для охоты на китов (улюкают); двенадцать легких гарпунов с костяными наконечниками (пииту-дак) [ПФА РАН. Ф. 142, оп. 1 до 1918, № 9, л. 62]. Но для каких хозяйственных нужд использовался нож «улючик», к сожалению, автор коллекции не пояснил. С.А. Корсун, не ссылаясь на дневники и списки предметов И.Г. Вознесенского, в каталоге коллекции Кунсткамеры указал, что этот нож применялся при обработке шкур [Корсун, 2010b, с. 25]. Однако морфология его рукояти мало подходит для заявленной функции — центр тяжести смещен от центра рабочей кромки, в то время как эффективность скребка обеспечивается приложением силы к центру лезвия.

Поэтому целью наших исследований стало комплексное изучение этого уникального орудия для выяснения технологии его изготовления и сферы его использования.

Методы

Комплексная методика изучения ножа-улу включала в себя морфологический анализ и поиск аналогичных форм в музейных каталогах и публикациях. Функция орудия определялась с помощью трасологического анализа. Он проводился посредством лупы с увеличением ×10, бинокулярного стереомикроскопа «МБС-10» с увеличением от ×8 до ×98. Фотофиксация следов изготовления и использования осуществлялась с помощью зеркальной фотокамеры Canon EOS 400D и EOS 6D Mark II с объективами Canon EF 24-105 f/4l IS USM, EF 50 mm f/2.5 Compact Macro, EF 100 mm f 2.8L Macro IS USM, а также с помощью вышеупомянутых микроскопов с микрофотографическим устройством (МФУ) для «МБС-10».

Верификация полученных данных осуществлялась с помощью эксперимента, который включал изготовление и использование ножа в функциях, описанных в этнографических источниках.

Результаты исследования

Морфологический анализ

Нож-улу из коллекции И.Г. Вознесенского эскимосов алютиик с о. Кадьяк (МАЭ № 593-44) представляет собой металлический клинок с выпуклым закругленным лезвием и крупной деревянной рукоятью (рис. 2, *А, В*). Длина клинка по обуху составляет 15,8 см, ширина — 6,2 см, ширина видимой части — 5 см, толщина режущей кромки — 0,1 см. Лезвие коррозировано. Длина рукояти в месте крепления к обуху — 17,3 см, ширина рукояти — 9,5 см, толщина рукояти в районе обуха — 0,8–1,0 см, в районе захвата руки — 1,4 см. Прорезь под пальцы линзовидной формы. Длина прорези по внешнему контуру — 6,5 см, по внутреннему — 5,5 см; ширина по внешнему контуру — 2 см, по внутреннему — 1,4 см.

Рукоять орнаментирована с обеих сторон двумя сплошными линиями по периметру с отступом от края 0,5 см (рис. 2, *А, В*). Внешняя линия прорезана только по выступающей части рукояти. Между этими линиями заключена пунктирная линия (22 черточки), длина линии — 0,8 см, расстояние между линиями — 0,3 см. Она завершается двумя симметричными пунктирными линями с обеих сторон. Прорезь под пальцы также обрамлена по нижней части тремя сплошными линями, между второй и третьей линиями заключена пунктирная линия (8 черточек). Размеры совпадают с вышеописанными. По внутреннему контуру вырезаны треугольники. Под рукоятью их 3 шт., длина боковых сторон 0,7–0,8 см. Длина основания — 0,5–1,0 см. На выступающей боковой стороне нанесено 8 треугольников, длина боковых сторон — 0,8 см, длина основания — 0,4–0,7 см. На противоположной стороне нанесено 4 треугольника. Треугольник, прилегающий к обрамлению прорези, не имеет одной боковой стороны. Высота боковых сторон — 0,7 см, длина основания — 0,6 см. Вдоль обуха идет ряд выемчатых треугольников (20 шт.). Длина боковых сторон — 0,4–0,7 см, длина основания — 0,4–0,5 см. Между всеми описанными треугольниками небольшое расстояние — 0,2–0,5 см. С противоположной стороны

рукояти аналогичный орнамент, состоящий из такого же количества элементов. Выемчатых треугольников вырезано 26 шт. Рукоять покрыта красной полупрозрачной краской (рис. 2).

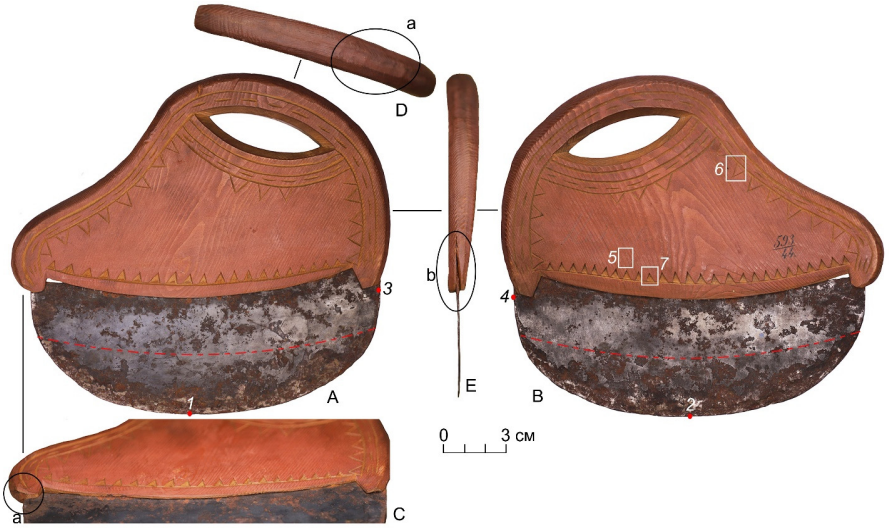


Рис. 2. Нож-улу (улючик) из этнографической коллекции И.Г. Вознесенского эскимосов алютиик с о. Кадьяк (МАЭ № 593-44):
A, B — боковые стороны ножа; C — вид крепления ножа; D — вид рукояти сверху; E — профиль ножа; a — следы строгания, резания, b — трещина в районе крепления клинка к рукояти; 1–7 — обозначение мест, с которых снято микрофото, см. рис. 4; пунктиром обозначена граница вхождения клинка в обрабатываемый материал.
Fig. 2. Knife-ulu (uluchik) from the ethnographic collection of I.G. Voznesensky Alutiiq Eskimos from the island Kodiak (MAE No. 593-44):
A, B — sides of the knife; C — view of the knife mount; D — top view of the handle; E — knife profile; a — traces of planing, cutting, b — crack in the area where the blade is attached to the handle; 1–7 — designation of places from which the micro-photo was taken, see fig. 4; the dotted line indicates the boundary of the blade entering the processed material.

Аналогии

Прямые аналогии ножу «улючик» имеются в собрании Музея Шелдона Джонсона в городе Ситка, США. Два металлических ножа с деревянной окрашенной в красный цвет рукоятью с аналогичным орнаментом значатся как изделия тлинкитов, индейцев, проживающих на юго-востоке Аляски и в прилегающих частях Канады [Корсун, 2010b, с. 214] (рис. 1; 3, *1*, *2*). В указанном каталоге они названы рыбными ножами-улу [Gunther, 1976, с. 142].

Изучая каталоги коллекций индейцев Аляски, мы обнаружили аналогичный нож в каталоге-резоне коллекции коммерческой компании Аляски, Музей антропологии Фиби Апперсон Херс (рис. 3, *3*). В нем он значится как женский нож из стального листа пилы с резной деревянной рукоятью, окрашенной охрой, служивший для нарезки замороженного мяса. Размеры ножа (17,3×15,2×1,3 см) совпадают с размерами ножа из коллекции И.Г. Вознесенского. Принадлежал нож танайна — индейцам северо-атабаскской этнолингвистической группы, проживавшим у залива Кука (Аляска) [Graburn et al., 1996, p. 507, pl. 2160; аналог 508, pl. 2161] (рис. 1). Согласно данным К. Осгуда, такой тип ножей производился местными жителями [Osgood, 1966, p. 102, fig. 28b]. Причем именно у танайна наблюдается небольшая модификация деревянной рукояти этих однотипных ножей (рис. 3, *4, 5*) [Ibid.]. Автор именует их женскими ножами улу, хотя на атабаскском языке наименование ножа типа улу звучит как “tlaabaas” или “tthamas”.

Отметим, что согласно описи американского этнолога О.Т. Мэйсона аналогичные по форме рукояти, но неорнаментированные использовались эскимосами центральными юпик Бристол-Бея для сланцевых ножей-улу (рис. 3, *6*) [Mason, 1892, tab. LXX, 2].

Наличие ножей одного типа у кадьякцев, танайна и тлинкитов указывает на тесные контакты между ними [Дзенискевич, 1979]. Так благодаря своему географическому положению танайна имели контакты со многими племенами, обусловленные в основном охотничьими экспедициями и оживленным обменом. Индейцы восточного побережья устья Кенайского залива с давних пор имели связи с эскимосами о. Кадьяк и восточного побережья Кенайского п-ва (с последними через горные перевалы).

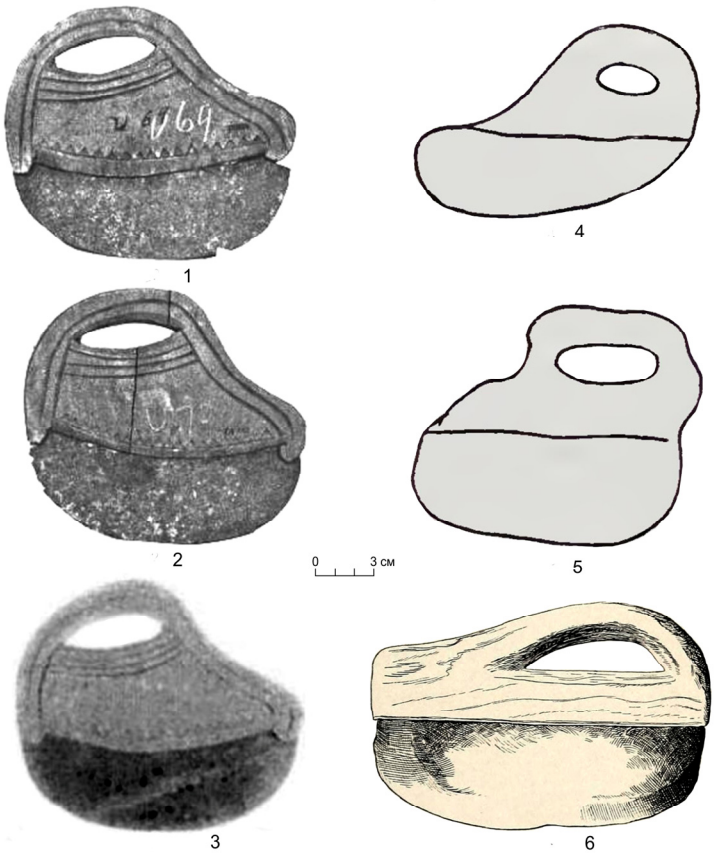


Рис. 3. Аналогии ножу-улу (улючик) из этнографической коллекции И.Г. Вознесенского эскимосов алютиик с о. Кадьяк (МАЭ № 593-44):
1, 2 — ножи-улу индейцев тлинкитов; 3–5 — ножи-улу индейцев танайна; 6 — нож эскимосов центральных юпик.
Fig. 3. Analogies to the knife-ulu (uluchik) from the ethnographic collection of I.G. Voznesensky Alutiiq Eskimos from the island. Kodiak (MAE No. 593-44):
1, 2 — knives-ulu of the Tlingit Indians; 3–5 — ulu knives of the Tanaina Indians; 6 — knife of the Central Yupik Eskimos.

Индейцы меняли не только «сырье»: мясо, тюлений жир, невыделанные шкуры разных животных, оленью и лосиную ровдуги, куски самородной меди, но и готовые вещи, например ровдужную и меховую одежду.

Мичман Г.И. Давыдов, служивший в российско-американской компании (РАК) в начале XIX в. и много путешествовавший по берегам о. Кадьяк и в его окрестностях в компании местных эскимосов, отмечал наличие обмена между различными племенами атапасков, а также между атапасками и эскимосами [Давыдов, 1812, с. 116–144]. Сохранились сведения, что изделия индейцев подражали многим вещам эскимосов [Дзенискевич, 1979].

Трасологический анализ

Клинок ножа не имеет подводов, на режущей кромке и прилегающих боковых сторонах, не затронутых коррозией, выявлены длинные и короткие продольные линейные следы. Само лезвие имеет П-образный профиль, что указывает на его сильную изношенность (рис. 4, *1, 2*). Следы двусторонней заточки лезвия сохранились на приобушковой части клинка (рис. 4, *3, 4*).

Судя по следам сработанности, нож проникал на глубину 2,7 см (рис. 1). Описанные следы соответствуют следам ножа, но не скребка, как это было указано собирателем коллекции И.Г. Вознесенским. Для сравнения нами были изучены металлические ножи-улу из этнографической коллекции Российского этнографического музея. Все они имеют следы сработанности скребков по шкурам. В качестве примера приведем результаты трасологического анализа ножа-улу эскимосов Гренландии XIX в. (РЭМ 8761-10892) (рис. 5, *А*).

Он имеет характерный удлиненный черешок (длина — 6 см, ширина в месте крепления к обушку — 2 см; в месте вхождения в рукоять — 0,8 см, толщина — 0,2 см). Подпрямоугольная деревянная рукоять (длина — 10, 9 см, ширина — 1,9 см, толщина — 1,5 см) насажена на че-

решок и закреплена расклепкой его конца. Клинок линзовидной формы (длина — 9,8 см, ширина — 2,5 см, толщина — 0,15 см) имеет намеренно затупленные острия (рис. 5, *1*). Режущая кромка по всей длине уплощена, слегка скруглена, частые перпендикулярные линейные следы равномерно распространены по всей длине (рис. 5, *2*).

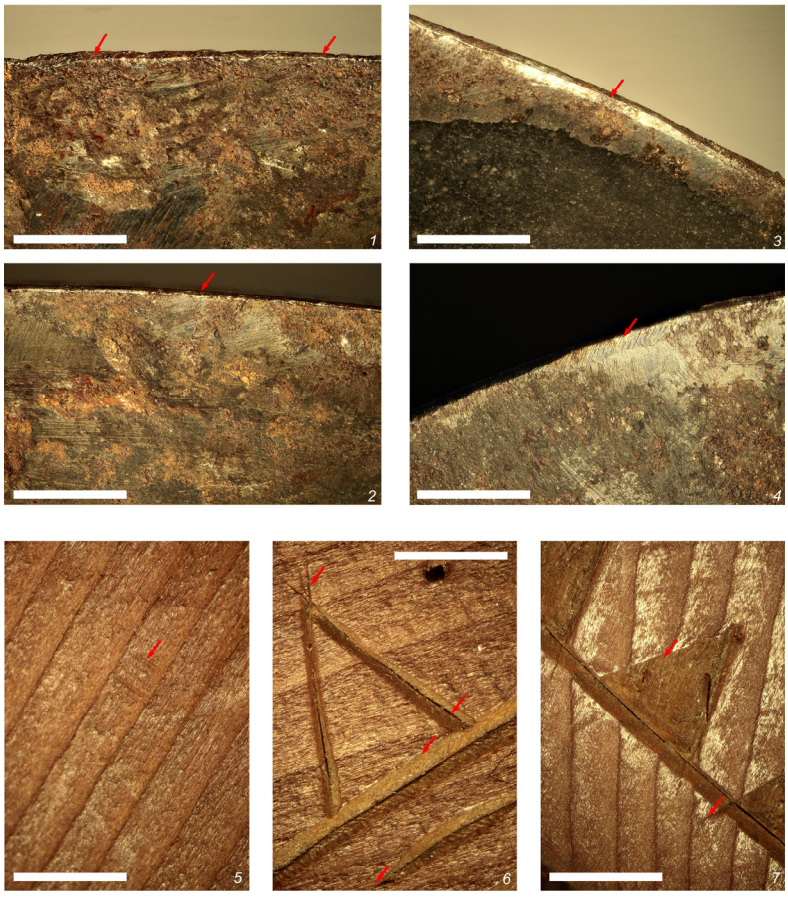


Рис. 4. Микрофото следов изготовления и утилизации на ноже-улу (улючик) из этнографической коллекции И.Г. Вознесенского эскимосов алютиик с о. Кадьяк (МАЭ № 593-44) (увеличение ×20):
1, 2 — следы утилизации на кромке ножа; 3, 4 — следы двусторонней заточки на кромке ножа; 5 — следы строгания на рукояти; 6 — следы прорезания боковых сторон треугольника и пунктирной линии; 7 — следы прорезания выемчатого треугольника. Масштабная линейка 1 мм.

Fig. 4. Microphoto of traces of production and disposal on an ulu knife (uluchik) from the ethnographic collection of I.G. Voznesensky Alutiiq Eskimos from the island. Kodiak (MAE No. 593-44) (magnification ×20):
1, 2 — traces of disposal on the edge of the knife; 3, 4 — traces of double-sided sharpening on the edge of the knife; 5 — traces of planing on the handle; 6 — traces of cutting the sides of the triangle and the dotted line; 7 — traces of cutting a notched triangle. Scale bar 1 mm.

Рукоять исследуемого ножа изготовлена из продольно распиленного куска дерева твердой породы (рис. 1, *A*–*D*). Вероятно, форма рукояти выпиливалась лучковой пилой и доводилась ножом или стамеской. На рукояти сохранились четкие фасетки от строгания (ножом или стамеской) (рис. 1, *a*; 4, *5*), что свидетельствует о том, что рукоять либо слабо шлифовали, либо вообще не шлифовали. Судя по форме и разной величине прорезанных канавок V-образной формы, они были прорезаны металлическим ножом-косяком (или резцом) в два этапа: сначала одна сторона под острым углом, а затем — другая (рис. 4, *6*). У выемчатых треугольников орнамента сначала прорезался контур ножом-косяком, а далее ножом или стамеской с узким рабочим лезвием выбирался верхний слой (рис. 4, *7*). Отверстие под пальцы, видимо, выбиралось стамеской, а затем дорабатывалось ножом или пропиливалось узкой пилкой наподобие современного лобзика. Во втором случае требовалось предварительно просверлить отверстие, чтобы погрузить пилу в полотно рукояти. Отметим, что отверстия на рукоятях этого типа варьируют в размерах, и в некото-

рых случаях они слишком малы, чтобы в них можно было поместить пальцы рук [Mason, 1892, tab. LXX]. В отверстие исследуемой рукояти помещается только средний палец.

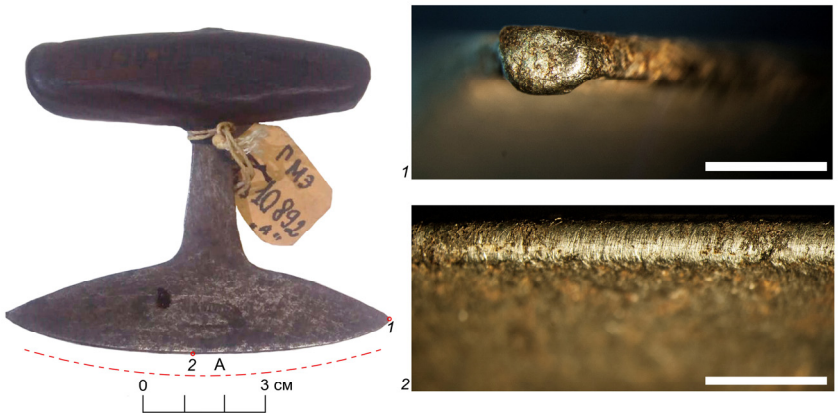


Рис. 5. Нож-улу эскимосов Гренландии XIX в. (РЭМ 8761-10892) с микрофото следов изготовления и утилизации (увеличение ×20):
А — нож; 1 — следы намеренного притупления острия ножа; 2 — следы утилизации ножа в качестве скребка для шкур; пунктиром обозначена утилизированная часть рабочей кромки. Масштабная линейка 1 мм.
Fig. 5. Knife-ulu of the Greenland Eskimos of the 19th century. (REM 8761-10892) with a microphoto of traces of production and disposal (magnification ×20):
A — knife; 1 — traces of intentional dulling of the knife edge; 2 — traces of the knife being used as a skin scraper; the dotted line indicates the recycled part of the working edge. Scale bar 1 mm.

Рукоять была окрашена в красный цвет перед орнаментированием, так как прорези сохранили естественный цвет дерева (рис. 4, *6, 7*). К сожалению, провести дополнительные исследования краски не было возможности.

Для крепления клинка к рукояти сначала был сделан неглубокий пропил, а затем рукоять была насажена на его обушок. Для этого необходимо было поместить нож в паз насколько это возможно рукой, а затем поставить нож лезвием на доску и сверху по рукояти ударять деревянной колотушкой. Отметим, что в районе крепления рукояти полотно самой рукояти сужается на клин. Толщина губ, охватывающих клинок, не превышает 0,15 см с обеих сторон (рис. 1, *C*). Сложно сказать, каким именно инструментом производилось утончение, так как на поверхности не осталось никаких видимых следов обработки, но однозначно его выполняли после пропиливания паза.

Также отметим, что в районе крепления рукояти присутствует трещина, которая могла образоваться в процессе помещения рукояти в паз или во время работы ножом (рис. 1, *b*). Данная трещина при нажиме могла увеличиться и стать причиной поломки рукояти.

Этнографические данные о технологии изготовления металлических ножей

Аналогичные металлические ножи, по этнографическим данным, вырезались из полотен металлических пил [Gunther, 1976, p. 42; Graburn et al., 1996, p. 507, pl. 2160]. Известно, что современные инуиты вырезают лезвия улу обычно зубилом и молотком из полотен пил (как поперечных, так и круглых) или из листов нержавеющей стали. Инуиты из Иглулика предпочитают старые пилы, которые дольше сохраняют остроту, так как изготовлены из каленого железа [Oakes, Riewe, 1995, p. 23].

Рукоять ножа из собрания И.Г. Вознесенского изготовлена, по определению краснодеревщика А.А. Смирнова, из желтого кедра. По этнографическим данным, тлинкиты также использовали в хозяйственных нуждах желтый кедр. В частности, из него изготавливали лодки среднего размера [Березкин, 2007, с. 39].

В каталоге для ножа-улу танайна указано, что рукоять окрашена охрой. В собрании музея Кунсткамеры по тлинкитам хранится древесный нарост (ссак-ку-ат) (№ 2539–10, собиратель И.Г. Вознесенский, 1842–1844 гг., селение Чилкат). Нарост использовался для изготовления краски красного цвета, которой тлинкиты приписывали магические свойства. Ею воины раскрашивали лица перед боем. Считалось, что с ее помощью можно оживить охотника, убитого медведем или волком. Тлинкиты изготавливали краски в основном из растительного и минерального сырья, которое толкли в каменных ступах и смешивали с растертой лососевой икрой. Раскрашенные изделия индейцев не выгорали на солнце и долго не смывались водой.

Рис. 6. Основные этапы изготовления реплики ножа-улу (улючик) из этнографической коллекции И.Г. Вознесенского эскимосов алютиик с о. Кадьяк (МАЭ № 593-44):
1–4 — из незакаленной стали; 5–8 — из закаленной стали: 1 — начало выбивки ножа стамеской под 90° к обрабатываемой поверхности; 2, 3, 5, 6 — выбивка ножа стамеской под 30° к обрабатываемой поверхности; 4 — выравнивание полотна ножа молотком; 7 — насаживание рукояти на нож с помощью деревянной колотушки; 8 — реплика ножа-улу, полученная в ходе эксперимента.

Fig. 6. The main stages of making a replica of an ulu knife (uluchik) from the ethnographic collection of I.G. Voznesensky Alutiiq Eskimos from the island. Kodiak (MAE No. 593-44):
1–4 — from non-hardened steel; 5–8 — from hardened steel: 1 — start knocking out the knife with a chisel at 90° to the surface being processed; 2, 3, 5, 6 — knocking out the knife with a chisel at 30° to the surface being processed; 4 — leveling the knife blade with a hammer; 7 — placing the handle on the knife using a wooden mallet; 8 — replica of an ulu knife obtained during the experiment.

К сожалению, нам не удалось найти в этнографических источниках упоминания всех инструментов, которыми пользовались кадьякцы для обработки дерева. В каталоге Кунсткамеры по эскимосам алютиик представлены лишь разнообразные металлические резцы (МАЭ № 593-49/а–д) [Корсун, 2010b, с. 213].

Мореплаватель Г.И. Давыдов, путешествовавший в начале XIX в. по берегам о. Кадьяк и в его окрестностях, писал: «…наблюдая за островитянами, я уверился, что они настолько умны и предприимчивы и настолько при бедности способов усовершенствовали все свои рукоделия, что по этим качествам не могут именоваться совершенно дикими. Правда, круг занятий их весьма узок, но

все ими выработанное придумано и сделано искусно, несмотря на скудость орудий, какими европейский художник мало бы что мог сделать» [Шелихов, Давыдов, 2019, с. 274].

Экспериментальные данные

Для того чтобы уточнить этнографические данные об изготовлении металлических ножей, был проведен эксперимент по выбивке ножа из листа некаленой стали 0,15 см и каленой стали 0,1 см, аналогичного по форме и размерам описанному выше в статье.

В первом случае нож был вырезан с помощью стамески и молотка за 7 мин. Стамеску необходимо было держать под углом 30°, под бóльшим углом стамеска только мяла металл, а не резала (рис. 6, *1–3*). После того как заготовка была вырезана, полотно вдоль лезвия было обработано молотком (рис. 6, *4*). Заусенцы были убраны на шлифовальном бруске. Заточка лезвия производилась также на нем. Само полотно ножа слегка гнулось, поэтому использовать его для резания твердых продуктов (таких как замороженная рыба) было малоэффективным. Чтобы исправить это недостаток, необходимо было закалить клинок.

Эксперимент с закаленной сталью (использовалось полотно пилы времен СССР) толщиной 0,1 см показал, что без предварительной обработки с помощью зубила или стамески вырезать из этого сырья нож трудоемко. В течение первых 30 мин работы удалось пройти стамеской только половину контура будущего лезвия (рис. 6, *5, 6*). При этом было затуплено лезвие стамески. Поэтому было принято решение сначала отпустить металл (отжечь), а затем завершить вырезание заготовки стамеской с подновленным лезвием. После того как по заготовке прошлись ударами молотка для выравнивания поверхности, ее закалили. На последнем этапе нож был заточен на абразиве.

Рукоять была вырезана из древесины палисандра Сантоса, которая по твердости не уступает желтому кедру. В работе были использованы ручной лобзик, аналог лучковой пилы, стамеска, нож и резец. По чертежу была выпилена рукоять, затем доработана стамеской. Отверстие пропилено лобзиком (для этого предварительно просверлено отверстие), и форма доведена резцом. Узор в течение получаса был нанесен с помощью ножа-косяка согласно описанной технологии для оригинальной рукояти. Паз для ножа был пропилен японской пилой (разновидность лучковой пилы). Утончение рукояти в районе крепления обуха не производилось. Рукоять была насажена на обушок ножа с помощью деревянной колотушки легкими ударами (рис. 6, *7, 8*).

Нож был использован для резания замороженной рыбы и сала (рис. 7, *1, 2*). Для того чтобы нож эффективно и быстро работал, его нужно было раскачивать взад-вперед слегка надавливая, а не производить пилящие движения.

1 2

Рис. 7. Использование реплики ножа-улу для резания замороженных продуктов:
1 — скумбрия; 2 — сало, имитирующее китовый жир — мантак.
Fig. 7. Using a replica ulu knife for cutting frozen foods:
1 — mackerel; 2 — lard imitating whale fat — mantak.

Выводы

Комплексное исследование металлического ножа-улу (улючик) эскимосов алютиик из собрания И.Г. Вознесенского позволило установить реальное функциональное применение этого изделия в качестве ножа, опровергнув информацию о том, что он использовался для обработки шкур. Интересно отметить, что аналогичные по морфологии предметы были атрибутированы как ножи для разделки рыбы и резания замороженного мяса. Поиск аналогий также позволил расширить уже известный ареал распространения данного типа ножа. Он был востребован эс-

кимосами алютиик, центральными юпик, индейцами танайна и тлинкитами, между которыми были отмечены тесные торговые связи.

Благодаря экспериментам удалось уточнить описание изготовления клинка из каленой и некаленой стали. Следуя этнографическим данным, предпочтение отдавали полотну пил, которые изготавливались из каленой стали, так как они дольше сохраняли свою остроту, а клинок из некаленого металла мог под нажимом при работе по твердому материалу гнуться. Однако резка каленой стали ручным способом с помощью зубила или стамески без предварительной обработки очень трудоемка, и, как правило, в таких случаях используется отпуск металла. Эксперименты по резанию замороженной рыбы и мяса показали большую эффективность и эргономичность исследуемого типа ножа.

Проведенное исследование продемонстрировало, что достаточно полная и всесторонняя реконструкция орудий труда возможна лишь на основе синтеза разных видов источников. При этом этнографические данные об орудиях: о технологии и использовании — требуют верификации с помощью трасологического анализа и экспериментального моделирования.

Благодарность. Автор приносит благодарность главному хранителю фондов МАЭ РАН к. филол. н. Копаневой Наталье Павловне, м.н.с. Отдела этнографии Америки МАЭ РАН, хранителю коллекции «Северная Америка» Дмитренко Любови Яковлевне, заместителю директора по учету, хранению и реставрации музейных ценностей РЭМ Прокопьевой Наталье Николаевне, научному сотруднику высшей категории, хранителю фонда жесткого резерва Отдела этнографии Сибири и Дальнего Востока РЭМ Косяк Наталье Александровне за возможность работы с этнографическими коллекциями эскимосов. А также автор благодарит краснодеревщиков Смирнова Андрея Александровича и Маркина Антона Кирилловича (г. Санкт-Петербург) за консультации и участие в экспериментах совместно с трасологом-экспериментатором Семиным Дмитрием Валерьевичем (г. Самара), участником экспериментально-трасологической экспедиции ИИМК РАН совместно с ИА им. А.Х. Халикова АН РТ в г. Болгар (Республика Татарстан).

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-01295 «Реконструкция древних технологий в производственной деятельности эскимосов Чукотки: этноархеологический метод и данные естественных наук».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексашенко Н.А. Трасологический метод в изучении древних и традиционных технологий // Кунсткамера. 2020. № 3. С. 93–103.

Березкин Ю.Е. (отв. ред.). Тлинкиты: Каталог коллекций Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 2007. 272 с.

Богораз В.Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. 165 с. (Труды по лингвистике / Главсевморпуть при СНК СССР, Науч.-иссл. асс-ция Ин-та народов Севера им. П.Г. Смиридовича; Т. 6).

Вахтин Н.Б. Инуитов Аляски язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1996. С. 85–90.

Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965. 404 с.

Вениаминов И. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка СПб.: Тип. Имп. АН, 1846. 238 с.

Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 2. СПб.: Морская типография, 1812. [4], XXVIII, 224 с.

Дзенискевич Г.И. Экологическая адаптация в традиционной культуре северных атапасков // https://vk.com/@-162224239-ekologicheskaya-adaptaciyav-tradicionnoi-kulture-severnyh-at

Клейн Л.С. Этногенез и археология: В 2 т. Т. 1: Теоретические исследования. СПб.: Евразия, 2013. 523 с.

Корсун С.А. Традиционная культура эскимосов алютиик // Эскимосы алютиик: каталог коллекций Кунсткамеры / Авт.-сост. С.А. Корсун; Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: Наука, 2010a. С. 5–32.

Корсун С.А. (авт.-сост.). Эскимосы алютиик: Каталог коллекций Кунсткамеры / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: Наука, 2010b. 462 с.

Корсун С.А. (авт.-сост.). Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 384 с.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1989. 456 с.

Ляпунова Р.Г. Экспедиция И.Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки // Культура и быт народов Америки. Л.: Наука, 1967. С. 5–33. (СМАЭ; Т. XXIV).

Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. 135 с.

Скакун Н.Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб.: Нестор-История, 2006. 224 с. (Труды ИИМК РАН; Т. XXI).

Скакун Н.Н., Эредия Х., Терехина В.В., Агаханова В.А. К вопросу о технологии изготовления сланцевых ножей из могильника Эквен (I тыс. до н.э., Чукотка, Россия) // Геоархеология и археологическая минералогия. 2022. Т. 9. С. 84–87.

Скакун Н.Н., Эредия Х., Терехина В.В., Днепровский К.А., Сухорукоова Е.С., Агаханова В.А. Мужские сланцевые шлифованные ножи древнеберингоморской культуры и технология их изготовления (по материалам Эквенского могильника и этнографическим данным) // Поволжская археология. 2023. № 3 (43). С. 220–233.

Терехина В.В. Результаты изучения каменных ножей Эквенского могильника (этнотрасологический анализ) // Археология евразийских степей. 2020. № 3. С. 187–193.

Терехина В.В. Этнотрасологический подход в изучении «женских» ножей из коллекции Кунсткамеры по алеутам // Кунсткамера. 2022. 3 (17). С. 203–220. https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-3(17)-203-220

Шелихов Г.И., Давыдов Г.И. Русская Америка. М.: Эксмо, 2019. 448 с.

Graburn N., Lee M., Rousselot J.-L., Davis-Kimball J. (eds.). Catalogue Raisonné of the Alaska Commercial Company Collection, Phoebe Apperson Hearst Museum of Anthropology. Berkeley: University of California Press, 1996. xix, 582 p.

Gunther E. (Ed.). Catalogue of the ethnological collection in the Sheldon Jackson Museum. Sitka: Sheldon Jackson college, 1976. 166 p.

Mason O.T. The Ulu, or woman's knife, of the Eskimo. Washington: Government Printing Office, 1892. P. 411–416.

Oakes J., Riewe R. Our boots: An Inuit women's art. Vancouver; Toronto: Douglas and Mcintyre, 1995. 224 p.

Osgood C. The ethnography of the Tanaina (Dena'ina, Tanaina Indians, Dene). New Haven: Human relations area files Press, 1966. 229 p.

Skakun N.N., Aleksashenko N.A. Tool functions and ethnographical analogies // "Prehistoric Technology": 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy / Ed. by L. Longo, N. Skakun. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 529–531.

ИСТОЧНИКИ

МАЭ РАН. Опись коллекции № 593.

ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 9.

Terekhina V.V.
Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation
E-mail: terehinavera@mail.ru

An experience of application of experimental-traceological analysis to ethnographic collections (the example of the ulu-knife of the Alutiiq Eskimos from Kodiak Island)

The article presents the results of a comprehensive analysis of an ulu-knife (uluchik) from the ethnographic collection of I.G. Voznesensky of the Alutiiq Eskimos from the island of Kodiak (MAE No. 593-44). The interest to this artefact was driven by application of the ethnotraceological approach to the study of ancient stone knives of Eskimos. The history of the implement, the technology of its production and use can be reconstructed on the basis of synthesis of different types of sources, including ethnography. However, the use of ethnographic data often raises skepsis amongst researchers, since the methods of economy management are determined not only by climate and landscape, but also by many other factors that are not possible to be reconstructed. Ethnographic data can also be inconsistent and therefore require verification. In the case of work tools, verification is carried out using the experimental-traceological method and by drawing analogies from independent sources. Through the use of this approach, it has become possible to determine its real functional use as a knife, refuting the information that it was used for hide processing. It is interesting to note that knives of a similar morphology were attributed as knives for fish filleting and cutting frozen meat. The search for analogies also allowed it to expand the already known distribution area of this knife type. It was in demand by the Alutiiq Eskimos, Tanaina Indians, and the Tlingits, amongst whom close trade ties were noted. As a result of the conducted experiments, it was possible to clarify the description of the manufacture of a blade from hardened and non-hardened steel. Following the ethnographic data, a preference was given to saw blades made of hardened steel, since they retained their sharpness longer, whereas a blade made of non-hardened metal could bend under pressure when working on hard material. However, cutting hardened steel manually using a gad picker or a chisel is very labour-intensive without pre-treatment, and, as a rule, in such cases metal tempering is employed. Experiments on cutting frozen fish and meat demonstrated greater efficiency and ergonomics of the knife type under study.

Key words: Russian America, Alutiiq Eskimos, knife-ulu, complex methodology, ethnotraceology, reconstruction.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the chief custodian of the funds of the MAE RAS, Ph.D. Kopaneva Natalya Pavlovna, Junior Researcher Department of Ethnography of America MAE RAS Dmitrenko Lyubov Yakovlevna, Deputy Director for Accounting, Storage and Restoration of Museum Values of the REM Natalya Nikolaevna Prokopyeva, Researcher of the highest category, Keeper of the hard reserve fund of the Department of Ethnography of Siberia and the Far East of the REM Kosyak Natalya Aleksandrovna for the opportunity to work with ethnographic collections of Eskimos.

The author also thanks the cabinetmakers Andrey Aleksandrovich Smirnov and Anton Kirillovich Markin (St.-Petersburg) for consultations and participation in the experiments together with the traceologist and experimenter Semin Dmitry Valerievich (Samara).

Funding. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01295 “Reconstruction of ancient technologies in the production activities of the Chukotka Eskimos: ethnoarchaeological method and natural science data”.

REFERENCES

Aleksashenko, N.A. (2020). Traceological method in the study of ancient and traditional technologies. *Kunstkamera*, (3), 93–103. (Rus.).

Berezkin, Yu.E. (Ed.) (2007). *Tlingit: Catalog of the Kunstkamera collections*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Bogoraz, V.G. (1937). *Luoravetlan-Russian (Chukchi-Russian) dictionary*. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz. (Rus.).

Davydov, G.I. (1812). *A double trip to America by naval officers Khvostov and Davydov, written by the latter. Part 2.* St. Petersburg: Morskaya tipografiya. (Rus.).

Graburn, N., Lee, M., Rousselot, J.-L., Davis-Kimball, J. (Eds.) (1996). *Catalogue Raisonné of the Alaska Commercial Company Collection, Phoebe Apperson Hearst Museum of Anthropology*. Berkeley: University of California Press.

Gunther, E. (Ed.) (1976). *Catalogue of the ethnological collection in the Sheldon Jackson Museum.* Sitka: Sheldon Jackson college.

Klein, L.S. (2013). *Ethnogenesis and archeology: In 2 volumes. Vol. 1: Theoretical studies*. St. Petersburg: Evrasiya. (Rus.).

Korsun, S.A. (2010a). Traditional culture of the Alutiiq Eskimos. In: S.A. Korsun (Author-comp.); Yu.E. Berezkin (Resp. ed.). *Alutiiq Eskimos: Catalog of collections of the Kunstkamera*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).

Korsun, S.A. (Ed.-comp.), Berezkin, Yu.E. (Resp. ed.) (2010b). *Alutiiq Eskimos: catalog of Kunstkamera collections*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).

Korsun, S.A. (Ed.-comp.), Berezkin, Yu.E. (Resp. ed.) (2014). *Aleuts: catalog of the Kunstkamera collections.* St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Leontyev, V.V., Novikova, K.A. (1989). *Toponymic dictionary of the North-East of the USSR.* Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatelstvo. (Rus.).

Lyapunova, R.G. (1967). The expedition of I. G. Voznesensky and its significance for the ethnography of Russian America. In: *Culture and life of the peoples of America.* Leningrad: Nauka, 5–33. (Rus.).

Mason, O.T. (1892). *The Ulu, or woman’s knife, of the Eskimo.* Washington: Government Printing Office.

Oakes, J., Riewe, R. (1995). *Our boots: An Inuit women’s art.* Vancouver; Toronto: Douglas and Mcintyre.

Osgood, C. (1966). *The ethnography of the Tanaina (Dena’ina, Tanaina Indians, Dene).* New Haven: Human relations area files Press.

Rudenko, S.I. (1947). *Ancient culture of the Bering Sea and the Eskimo problem*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi. (Rus.).

Skakun, N.N. (2006). *Tools and economy of ancient agricultural tribes of South-Eastern Europe in the Eneolithic era (based on materials from the Varna culture).* St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).

Skakun, N.N., Aleksashenko, N.A. (2008). Tool functions and ethnographical analogies. In: L. Longo, N. Skakun (Eds.). *“Prehistoric Technology”: 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy*. Oxford: Archaeopress, 529–531.

Skakun, N.N., Heredia, J., Terekhina, V.V., Agakhanova, V.A. (2022). On the issue of the technology for making slate knives from the Ekven burial ground (1st millennium BC, Chukotka, Russia). *Geoarchaeology and Archaeological mineralogy*, 9, 84–87. (Rus.).

Skakun, N.N., Heredia, J., Terekhina, V.V., Dneprovsky, K.A., Sukhorukova, E.S., Agakhanova, V.A. Men's slate polished knives of the Old Bering Sea culture and the technology of their manufacture (based on materials from the Ekven burial ground and ethnographic data). *Volga archeology*, 43(3), 220–233. (Rus.).

Terekhina, V.V. (2020). Results of the study of stone knives of the Ekven burial ground (ethnotracelogical analysis). *Archeology of the Eurasian steppes*, (3), 187–193. (Rus.).

Terekhina, V.V. (2022). An ethno-traceological approach to the study of “women’s” knives from the Kunstkamera collection on Alutiiks and Aleuts. *Kunstkamera*, 17(3), 203–220. (Rus.).

Vakhtin, N.B. (1996). Inuit Alaskan language. In: *Languages of the world. Paleoasian languages*. M.: Indrik, 1996. (Rus.).

Vdovin, I.S. (1965). *Essays on the history and ethnography of the Chukchi*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).

Veniaminov, I. (1846). *Experience of grammar of the Aleutian-Lisevsky language*. St. Petersburg: Typ. Imp. AN. (Rus.).

Терехина В.В., https://orcid.org/0000-0002-7065-8284

Сведения об авторе: Терехина Вера Владимировна, младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

About the author: Terekhina, V.V., Junior Researcher, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 30.05.2024

Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-7

УДК 903.26

Гюрджоян К.Г. [a, *], Ткачев Ал.Ал. [a], Ткачев А.А. [b]

[a] Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
[b] ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: gyurdzhoyankatya@mail.ru (Гюрджоян К.Г.); al.al.tkachev@mail.ru (Ткачев Ал.Ал.); sever626@mail.ru (Ткачев А.А.)

К ВОПРОСУ О ХРИСТИАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ТАЗОВСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА НУМ-ХИБЯ-СИХЭРИ VIA)

Вводится в научный оборот коллекция, включающая образок и серию нательных крестов, обнаруженные при раскопках могильника Нум-хибя-сихэри VIa, исследованного на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Охарактеризованы морфологические особенности изделий (размеры, форма, декорирование), определен химический состав сплавов, проанализированы иконографические образы. В результате анализа коллекции предпринята попытка обосновать гипотезу о времени и особенностях проникновения христианства в культуру аборигенных народов Севера в XIX–XX вв.

Ключевые слова: Новое время, Тазовское Заполярье, могильник, погребение, образок, нательный крест, христианизация.

Ссылка на публикацию: Гюрджоян К.Г., Ткачев Ал.Ал., Ткачев А.А. К вопросу о христианизации населения Тазовского Заполярья (по материалам могильника Нум-хибя-сихэри VIa) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 77–89. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-7

Введение

В последние годы значительно возросло число исследований по материалам археологических памятников Сибири, относящихся к эпохе позднего средневековья и Новому времени (XVII–XIX вв.), когда эти территории активно осваивались русским населением. В результате расширения круга археологических исследований получены представительные коллекции ставрографических материалов из культурного слоя Тобольска [Аношко, 2011], Спасского и Крестовоздвиженского некрополей Иркутского острога [Бердников, 2009; Бердников, 2012a, 2012b], Мангазейского [Белов и др., 1981; Визгалов, Пархимович, 2008; Перцев, 2020], Илимского [Молодин, 2007] и Умревинского [Горохов, Бородовский, 2017] острогов, могильников Омского Прииртышья [Татаурова, Кромм, 2010], Кривощековского некрополя [Сальникова, 2020], Березовского городища [Столбов, Володеева, 2020], Горноправдинского могильника [Зайцева и др., 2023]. Это позволяет провести анализ иконографических образов и семантических особенностей нательных крестов, которые вместе с тем являются самостоятельным историческим источником, расширяющим понимание этнокультурных процессов и конфессиональных аспектов духовной жизни населения [Татаурова, Кромм, 2010, с. 116]. Ставрографические материалы были также обнаружены в селькупских погребальных памятниках XVII–XIX вв. — грунтовых могильниках Путяка и Волковский, курганных могильниках Барклай и Елтыревский II [Боброва, 2014, с. 215–216; Ожередов, 2001, с. 28]. Отдельного внимания заслуживает работа, посвященная нательным крестам Тискинского могильника, принадлежащего селькупам, одному из коренных народов Сибири, который стал воспринимать крест как символ христианской веры [Боброва, 2004, с. 114].

Тема христианизации коренных народов Сибири остается актуальной: ряд исследователей в своих трудах выявляют основные причины, этапы, особенности, культурные последствия и подчеркивают неоднозначный и сложный характер процесса проникновения христианства в культуру сибирских аборигенов [Кузьмина, 2004; Главацкая, 2005; Асочакова, 2011; Беспокойный, 2013; Акимов, Минкова, 2022]. Вещевой инвентарь, полученный при изучении могильника Нум-хибя-сихэри VIa, отражает своеобразные черты использования христианских символов в погребальном обряде, что позволяет рассматривать данный объект в качестве погребального

* Corresponding author.

памятника, оставленного аборигенным населением Тазовского Заполярья, сложившегося под влиянием христианских идей, которые распространялись в регионе в XIX — начале XX в.

Цель работы — ввести в научный оборот ставрографические материалы, полученные в результате полевых археологических исследований могильника Нум-хибя-сихэри VIa, проведенных в 2016–2018 гг. на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Для этого охарактеризованы морфологические особенности изделий, дана их типологическая характеристика и проанализированы иконографические образы, а также определен химический состав сплавов, из которых изготовлены кресты.

Общая характеристика памятника

Памятник, открытый в 2016 г., первоначально рассматривался как поселенческий комплекс — на современной дневной поверхности были собраны несколько медных пластинок и обломки посуды кулайского облика финальной стадии раннего железного века. Площадка представляла собой вытянутый в меридиональном направлении пологий уступ террасы подтреугольной формы, возвышающийся над уровнем уреза воды на 27–29 м, ограниченный с запада и востока пологими склонами, с юга — плавно переходящий в ровное плато сухой тундры. Длина по линии север — юг составляет 40–70 м, ширина по линии запад — восток 60–70 м, реконструируемая площадь 2–3 тыс. м^2. Современная дневная поверхность памятника сильно разрушена антропогенным воздействием и последующей водно-ветровой эрозией. В результате просматриваются выдувы и отдельные каверны размером 10–15×12–25 м, глубиной до 0,2–0,5 м. Площадь полностью разрушенных участков достигает 500–1000 м^2.

За два полевых сезона (2017–2018 гг.) Тазовской археолого-этнографической экспедицией Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН вскрыто 286 м^2 площадки памятника. На разрушенном склоне мыса в слое серого слоистого песка, было найдено 8 фрагментов керамики, сопоставимых с древностями кулайского типа, что позволяет предполагать наличие поселения заключительной фазы раннего железного века (поселение Нум-хибя-сихэри VI). В южной части раскопа, занимавшего ровный участок вдоль кромки террасы и край ее пологого склона, исследовано 9 захоронений. Погребальные сооружения выделены как могильник Нум-хибя-сихэри VIa — памятник, являющийся объектом исследования в данной статье. Предметом исследования стали образок и нательные кресты, обнаруженные на одном из поминальных столбов и в погребениях, содержавших захоронения детей.

Методика исследования

При систематизации коллекции нательных крестов за основу была взята типология, разработанная В.И. Молодиным по материалам раскопок Илимского острога [Молодин, 2007]. Исследователем выделено 11 типов крестов-тельников, которые, в свою очередь, делятся на подтипы, варианты и подварианты в зависимости от формы креста, средокрестия, ветвей, лучей и иконографии. Одновременно использовалась классификация крестов, предложенная Э.П. Винокуровой [1999].

Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) крестов был проведен на стационарном спектрометре M1 MISTRAL (производитель Bruker Nano GmbH) в Институте минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН (г. Миасс) аналитиком М.А. Рассомахиным. Измерительная камера прибора заполнена воздухом, без вакуумирования. Напряжение рентгеновской трубки 50 кВ, энергетическое разрешение 135 эВ, измерение проводилось пучком диаметром 20 мкм. Крест из могилы 2 и образок из могилы 3 не были проанализированы на спектрометре в связи с уже состоявшейся передачей на постоянное хранение в ГАУ «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского» (г. Салехард).

Характеристика предметного комплекса

Вещевой инвентарь могильника Нум-хибя-сихэри VIa представлен 8 изделиями: образком и 7 нательными крестами, обнаруженными в погребениях младенцев (от 2 до 6 месяцев) и ребенка (5–7 лет). В одном случае крестик на металлической цепочке был надет на шею (мог. 4); образок с кожаным шнурком для подвески был помещен в мешочек или сумочку и размещен поверх запястья правой руки погребенного (мог. 3). Большая часть изделий (кресты из мог. 2, 5–8), завернутых в ткань, фиксировалась на телах погребенных с левой стороны в области тазовых костей или на уровне бедер (рис. 1).

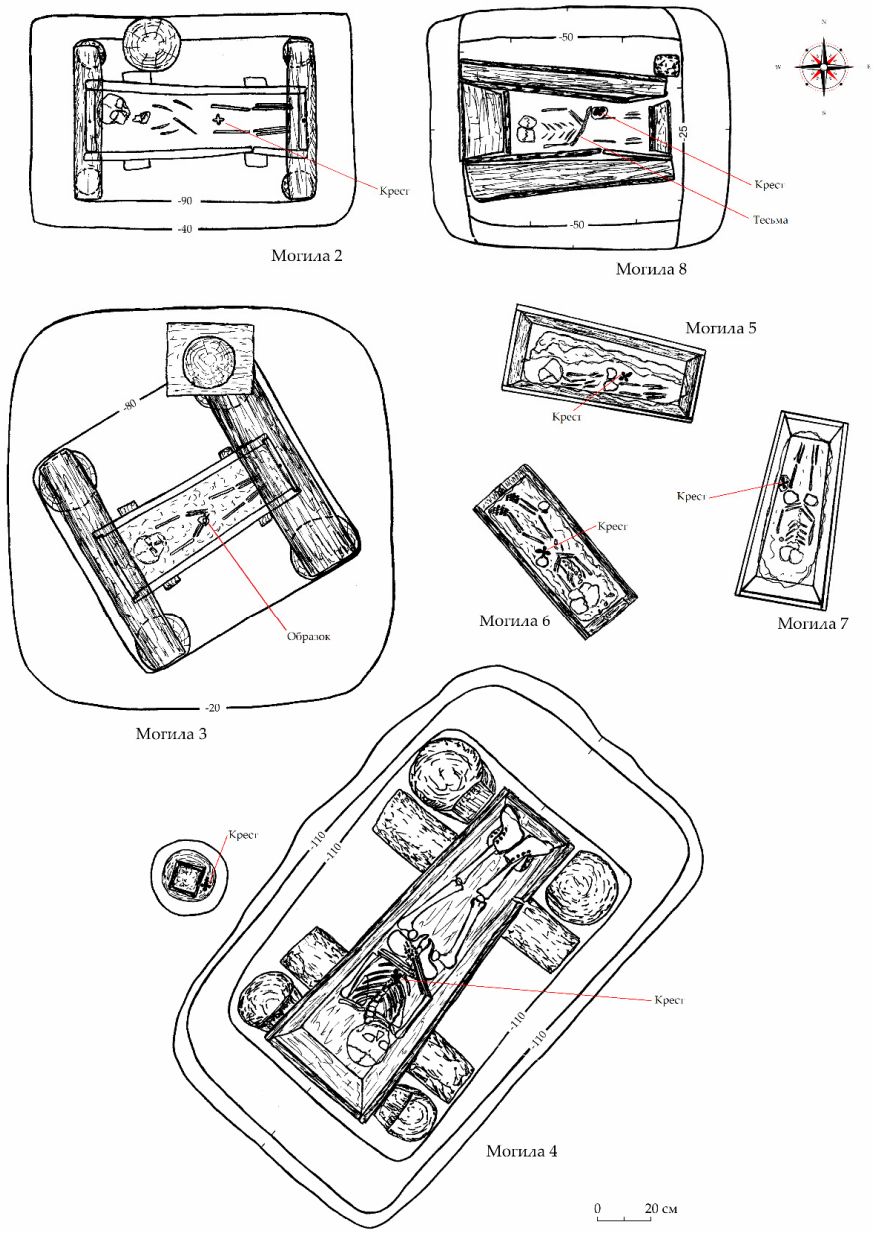


Рис. 1. Могильник Нум-хибя-сихэри VIa. Местоположение христианских атрибутов в могильном пространстве.
Fig. 1. Burial ground Num-hibya-siheri VIa. The location of Christian attributes in the grave space.

Образок, обнаруженный в могиле 3 (рис. 2, 2), представляет собой серебряный позолоченный медальон овальной формы размером 1,7×1,4×0,1 см, к верхней части которого припаяно округлое ушко (5×4 мм) из пластинки шириной 1,2 мм с отверстием размером 3,5×2,5 мм. По всему периметру лицевой и оборотной сторон фиксируются контуры рельефного валика. На лицевой стороне на расстоянии около 2 мм от края проходит второй параллельно расположенный валик, оконтуривающий внутренний овальный медальон размером 11×9 мм. Во внутреннем овальном пространстве выбито фигурное изображение святого Николая Чудотворца с нимбом над головой, облаченного в богатые церковные одежды. По всему периметру между рельефными валиками нанесена надпись, которую разделяет знак в виде звездочки «*ОБР.СВЯТ.НИКОЛАЯ МИРЛИК.ЧУДОТ.» (образ Святого Николая Мирликийского Чудотворца). На оборотной стороне имеется аналогично построенная композиция: в центре расположено изображение Троицы, по

периметру нанесена надпись, слова которой разделены звездочками,— «ОБРАЗЪ*** СВЯТОЙ***ТРОИЦЫ*».

На нижней левой стороне изображения Троицы просматривается клеймо «84АС» (золотниковая проба серебра[1]), а на правой — «ВС» (клеймо мастера). Буквы АС, скорее всего, означают инициалы пробирного инспектора Костромского окружного пробирного управления, которым в 1899–1910 гг. был Снарский Александр Николаевич (АС). Мастером предположительно являлся Сикачев Василий Сергеевич (ВС) — «серебряного дела мастер с 1883 г., владелец фабрики серебряных изделий, основанной в 1891 г.», на которой изготовлялась главным образом церковная утварь [Постникова-Лосева и др., 1995, с. 212]. Аналогичные образки с изображением Николая Чудотворца и Симеона Верхотурского (вместо Троицы) были найдены при раскопках кладбища Ново-Тихвинского женского монастыря в Екатеринбурге [Погорелов, Попов, 2005, с. 216–218, рис. 2, *4–6*].

В *могиле 2* найден нательный крест (2,9×2,1×0,02–0,03 мм), верхние и боковые концы которого оформлены в виде округлого трилистника, нижняя часть представляет собой удлиненный семилистник (рис. 2, *1*). На лицевой стороне слабо прослеживаются контуры распятого человеческого тела. Воссоздать особенности изображения на внутренней поверхности не удалось из-за сильной стертости поверхности. К верхнему концу припаяно округлое ушко диаметром 5 мм, диаметр отверстия 3,5 мм. Типологически близкие экземпляры, отличающиеся материалом и оформлением, происходят из коллекций крестов-тельников Илимского острога (тип 8, подтип 2, по В.И. Молодину) [Молодин, 2007, с. 78, рис. 135], кладбища Ново-Тихвинского женского монастыря в Екатеринбурге [Погорелов, Попов, 2005, с. 214–215, рис. 1, *4–1*] и Нагорного кладбища в Барнауле [Мамонтова, Толкацкая, 2018, с. 79–80, рис. 1, *9*].

В *могиле 4* найдено два нательных креста. Четырехконечный размером 2,5×1,8 см, обнаруженный на поминальном столбе, имеет прямоугольные грани, к верхней части поперек крестика припаяно овальное ушко размером 6×5 мм (рис. 2, *4*). На лицевой поверхности просматривается восьмиконечный православный крест, с правой и левой стороны от его оконечностей нанесены монограммы ІС и ХС (Иисус Христос) под титлами, но из-за сильной коррозии воссоздать подробнее рельефные изображения на изделии невозможно. Оборотная сторона достаточно гладкая, что свидетельствует о его отливке в односторонней литейной форме. Вероятно, этот крест соотносится с подвариантом 3 вариантом 4 подтипом 2 типом 1 по классификации В.И. Молодина [Молодин, 2007, с. 47, рис. 45]. В южных районах Сибири наиболее широко известен четырехконечный прямой крест, распространение которого среди аборигенного населения связывают со старообрядческой общиной. Нательный крест из могильника Нум-хибя-сихэри VIa по оформлению оконечностей имеет некоторое сходство с крестами типа I подтипа 1 классификации Э.П. Винокуровой [Винокурова, 1999, с. 334]. Изделия данного типа с изображением распятого Иисуса встречаются достаточно редко. Аналогичные изделия обнаружены при раскопках Тискинского могильника (с текстом на оборотной стороне) [Боброва, 1987, с. 109–110], Умревинского острога в Новосибирской области [Горохов, Бородовский, 2017, с. 102–103, рис. 2, 3] и Крестовоздвиженского некрополя в Иркутске [Бердников, 2012b, с. 157, рис. 2, *1–3*]. Единственный прямоугольный крест в коллекции могильника по форме также сопоставим с прямоугольными крестами более ранних периодов, найденными на территории Прикамья [Перевозчикова, Калугина, 2022, с. 210–211, рис. 2, *7–10*].

Четырехконечный крест размером 3,2×2,1×0,02 см имеет верхнюю и боковые части, оформленные в виде слабо выделенного округлого трилистника, нижняя часть представляет собой хорошо проработанный округлый трилистник (рис. 2, *3*). Судя по рельефному изображению, изготовлен методом штамповки. Перекрестье украшено четырехконечным крестом, вдавленным вовнутрь. Боковые стороны и нижняя часть креста дополнительно украшены выдавленным узором, имитирующим растительный орнамент; в верхней части поперек планки нанесена монограмма «ІНЦІ» (Иисус Назарянин, Царь Иудейский) [Перемиловская, 2022, с. 162], обрамленная линиями растительного узора. В верхней части поперек крестика припаяно округлое ушко диаметром 4 мм, диаметр отверстия более 3 мм. Через округлый замочек, изготовленный из проволоки диаметром около 1 мм, скрученной в два оборота, имеющий диаметр 9 мм, крест соединен с цепочкой длиной около 60 см, скрепленной, в свою очередь, с послед-

[1] Система была характерна для царской России и применялась с 1711 по 1927 г., после чего была заменена на метрическую. Один золотник равнялся 4,26 грамма, эталонной пробой были 96 золотников — 999 проба в метрической системе. Любая иная проба означала, что в серебряном сплаве есть примеси. В частности, проба 84 говорила о том, что в составе сплава присутствует 84 доли серебра и 12 долей примесей (обычно меди), что соответствует современной 875 пробе.

ним двумя колечками диаметром около 4 мм из тонкой, диаметром 0,2 мм, проволоки. Фигурные звенья цепочки сделаны из проволоки диаметром до 0,2 мм. Аналогии кресту в научной литературе не обнаружены, но похожий растительный орнамент имеется на криновидном серебряном тельнике, изготовленном мастером Василием Семеновым в начале XX в. и размещенном в электронном каталоге «Меднолит» [Криновидный серебряный тельник…].

Рис. 2. Могильник Нум-хибя-сихэри VIa. Вещевой инвентарь:
1, 3–8 — нательные кресты; 2 — образок; 9–11 — ткань (1 — латунь (?); 2 — серебро с позолотой (?); 3 — серебро; 4 — свинцовая бронза; 5–8 — латунь): 1 — могила 2; 2 — могила 3; 3 — могила 4; 4 — поминальный столб, могила 4; 5 — могила 5; 6 — могила 6; 7 — могила 7; 8–11 — могила 8.

Fig. 2. Burial ground Num-hibya-siheri VIa. Detected artifacts:
1, 3–8 — pectoral crosses; 2 — icon; 9–11 — fabric (1 — brass (?); 2 — silver with gilding (?); 3 — silver; 4 — lead bronze; 5–8 — brass): 1 — grave 2; 2 — grave 3; 3 — grave 4; 4— funeral pillar, grave 4; 5 — grave 5; 6 — grave 6; 7 — grave 7; 8–11 — grave 8.

В *могиле 5* найден четырехконечный нательный крест (3,1×1,8×0,02 см), верхняя и боковые части которого имеют вид слабо выделенного округлого трилистника (рис. 2, *5*). Нижняя часть представляет собой хорошо проработанный удлиненный девятилистник, причем вверху оформленный в виде приостренных треугольных зубчиков, внизу — в виде овальных выступов. Изготовлен, судя по хорошо проработанному рельефному изображению, методом штамповки. На лицевой стороне поверхность изделия по перекрестью орнаментирована рельефным восьмиконечным православным крестом. На верхнюю перекладину креста нанесены под титлами выпуклые монограммы «ЦС» (Царь Славы), на левую — «ІС» (Иисус), на правую — «ХС» (Христос), нижняя часть украшена изображением черепа с перекрещенными костями («Адамова глава»). По периметру креста идет бортик, а внутренняя вдавленная часть орнаментирована мелкими выпуклинами. На оборотной стороне по периметру поверхности прослеживается едва намеченный рант, параллельно которому проходит линия мелких выпуклостей. Перекрестье украшено вдавленным четырехконечным крестом. На левую перекладину нанесены буквы, образующие слово «спас», на правую — «сох», по вертикали сверху вниз нанесена надпись «господи помилуй».

Планки креста орнаментированы чеканным узором:

— в нижней части планки нанесено изображение женщины в короне. Ее голова окружена нимбом, в левой руке она держит крест, а в правой — чашу. Над головой расположены буквы: с правой стороны «С», с левой — «В», что позволяет предположить, что изображена Святая Варвара — христианская великомученица;

— в верхней части изображен мужчина с поднятыми вверх руками (?) и головой, окруженной нимбом, в основании всего изображения — две подтреугольные выпуклости, не поддающиеся определению. Над головой с правой стороны расположена буква «І», с левой — «Х», которые, вероятно, указывают на образ Иисуса Христа;

— на левой перекладине креста изображена обрамленная нимбом голова мужчины с небольшими бородой и усами, в округлом головном уборе, одежда которого имеет пышный ворот, украшенный параллельными линиями, идущими веером от шеи к краю воротника; между изображением головы и краем креста нанесена буква «П» (Преподобный);

— на правой перекладине изображена обрамленная нимбом, непокрытая голова мужчины с длинными волосами, бородой и усами, свисающими вниз. Между изображением головы и краем планки прослеживается буква, напоминающая букву церковнославянской кириллицы (ферт ѳ). Исходя из буквенных обозначений и иконографических образов предполагаем, что на планках изображены основатели Киево-Печерского монастыря — преподобные Антоний и Феодосий (Печерские), последний легко узнается по непокрытой голове [Давыдова, 2016, с. 111]. Свободное от орнамента поле внутренней поверхности креста украшено тонкими параллельными наклонными линиями, идущими слева направо. В верхней части поперек крестика припаяно округлое ушко из тонкой уплощенной проволоки диаметром около 4 мм, диаметр отверстия 3 мм; толщина стенок кольца 0,2 мм, ширина менее 1 мм. Крест из могильника Нум-хибя-сихэри VIa[2] имеет прямые аналогии среди крестов из детских погребений Горноправдинского могильника [Зайцева и др., 2023, с. 53–58], а также некоторые черты сходства (по форме и оформлению лицевой стороны) с крестом из коллекции Илимского острога (тип 8, подтип 2, по В.И. Молодину) [Молодин, 2007, с. 78, рис. 135].

В *могиле 6* найден четырехконечный нательный крест (4,2×2,3×0,02 см), концы которого оформлены в виде овально-удлиненных планок (рис. 2, *6*). В верхней части поперек крестика припаяно округлое ушко из тонкой уплощенной проволоки диаметром свыше 4 мм, диаметр отверстия около 2 мм; толщина стенок кольца 0,1 мм, ширина чуть более 1 мм. Судя по особенностям изображения, изделие изготовлено методом штамповки. С лицевой стороны на перекрестье нанесено изображение четырехконечного креста в виде двойной замкнутой линии с концами в виде сердцеобразных фигур. На правой оконечности в круглом ободке — монограмма «ІС» (Иисус), на левой оконечности — «ХС» (Христос), на верхней оконечности — вероятно, трудночитаемая монограмма «ЦС» (Царь Славы). На оборотной стороне креста в верхней оконечности нанесены буквы «Св» (Святая), ниже, на горизонтальной планке, слева направо расположена надпись курсивом «*влм. варвара*» (великомученица Варвара). На нижней оконечности нанесено рельефное изображение

[2] Аналогичные по форме кресты есть в археологической коллекции могильника Усть-Балык, хранящейся в Музейном комплексе им. И.Я. Словцова (г. Тюмень), они были обнаружены среди подъемного материала и происходили из разрушенных могил XIX–XX вв.

женщины, одетой в свободное платье, в правой руке она держит крест, а в левой — чашу. Окруженную нимбом голову святой венчает корона, украшенная крестом.

Кресты-тельники с изображением святой великомученицы Варвары не уникальны: они встречаются как среди материалов, полученных в результате археологических раскопок, так и среди материалов, опубликованных, к сожалению, не в научных изданиях, а в сети Интернет, без должного описания и указания места обнаружения. Аналогичные изделия были найдены коллекционерами в Ленинградской (или Псковской) области, а позже были переданы специалистам для изучения и введения в научный оборот [Колпакова, 2014, с. 48, рис. 11; с. 52]. Похожий крест был обнаружен при раскопках Рождественского археологического комплекса в Пермском крае [Смирнов, 2022, с. 117; 120, рис. 1, *17*], аналогичные по форме изделия были найдены также на Горноправдинском могильнике в Ханты-Мансийском автономном округе [Зайцева и др., 2023, с. 59–61]. Крест, обнаруженный на Кривощековском некрополе и отличающийся изображением на лицевой стороне, был отнесен И.В. Сальниковой к отдельному, новому типу крестов [Сальникова, 2020, с. 73–74, рис. 7, *2, 2 об.*]. Изображение великомученицы также имеется на памятном бронзовом жетоне 1908 г., обнаруженном во время раскопок Илимского некрополя в погребении № 106, где был похоронен ребенок 2–3 лет [Молодин, 2007, с. 88, рис. 107; 89].

В *могиле 7* найден четырехконечный нательный крест (3×2,1×0,02–0,03 см), верхняя и боковые части которого имеют вид округлых трилистников (рис. 2, *7*). Нижняя часть представляет собой хорошо проработанный удлиненный семилистник, верх которого оформлен в виде приостренных треугольных зубчиков, низ — в виде овальных выступов. Изготовлен, судя по рельефному изображению, методом штамповки. По всему периметру лицевой стороны слабо фиксируются контуры рельефного валика, обрамляющего сильно стертые очертания распятого на кресте человека. Над его правой рукой фиксируется монограмма «ІС» (Иисус), над левой — «ХС» (Христос). Внутреннее пространство всех концов креста украшено растительным орнаментом. В центре нижней части между узором прослеживается изображение черепа («Адамова глава»). В нижней части верхней планки над головой распятого фиксируются четыре буквы, нанесенные двумя рядами: верхний — содержит монограмму «ІН» (Иисус Назарянин), нижний — «ЦІ» (Царь Иудейский). В верхней части поперек креста припаяно округлое ушко диаметром 5 мм, диаметр отверстия около 3 мм, толщина стенок кольца 0,1 мм, ширина около 1 мм. Под крестиком сохранился изготовленный из тонких нитей кусочек ткани размером 2,5×1,1 см, в которую он был завернут. Прямых аналогий изделию не обнаружено.

В *могиле 8* найден четырехконечный нательный крест (3,2×2,1×0,02–0,03 см), верхняя и боковая части которого, оформлены в виде округлого трилистника, нижняя часть представляет собой удлиненный семилистник с овальными лепестками (рис. 2, *8*). Внешняя поверхность сильно затерта, но по всему периметру лицевой стороны слабо фиксируются контуры рельефного валика, обрамляющего едва фиксируемые изображения распятого человека. Внутреннее пространство планок креста заполнено рельефным растительным узором. Обратная сторона крестика сильно стерта, и каких-либо рельефных изображений не прослежено. По горизонтальной планке фиксируется сильно стертая надпись, едва сохранившиеся сочетания отдельных букв позволяют реконструировать надпись «спаси и сохрани». В верхней части поперек креста припаяно округлое ушко диаметром 5 мм, диаметр отверстия около 3 мм. Для изготовления ушка использована проволока с диаметром сечения чуть более 1 мм. Аналогичные по форме кресты были обнаружены при раскопках кладбища Ново-Тихвинского женского монастыря Екатеринбурга [Погорелов, Попов, 2005, с. 214–215, рис. 1, *4-1*], Нагорного кладбища в Барнауле [Мамонтова, Толкацкая, 2018, с. 79–80, рис. 1, *9*], а также Илимского острога, что позволяет соотносить его с крестами типа 8 подтипа 2, по В.И. Молодину [Молодин, 2007, с. 78, рис. 135].

Анализ коллекции нательных крестов могильника Нум-хибя-сихэри VIa показал, что 3 креста (рис. 2, *1, 5, 8*) из 7 соотносятся по типологии В.И. Молодина с крестами типа 8 подтипа 2. Основное сходство наблюдается как в форме изделия, так и в оформлении лицевой стороны; отличия — в особенностях оформления нижней лопасти креста. Единственный прямоугольный крест из коллекции могильника (рис. 2, *4*) по форме и наличию гладкой оборотной стороны соотносится с подвариантом 3 вариантом 4 подтипом 2 типом 1 по классификации В.И. Молодина [Молодин, 2007, с. 47, рис. 45]. По оформлению оконечностей имеет сходство с крестами типа I подтипа 1 по классификации Э.П. Винокуровой [Винокурова, 1999, с. 334]. Два изделия (рис. 2, *3, 7*) не удалось соотнести с выделенными типами крестов, а одно (рис. 2, *6*) соотносится с совершенно новым типом крестов [Сальникова, 2020, с. 73–74, рис. 7, *2, 2 об.*].

Кресты из могил 4–8 были исследованы с помощью рентгенофлуоресцентного анализа (табл.). Результаты позволяют характеризовать основную часть коллекции крестов (4 экз.) как латунные, т.е. изготовленные из сплава меди с цинком (Cu+Zn). Цинк в качестве основного легирующего элемента (содержание от 22 до 32 %) изменяет цвет металла, придавая золотистый окрас, а также обеспечивает коррозийную стойкость самих изделий. Исключение составляет крест с цепочкой из могилы 4, в которых фиксируется более 90 % содержания серебра с небольшими примесями меди (от 3 до 6 %). Стоит также отметить, что крест, обнаруженный у поминального столба близ 4 могилы, более чем на 90 % состоит из меди с небольшими примесями свинца и олова. Результаты анализа нательных крестов и их сравнение с результатами анализа сплавов крестов, происходящих из различных памятников на территории России [Горохов, 2019], позволяют говорить о схожести элементного состава сплавов, основу которых составляли медь, цинк, свинец и олово в различном пропорциональном соотношении.

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа поверхности нательных крестов могильника Нум-хибя-сихэри VIa

Results of X-ray fluorescence analysis of the surface of the crosses of the burial ground Num-hibya-siheri VIa

Предмет	Местонахождение	№ пробы	Элементный состав, %									Примечание
			Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	Ag	Sn	Au	Pb	
Крест с цепочкой	Мог. 4	89.SPX (крест)	0,34	0,30	—	6,32	—	92,78	—	0,22	0,04	Рис. 2, *3*
		89.SPX (кольцо крепления)	—	—	—	3,61	—	96,33	—	0,04	0,02	
		89.SPX (цепочка)	—	0,45	—	5,49	0,21	92,79	—	0,99	0,07	
Крест	Мог. 5	84.SPX	—	0,12	—	76,64	22,77	—	—	—	0,47	Рис. 2, *5*
Крест	Мог. 6	85.SPX	—	0,05	—	68,00	31,47	—	—	—	0,48	Рис. 2, *6*
Крест (у поминального столба мог. 4)	кв. Д/14, гл. -35	86.SPX	—	—	0,20	94,05	—	0,10	1,94	—	3,71	Рис. 2, *4*
Крест	Мог. 7	88.SPX	—	0,19	0,18	67,03	32,23	—	—	—	0,37	Рис. 2, *7*
Крест	Мог. 8	87.SPX	—	0,06	0,11	76,58	22,86	0,09	—	—	0,30	Рис. 2, *8*

Обсуждение результатов

В процессе исследования могильника Нум-хибя-сихэри VIa выявлено 9 детских захоронений. Основные компоненты погребального обряда и вещевого инвентаря свидетельствуют о знакомстве людей, оставивших данный могильник, с христианскими обычаями и обрядностью. По мнению Е.В. Переваловой, северные аборигены обычно получали образки и нательные кресты при проведении обряда крещения [Перевалова, 2019, с. 92]. К сожалению, центр христианизации, откуда направлялись миссионеры, определить невозможно. Если наличие клейм на образке, содержащем изображение Николая Чудотворца, можно соотнести с их производством в Центральной России в конце XIX в., то вопрос о месте производства нательных крестов остается открытым. В то же время их изготовление из разных сплавов, отличающихся ценностью, и при помощи машинной штамповки позволяет связать их происхождение также с фабриками Центральной России, откуда они распространялись на остальные территории, в том числе в Сибирь.

Образ Николая Чудотворца был положительно принят северными аборигенами: в угорском пантеоне Микола-Торум, как называли его остяки, занимал второе место после верховного божества Торума [Шатилов, 2000, с. 160, 167], а в самодийском — Нум-Микола (Сядэй Микола) считался главным помощником бога Нума [Перевалова, 2019, с. 95; Хомич, 1979, с. 27]. По представлениям остяков, вогулов и самоедов, он приходил на помощь при опасности, останавливал стихийные бедствия, приносил удачу в звериных и рыболовных промыслах и излечивал больных. Именно Николай Чудотворец стал для коренных жителей Севера «проводником» православной веры в их традиционное мировоззрение [Перевалова, 2008, с. 130].

Два нательных крестика, связанные с женским персонажем — святой великомученицей Варварой, позволяют предположить, что их могли получить при крещении девочки (мог. 5, 6; рис. 2, *5, 6*), тогда как остальные, отображающие муки Иисуса Христа, возможно, получили мальчики (мог. 2, 7, 8; рис. 2, *1, 7, 8*). С другой стороны, в могиле 4, судя по наличию типично женских кожаных сапожек, вероятно, была погребена девочка 5–7 лет, а крестики сопровождения несут атрибуты, соотносимые с Иисусом Христом (рис. 2, *4, 5*).

Особенности размещения предметов христианско-православной атрибутики в пределах погребального пространства могут свидетельствовать, что если представители данной группы и подверглись крещению, то в повседневной практике образки и нательные крестики могли ими рассматриваться не в качестве прямого олицетворения христианства, а как особые сильные

обереги. Поэтому основная их часть, помещенная в мешочки или небольшие сумочки, изготовленные из кожи или ткани, крепилась к запястьям рук.

Классическое размещение крестика, подвешенного к металлической цепочке, на шее зафиксировано только в одном случае, тогда как в другом крестик у младенца вообще отсутствовал. В то же время согласно христианскому канону преобладает ориентация ногами на восток. При погребенных практически отсутствует вещевой инвентарь: в одном случае кроме крестика найдена перламутровая пуговица; в другом — аналогичная пуговица и кожаные сапожки. В особенностях устройства могильных сооружений прослеживается сочетание христианских и языческих компонентов. В большинстве случаев гроб классической формы (трапециевидный в профиле и в сечении) размещен внутри сложной деревянной могильной конструкции, что можно соотнести с аналогичными погребальными сооружениями, известными у селькупов, проживавших в XVIII–XX вв. в верховьях р. Таз [Кулемзин, 1994, с. 358, рис. 50а; Ткачев, 2018, с. 241–242]. Хорошая сохранность деревянных погребальных конструкций позволила отобрать образцы древесины для дендрохронологического (древесно-кольцевого) анализа, в результате которого был определен временной интервал функционирования могильника Нум-хибя-сихэри VIa в пределах второй четверти XIX — начала XX в. [Уткин и др., 2023, с. 82].

Заключение

Таким образом, вещевой инвентарь, полученный при изучении могильника Нум-хибя-сихэри VIa, свидетельствует, с одной стороны, о проникновении в культуру аборигенного населения Севера христианской веры, а с другой — об еще неустоявшемся каноне использования атрибутики новой для местного населения веры, что отражается в нетрадиционном для православной религии расположении большей части крестов и образка в погребальном пространстве.

Благодарности. Приносим искреннюю признательность М.А. Рассомахину и И.С. Степанову за помощь в проведении рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) крестов, а также Д.А. Белоногову за прорисовку погребального инвентаря.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Побудительные мотивы массовой христианизации аборигенов Сибири при Петре I // Вестник РХГА. 2022. № 1. С. 212–221.

Аношко О.М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во «Омский институт» ОФ РГТЭУ, 2011. С. 259–267.

Асочакова В.Н. Западносибирская модель христианизации: Характер, механизм, особенности (на примере Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2011. 42 с.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. 152 с.

Бердников И.М. Кресты-тельники из раскопок некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестник НГУ. 2012a. Т. 11. № 7. С. 164–178.

Бердников И.М. Нательные кресты, иконы и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (г. Иркутск) // Известия Иркутского государственного университета. 2012b. № 1. С. 138–165.

Бердников И.М. Особенности погребального обряда Спасского некрополя Иркутского острога // Вестник НГУ. 2009. Т. 8. № 5. С. 252–260.

Беспокойный А.В. Христианизация этнографических групп манси и православное миссионерство (конец XIX — начало XX вв.) // Вестник угроведения. 2013. № 2 (12). С. 94–103.

Боброва А.И. Влияние христианства на погребальную обрядность коренного населения Среднего Приобья // Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 116–119.

Боброва А.И. Нательные кресты Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 107–115.

Боброва А.И. Нательные кресты из могильников Прикетья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. С. 215–220.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Новые археологические исследования: (Материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. С. 296.

Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 326–361.

Главацкая Е.М. Христианское освоение Обдорского края // Русское освоение Ямала: (Документы и исследования). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. С. 150–186.

Горохов С.В. Сравнительный анализ рецептур сплавов нательных крестов XVII–XIX вв. Сибири, Поволжья и Северо-Запада России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 3 (49). С. 39–51.

Горохов С.В., Бородовский А.П. Нательные кресты Умревинского острога // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2017. № 3. С. 98–107.

Давыдова Е.В. Изображения равноапостольного князя Владимира и некоторых других особо почитавшихся в Киеве святых в иконах киевских резчиков XIX — начала XX века // Вестник НовГУ. 2016. № 3 (94). С. 109–113.

Зайцева Е.А., Кениг А.В., Кимпицкая А.А., Сенюрина Ю.А. Материальная культура русского населения Югры в XVIII–XIX веках: (Каталог предметов). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. 134 с.

Колпакова Ю.В. Коллекция нательных крестов с территории Ленобласти: Современные технологии в ставрографическом исследовании // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2014. № 5. С. 44–61.

Криновидный серебряный тельник мастера Семенова. URL: https://mednolit.com/kresty/natelnye-kresty/krinovidnyj-serebryanyj-telnik-mastera-semyonova (дата обращения: 24.06.2023).

Кузьмина А.С. Христианизация коренных народов Обского Севера: Культурологический аспект. СПб.: Инфо-да, 2004. 149 с.

Кулемзин В.М. Селькупы // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ. 1994. С. 335–360.

Мамонтова О.С., Толкацкая А.С. Кресты-тельники с памятника «Нагорное кладбище» Барнаула в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Наука, 2018. С. 76–80.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2007. 248 с.

Ожередов Ю.И. Барклай, курганный могильник // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск: Издательство Томского университета, 2001. С. 26–28.

Перевалова Е.В. Атых Микола-Торум (Милостивый бог Николай) // УИВ. 2008. № 4 (21). С. 119–130.

Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: Этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.

Перевозчикова С.А., Калугина Д.А. Кресты-тельники из погребений ранних кладбищ русского населения Удмуртского Прикамья // Вестник Омского университета. Сер. Ист. науки». 2022. Т. 9. № 4 (36). С. 209–220.

Пермиловская А.Б. Крест в традиционной культуре и ландшафте Русского Севера // Вестн. Том. ун-та. История. 2022. № 75. С. 157–171.

Перцев Н.В. Кресты-тельники из Мангазейской коллекции ГБУ «МВК им. И.С. Шемановского»: Первые результаты анализа [Электронный ресурс] // Образование Ямала. 2020. № 25. URL: https://yamal-obr.ru/articles/kresti-telniki-iz-mangazeyskoy-kollektsi/ (дата обращения: 27.06.2023).

Погорелов С.Н., Попов В.А. Культовая атрибутика из погребений Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбурга // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 212–221.

Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв.: (Территория СССР). М.: «ЮНВЕС» «ТРИО», 1995. 373 с.

Сальникова И.В. Ставрографическая коллекция Кривощековского некрополя: (Типология, семантика) // Вестник КемГУ. 2020. № 1 (81). С. 67–77.

Смирнов Д.С. Новые находки крестов на Рождественском археологическом комплексе в Пермском крае // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2022. № 21. С. 114–120.

Столбов В.И., Володеева Ю.С. Нательные кресты XVII–XVIII вв. из раскопок Березовского городища // Северный регион: Наука, образование, культура. 2020. № 1 (45). С. 142–146.

Татаурова Л.В., Кромм И.Д. К вопросу о типологии крестов-тельников из русских памятников Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2010. С. 284–285.

Ткачев А.А. К вопросу о культурной принадлежности детских захоронений могильника Нум-хибя-сихэри VIa // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. науч. конф. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 239–242.

Уткин М.В., Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., Гюрджоян К.Г., Юмина А.В., Филатова М.О. Дендрохронологический анализ древесины с памятника Нум-хибя-сихэри VIa // Археология евразийских степей. 2023. № 4. С. 79–84.

Хомич Л.В. Влияние христианства на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1979. С. 12–28.

Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. 288 с.

ИСТОЧНИКИ

Ткачев А.А. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2017 году. Тюмень, 2018. 142 с. // Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

Ткачев А.А. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2018 году. Тюмень, 2019. 296 с. // Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

Gyurdzhoyan K.G. [a, *], Tkachev Al.Al. [a], Tkachev A.A. [b]
[a] University of Tyumen, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
[b] Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Chervishevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625028, Russian Federation
E-mail: gyurdzhoyankatya@mail.ru (Gyurdzhoyan K.G.); al.al.tkachev@mail.ru (Tkachev Al.Al.); sever626@mail.ru (Tkachev A.A.)

On the issue of Christianization of the population of the Taz River Subarctic (by the materials of the burial ground of Num-hibya-siheri VIa)

In recent decades, there has been a significant increase at the number of studies aimed at the research into archaeological sites dating back to the period of active development of Siberian territories by Russian explorers. The indication of this process is the commenced Christianization of local indigenous population. The study of the burial objects of the Late Medieval and Modern Times allowed assembling representative collections of staurographic materials. The items retrieved during the study of the Num-hibya-siheri VIa burial ground reflect specific features of the use of Christian symbols in the funeral rite. Therefore, this site is considered to be an early Christian monument left behind by indigenous population of the Taz Subarctic, formed under the influence of Christian ideas that spread in the region in the 18th — early 20th century. The Num-hibya-siheri VIa burial ground is located on the right bank of the Num-hibya-siheri creek on the territory of the Mameyev Cape stow, which is 12.5 km south-east of the village of Tazovsky and 2.4 km north-west of the village of Gaz-Sale of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, the Tyumen Oblast. In 2017–2018, Tazovsky Archaeological Expedition of the Institute of the Problems of Northern Development of the Tyumen Scientific Research Center (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) uncovered 286 m^2 of the site. Within the studied area, nine underground pits were investigated, containing the burial of an adult (?) and children (8) aged from newborn infants up to 5- to 7-year-olds. The main components of the funeral rite and inventory testify to the familiarity of the people, who left this burial ground behind, with Christian customs and Christian ritualism. The deceased children are buried in wooden coffins placed inside composite wooden structures, on their backs, with their heads oriented to the western side of the horizon. The interred children are accompanied by an icon pendant with an image of St. Nicholas the Wonderworker and crosses dedicated to the Great Martyr Barbara and crucified Jesus. The features of the funeral rite and the placement of the articles indicate an initial stage of the Christianization of autochthonous population, combining both Christian and pagan components in the process of burying children. A good preservation of the wooden funerary structures allowed selection of wood samples for dendrochronological (tree-ring) analysis, as a result of which the time interval of the functioning of the Num-hibya-siheri VIa burial ground was determined within the second quarter of the 19th — early 20th century.

Keywords: Modern Times, the Taz Arctic, burial ground, burial, icon, pectoral cross, Christianization.

Funding. The work was carried within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021-0006).

REFERENCES

Akimov, Yu.G., Minkova, K.V. (2022). Incentives for mass Christianization of the aborigines of Siberia under Peter the Great. *Vestnik RKHGA*, (1), 212–221. (Rus.).

Anoshko, O.M. (2011). Kresty-telniki from the cultural layer of Tobolsk. In: *Kul'tura russkih v arheologicheskih issledovaniyah: Mezhdisciplinarnye metody i tekhnologii*. Omsk: Izd-vo «Omskii institut» OF RGTEU, 259–267. (Rus.).

Asochakova, V.N. (2011). *West Siberian model of Christianization: Character, mechanism, features (on the example of the Khakass-Minusinsk territory in the 17th–19th centuries): Doctoral dissertation abstract.* Tomsk. (Rus).

Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V., Starkov, V.F., Mangazeya. (1981). *Material culture of Russian polar sailors and explorers of the XVI–XVII centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Berdnikov, I.M. (2009). Features of the funeral rite of the Spassky necropolis of the Irkutsk prison. *Vestnik Novosibirskosho gosudarstvennogo universiteta*, 8(5), 252–260. (Rus.).

Berdnikov, I.M. (2012a). Crosses from the excavations of the necropolis of the Church of the Savior in Irkutsk. *Vestnik Novosibirskosho gosudarstvennogo universiteta*, 11(7), 164–178. (Rus.).

Berdnikov, I.M. (2012b). Body crosses, icons and images from excavations Holy Cross Necropolis (Irkutsk). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, (1), 138–165. (Rus.).

Bespokoynyy, A.V. (2013). Christianization of ethnographical groups of Mansi and orthodox missionary work (the end of XIX — beginning of XX century). *Vestnik ugrovedeniya*, 12(2), 94–103. (Rus.).

Bobrova, A.I. (1987). The influence of Christianity on the funeral rites of the indigenous population of the Middle Ob region. In: *Smena kul'tur i migracii v Zapadnoj Sibiri*. Tomsk: Izd-vo TGU, 116–119. (Rus.).

Bobrova, A.I. (2004). Body crosses of the Tiskinsky burial ground. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 20(4), 107–115. (Rus.).

* Corresponding author.

Bobrova, A.I. (2014). The Prikety a Burial Crosses, Worn next to the Skin. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 215–220. (Rus.).

Davydova, E.V. (2016). Images of Prince Vladimir equal to the Apostles and some other saints especially revered in Kiev in icons of Kiev carvers of the XIX — early XX century. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 94(3), 109–113. (Rus.).

Glavatskaya, E.M. (2005). Christian development of the Obdorsk region. In: *Russian development of Yamal before the beginning of the twentieth century: (Documents and research)*. Ekaterinburg: Bank kil'turnoi informatsii, 150–186. (Rus.).

Gorokhov, S.V. (2019). Comparative analysis of formulations of alloys of body crosses of the XVII–XIX centuries of Siberia, the Volga region and the North-West of Russia. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 49(3), 39–51. (Rus.).

Gorokhov, S.V., Borodovsky, A.P. (2017). The body crosses of the Umrev prison. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiia*, (3), 98–107. (Rus.).

Khomich, L.V. (1979). The influence of Christianity on religious beliefs and cults of the Nenets. In: *Hristianstvo i lamaizm u korennogo naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.).* Leningrad, 12–28. (Rus.).

Kolpakova, Yu.V. (2014). Collection of crosses from the territory of the Leningrad region: Modern technologies in stavrographic research. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Social'no-gumanitarnye nauki*, (5), 44–61. (Rus.).

Kulemzin, V.M. (1994). Selkups. In: *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoj Sibiri. T. 2: Mir real'nyj i potustoronnij*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 335–360. (Rus.).

Kuz'mina, A.S. (2004). *Christianisation of Indigenous Peoples of the Ob North: Cultural Aspect*. St. Petersburg: Info-da. (Rus.).

Mamontova, O.S., Tolkatskaya, A.S. (2018). Crosses from the monument "Nagorny cemetery" of Barnaul in the collection of the Altai State Museum of Local Lore. In: *Integraciya arheologicheskih i etnograficheskih issledovanij*. Omsk: Nauka, 76–80. (Rus.).

Molodin, V.I. (2007). *The crosses of the Ilimsky prison.* Novosibirsk: INFOLIO-press. (Rus.).

Ozheredov, Yu.I. (2001). Barclay, kurgan burial ground. In: *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 26–28. (Rus.).

Perevalova, E.V. (2008). Atykh Mikola-Torum (Merciful God Nicholas). *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 21(4), 119–130. (Rus.).

Perevalova, E.V. (2019). Ob *Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and power*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Perevozchikova, S.A., Kalugina, D.A. (2022). Crosses from the burials of the early cemeteries of the Russian population of the Udmurt Kama region. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Seriya Istoricheskie nauki*, 36(4), 209–220. (Rus.).

Permilovskaya, A.B. (2022). The Cross in traditional culture and landscape of the Russian North. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univensiteta*, (75), 157–171. (Rus.).

Pertsev, N.V. (2020). Crosses from the Mangazey collection of GBU "I.S. Shemanovsky MVK": The first results of the analysis [Electronic resource]. *Education of Yamal*, (25). URL: https://yamal-obr.ru/articles/krestitelniki-iz-mangazeyskoy-kollektsi. (Rus.).

Pogorelov, S.N., Popov, V.A. (2005). Cult paraphernalia from the burials of the Novo-Tikhvin Convent in Yekaterinburg. In: *Kul'tura russkih v arheologicheskih issledovaniyah.* Omsk: Izdatel'stvo Omskogo universiteta, 212–221. (Rus.).

Postnikova-Loseva, M.M., Platonova, N.G., Ulyanova, B.L. (1995). *Gold and silver business of the XV–XX centuries: (Territory of the USSR)*. Moscow: «UNVES» «TRIO». (Rus.).

Salnikova, I.V. (2020). Stavrographic collection of the Krivoshchek necropolis (typology, semantics). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 81(1), 67–77. (Rus.).

Shatilov, M.B. (2000). *Vakhovsky ostyaks: Ethnographic essays.* Tyumen: Izdatel'stvo Yu. Mandriki. (Rus.).

Smirnov, D.S. (2022). New finds of crosses at the Rozhdestvensky archaeological complex in the Perm Region. *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, *(*21), 114–120. (Rus.).

Stolbov, V.I., Volodeeva, Y.S. (2020). Crosses of the XVII–XVIII centuries from the excavations of the Berezovsky settlement. *Severnyj region: Nauka, obrazovanie, kul'tura*, 45(1), 142–146. (Rus.).

Tataurova, L.V., Kromm, I.D. (2010). On the typology of crosses from Russian monuments of Siberia. In: *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskih arheologo-etnograficheskih soveshchanij*. Tomsk: Agraf-Press, 284–285. (Rus.).

Tkachev, A.A. (2018). On the issue of cultural belonging of children's burials of the Num-hibya-siheri burial ground VIa. In: *Chelovek i Sever: Antropologiya, arheologiya, ekologiya. Vyp. 4.* Tyumen: TyumNTs SO RAN, 239–242. (Rus.).

Utkin, M.V., Tkachev, A.A., Tkachev, Al.Al., Gyurdzhoyan K.G., Yumina, A.V., Filatova, M.O. (2023). Dendrochronological analysis of wood from the monument Num-hibya-sikheri VI. *Arheologiya evrazijskih stepej*, (4), 79–84. (Rus.).

Vinokurova, E.P. (1999). Metal cast crosses of the XVII century. In: *Kul'tura srednevekovoj Moskvy*. *XVII vek*. Moscow, 326–361. (Rus.).

Vizgalov, G.P., Parkhimovich, S.G. (2008). Mangazeya: New archaeological research: (Materials 2001–2004). Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. (Rus.).

Zaytseva, E.A., Kenig, A.V., Kimpitskaya, A.A., Senyurina, Y.A. (2023). Material culture of the Russian population of Ugra in the 18th–19th centuries: (Catalog of objects). Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. (Rus.).

Гюрджоян К.Г., https://orcid.org/0000-0002-2662-727X
Ткачев Ал.Ал., https://orcid.org/0000-0001-8797-0648
Ткачев А.А., https://orcid.org/0000-0002-4072-2724

Сведения об авторах:

Гюрджоян Катя Гнеловна, специалист по учету музейных коллекций, Тюменский государственный университет, Тюмень.

Ткачев Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень.

Ткачев Александр Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors:

Gyurdzhoyan, K.G., Specialist in accounting of museum collections, Tyumen State University, Tyumen.

Tkachev, Al.Al., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University, Tyumen.

Tkachev, A.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-8

УДК 902.01

Кокшаров С.Ф. [a, *], Зыков А.П. [a], Яковлева Е.А. [b]

[a] Институт истории и археологии УрО РАН, ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
[b] Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, ул. Тургенева, 4, Екатеринбург, 620000
E-mail: serg.koksharov@mail.ru (Кокшаров С.Ф.); a.p.zykov@mail.ru (Зыков А.П.);
yakovleva-evfimiya@mail.ru (Яковлева Е.А.)

ТАЛ I — ПАМЯТНИК СРЕДНЕВЕКОВОГО КНЯЖЕСТВА ЭМДЕР

Публикуются материалы поселения Тал I, расположенного на р. Ендырь, левом притоке р. Обь. На поселении открыты остатки двух средневековых жилищ, возникших в разное время, а также получены данные об эпизодических посещениях этого места в раннем железном веке. Сгоревшие жилища перекрывали друг друга, но имели общие признаки: освещались и обогревались открытыми очагами, а основания стен укреплялись колотыми плахами, от которых по периметру котлованов сохранились канавки. Основная коллекция находок связана с ранним сооружением, которое датировано кинтусовским этапом Средневековья (XI–XII вв.). К этому времени относятся керамика кинтусовского времени (рачевский тип), культовая керамическая пластика, тигли и льячки для работы с цветными металлами, часть изделий из черного и цветного металла, костей животных и другие находки. К средневековью относятся также железные шлаки и глиняная обмазка от сыродутных печей, указывающие на работу мастеров кричников. Таким образом, нет оснований для отнесения изученного поселения к числу сезонных промысловых стоянок. Поселение Тал I входило в состав средневекового княжества (вождества) с центром в городке Эмдер (Западная Сибирь, Нижнее Приобье). Из письменных источников известно, что оно утратило свою независимость до конца XVI в., до включения территории в состав Московского государства, войдя в состав княжества Кода в качестве ясачной Емдырской волости.

Ключевые слова: поселение Тал I, городок Эмдер, княжество, вождество, Средневековье, север Западной Сибири.

Ссылка на публикацию: Кокшаров С.Ф., Зыков А.П., Яковлева Е.А. Тал I — памятник средневекового княжества Эмдер // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 2. С. 90–105. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-8

Введение

Археологические работы в бассейне р. Ендырь (Октябрьский район ХМАО — Югры) были начаты в 1992 г. с изучения окрестностей пос. Пальяново [Кокшаров, 1992]. Тогда же было найдено пос. Тал I (рис. 1*А*), от раскопок которого идет отсчет исследований этого микрорайона Нижней Оби.

Открытие былинного городка Эмдер, название которого и имена его правителей сохранились в эпосе обских угров [Patkanov, 1900, с. 10–17, 98–101], и затем исследования этой средневековой крепости сместили на второй план материалы неукрепленного пос. Тал I, где выявлены стратифицированные средневековые жилища и разнообразные находки. Они отражают образ жизни и занятия людей, проживавших вне городка Эмдер, но входивших в состав одноименного средневекового княжества [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 203–206; 2003, с. 134; 2012, с. 108; 2015, с. 108–115], поэтому публикуемые источники могут быть интересны не только археологам, но и историкам и этнографам.

Поселение Тал I расположено в 14,3 км к СЗ от пос. Пальяново, на левой 4-метровой надпойменной террасе р. Емъеган, впадающей слева в р. Ендырь в западной части Ендырского сора. Напротив памятника находится устье р. Тал, левого притока р. Емъеган. В 1993 г. здесь заложены два раскопа и зачищено 15 м стенки бульдозерной траншеи [Кокшаров, 1993]. Мощность культурного слоя — до 1 м. Берег р. Емъеган зарос «черным лесом», типичным для сырых пойменных низин: березой, осиной, рябиной с примесью сосны, ели и кедра, из кустарников преобладают ива, черная, красная смородина и жимолость. В начале июля, когда приступили к работе, в реке стояла очень высокая вода, а слабое течение обозначилось к концу месяца, после падения уровня р. Обь.

Часть культурного слоя уничтожена промышленными объектами, а где-то перекрыта гидронамывом. В раскопе II (3 м^2) отсутствовали выразительные объекты и находки, поэтому основное внимание в работе уделено материалам раскопа I (65 м^2), где отмечены остатки жилищ, с которыми связаны почти все находки (рис. 1*Б*).

* Corresponding author.

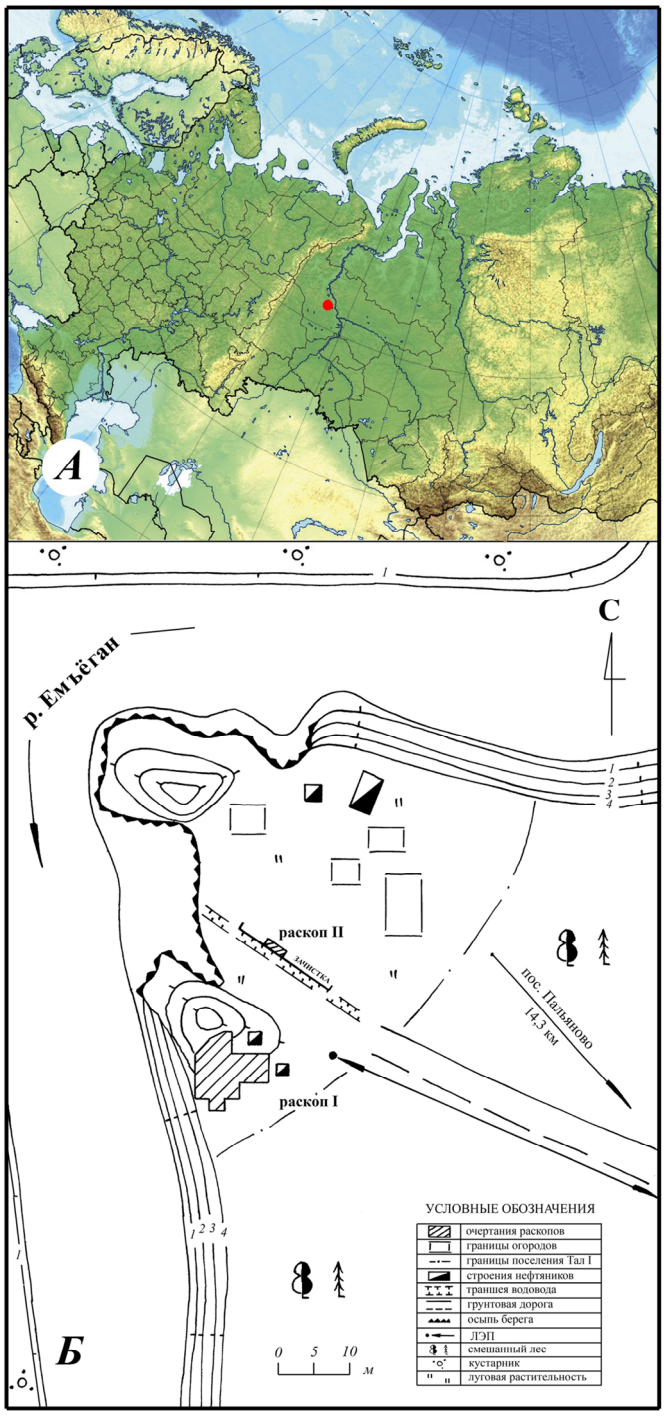


Рис. 1. Поселение Тал I на карте Западной Сибири (*А*) и расположение на нем раскопов I, II и зачистки (*Б*).
Fig. 1. Tal I settlement on the map of the Western Siberia (*А*)
and the localization of the excavation trenches I, II and cleaning (*Б*).

Стратиграфия и объекты

На памятнике прослежены следующие слои (рис. 2): 1 — грунт от гидронамыва; 2 — современная почва; 3 — серо-коричневая супесь, слой сайгатинского времени XIII–XIV вв. (жилище 2); 4 — коричневый суглинок, слой кинтусовского времени конца XI — XII в. (жилище 1); 5 — очажный слой бурого цвета; 6 — прокаленный оранжевый слой; 7 — серая супесь с угольками, слой раннего железного века; 8 — материк.

Котлован жилища 1 и объекты, связанные с ним, отмечались на уровнях -100, -105…-107 и -110 см от условного «0» (рис. 2).

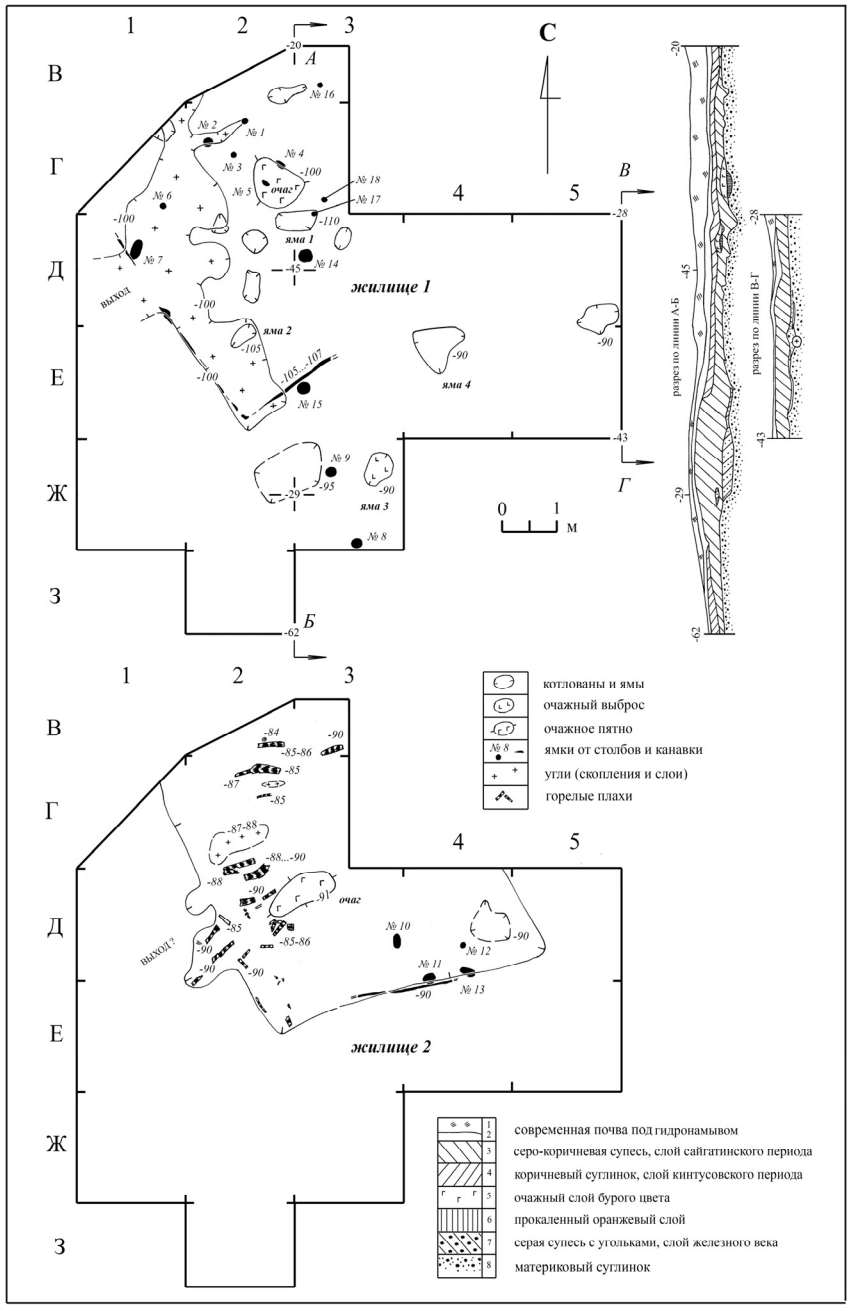


Рис. 2. Поселение Тал I. Очертания средневековых жилищ 1, 2 и связанных с ними объектов.
Fig. 2. Tal I settlement. Dwellings of remains 1, 2 and related objects.

На уровне -100 см отчетливо фиксировалась часть ЮЗ границы жилища 1 и его южный угол. Она представляла собой углистую полосу длиной свыше 4 м и шириной 0,6–1 м, ориентированную по линии СЗ–ЮВ. Со внешней стороны полосы (уч. Д/1) обозначился выступ длиной ~0,4 м, шириной 1,28 м, возникший на месте выхода. Противоположная сторона углистой полосы аморфная, с овальными и вытянутыми затеками, обращенными на СВ. Очертания указывают на прямые углы и стены жилища 1, развернутого на 45º к сторонам света.

На границе уч. Г/2–3 прослежены остатки наземного очага. Это линза бурой супеси с угольками, жженными костями, фрагментами кинтусовской керамики и охры, размером 1×0,84×0,13 м. В ее основании слой прокала до 0,09 м.

На уровне -105…-107 см вдоль стенок жилища 1 и его южного угла прослежены прерывистые канавки с углистой супесью, возникшие на месте плах, вбитых в глинистый материк. Ими укреплялось основание постройки.

В пределах помещения находились ямки от столбов №№ 1–7, 14–18. Хозяйственные ямы располагались внутри жилища (1, 2) и за его пределами (3, 4).

Яма 1 — трапециевидная, размером 0,68×0,37×0,14 м, заполнена темно-коричневым суглинком с углями и костями животных (см. табл.), образует комплекс с очагом 1.

Яма 2 — подпрямоугольная, размером 0,56×0,26×0,1 м, заполнена светло-желтым суглинком, углями, кусочками окисленной меди (остатки котла?).

Яма 3 расположена в 1,85 м от ЮВ стенки жилища, размером 0,66×0,6×0,1 м, заполнена переотложенной очажной супесью со жженными костями и охрой. Очевидно, сюда сбрасывалась зола из очага.

Яма 4 треугольной формы, размером 0,9×0,83×0,1 м, заполнена темно-коричневым суглинком с углем, керамикой (рис. 4, *5*) и костями животных (см. табл.).

Судя по стратиграфии и количеству находок, жилище 1 было обитаемым постоянно, и с ним связан основной средневековый слой пос. Тал I. По керамике рачевского облика и сопутствующим ей вещам оно относится к кинтусовскому этапу Средневековья и синхронизируется со 2 строительным горизонтом (далее — с.г.) городка Эмдер (конец XI — XII в.) [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 17–19, рис. 28, *4–9*; 29, 30; 39, *2, 4, 6–15, 18*].

Контуры жилища 2 (рис. 2) прослежены на уровне -82…-89 см. Оно ориентировано почти так же, как первое. Его пространственная локация предопределена впадиной, возникшей над ранней постройкой. Оно было почти наземным. Хорошо читались ЮВ стенка длиной 2,6 м, южный и восточный углы. Длина ЮЗ стенки, уходящей в СЗ профиль раскопа, составляет не менее 2,5 м. Под прямым углом от нее отходили два внешних выступа, маркировавшие выход. На уровне -90 см очертания жилища исчезли, но проявилась канавка длиной до 0,9 м, повторявшая направление ЮВ стенки сооружения. Она возникла в месте расположения дощатой обшивки. В пределах жилища 2 отмечены наземный очаг, горелые плахи, угли, ямки от столбов и яма.

Очажная линза бурого цвета располагалась в 0,5 м от ЮЗ границы постройки, ее размер 0,66×0,25×0,05 м. Ниже — прокал до 0,03 м. Горелые плахи (более 20 шт.) и углистые пятна свидетельствуют о пожаре. В восточном углу обозначилась округлая яма размером 0,38×0,35×0,08 м, а к северу от нее — ямки №№ 10–13.

Стратиграфия указывает на посткинтусовский возраст жилища 2, но, к сожалению, переотложенная рачевская керамика непригодна для конкретизации данного вопроса. На наш взгляд, жилище 2 следует отнести к сайгатинскому этапу Средневековья. Если учесть, что в нем был открытый очаг, а не печь-каменка и не чувал, характерные для 8 и 9 с.г. городка Эмдер, датируемых XV–XVI вв. [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 36, 41, 46, 48, 50, 202, рис. 17–24; 2003, с. 118, 120, 122, ил. 4–6], то можно предположить, что оно функционировало со второй половины XII по XIV в. [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 60, 64, 65] или в XIII–XIV вв. [Зыков, 2012, с. 100].

Находки из раскопа I

Коллекция включает 1903 предмета: бытовую, технологическую, культовую керамику, керамические скребки, вещи из камня, металлов, стекла, кости, железные шлаки.

Бытовая глиняная посуда (119 емкостей) делится на три хронологические группы.

Горшок *переходного времени об бронзового века к железному* (рис. 3, *8*) имел диаметр по венчику 29 см. В формовочной массе видны песок и шамот, стенки хорошо заглажены. Венчик покрыт оттисками гладкого штампа. Зона под венчиком — поясок из наклоненных вправо отпечатков «гребенки» с мелкими зубцами. В основании шейки — ряд круглых ямок, а на плечике — бордюр из волнистых линий, выполненных прокатанной «змейкой», ограниченной каплевидными насечками.

Аналоги сосуду есть среди подъемного материала гор. Ендырское III, расположенного вверх по течению р. Ендырь [Кокшаров, 1993]. Учитывая, что керамические штампы-пинтадеры в виде многорядовой «волны»/«змейки» известны на лозьвинских, вагильских и гамаюнских памятниках завершающего этапа бронзового века [Викторова, 1970, с. 257, 258, табл. 1, *7, 13*; Борзунов, 1991, с. 80; рис. 24, *1–10*; Кокшаров, 2015, с. 21, рис. 8, *18, 35*; Алексашенко, Кокшаров, Морозов, 2017, с. 104, рис. 5, *10–11*; Погодин, Труфанов, 2017, с. 67, рис. 6–8; 10, *5, 6*], находку можно синхронизировать с ними. Горшки с декором из прокатанных волнистых узоров есть и в составе кульминских коллекций начала железного века [Погодин, 2010, с. 157, ил. 4], но вопрос типологической принадлежности сосуда оставим пока открытым.

Вторая группа — сосуды *раннего железного века* (7 экз.) — слабопрофилированные горшки и одна закрытая банка (рис. 3, *1–7*). В формовочных массах есть песок, ракушка (?) и шамот, в одном случае шамоту сопутствовал лимонит. Венчики плоские, украшены гребенчатым, гладким и волнистым («змейка») штампами с наклоном влево. В зоне под венчиком видны следы тех же орнаментиров, но с наклоном вправо. В основании шеек — пояски круглых ямок (рис. 3, *2–5, 7*) и ряды «жемчужин», включая чередующиеся с одиночными ямками (рис. 3, *1, 6*). У 6 сосудов под поясками ямок/«жемчужин» отмечена полоса, свободная от декора, ниже которой расположены горизонтальные мотивы, собранные из отпечатков гребенчатых, гладких или фигурных штампов. Придонная часть не декорировалось.

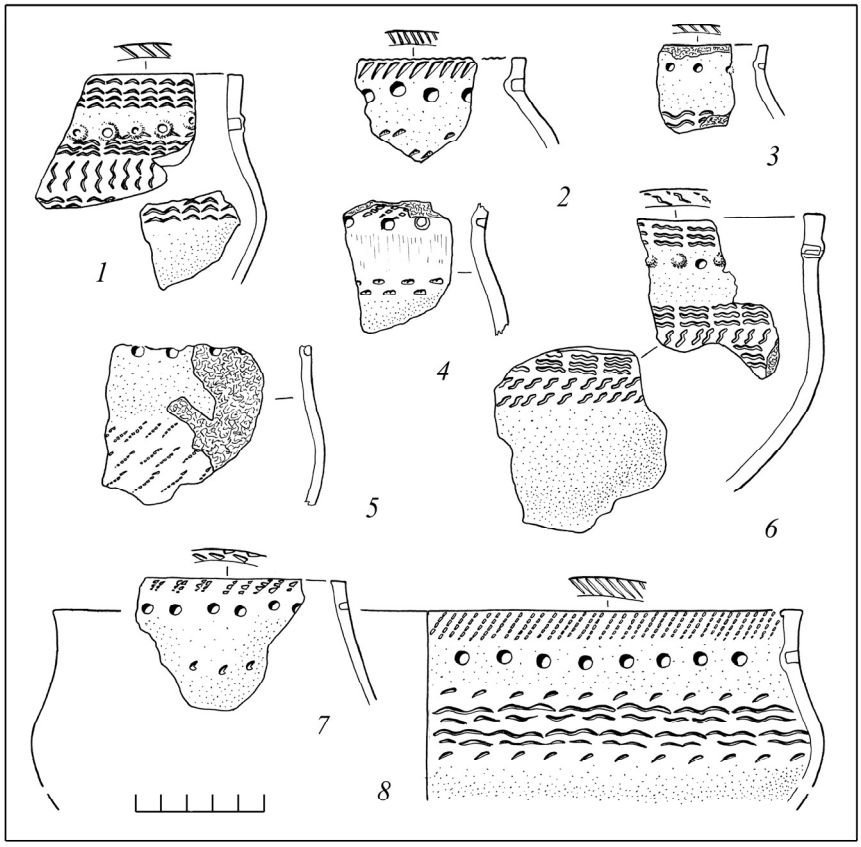


Рис. 3. Поселение Тал I. Керамика переходного времени от бронзового века к железному (*8*) и раннего железного века (остальное).
Fig. 3. Tal I settlement. The pottery of transitional time from the Bronze Age to the Iron Age (*8*) and the Early Iron Age (rest of it).

Наличие фрагментов со штампами из «уточек» и «птичек» позволяет отнести коллекцию к числу кулайских древностей раннего железного века. Схожий декор есть на 5 группе керамики васюганского этапа этой культуры [Чиндина, 1984, рис. 41, *1*]. Более определенные аналоги горшкам с плавными шейками и орнаментацией есть среди кулайских сосудов первой стадии на территории Сургутского Приобья [Чемякин, 2008, с. 85, рис. 74, *1, 5, 12*]. Правда, Ю.П. Чемякин не определяет хронологических рамок стадий [Там же, с. 90]. С другой стороны, емкости с короткими слабопрофилированными шейками, полями, свободными от узоров, оказываются ближе к материалам калинкинской культуры Сургутского Приобья (VI–IV вв. до н.э.) [Чемякин, 2008, с. 76, рис. 65, *16, 18, 20*; 67, *13*]. Калинкинские и кулайские параллели позволяют отнести вторую группы керамики к интервалу от VI–IV до II–I вв. до н.э. Не исключено, что она разновременна и отражает эпизодическое посещение пос. Тал I.

Средневековая керамика (114 экз.) включает круглодонные сосуды горшечной (44 экз.), баночной (10) и неопределенной форм. Материал фрагментирован, размеры установлены по шести графическим реконструкциям (рис. 4, *2, 11–15*). Диаметр по венчику составляет 13,5–32/34 см (в сред-

нем 20,3 см). Горшки имеют раздутое тулово, а среди банок есть приземистые, напоминающие чаши, и вытянутые формы (рис. 4, *2, 11*). Внутри одной есть налепные «ушки» с отверстиями. Некоторые горловины имеют карнизики, свисающие наружу (рис. 4, *4, 7, 10, 13*). Емкости с плоскими венчиками доминируют. Стенки хорошо заглажены, в глине видна примесь шамота, дресвы и песка.

Посуда украшена с венчика по тулово, нередко композиции опускаются в придонную часть (рис. 4, *4, 9, 10, 12, 15*). Гончары применяли штампы в виде гребенки (рис. 4, *4, 5, 7–9, 13, 14*), скобок (рис. 4, *1–4, 6, 9, 10, 12*), ромбов (рис. 4, *1, 3, 5, 8, 12*), гладкий (рис. 4, *1, 6, 10, 15*). Часто отмечен прием отступающей техники (рис. 4, *13*).

Композиционно выделяется декор на венчике, шейке и плечике с туловом.

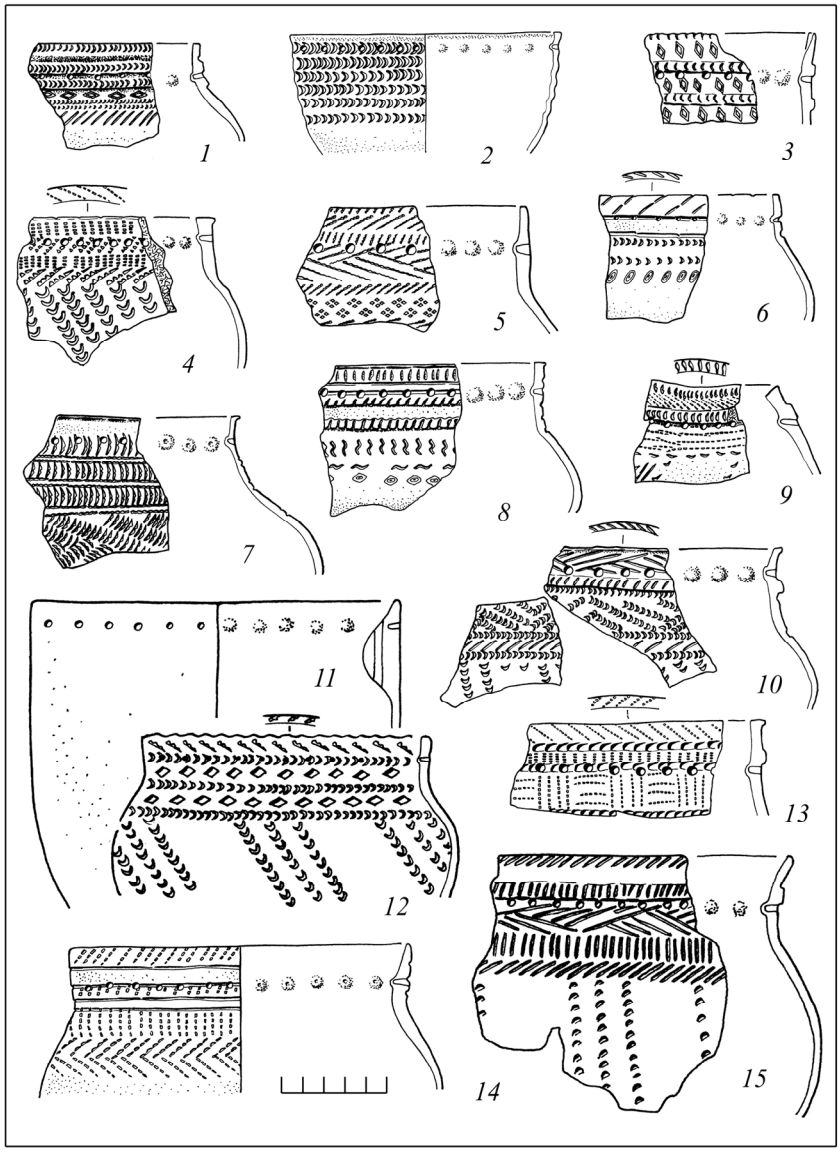


Рис. 4. Поселение Тал I. Рачевская керамика кинтусовского этапа Средневековья (конец XI — XII в.).
Fig. 4. Tal I settlement. The Rachyevo type pottery (Kintus stage of the Middle Age, late 11th — 12th century).

На венчиках видны оттиски гладких и зубчатых штампов с наклоном влево/вправо (рис. 4, *6, 9, 10, 12, 13*). В центральной части шеек отмечены пояски ямок, выполненных концом круглой палочки, образующих «жемчужины» внутри стенок. Ямки образуют комбинированные узоры с желобками или глубокими линиями (рис. 4, *1, 6, 8, 12–15*). Кроме ямок на шейках имеются 1–2 валика, украшенных вертикальными или наклонными отпечатки штампов (рис. 4, *1, 3, 8–10, 13–15*). Орнамент на шейке разрежен свободными от орнамента полосами (рис. 4, *6, 8, 14*), ли-

ниями из ромбических штампов (рис. 4, *3*), гладких и гребенчатых отпечатков (рис. 4, *9, 13, 15*). Нарядность придают узоры из взаимопроникающих треугольников и псевдоплетенки (рис. 4, *5, 10, 13, 15*). На плечиках повторяются уже известные орнаментальные мотивы: горизонтальные линии из гладких и зубчатых штампов, скобок, «уточек» и ромбов. Единично здесь встречены узоры в виде взаимопроникающих треугольников и шевроны (рис. 4, *7, 14*). На тулове встречаются вертикальные и наклонные колонки (рис. 4, *4, 9, 10, 12, 15*).

Аналоги керамике есть на памятниках кинтусовского этапа X–XIII вв. нижнеобской культуры, открытой В.Н. Чернецовым [1957, с. 213, 237, табл. XLIII, *12–14*]. Позднее схема Чернецова была скорректирована и дополнена. В результате кинтусовский этап разделен на три периода: вожпайский (конец IX — X в.), оронтурский (конец X — XI в.) и рачевский (конец XI — XII в.), каждому из которых сопутствует своя группа керамики [Федорова и др., 1991, с. 137–139, рис. 3А]. Именно рачевская группа, обособленная на Рачевском II городище (Нижнее Прииртышье) [Терехова, 1986, с. 114–123], ближе всего по форме и орнаменту к публикуемой с пос. Тал I. Примечательно, что в отложениях 2 с.г. городка Эмдер имеется такая же посуда [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 17–19, рис. 7; 28, *4–9*; 29; 30; 39].

Технологическая керамика

Включает льячки, тигли и глиняную обмазку от теплотехнических сооружений (сыродутные печи и чувалы).

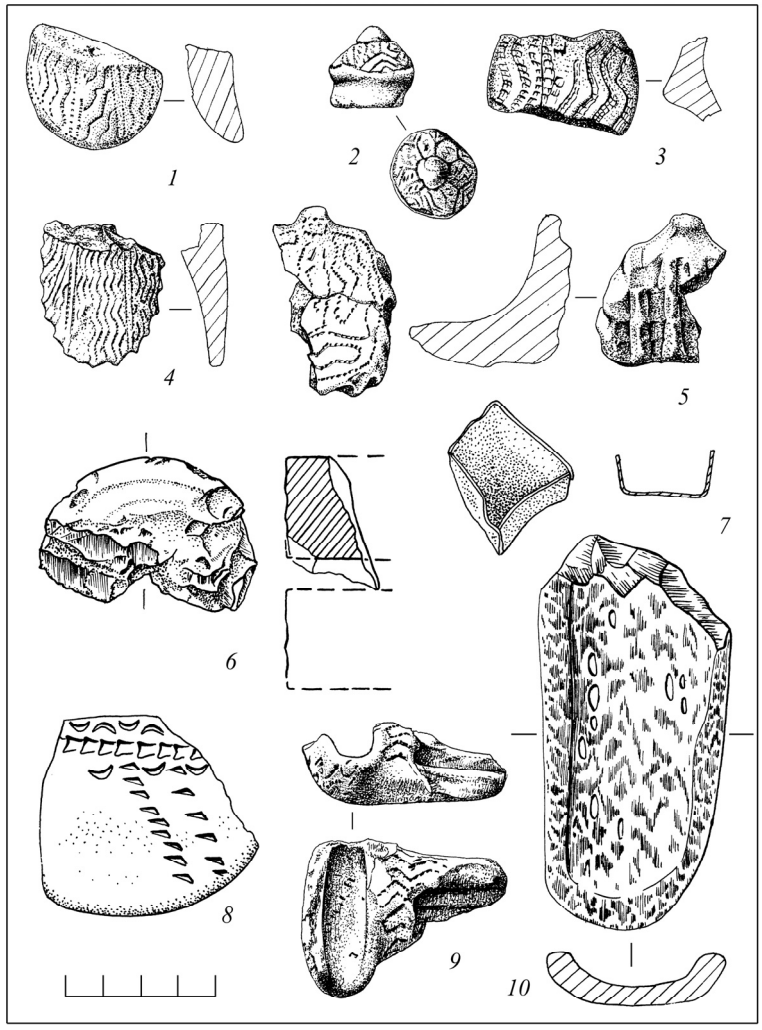


Рис. 5. Пос. Тал I. Изделия из керамики (*1–5, 8, 9*), камня (*6*), металла (*7*) и кости (*10*):
1–5 — культовая пластика; *6* — диск из опоки; *7* — медная коробочка; *8* — керамический скребок; *9* — льячка; *10* — мотыжка.

Fig. 5. Tal I settlement. Artifacts of ceramic (*1–5, 8, 9*), artifact of stone (*6*), artifact of metal (*7*), artifact of bone (*10*):
1–5 — cult clay plastics; *6* — disc; *7* — copper box; *8* — scraper; *9* — metal pouring hopper; *10* — hoe.

Орнаментированные льячки (минимум 2 экз.) для разливания цветных металлов по формам. От одной сохранилась ручка с глухим отверстием и большая часть емкости для удержания расплава. Размер черпака и емкости ~45×22 и 38×12 мм соответственно. По дну емкости нанесены насечки. От черпака отходит под прямым углом основание ручки. Длина ручки 32 мм, диаметр канала ~7 мм. Предмет украшен гребенчатыми зигзагами (рис. 5, *9*). От другого изделия сохранилась часть ручки со сливом. Украшенные льячки типичны для памятников позднекинтусовского этапа Средневековья севера Западной Сибири [Федорова и др., 1991, с. 140, рис. 3А, *51*; Зыков, Кокшаров, 2001, с. 99; Зыков, 2012, с. 94]. Они сопутствуют керамике рачевского облика [Терехова, 1986, с. 121, рис. 3, *11*], встречены на памятниках усть-ишимской [Могильников, 1987, табл. LXXXIII, *36*] и юдинской культур [Морозов, Панина, 1997, с. 78, рис. 3, *4, 6, 9*].

Тигли (2 экз.). Один имел блюдцеобразную форму. Такие вещи характерны для переходного времени от бронзового века к железному и раннего железного века [Чемякин, 2008, рис. 44, *14*; 58, *27, 29, 30, 32*; 67, *6–8, 10–12, 18*; 78]. Другой — рюмковидный, с плоским основанием диаметром 37 мм. Верхняя часть предмета утрачена (рис. 6, *14*). На севере Западной Сибири такие тигли есть на всех этапах нижнеобской культуры: от карымского (вторая половина IV — начало VI в.) [Чемякин, 2008, рис. 99, *25*; Зыков, 2012, с. 58] до кинтусовского (конец IX — XII в.) [Зыков и др., 1994, с. 46, 100, 145, кат. № 181; Федорова и др., 1991, с. 133, 140]. Самый поздний рюмковидный тигель найден в слое 2 с.г. Эмдера с посудой рачевской группы и глиняной пластикой [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 19, 98, рис. 39, *17*].

Куски глиняной обмазки и железные шлаки указывают на функционирование в пределах поселения сыродутных печей. Часть обмазки могла остаться и от чувалов, но они не обнаружены. Последние типичны для жилищ сибирских татар и маркируют памятники сайгатинского этапа XV–XVI вв. [Зыков, Кокшаров, 2002, с. 79; Зыков и др., 2017, с. 68–70].

Культовая глиняная пластика (рис. 5, *1–5*) разделена на стилизованные антропоморфные фигурки (9 экз.) и фишки (1). Они опубликованы О.И. Приступа [2008, с. 10, рис. 29–37], что избавляет нас от описания и обсуждения функционального назначения вещей. Поделки всегда сопутствуют керамике рачевского облика [Терехова, Широков, 1986, с. 131–138]. Они встречены на памятниках юдинской культуры [Викторова, 1998, с. 607–608; Могильников, 1987, с. 171; Морозов, Панина, 1997, с. 78, рис. 2, *2–4, 7, 8, 11*; 3, *1–3, 5*], на объектах кинтусовского времени Западной Сибири [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 122−124, рис. 39, *2, 4, 6, 7, 9, 10, 13*; Зыков, 2012, с. 94] и в Прикамье, в слоях Родановского городища [Мошинская, 1959, с. 182, рис. 65, *1, 3*].

Керамические скребки (3 экз.) выполнены из обломков сосудов (рис. 5, *8*). Они имеют разнонаклонно стертые боковые кромки, указывающие на обработку мягких материалов (кожа, мех).

Каменные предметы (110 экз.). Сырьем служили галечные формы с широким спектром пород (кремень темных и светлых тонов, кварц, кварцит, кварцито-песчаник, гнейсовые породы и др.). В обработке применялись приемы ударного и контрударного расщепления, пиление, шлифовка и сверление.

Довольно много абразивов (36 экз.). Шлифовальники представлены крупными камнями (3), плитками (1) и оселками (32). Для последних исходной заготовкой служила некрупная уплощенная галька овальной или прямоугольной формы, их размер — от 58×38×16 до 120×63×28 мм. Рабочие зоны фиксируются на одной или двух плоскостях. В большинстве случаев они ровные, без кюветообразных углублений. Лишь два изделия имеют вогнутую рабочую поверхность, а один желобчатую, вдоль длинной оси предметов.

Отщепы (8) и мелкие гальки (8) со следами забитости по ребрам и краям, мелкими многоступенчатыми заломами, использовавшиеся, возможно, для высекания огня.

Диск из опоки (рис. 5, *6*). Он имеет диаметр 63 мм, высоту более 25 мм, с центральное отверстие диаметром 8 мм. На основании проточены 3 (?) концентрических желобка. Изделие лежало в заполнении ямки № 8 (уч. Ж/3), находящейся за пределами обоих жилищ, что косвенно указывает на его принадлежность к ранним этапам заселения.

В коллекции имеются также 3 гальки, 28 расколотых кусков, 2 плитки, 8 оселков и 17 отщепов — отходы производства каменных орудий.

Стеклянная зонная бусина полупрозрачная, светло-желтого цвета, диаметром 14 мм с отверстием диаметром 4 (рис. 5, *2*). В Великом Новгороде подобные вещи «массово появляются в слоях XII в. и пропадают в слоях XIII в.» [Колчин, 1982, с. 169, рис. 6].

Изделия из черного и цветных металлов

Изделия из железа (10 экз.) представлены наконечниками стрел (2), ножами (2), резцом, кресалом, пряжкой, кольцом, прутками (2). Кроме того, собрано до десятка мелких коррозированных кусочков железа, утративших первоначальный облик.

Двушипный наконечник с короткой треугольной в плане боевой головкой линзовидного сечения, с длинным четырехгранным в сечении черешком, без упора для древка (рис. 6, *6*). Общая длина 63 мм, ширина и толщина пера 15 и 3 мм. На севере Западной Сибири известно не менее 20 аналогичных изделий, датирующихся от финала кулайской культуры эпохи железа [Зыков, Федорова, 2001, с. 122, кат. № 62] до позднего Средневековья [Зыков, Кокшаров, 2001. с. 68, рис. 33, *9*].

Срезень двурогий без упора, длиной 98 мм, шириной до 20 мм, толщиной 3 мм (рис. 6, *15*). Тип охотничьих наконечников стрел, предназначенных для нанесения жертве широкой, но неглубокой раны, вызывающей обильное кровотечение. Известно не менее 164 таких изделий, датируемых от конца VI — VII в. [Зыков, 2012, рис. 33, *7*] до XVII–XX вв.

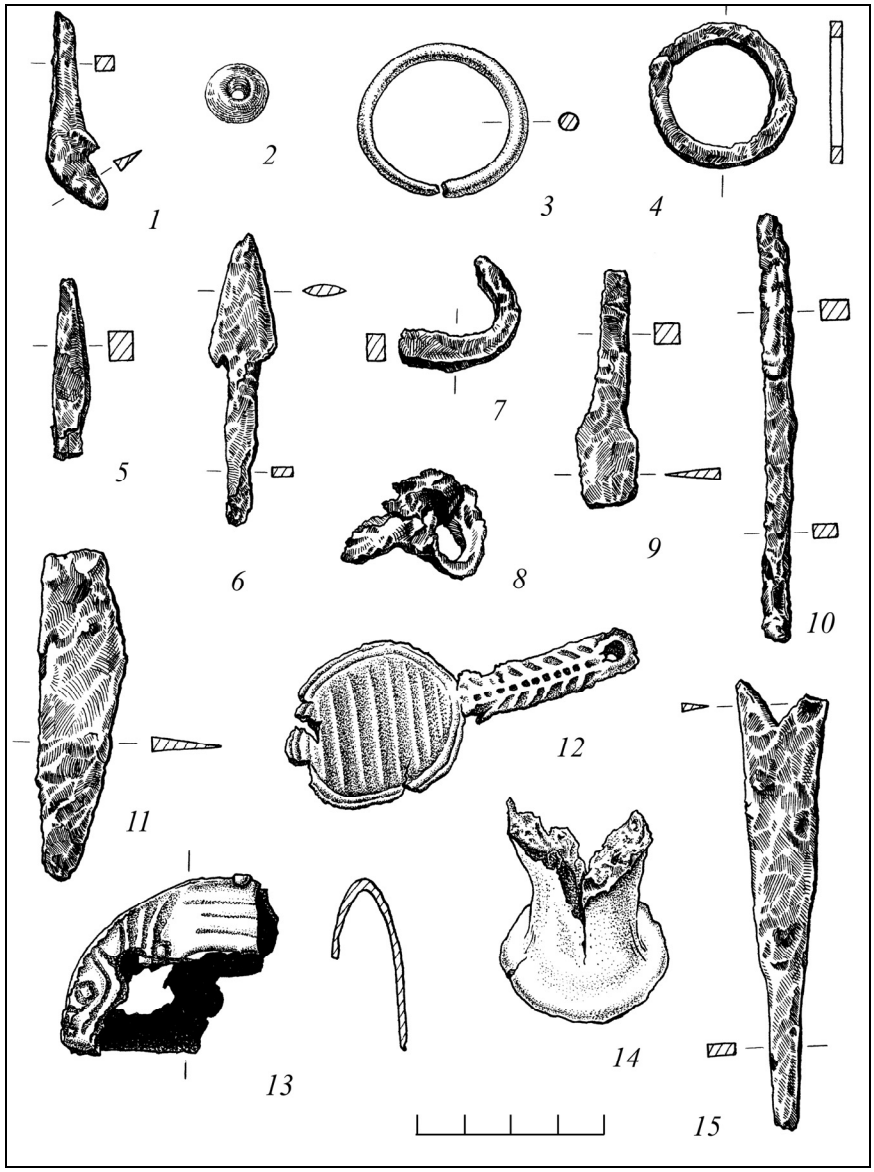


Рис. 6. Пос. Тал I. Изделия их железа (*1, 4–11, 15*), стекла (*2*), цветных металлов (*3, 12, 13*) и керамики (*14*):
1 — резец; *2* — бусина, *3, 4* — кольца; *5, 10* — прутки; *6, 15* — наконечники стрел; *7* — обломок кресала; *8* — накладка с кольцом; *9, 11* — ножи; *12, 13* — подвески; *14* — тигель.
Fig. 6. Tal I settlement. Artifacts of iron (*1, 4–11, 15*), artifact of glass (*2*), artifacts of non-ferrous metals (*3, 12, 13*), artifact of ceramic (*14*):
1 — chisel; *2* — bead; *3, 4* — rings; *5, 10* — metal rods; *6, 15* — arrow heads; *7* — fragment of a fire-making chair; *8* — cover with ring; *9, 11* — knives; *12, 13* — pendants; *14* — melting bowl.

Ножи (2 экз.). Один из них (рис. 6, *11*) — фрагмент острия однолезвийного клинка с односторонней левой заточкой, черен утрачен. Длина обломка 71 мм, ширина клинка 19, толщина

прямой спинки 3. Другой (рис. 6, *9*) — нож с утраченным острием клинка. Длина обломка 50 мм, ширина клиновидного в сечении клинка 13 мм, толщина 4 мм. Черен имеет подчетырехугольное сечение размером 4×5 мм, коленчатый переход к прямой спинке клинка.

Резец (рис. 6, *1*) для выполнения работ по мягким материалам (медь, бронза, кость, дерево, береста). Имеет полулунно изогнутый однолезвийный короткий клинок с толстой спинкой, выступающей шпорой у основания лезвия и прямоугольный в сечении черен. Длина орудия 42 мм, ширина лезвия 11 мм. Прямой аналог орудию найден вместе с керамикой рачевской группы во 2 с.г. внешнего вала городка Эмдер[1]. Находка дает основание для отнесения резца к жилищу 1 пос. Тал I.

Обломок кресала (рис. 6, *7*), откованного из железного массивного прута прямоугольного сечения размером 6×3 мм, на рабочую грань которого было наварено стальное ударное лезвие, хорошо различимое на сколе обломка. Предмет соответствует варианту «б» однолезвийных кресал типа 2 калачевидных с массивным утолщенным ударным лезвием без язычков, с короткими приостренными несомкнутыми дужками без завитков на окончаниях, выделенному по находкам с городища Искер [Зыков и др., 2017, с. 245, 246, рис. 113, *1*]. Этот вариант калачевидных кресал ведет происхождение от скобковидных стальных лезвий, крепившихся в деревянные колодки-рукояти. Такое составное огниво было важнейшей частью кресального набора евразийских кочевников от Дальнего Востока до Среднего Поволжья с IX–X до XIII–XIV вв. В западной части евразийского степного ареала (районы кочевания кыпчаков) не позднее XIII–XIV вв. началась эволюция этих скобковидных составных огнив в простейшие отдельные примитивные калачевидные кресала. На севере Западной Сибири только из опубликованных коллекций известно немало аналогий искерскому кресалу варианта «б» типа 2: в погребении 117, датируемом XIII–XIV вв., могильника Усть-Балык [Семенова, 2001, с. 97, рис. 21, *3*], в Мысовском курганном могильнике XIII–XIV вв. макушинского типа [Могильников, 1987, с. 177, табл. LXXII, *16*], на городище Перегребное I [Зыков, Пархимович, 1988, с. 157, рис. 2, *720*], в переотложенных слоях из раскопок городка Эмдер [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 102, рис. 42, *5*]. Публикуемая вещь может быть синхронна рачевской керамике жилища 1 и стать одной из ранних, датированных в Евразии.

Два прямоугольных в сечении железных прутка длиной 91 и 38 мм (рис. 6, *5, 10*). Меньший, с выраженным острием, мог быть обломком шиловидного бронебойного наконечника стрелы или простого шила.

Поясная накладка с подвижным кольцом (рис. 6, *8*) представляла коррозированную прямоугольную вытянутую пластину, согнутую пополам, с зажатым в сгибе подвижным железным кольцом диаметром 20 мм. Вероятно, концы пластины крепились клепками.

Железное кольцо (рис. 6, *4*) диаметром 30–32 мм, сваренное из прямоугольного в сечении прута размером 3×4 мм.

Изделия из цветного металла включают украшения, пронизки, обрезь медного листа (фрагменты медной посуды?) и поделки из него.

Бронзовое литое (?) кольцо овальной формы (рис. 6, *3*), размером 37×32 мм из круглого в сечении дрота диаметром до 3,5 мм, не сомкнутое. Подобные украшения прически и головных уборов, неточно именуемые в литературе «накосниками», распространены на севере Западной Сибири с релкинского подэтапа конца VI — VII в. зеленогорско-релкинского этапа VI–VII вв. нижнеобской культуры [Зыков, 2012, рис. 33, *8*; Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021, 2.06; 2.07, *1, 2*; 2.11; 2.12, *1*; 2.18; 2.19, *2, 3*; 2.27; 6.03; 6.04, *1–6*; 6.13; 6.14, *9–17*], а особенно на кучиминском (VIII–IX вв.) и кинтусовском (IX–XII вв.) этапах той же культуры. С XIII в. бронзовые и медные гладкие височные кольца неизвестны.

Зооморфная полая пронизка (рис. 6, *13*), сломанная в древности с утратой более половины изделия. Отлита из высокооловянистой бронзы в двусторонней матрице с жестко фиксируемым сердечником. Размер обломка 41×39 мм, ширина сохранившейся спинной части фигурки до 16 мм, толщина стенок фигурки 1–1,5 мм. В отливке угадывается сильно стилизованное изображение животного (медведя?) с низко опущенной мордой, стоящего на плоском рамчатом основании. Линии морды, глаза, шерсть на шее и боках животного переданы рельефными углубленными линиями, грудь и живот намечены крупными перлами. Рельефными поперечными углубленными линиями декорировано и основание. В верхней части фигурки на спине животного при отливке оставлено отверстие для подвешивания. Поделка имеет явный литейный брак (недоливы).

Литье полых пронизок из бронзы в виде изображений животных и птиц отличает западносибирское прикладное искусство от кулайского времени (I — первая половина IV в.) до сайга-

[1] Предмет был найден в год издания монографии «Древний Эмдер» [Зыков, Кокшаров, 2001].

тинской стадии Средневековья (XIII–XVI вв.). Изделия, схожие с публикуемым по плоскому основанию, появились в конце VI — VII в. [Кардаш и др., 2021, рис. 6.03; 6.09, *1–10*; 6.10; 6.11; 6.12]) и производились вплоть до XVI в. Если ранняя продукция воспроизводила очень реалистичные образы животных, птиц и пр., то начиная с конца кинтусовского этапа изображения упрощались. Предельная стилизация персонажей отмечается во второй половине XV — XVI в. По этой причине их нередко именуют как ажурные колоколовидные [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 180, рис. 57Б, *22–24*; Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, с. 302–304, рис. 28, *53*].

Ложковидная подвеска (рис. 6, *12*) из Sn или Sn+Pb (?) сплава отлита по матрице, оставленной оригиналом в пластичной основе. Изделие очень хрупкое, найдено в заполнении жилища 1 в виде четырех фрагментов. Длина изделия 79 мм, черпак размером 32×38 мм слегка вогнут в продольной плоскости, ширина ручки 9 мм. Предмет украшен у краев двумя валиками, разделенными желобком, и девятью поперечными бороздками, заключенными в радиальные валики. На конце ручки есть отверстие. Через центр от отверстия к черпаку проходит столбик из 10 точечных вдавлений, оконтуренный по бокам «псевдоплетенкой» — чередованием наклонных желобков, перемежающихся с валиками.

Ближайшим аналогом является фрагментированная бронзовая ложка из кинтусовского слоя конца IX — XII в. на гор. Стариков мыс[2]. Вещи объединяет оформление черпака в виде поперечных рядов рельефных желобков. Самые ранние образцы бронзовых литых вотивных ложек-подвесок на севере Западной Сибири известны в погребениях 2 (релкинский подэтап конца VI — VII в.), 34, 38 и в поминальном комплексе (кучиминский этап VIII–IX вв.) могильника Священная Кедровая Роща [Кардаш и др., 2021, рис. 2.11; 2.12, *12*; 2.13; 2.17; 2.38; 2.39, *2*; 2.40; 2.58; 2.67; 6.22]. Вполне вероятно, что вещь с пос. Тал I является на сегодняшний день самым поздним образцом вотивной ложки-подвески из цветного металла. Более поздние образцы ложек и черпаков вырезались из дерева [Зыков и др., 1994, с. 77, 130, кат. № 36, 37], кости [Зыков, Кокшаров, 2003, с. 134, ил. 8, *21*; Федорова, 2010, с. 63, фото на с. 141 и 144] и ковались из железа [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 105−106, рис. 44, *11*].

Из обоих раскопов и из разрушенного культурного слоя пос. Тал I происходят 78 обрезков медного листа. Самый крупный из них размером 80×62 мм. На средневековых памятниках севера Западной Сибири эти предметы являются одной из самых массовых находок. Вышедшая из обихода металлическая посуда максимально утилизовалась: пластинки меди использовались в погребальной практике [Зыков, Кокшаров, 2001, рис. 55, *3, 8–14*; рис. 79, *36, 37, 40–42*], из них изготавливались обоймы для ремешков, наконечники для ножен [Там же, рис. 46, *7*] и пр. Наконец, металл и сломанные изделия шли в переплав [Там же, с. 106]. Единственное изделие из медного листа, найденное на пос. Тал I,— коробочка размером 30×27×10–13 мм (рис. 5, *7*). На использование медной посуды указывают обломки двух дуговидных ручек с коваными петлями на концах.

Состав фаунистических остатков поселения Тал I

Composition of faunal remains from Tal I settlement

№ п/п	Вид животного	Яма 1 (уч. Г–Д/2–3, ур. -110 см)	Яма 4 (Е/4, -90 см)	Количество костей и особей (*всего*)
1	Северный олень		4/?	96/8
2	Лось		3/?	77/8
3	Заяц	29/3	1/1	29/4
4	Бобр			32/3
5	Лисица	4/1		10/2
6	Соболь/куница	9/2		9/2
7	Медведь			6/2
8	Белка			12/2
9	Собака			2/1
10	Млекопитающие (неопр.)		2/?	186/?
11	Рябчик	3/?		3/?
12	Дневной хищник			1/?
13	Птица (неопр.)			6/?
14	Щука	78/?		84/?
15	Карповые			8/?
Итого		123/6	10/1	561/32

Изделия из кости и рога (3 экз.). Орудие из расколотой трубчатой кости крупного млекопитающего. На одной из сторон видны следы пиления, торцевые края обработаны строганием и пилением. Длина изделия 102 мм, ширина 56 мм. Возможно, это мотыжка для рыхления земли

[2] Неопубликованные материалы раскопок 1997 г. В.М. Морозова.

(рис. 5, *10*). Она могла быть связана с обоими изученными жилищами. Наконечник стрелы (?) из кости крупного млекопитающего со следами строгания на боковых кромках. Длина изделия 98 мм, ширина до 21 мм. Изделие может относиться ко времени существования обоих жилищ.

Спиленный отросток рога лося с обломанным острием длиной 32 мм, размер в сечении 20×16 мм, имеет следы низкотемпературного обжига (~300 С°). Судя по глубине залегания находки (-108 см), связан с жилищем 1.

Фаунистические остатки (табл.) сохранились вполне удовлетворительно благодаря суглинку, содержащемуся в культурном слое.

Коллекция включает кости млекопитающих, птиц и рыб (561 экз.). Треть находок — неопределимые кости млекопитающих. Обращает на себя внимание полное отсутствие костей домашних животных, за исключением собаки. Эти данные контрастируют с материалами городка Эмдер XII–XVI вв., в слоях которого при доминировании останков диких животных (лось, олень, бобр, заяц, соболь/куница) были зафиксированы лошадь, единично овца, свинья и много собак [Косинцев, 2001, с. 257, табл. 1]. Причем последние использовались обычно в культовой практике [Зыков, Кокшаров, 2012, с. 111]. Исходя из заполнения ямы 1 жилища 1, где преобладают кости пушных зверей, можно сделать вывод о промысловых предпочтениях его обитателей. Оптимальное время охоты — осень (предзимье), когда летний мех сменяется на зимний. Если говорить о рыбной ловле, то речь может идти о так называемом запорном промысле [Sirelius, 1906], очень эффективном при понижении воды. Это происходит в конкретной части Приобья в конце июля — начале августа. Лов велся до начала зимнего «замора», когда при недостатке кислорода рыба гибнет. Реки Тал и Емъеган питаются болотными водами левобережья Нижней Оби и подвержены этому природному явлению в отличие от «незаморной» р. Ендырь, стекающей со склонов Северососьвинской возвышенности.

Заключение

Знакомство с топографией и материалами пос. Тал I оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, оно воспринимается как сезонная стоянка, посещавшаяся во время промыслов. Например, осенью, когда резко снижалось количество гнуса, падал уровень воды в р. Емъеган и сюда устремлялась рыба из Оби, что привлекало водоплавающих птиц. Осень — предзимье оптимальны для охоты не только на пушных зверей, но и на крупных млекопитающих, которые могли отдохнуть от гнуса и накопить достаточное количество жира перед долгой зимой. Изложенное может быть справедливо по отношению к переходному времени от бронзы к железу и раннему железному веку, с которыми связаны редкие находки керамики.

С другой стороны, ситуация меняется с кинтусовского этапа Средневековья, когда поселение функционировало круглогодично. Свидетельство тому — выразительные культурные слои с остатками жилищ, представительность вещевого материала и кости животных. Вывод подкрепляют обмазка и шлаки, оставшиеся от сыродутных печей. Известно, что варка железа — сложный технологический процесс, требующий соответствующих навыков, достаточного времени и трудозатрат. Получается, что мастера-кричники работали не только в пределах средневековых городков, но и за их пределами, в неукрепленных поселках.

Судя по находкам и стратиграфии, пос. Тал I было синхронно сооружениям крепости Эмдер, выявленным во 2 и 7 с.г. кинтусовского и сайгатинского этапов Средневековья (конец XI — XIV в.) [3]. Однако социальный статус обитателей поселка и городка Эмдер (между ними ~36 км по прямой) был различен. Учитывая компактность Ендырского бассейна, можно утверждать, что пос. Тал I оставлено рядовыми общинниками, или *мыгдат-ях* ‘земляными людьми’, известными по фольклору обских угров [Патканов, 1891, с. 82]. При защите от внешней угрозы они полагались на своих военных вождей, или *урт*-ов (в нашем случае это правители городка Эмдер), потому не возводили никаких укреплений. Компенсация за спокойную жизнь проявлялась в добровольных подношениях (поминках) вождям или выплате ясака (пушнина), караульной службе, участии в военных походах или строительно-хозяйственных работах. Детали таких отношений доносит «Былина про богатырей города Эмдера» и другие героические сказания южных хантов [Патканов, 1891, с. 73–84], а также факты из истории княжества Кода в XVI–XVII вв., сохранившиеся в русских письменных источниках [Бахрушин, 1935, с. 40–62].

[3] Строительные горизонты 8 и 9 городка Эмдер исключены по той причине, что в них обнаружены печи-каменки и чувалы [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 36, 41–52, рис. 17, 19–24], которые отсутствуют на публикуемом памятнике.

Как следует из «Былины…», по зову вождей обитатели р. Ендырь отправлялись за сотни километров от родных мест, например на р. Конду, где сражались с местными богатырями [Patkanov, 1900, с. 10–17]. С другой стороны, они не всегда могли дать отпор превосходящим в силе врагам. Вероятно, что не только с лесными пожарами, но и с вражескими набегами связаны угли и прокалы в 3 и 8 с.г. городка Эмдер и слоях пос. Тал I. Такое событие действительно произошло до конца XVI в., когда воинственные Алачевы завоевали Емдырскую волость [Бахрушин, 1935, с. 41]. Так исчезло небольшое по сибирским меркам княжество с центром в городке Эмдер [Зыков, Кокшаров, 2000, с. 34; 2001, с. 203; 2012, с. 108]. Крепость была разрушена и запустела, а ее правители, воспетые когда-то в «Былине…», исчезли. «Земляные люди», проживавшие в бассейне Ендыря, уцелевшие после набега, стали платить ясак победителям, князьям Алачевым. По данным переписи 1631 г., приводимым С.В. Бахрушиным, в Емдырской волости было учтено 63 ясачных человека, что значительно превышало число плательщиков дани с других территорий, подвластных Коде [1935, с. 45].

Изучение всего спектра археологических памятников рыболовов и охотников тайги позволит лучше понять такой исторический феномен, как средневековые остяко-вогульские «княжества», которые сейчас правильнее рассматривать как один из вариантов военных вождеств [Кокшаров, 2006, с. 142; Мартынова, 2023]. Учитывая, что у таежных угров сложилось высокоэффективное присваивающее хозяйство, ориентированное на получение избытков пищевых ресурсов [Шнирельман, 1988, с. 5–139], наряду с раскопками городищ (крепостей) одной из приоритетных задач должно стать изучение памятников, связанных с рыболовством, охотой и ремеслами. Эта экономическая основа обеспечила эффективное функционирование интересующих нас объединений. Недооценка потенциала сибирских аборигенов, объединенных таежными вождями/«кня-зьями», приводила к трагическому финалу некоторых военных кампаний, известных по источникам средневековой истории России: поход дружины воеводы Ядрея зимой 1193–1194 гг. [ПСРЛ, т. 3, с. 21], отряда князя В. Шенкурского и М. Яковля в 1446 г. [ПСРЛ, т. 4, с. 123–125].

Благодарности. Авторы благодарны А.А. Погодину (заместитель директора ООО «АВКОМ-Наследие») за помощь в проведении раскопок пос. Тал I и обработку каменного инвентаря памятника, а также к.б.н. П.А. Косинцеву и А.Е. Некрасову (Институт экологии растений и животных УрО РАН) за обработку фаунистической коллекции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексашенко Н.А., Морозов В.М., Кокшаров С.Ф. Низямы VIII — поселение бронзового века в Нижнем Приобье // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 99–118.

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1935. 92 с.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков: (Гамаюнская культура). Екатеринбург: Урал. ун-т, 1991. 189 с.

Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Том. ун-т, 1970. С. 255–270.

Викторова В.Д. Юдинское городище, юдинская культура // Уральская историческая энциклопедия / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН: Екатеринбург, 1998. С. 607–608.

Зыков А.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Северная Троя: От легенды до точки на карте // Родина. 2000. № 5. С. 30–35.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Поселенческо-погребальный комплекс конца XV–XVI вв. из Нижнего Приобья // РА. 2002. № 2. С. 67–80.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Итоги изучения Эмдера в 2001 г. // ХМАО в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Том. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 110–136.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Легенды и были городка Эмдер: К 20-летию археологического открытия памятника // Вестник УрО РАН: Наука. Общество. Человек. 2012. № 4 (42). С. 108–115.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 158 с.

Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибир — городище Искер: (Историко-археологическое исследование). М.: Наука — Восточная литература, 2017. 559 с.

Зыков А.П., Пархимович С.Г. Изделия из железа и стали городища Перегребное I // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. С. 152–160. (ВАУ; № 19).

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III−IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Кардаш О.В., Слесаренко И.В., Родин С.О. Священная Кедровая Роща: Формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках // ХМАО в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут: Ин-т археологии Севера, 2021. Вып. 19. 170 с.

Кокшаров С.Ф. К 70-летию выхода книг С.В. Бахрушина и В.Н. Чернецова // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 2: Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: История организации и научное наследие: Материалы междунар. симп. Екатеринбург: Волот, 2006. С. 129–147.

Кокшаров С.Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 48 с.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Косинцев П.А. Домашние и дикие млекопитающие из раскопок городка Эмдер. Приложение 3 // Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 248–264.

Мартынова Е.П. Княжества и князья обских угров через призму политогенеза // Тульский научный вестник. Сер. История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 73–86. https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-73-86

Морозов В.М., Панина С.Н. Городище Янычково: (Предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 76–91.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР).

Мошинская В.И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 180–184.

Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. III. С. 85–116.

Приступа О.И. Средневековая глиняная пластика в коллекциях Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2008. 92 с.

Погодин А.А. Поселение Большая Умытья 9: Результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Том. ун-т, 2010. Вып. 8. С. 146–183.

Погодин А.А., Труфанов А.Я. Памятник лозьвинской культуры на поселении Большая Умытья 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Урал. рабочий, 2017. С. 59–87. (Материалы и исследования по истории Север-Западной Сибири; Вып. VI).

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.

Терехова Л.М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Урал. ун-т, 1986. С. 114–123. (Вопросы археологии Урала; № 18).

Терехова Л.М., Широков В.Н. Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Урал. ун-т, 1986. С. 131–138 (Вопросы археологии Урала; Вып. 18).

Федорова Н.В. Эпоха железа // История Ямала: В 2 т. Т. I: Ямал традиционный. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 60–88.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1991. Вып. 20. С. 126–145.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. 1957. № 58. С. 136–245.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Том. ун-т, 1984. 256 с.

Шнирельман В.А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества: Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988. С. 5–139.

Patkanov S. Die Irtysh-Ostjaken und ihre Volkspoesie. Teil II. St. Petersburg, 1900.

Sirelius U.T. Über die Sperrfisherei bei den finnish-urgischen Völkern. Eine vergleichende ethnographische Untersuchung. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1906. S. 1–111.

ИСТОЧНИКИ

Кокшаров С.Ф. Отчет об археологических исследованиях, проведенных на территории Ханты-Мансийского автономного округа в 1992 г. Екатеринбург, 1993 // Архив ИА РАН. Р-1. № 17226.

Кокшаров С.Ф. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Октябрьском районе Тюменской области в 1993 г. Екатеринбург, 1994 // Архив ИА РАН. Р-1. № 18258.

ПСРЛ. Т. 3: IV Новгородские летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1841. 308 с.

ПСРЛ. Т. 4: IV, V Новгородская и псковская летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. 363 с.

Koksharov S.F. [a, *], Zykov A.P. [a], Yakovleva E.A. [b]

[a] Institute History and Archaeology Ural Branch of RAS, S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation
[b] Ural Federal University, Turgeneva st., 4, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation
E-mail: serg.koksharov@mail.ru (Koksharov S.F.); a.p.zykov@mail.ru (Zykov A.P.);
yakovleva-evfimiya@mail.ru (Yakovleva E.A)

Tal I — an archaeological site of the medieval principality of Emder

The paper reports on the materials of the settlement of Tal I located on the Endyr River, left tributary of the Ob River. Remains of two medieval dwellings, which appeared at different times, have been discovered at the settlement, and also data have been obtained on episodical visits to this place in the Early Iron Age. The burned-out dwellings overlapped each other but they had common features: they were lit and heated by open hearths, whilst the bases of the walls were strengthened with split blocks, of which the grooves have preserved along the perimeter of the pits. The main collection of finds is associated with the early dwelling, which dates to the Kintus stage of the Middle Ages (late 11th — 12th c.). To this time belongs the pottery of the Kintus period (Rachyevo type), cult ceramic piece of plastic arts, crucibles and smelting ladles for working with non-ferrous metals, some items made of iron and non-ferrous metals, animal bones, and other artefacts. To the Medieval period also belong iron slags and clay coating of bloomery furnaces, indicating work of loop-blacksmiths. Therefore, there is no basis for classifying the studied settlement as one of seasonal hunting-fishing sites. The settlement of Tal I was incorporated in a medieval principality (chiefdom) with the centre in the town of Emder (Western Siberia, Lower Ob River basin). From the written sources, it is known that it lost its independence by the end of the 16th century, before the territory was annexed by the Muscovite state, becoming part of the Koda principality as the tributary Emdyrskaya Volost.

Keywords: Tal I settlement, Emder town, principality, chiefdom, the Middle Age, North of the Western Siberia.

Acknowledgments. The authors thank A.A. Pogodin (Deputy Director LLC “AVKOM-Nasledie”) for his help in fieldwork 1993 and for processing the collection stone, and also thank Candidate of biological Sciences P.A. Kosintsev and A.E. Nekrasov (Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of RAS) for processing the collections of animals, birds, fish bones.

REFERENCES

Aleksashenko, N.A., Koksharov, S.F., Morozov, V.M. (2017). Nizyamy VIII — settlement of the Bronze Age in Low Ob` river basin. *Vestnik ugrovedeniya*, 30(3), 99–118. (Rus.).

Bakhrushin, S.V. (1935). *Ostyak and Vogul principalities in the 16th–17th centuries*. Leningrad: Institut narodov Severa. (Rus.).

Borzunov, V.A. (1992). *Trans-Ural region at the turn of the Bronze and Iron Ages: (Gamayun culture)*. Yekaterinburg: Ural university. (Rus.).

Chemyakin, Yu.P. (2008). *The Barsova Gora: Essays of the Archaeology of the Surgut Ob` river basin. Past times*. Surgut; Omsk: Omskij dom pechati. (Rus.).

Chemyakin, Yu.P., Karacharov K.G. (2002). The Surgut Ob` river basin in the Past times. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol`zovaniya khantov: (Materialy k atlasu)*. Yekaterinburg: Tezis, 5–74. (Rus.).

Chernetsov, V.N. (1957). The Low Ob` river basin in the 1st millennium A.D. *Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR*, (58), 136–245. (Rus.).

Chindina, L.A. (1984). *The History of the Middle Ob` river basin in the Iron Age*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).

Fedorova, N.V. (2010). The Iron Age. In: *Istoriya Yamala: V 2 tomah. Tom I: Yamal tradicionnyi*. Yekaterinburg: Basko, 60–88. (Rus.).

Fedorova, N.V., Zykov, A.P., Morozov, V.M., Terekhova, L.M. (1991). Surgut Ob` river basin in the Middle Ages. *Urals archaeological issues*, (20), 126–145. (Rus.).

Kardash, O.V., Slesarenko, I.V., Rodin, S.O. (2021). Sacred Cedar Grove: The formation and development of the religion of the Salym Khanty in the 6th–20th centuries. *Khanty-Mansiyskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, (19). (Rus.).

Koksharov, S.F. (2006). To the 70th anniversary of the publication of books by Sergei V. Bakhrushin and Valerii N. Chernetsov. In: *Tri stoletiya akademicheskikh issledovanii Ugry: ot Millera do Shteinitsa. Chast’ 2: Akademicheskie issledovaniyana Severo-Zapada Sibiri v XVIII veke: istoriya organizatsii i nauchnoe nasledie: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Yekaterinburg: Volot, 129–147. (Rus.).

Kolchin, B.A. (1982). Chronology of Novgorod antiquities. In: *Novgorodskij sbornik: 50 let raskopok Novgoroda*. Moscow: Nauka, 156–177. (Rus.).

Kosincev, P.A. (2001). Domestic and wild mammals from the excavations of the Emder town. Appl. 3. In: Zykov A.P., Koksharov S.F. *Drevnii Emder.* Yekaterinburg: Volot, 248–264. (Rus.).

Martynova, E.P. (2023). Principalities and princes of the Ob Ugrians through the prism of politogenesis. *Tul'skij nauchnyj vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie*, 16(4), 73–86. (Rus.). https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-73-86

Mogil`nikov, V.A. (1987). The Ugrians and Samoyeds of the Western Siberia. In: *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov`ya*. Moscow: Nauka, 163–235. (Rus.).

* Corresponding author.

Morozov, V.M., Panina, S.N. (1997). Yanychkovo fort: (Preliminary research results). In: *Okhrannye archaeologicheskie issledovaniya na Srednem Urale*, (1), 76–91. (Rus.).

Moshinskaya, V.I. (1959). About one group of clay anthropomorphic images from the Western Siberia. *Kratkie soobsheniya Instituta istorii materialnoi kul`tury*, (75), 180–184. (Rus.).

Patkanov, S., (1891). The medieval life of the Ostyaks and their heroes, according to epics and legends. *Zhivaya starina*, (III), 85–116. (Rus.).

Patkanov, S. (1900). *Die Irtysh-Ostjaken und ihre Volkspoesie. Teil II*. St. Petersburg.

Pogodin, A.A. (2010). Bol`shaya Umyt`ya 9 settlement: The field research results in the Sovetski district of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra. *Khanty-Mansiyskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, (8), 146–183. (Russ.).

Pogodin, A.A., Trufanov, A.Ya. (2017). A site of the Loz`va culture on the Bol`shaya Umyt`ya 100 settlement. In: A.Ya. Trufanov (Ed.). *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoj Sibiri (Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoj Sibiri, vypusk VI)*. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Ural'skij rabochii, 59–87. (Rus.).

Pristupa, O.I. (2008). *Medieval clay sculpture in the collections of the Museum of Nature and Man*. Khanty-Mansiysk; Yekaterinburg: Basko. (Rus.).

Semyonova, V.I. (2001). *Medieval burials of the Yugansk Ob` river area*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Shnirelman, V.A. (1988). The production prerequisites for the destruction of the primitive society. In: *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha klassoobrazovaniya*. Moscow: Nauka, 1988, 5–139 (Rus.).

Sirelius, U.T. (1906). *Über die Sperrfisherei bei den finnish-urgischen Völkern. Eine vergleichende ethnographische Untersuchung*. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne.

Terekhova, L.M. (1986). Archaeological complex Rachevo. In: *Problemy uralo-sibirskoj arkheologii*. Sverdlovsk: Ural university, 114–123. (Rus.).

Terekhova, L.M., Shirokov, V.N. (1986). Clay cult sculpture of the Rachevo archaeological complex. In: *Problemy uralo-sibirskoi arkheologii.* Sverdlovsk: Ural university, 131–138. (Rus.).

Viktorova, V.D. (1970). The Sequences of Development of the figured-stamped Ornamentation on the Vessels from the Tavda River Basin. *Problemy khronologii i kul`turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomskii universitet, 255–270. (Rus.).

Viktorova, V.D. (1998). Yudino fort, Yudino culture. In: *Ural`skaya istoricheskaya entsiklopediya*. Yekaterinburg: UrO RAN: “Yekaterinburg”, 607–608. (Rus.).

Zykov, A.P. (2012). *Barsova Gora: Essays of the Archaeology Surgut Ob River basin. The Middle Ages and New time*. Yekaterinburg: Ural`skii rabochii. (Rus.).

Zykov, A.P., Fedorova, N.V. (2001). *Kholmogory treasure: Collection antiquities of the 3rd–4th centuries from the fonds Surgut Art Museum*. Yekaterinburg: Sokrat. (Rus.).

Zykov A.P., Koksharov, S.F. (2000). Northern Troy: From the legends to the point on the map. *Rodina*, (5), 30–35. (Rus.).

Zykov, A.P., Koksharov, S.F. (2001). *Ancient Emder*. Yekaterinburg: Volot. (Rus.).

Zykov, A.P., Koksharov, S.F. (2002). Archaeological complex (fortress and cemetery) 15th–16th centuries in the Low Ob River basin. *Russian Archaeology*, (2), 67–80. (Rus.).

Zykov, A.P., Koksharov, S.F. (2003). Results of the Emder fortress study in 2001. *Khanty-Mansiyskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, (1), 110–136. (Rus.).

Zykov A.P., Koksharov, S.F. (2012). Legends and facts of Emder fortress: To the 20st anniversary of the archaeological discovery of epic town Emder. *Vestnik Ural`skogo otdeleniya RAN: Nauka. Obshestvo. Chelovek*, 42(4), 108–115. (Rus.).

Zykov, A.P., Kosincev, P.A., Trepavlov, V.V. (2017). *Sibir town — fort Isker: (Historical and archaeological research*. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura. (Rus.).

Zykov, A.P., Parhimovich, S.G. (1988). Iron and steel products from the Peregrebnoe I fort. In: *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoj Sibiri*. Sverdlovsk: Ural'skij universitet, 152–160. (Rus.).

Koksharov S.F., https://orcid.org/0000-0001-5948-1732
Zykov A.P., https://orcid.org/0000-0002-5767-3295
Yakovleva E.A., https://orcid.org/0000-0003-0823-2992

Сведения об авторах:

Кокшаров Сергей Федорович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Зыков Алексей Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Яковлева Евфимия Алексеевна, лаборант кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург.

About the authors:

Koksharov, S.F., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology Ural Branch of, RAS, Yekaterinburg.

Zykov, A.P., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg.

Yakovleva, E.A., Assistant, the Department of Archaeology and Ethnology, Ural Federal University, Yekaterinburg.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-9

УДК 902.2

Рогожинский А.Е., Калдыбаева Г.А. *

Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК
просп. Достык, 44, Алматы, 050010, Республика Казахстан
E-mail: alexeyro@hotmail.com (Рогожинский А.Е.); odd_story@mail.ru (Калдыбаева Г.А.)

О ГРАНИЦАХ «ЖЕТЫСУ» И «СЕМИРЕЧЬЯ» В НАУЧНЫХ ТРУДАХ, КАЗАХСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Подводятся итоги изучения макротопонимов «Жетысу» и «Семиречье» (Юго-Восточный Казахстан), широко использующихся в археологической науке и востоковедении со второй половины XIX в. до современности. Термин «Жетысу» возник раньше лингвистической кальки «Семиречье» и зафиксирован в конце XVIII — начале XIX в. на севере и юго-востоке Казахстана, где первоначально обозначал труднопроходимые участки караванных дорог, по которым осуществлялась международная торговля России со Средней Азией и Китаем. Топоним «Семиречье» появился около 1825 г. как географическое название края сначала в пределах Южного Прибалхашья, а после образования Семиреченской области (1867 г.) — в ее административно-территориальных границах. В последнем значении топоним применялся в научной литературе до 1930-х гг., когда А.Н. Бернштам, прервав историографическую традицию, ошибочно ввел в оборот «расширенное» значение «Семиречья», включающее Чу-Таласское междуречье. В казахском фольклоре топоним «Жетысу» отмечается не ранее последней трети XIX в., как калька «Семиречья», после возникновения Семиреченской области, однако точного общепринятого территориального значения не имел, поэтому синонимичная замена им топонима «Семиречье» является некорректной. Нынешняя административная область Жетысу составляет часть Семиречья, т.е. Юго-Восточного Казахстана, включая только территорию к северу от р. Или.

Ключевые слова: историческая география, топонимика, историография, Жетысу, Семиречье, Юго-Восточный Казахстан, казахский фольклор.

Ссылка на публикацию: Рогожинский А.Е., Калдыбаева Г.А. О границах «Жетысу» и «Семиречья» в научных трудах, казахском фольклоре и художественной литературе // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 106–115. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-9

Введение

В научной литературе, исторической публицистике Центральной Азии существует группа макротопонимов, географическое значение которых устойчиво сохранялось в историографии или неоднократно менялось по прошествии времени. Пример недавнего рассмотрения макротопонима «Туркестан» показывает, как динамично может меняться значение имени страны и как важно понимать, к какой исторической эпохе относится его употребление [Джандосова, 2014]. Историко-филологический анализ значения топонима «Сарыарка» [Семби, 2014b], напротив, свидетельствует о прочной долговременной связи имени с географическим пространством Центрального Казахстана. Совсем иначе представляется судьба «Жетысу» и «Семиречья», в которой изначально не было ни сходства смысловых значений, ни тождества географических границ, что обусловило весь ход последующей трансформации семантики и пространственного определения билингвичного названия. Отсутствие ясности в понимании изначального значения термина «Жетысу» побуждало к поиску области «семи рек», отталкиваясь от будто бы очевидной семантики казахского топонима, что привело к неоднократному пересмотру территориальных пределов «Семиречья» в трудах российских и советских востоковедов и археологов XIX–XX вв. Расплывчатость историко-географического содержания термина «Семиречье» усугубляется в наши дни появлением новых произвольных трактовок (напр., «chinesische Teil des Siebenstromlandes», «ehemals sowjetische Teil des Siebenstromlandes») [Stark, 2008, с. 132–133], которые еще более запутывают вопрос о подразумеваемой территории региона и корректном применении топонимов «Жетысу» и «Семиречье».

Следует сказать, что противоречивость трактовок границ «Семиречья» отмечалась уже дореволюционными авторами [Влангали, 1853; Бартольд, 1963, с. 320], а затем советскими учеными [Пищулина, 1977, с. 4; Петров, 1980, с. 160–162], при этом все они предлагали новое гео-

* Corresponding author.

графическое определение. Были попытки установить границы области «Жетысу», отказавшись от географической этимологии термина и связав его происхождение с экзоэтнонимом «джете», применявшимся к кочевникам Моголистана в XIV–XV вв. [Петров, 1980, с. 159–160; Уали, Алиев, 2012], однако эта гипотеза не нашла поддержки у филологов [Семби, 2014а]. Лишь недавно стали доступны новые письменные источники, которые позволили окончательно выяснить происхождение, первоначальный смысл тюркского «Жетысу» и его онимической русской кальки «Семиречье» [Рогожинский, 2019], а затем проследить хронологию трансформации их значений с конца XVIII в. до наших дней [Рогожинский, 2021]. В данной статье мы расширяем круг источников, чтобы на материалах казахского фольклора и литературы XIX — начала XX в. верифицировать основные положения предыдущего исследования.

Результаты

Итоги специального изучения темы происхождения и использования топонимических названий «Жетысу» и «Семиречье» в кратком изложении сводятся к следующему (рис. 1).

1. Впервые название местности «Жетысу», расположенной к юго-востоку от оз. Балхаш, зафиксировано капитаном И.Г. Андреевым (1744–1824) и трижды встречается в его рукописи «Описание Средней орды киргиз-кайсаков» [Андреев, 1998, с. 77–81]. Перечень семи рек, подразумевавшихся под «Жетысу», представлен в путевых заметках служащих омской губернской администрации Бубеннова (1813 г.) и Лещева (1821 г.), следовавших в составе купеческих караванов из Семипалатинска в долину Или и в Кашгар к открытым для международной торговли с Китаем пограничным городам. Оба автора свидетельствуют, что местность «Семь рек» — это отрезок караванной дороги, на котором участникам торгового предприятия необходимо преодолеть вброд семь бурных водных потоков, стекающих со склонов Джунгарского (Жетысуского) Алатау на равнину Южного Прибалхашья: Лепсы, Баскан, Саркан, Аксу, Буйен, Каратал и Коксу [Жанаев, 2012, с. 121–133, 357–431]. Источники характеризуют этот участок международной торговой дороги как наиболее сложный для движения караванов: «На каждой реке нужно будет верблюдов разгружать, делать плоты… и товар переправлять на плотах, а верблюдов и баранов вплавь» [Косицын, 1878, с. 12]. «Караваны, следующие из Средней Азии, рассчитывают, что между Балхашем и Алатау им надобно перейти в брод семь рек, которые во время таяния снегов в горах обращаются в стремительные потоки, опасные для переправы. Такая характеристическая особенность маршрута по стране и заставила среднеазиатских купцов отличить эту часть степей типическим именем Семиречья» [Гейнс, 1897, с. 427–428].

2. В сходном смысловом значении топоним «Жетысу» был также известен в начале XIX в. в северной части Казахской степи — на отрезке караванного маршрута, связывавшего сибирские города с Ташкентом и Бухарой [Рогожинский, 2021, с. 163–165]. Этот путь пролегал от укреплений Горькой линии вдоль водораздела Тургая и Ишима и между реликтовыми лесными массивами Аманкарагай и Наурзум, где путешественникам приходилось преодолевать семь параллельных широких «ложбин». По свидетельству очевидца, «урочище Джидасу (по переводу *семь вод*)… есть одно из лучших в Киргизской степи» [Жанаев, 2012, с. 262]. В локальной топонимике Северного Казахстана название урочища «Жетысу» не закрепилось и не превратилось в общее название края, как это случилось с одноименной местностью на юго-востоке страны.

3. В последней четверти XVIII — первой половине XIX в. термин «Жетысу» являлся узкоспециальным, близким по значению к понятиям «броды», «переправы» на караванном пути, родившимся и получившим распространение в тюркоязычной среде, связанной с международной транзитной торговлей России со Средней Азией и Китаем, котрая осуществлялась через горные районы Джунгарского Алатау вдоль западных границ Цинского Китая. Организаторами, участниками коммерческих предприятий выступали среднеазиатские мусульманские торговцы, а затем и татарские купцы российского подданства из Западной Сибири и Поволжья, поскольку вплоть до подписания в 1851 г. Кульджинского торгового трактата действовал односторонний запрет русским купцам торговать в Синьцзяне. Новые караванные маршруты пролегали по бывшим джунгарским землям, активно заселявшимся в тот период казахскими племенами Старшего и Среднего жузов. Некоторые дальновидные правители казахов, такие как султан Суюк Аблайханов, номинально принявший подданство России в 1819 г. [Рогожинский, 2019, с. 19–20], находили выгоду в покровительстве этой торговле, обеспечивая охрану и сопровождение караванов. Российские товары доставлялись из городов Иртышской линии в Чугучак и Кульджу «не иначе, как от имени киргизских султанов» [Корсак, 1857, с. 415, 420–425], а «купцы проникали в Китай под видом приказчиков киргизских султанов» [Валиханов, 1985, с. 258].

4. Нет достоверных данных о применении термина «Жетысу» в топонимическом значении казахами, расселявшимися в Южном Прибалхашье во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Ни в одном из опубликованных писем казахских ханов и султанов «Жетысу» не встречается, хотя в эпистолярном наследии правителей казахов Старшего и Среднего жузов, имевших свои резиденции в районе «семи рек», фигурируют названия Каратала, Коксу и Лепсы [Ерофеева, 2014, с. 301, 427; Казахско-русские отношения…, 1961, с. 607, 614; 1964, с. 253, 262–263]. В научных трудах и письмах Ч.Ч. Валиханова также не встречается термин «Жетысу»; для обозначения края в них используется исключительно русское название — «Семиречье» [Рогожинский, 2019, с. 23].

5. На исходе первой четверти XIX в. в русских источниках взамен известного, но малопонятного иноязычного термина «Жетысу» появляется его калька, имеющая топонимическое смысловое значение — как название некоего урочища «Семь рек», «Семь-рек», «Семирек» и «Семиречье», «Семиреченский край». По мере распространения российского суверенитета на юг происходило расширение географического содержания топонима «Семиречье», в то время как история возникновения термина забывалась и переосмысливалась. Этому способствовало возникновение в новоприобретенном крае военно-административных поселений Капал (1847 г.), Заилийское (1854 г., с 1855 г. — Верное) и развернувшееся строительство дорог, паромных переправ и мостов через Лепсы, Аксу, Каратал и Коксу [Венюков, 1873, с. 250], при этом новая сеть коммуникаций уже не совпадала со старыми караванными тропами. С началом естественнонаучного изучения края в 1850-х гг. появляются первые географические интерпретации «Семиречья» как области водосборного бассейна оз. Балхаш, включая р. Или [Влангали, 1853, с. 7; Голубев, 1860, с. 184].

К моменту учреждения в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства под властью России помимо «Семиречья» оказались также Заилийский край (левобережье Или и Северный Тянь-Шань) и Иссык-Кульская котловина с Внутренним Тянь-Шанем (территории современного Кыргызстана). Управление этой обширной территорией осуществлялось из г. Верный (Алматы), который предполагалось переименовать в г. Алматинск, а области присвоить название Алматинская. Однако «при дальнейшем обсуждении вопроса признано более удобным западную область назвать Сыр-Дарьинскою, а восточную Семиреченскою — по названию, усвоенному местным русским населением, края, лежащего к востоку от р. Или» [Леденев, 1909, с. 158–159]. Таким образом, после 1867 г. макротопоним «Семиречье» дополнительно приобрел административное содержание, расширенное до территориальных пределов Семиреченской области: от южных склонов Тарбагатая, Алакольской котловины и северо-восточной части Прибалхашья на севере до верховьев Нарына и Ферганского хребта на юге. Именно в таком расширенном административном значении квазитопоним «Семиречье» применялся в последней трети XIX — начале XX в. российскими востоковедами и естествоиспытателями — В.В. Бартольдом, Н.А. Аристовым, И.В. Мушкетовым, В.Н. Шнитниковым и др. [Бартольд, 1963, с. 320, 511; Аристов, 2001, с. 73, 383; Шнитников, 1930, с. 6]. При этом междуречье Чу и Таласа, составлявшее Аулиеатинский уезд Сырдарьинской области, никем из исследователей территориально не объединялось с Семиречьем, равно как и область верхнего течения р. Или — Кульджинский край, который временно находился под управлением военной администрации Семиреченской области в 1871–1881 гг. [Мушкетов, 1886, с. 211, 213].

6. Вслед за Октябрьской революцией 1917 г. и Гражданской войной произошел ряд переименований и территориальных переделов Семиреченской области. Сначала — ее переименование в Джетысуйскую область (1922–1924 гг.), а после национально-территориального размежевания в 1924 г. земли Прииссыккулья, верхнего течения р. Чу и Центрального Тянь-Шаня вошли в состав Каракиргизской АО (с 1926 г. Киргизская АССР). Остальная часть области вместе с г. Алма-Ата стала ненадолго Джетысуйской губернией Казакской АССР, но уже в 1928 г. переименована в Алматинский округ; вместе с этим исторический макротопоним «Семиречье»/ «Жетысу» надолго исчез с географической карты региона.

7. Отражением политико-административных, этнодемографических перемен середины 1920-х — начала 1930-х гг. явились размывание историко-географического содержания топонима «Семиречье», утрата отчетливых представлений о происхождении названия и связанной с ним территории. Уже в 1930-х гг. в советской науке возникла тенденция к синонимичному употреблению макротопонимов «Семиречье» и «Жетысу» и произвольному расширению территориальных границ исторической области. Новатором выступил А.Н. Бернштам, который посетил Семиречье в 1933 г. и приступил к археологическим разведкам, а затем раскопкам на юге Ка-

захстана и в Кыргызстане. Уже ранние публикации А.Н. Бернштама о результатах исследований нового для него края изобиловали примерами некорректного применения региональной топонимики [Рогожинский, 2019, с. 26]. Вопреки сложившейся со времен В.В. Бартольда и Н.А. Аристова историографической традиции, А.Н. Бернштам без какого-либо обоснования «присоединил» к Семиречью обширную область к западу от р. Чу до Таласской долины, включая юго-восточные склоны хребта Каратау (ср. у В.В. Бартольда: «Семиречье и восточная часть Сыр-Дарьинской области» [1963, с. 114, 259]). «Семиречье» А.Н. Бернштама включало в себя некоторые территории упраздненной Семиреченской (Джетысуйской) области 1867–1924 гг., но и здесь не было ни тождества с территориальным значением макротопонима в дореволюционной историографии, ни ясности в собственном определении природно-исторических границ региона: «Северное Семиречье (к С от параллели южного берега Иссык-Куля)» [Бернштам, 1952, с. 22], «от Семиречья, ограниченного на севере параллелью Южного Балхаша» [Бернштам, 1951, с. 88].

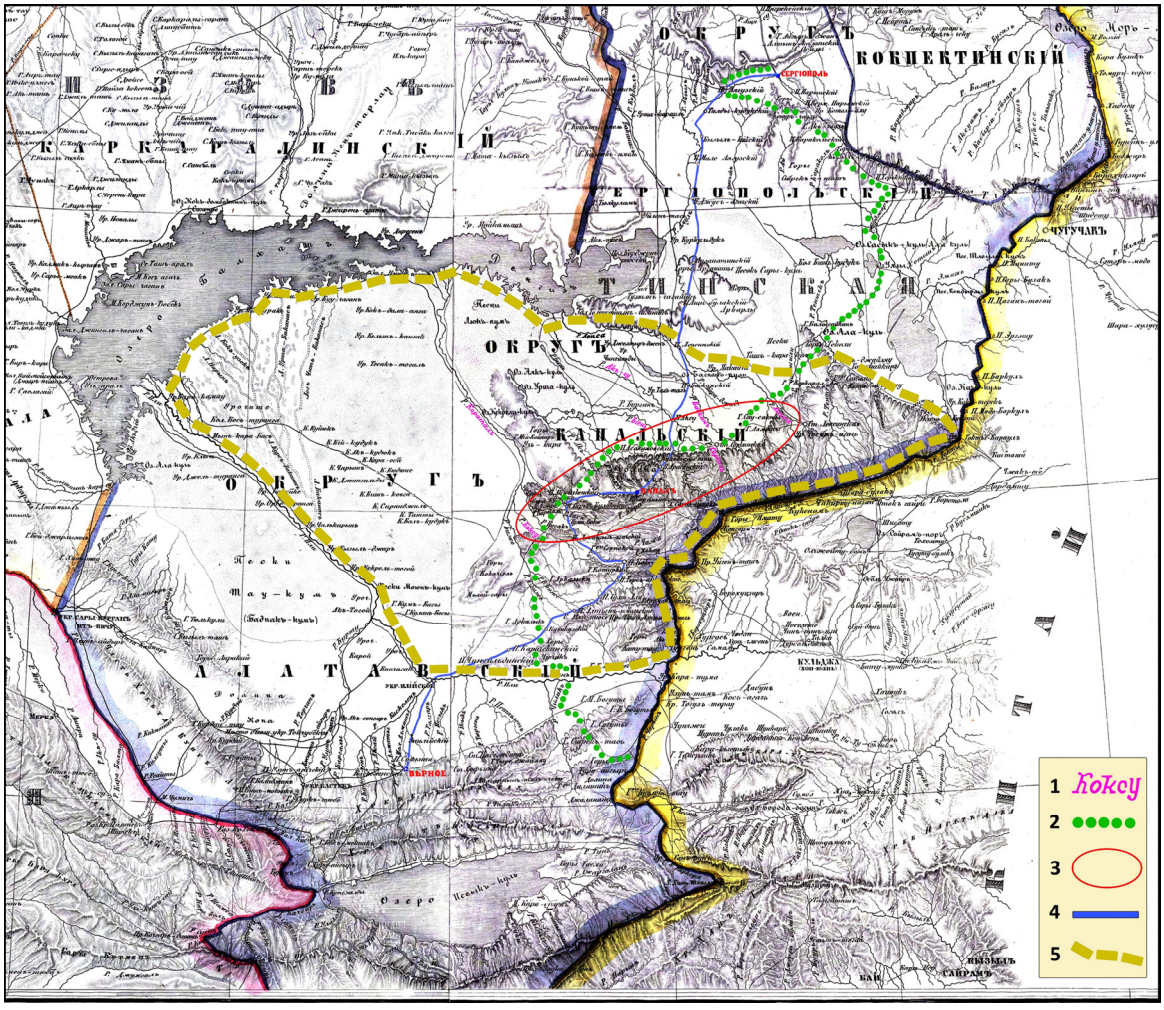


Рис. 1. Границы «Жетысу» / «Семи рек» и Семиречья в конце XVIII — середине XIX в.
Фрагмент «Генеральной карты Западной Сибири с Киргизской степью» 1848 г. (исправлена в 1862 г.).
Источник: http://www.etomesto.ru/kazakhstan/.
Условные обозначения: 1 — названия рек Жетысу / «Семи рек»; 2 — караванный путь через «Семь рек» (Бубеннов, 1813 г.; Лещев, 1821 г.); 3 — область Жетысу / «Семи рек» в конце XVIII — начале XIX в.; 4 — почтовый тракт Сергиополь — Капал — Верное; 5 — границы Семиреченского края в середине XIX в.

Fig. 1. The borders of “Zhetysu” / “Semi rek” and Semirechye in the late 18th — mid 19th century.
Fragment of the “General Map of Western Siberia with the Kirghiz Steppe” 1848 (corrected in 1862).
Source: http://www.etomesto.ru/kazakhstan/.
Symbols: 1 — the names of the Zhetysu rivers / “Semi rek”; 2 — caravan route through the “Semi rek” (Bubennov, 1813; Leschev, 1821); 3 — Zhetysu region / “Semi rek” in the late 18th — early 19th centuries; 4 — postal route Sergiopol — Kapal — Vernoye; 5 — borders of the Semirechye region in the middle of the 19th century.

Рожденное А.Н. Бернштамом в 1930-х гг. «расширенное толкование» макротопонимов «Семиречье» и «Жетысу» вносило путаницу в топонимический лексикон и приводило к смещению пространственных представлений, связанных с ходом исторического процесса: «Семиречье негостеприимно приняло Александра Македонского; 80 пройденных им стадий к востоку от Сыр-дарьи… греки даже не дошли собственно до Семиречья» [Бернштам, 1941, с. 35]; «Собственно Семиречье в культурном отношении распадается в это время на три крупных района — Талас, Чу и Или» [Бернштам, 1997, с. 223–224]. Необоснованная ревизия историко-географического содержания «Семиречья» поначалу не получила поддержки у казахстанских историков [Асфендияров, 1936; Бекмаханов, 1957], но позже нашла последователей среди некоторых авторитетных советских археологов и востоковедов, которым пришлось конкретизировать «расширенное толкование» макротопонима и вводить в оборот уточняющие квазитопонимы: «Западное», «Юго-Западное», «Южное», «Северное», «Северо-Восточное» и даже «Центральное Жетысу/Семиречье» [Сенигова, 1972, с. 13, 68, 88, 89; Пищулина, 1977, с. 4, 15, 37; Байпаков, 1979, с. 7; Жолдасбаев, 2012, с. 23, 75, 113, 137, 151, 162].

Невзирая на справедливую критику, применение термина «Семиречье» с «самым широким толкованием в исторических и археологических исследованиях» продолжается поныне [Петров, 1980, с. 61–62]. При этом в казахстанской историографии и публицистике новейшего времени наблюдается вытеснение термина «Семиречье» синонимичным «Жетысу», однако эти общеизвестные понятия уже не имеют точного территориального определения, общепринятого в научной среде и современном обществе. Примечательно, что археологи и историки Кыргызстана не используют термин «Жетысу», когда речь идет о памятниках или исторических событиях, имеющих территориальную привязку к «Семиречью и Тянь-Шаню» [Иванов, 2009, с. 27, 28, 30; Табалдыев, 2011, с. 27, 41, 51, 66 и далее]. Своеобразным символом противоречивой истории двух макротопонимов служит монумент в центре г. Алматы — фонтан «Семиречье — Жетысу» (архитектор М.К. Сафин, 1970 г.), на граненых стелах которого красуются имена семи рек, якобы давших название краю: Чу, Или, Каратал, Аксу, Лепсы, Тентек, Коксу [Рогожинский, 2021, с. 160–161, рис. 1].

Обсуждение

«Жетысу» в казахском фольклоре и литературе. В этнографическом сочинении 1883 г. Г.Н. Потанин вскользь сообщает: «У киргиз есть представление о какой-то блаженной стране, по которой текут семь рек; не с этих ли представлений они перенесли на Южную Джунгарию имя Семиречье, Джетысу?» [1883, с. 740]. Возможно, народная этимология «Жетысу» была зафиксирована Г.Н. Потаниным во время его службы в Семиреченском крае в 1854–1858 гг., но никаких подробностей в опубликованных работах знаменитого русского этнографа найти не удается. В связи с этим важным источником для определения территориальных границ и смысловых значений макротопонима «Жетысу» в казахской культуре становится устное народное творчество XIX — начала XX в.

Наиболее ранние упоминания «Жетысу» встречаются в произведениях народных поэтов-сказителей Биржана Кожагулулы (1834–1897) и Балуана Шолака (1864–1919). Знаменитый певец-импровизатор Биржан-сал Кожагулулы, уроженец Акмолинской области, был непревзойденным мастером айтыса — поэтического состязания, в котором однажды его оппонентом выступила женщина-акын Сара Тастанбеккызы. Биржан-сал специально приехал в Семиреченскую область в 1871 г., где вблизи г. Капал и состоялся многодневный айтыс. В песенной речи прославленного акына подчеркивалось, что он самолично приехал в Жетысу, где девушки славятся красотой («Қыздары Жетісудың сұлу екен»), но никаких других примет края певец не отметил [Нургалиев, 1991, с. 163–164]. К удивлению, в лирическом песенном наследии Сары Тастанбеккызы (1853–1907), уроженки Жетысу, общее название родного края не встречается [Жолдасбеков, 2014, с. 258].

Певец и композитор, прославленный казахский борец Нурмагамбет Баймырзаулы, прозванный в народе Балуан Шолак, происходил из рода шымыр племени дулат Старшего жуза, который кочевал между р. Чу и горами Хантау у северо-западных границ Семиреченской области, однако большую часть своей жизни Нурмагамбет провел в землях Сарыарки. В названии его песни «Прощание с Жетысу» («Жетісумен қоштасу», 1884 г.) содержится общее наименование края, а в перечне народной топонимики фигурируют только оронимы страны «уйсынского народа» (Старшего жуза) — «Уш Алматы» (трехречье Большой, Малой Алматы и Каскелена), р. Талгар и горы «Уйсынский Алатау», т.е. Заилийский Алатау [Хабдина, 2014, с. 85–86]. В понимании певца, судя по списку племен, «Жетысу» — это земля, населенная «уйсынами» – дулат, шапырашты, ысты, сарыуйсын, албан и суан, которые занимали в ту пору левобережье р. Или и Чу-Илийское междуречье.

Жамбыл (Джамбул) Жабайулы (1846–1945) — самый известный казахский советский поэт и мастер айтыса происходил из племени шапырашты Старшего жуза; будущий акын родился близ гор Джамбул — крайнего северного отрога Чу-Илийских гор, и вся творческая жизнь народного певца связана с Заилийским краем Семиречья. В дореволюционной эпической поэме «Суранши батыр» Жамбыл рисует образ Жетысу как горной страны, перечисляя с запада на восток названия высокогорных урочищ и вершин Заилийского Алатау — от Кордая, Суыктобе, Дегереса и Козыбасы до Тургена, Асы и пика Хан-Тенгри (Хантанир) [Жабаев, 1938], никак не связывая эти природные достопримечательности края с потамонимическим значением его названия. В стихотворном наследии Кенена Азербаева (1884–1976), ученика и последователя Жамбыла, «Жетысу» предстает и как горный край, раскинувшийся у подножья Алатау («Алатау», 1959 г.; «Мои лета», 1964 г.), и как обширная страна, где «реки все бегут в Балхаш» («Впервые в самолете», 1937 г.), сближаясь с географической трактовкой русского макротопонима «Семиречье» второй половины XIX в. [Азербаев, 2017, с. 45, 98, 122, 141]. География края противоречиво предстает в произведении «Зарисовки Жетысу» («Жетiсу суреттерi», 1925 г.) другого известного казахского поэта, Ильяса Джансугурова (1894–1938), детство и юность которого прошли в предгорьях Джунгарского Алатау: «Шесть рек Жетысу впадают в Балхаш», в числе которых называются только пять — Куркулдек, Коксу, Лепсы, Или и река Чу [Жансугуров, 1925], которая к бассейну Балхаша не относится, но являлась западной административной границей Семиреченской области и Джетысуйской губернии в 1924–1928 гг.

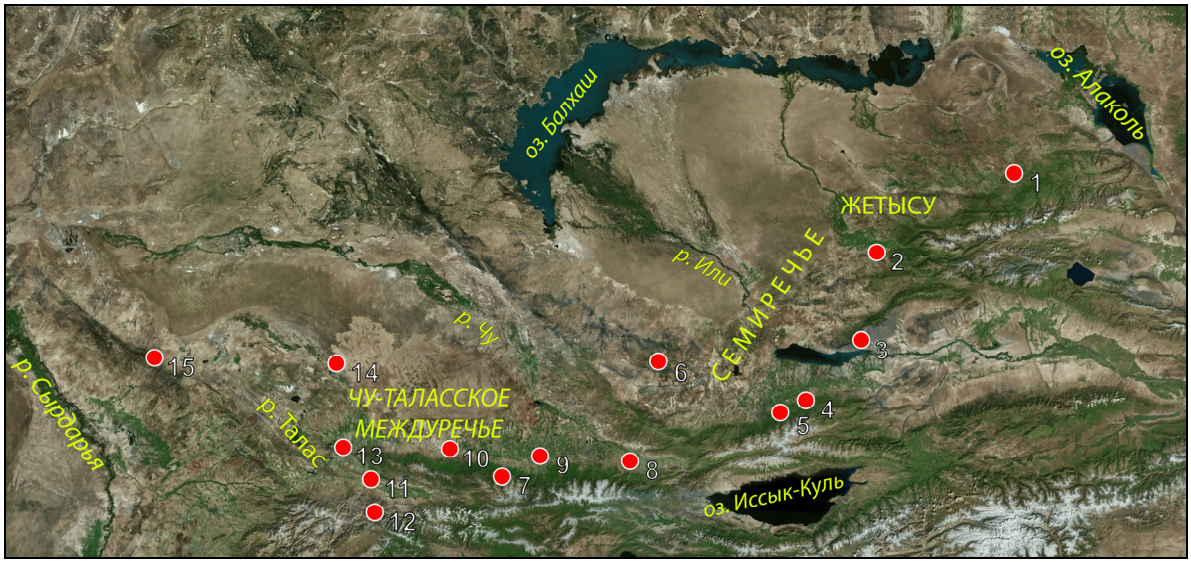


Рис. 2. Карта-схема локализации памятников на территории Жетысу, Семиречья и Чу-Таласского междуречья:
1 — Каялык, 2 — Ешкиолмес, 3 — Бесшатыр, 4 — Иссык, 5 — Талгар, 6 — Тамгалы, 7 — «святилище» Мерке, 8 — Акбешим, 9 — Аспара, 10 — Кулан, 11 — Садыр-Курган, 12 — Жалтыракташ, 13 — Тараз, 14 — Шаруашылык, 15 — Арпаозен.
Fig. 2. Map-scheme of sites localization on the territory of Zhetysu, Semirechye and Chu-Talas interfluve:
1 — Kayalyk, 2 — Eshkiolmes, 3 — Besshatyr, 4 — Issyk, 5 — Talgar, 6 — Tamgaly, 7 — “sanctuary” Merke, 8 — Akbeshim, 9 — Aspara, 10 — Kulan, 11 — Sadyr-Kurgan, 12 — Zhaltyraktash, 13 — Taraz, 14 — Sharuashylyk, 15 — Arpaozen.

Таким образом, рассмотренные фольклорные и литературные источники фиксируют появление в казахской народной культуре макротопонима «Жетысу» не ранее последней трети XIX в., то есть после образования Семиреченской области в 1867 г. Поэтами дореволюционной поры и начала советского периода по-разному трактуются природные границы «Жетысу», лишь отчасти совпадающие в этих трактовках с географическими ориентирами «Семиречья» как области водосборного бассейна оз. Балхаш в юго-восточной части Казахстана.

Заключение

Макротопонимы «Жетысу» и «Семиречье» не являются «сверстниками» и, несмотря на онимическое созвучие, приобретали в разные времена неодинаковое смысловое и территориальное значение в науке и культуре. Не существует тождества их значений и сегодня, поэтому прямая произвольная замена одного названия другим выглядит неоправданной, поскольку этим не решается основная проблема — установление географического ареала, к которому коррект-

но применимы оба макротопонима или один из них. По-видимому, только решив этот вопрос, можно достичь терминологического взаимопонимания в научной среде, которое со временем, возможно, станет доступным обществу в целом.

Как показано выше, «расширенное толкование» обоих названий — результат небрежного словоупотребления, плод недоразумения в историографии топонимики региона. Прежде всего, предлагается исключить применение квазитопонима «Юго-Западное Семиречье / Жетысу» к территории Чу-Таласского междуречья, охватывающего области Кыргызстана, а в нижнем течении Чу и Таласа — часть территории Южного Казахстана.

В настоящее время макротопоним «Семиречье» служит общим обозначением только юго-восточного региона Казахстана как области, «находящейся между озерами Балхаш, Сасыкколь и Алаколь на севере, хребтом Джунгарский Алатау на юго-востоке и хребтами Северного Тянь-Шаня на юге» и отделяемой от Южного Казахстана на западе Чу-Илийским водоразделом до р. Чу [Ерофеева, 2011, с. 12]. По нынешнему административному делению этот ареал соотносится с территорией трех областей Казахстана: Жетысуской, Алматинской и части восточных районов Жамбылской области. В свою очередь, макротопоним «Жетысу» в границах созданной в 2022 г. Жетысуской области в целом сохраняет историческую связь с территорией Семиречья, простирающейся к северу от р. Или и делает непротиворечивым применение к ней такого названия в научной литературе. Так, например, в Жетысу расположены такие разновременные известные памятники Семиречья (рис. 2), как петроглифы Ешкиолмес, могильник Бесшатыр, городище Каялык, но комплекс петроглифов Тамгалы, могильник Иссык и городище Талгар — в Семиречье. Соответственно не в «Юго-Западном Жетысу / Семиречье», а в пределах Южного Казахстана и северных территорий Кыргызстана локализуются такие местонахождения петроглифов, как Жалтыракташ и Арпаозен, средневековые памятники Чу-Таласского междуречья — «святилище» Мерке и городища Акбешим, Аспара, Кулан, Садыр-Курган, Тараз, Шаруашылык и др.

Финансирование. Работа выполнена в рамках проекта КН МНВО РК ИРН AP09260802 «Позднесредневековая городская культура Золотой Орды. Поиски и археологические исследования на примере городищ Шаруашылык (Кинчат) и Аспары (XIII-XVI вв.)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Stark S. Die Altturkenzeit in Mittel-und Zentralasien. Archologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008. Bd. 6. 590 p.

Азербаев К. Сочинения. Пятитомник / Сост. С. Кусаинов. Т. 5: Песни гор и степей. Алматы: Келешек, 2017. 259 с.

Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков / Составление, транскрипция скорописи XVIII в., специальное редактирование текста и комментарии И.В. Ерофеевой. Алматы: Гылым, 1998. 280 с.

Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.

Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата: Казахстанское краевое издательство, 1936. 149 с.

Байпаков К.М. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1979. Вып. 4. С. 7–10.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. Т. 1. 1024 с.

Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 337 с.

Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана / Сост. К. Ташбаева, Л. Ведутова. Бишкек: Айбек, 1997. 560 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА. № 26. 1952. 344 с.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1951. 254 с.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины: Историко-археологический очерк. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1941. 66 с.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 4. 461 с.

Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1873. Вып. 1. 573 с.

Влангали А.Г. Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 годах. СПб.: Тип. И. Глазунова и К°, 1853. Ч. 2. 146 с.

Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. Т. I. 589 с.

Голубев А.Ф. Краткий отчет о результатах Иссык-кульской экспедиции // Вестник РГО. 1860. Ч. 28. С. 183–198.

Джандосова З.А. Десять Туркестанов: Разные значения одного топонима // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: Топонимика, эпиграфика, искусство: Сб. материалов междунар. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 56–65.

Ерофеева И.В. (отв.ред.). Историко-культурный атлас казахского народа. Алматы: Print-S, 2011. 300 с.

Ерофеева И.В. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.: Сб. ист. документов: В 2 т. Алматы: АБДИ Компани, 2014. Т. I. 696 с.

Жамбыл Жабаев. Сураншы батыр. 1938. URL: https://bilim-all.kz/olen/4379 (дата обращения: 24.04.2023).

Жанаев Б.Т. (отв. ред.). Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII — середины XIX века: Сб. документов и материалов. Астана: Общество инвалидов — Чернобылец, 2012. 758 с.

Жансугуров И. Алтай-Атырау. URL: https://adebiportal.kz/kz/authors/book/1174 (дата обращения: 24.04.2023).

Жолдасбаев С. История средневекового Казахстана. 7 класс: Учебник. 2-е изд., перераб. Алматы: Атамура, 2012. 232 с.

Жолдасбеков М. (отв. ред.). Айтыс. Т. 1: Казақ онерінін антологиясы. Астана: Култегин, 2014. 400 б.

Иванов С.С. Бронзовые предметы эпохи ранних кочевников из Чолпон-Атинского музея // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2009. Вып. 4. С. 25–31.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 746 с.

Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Алма-Ата: Наука, 1964. 572 с.

Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Изд. И. Дубровина, 1857. 445 с.

Косицын Д.Ф. Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи. Рукопись инока Парфения, сообщенная Д.Ф. Косицыным // Русский вестник. 1878. Т. 137. С. 5–21.

Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909. 859 с.

Мушкетов И.В. Туркестан: Геологическое и орографическое описание по данным, собранным вовремя путешествий с 1874 г. по 1880 г. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. Т. 1. 742 с.

Нургалиев Р.Н. (гл.ред.). Казахская ССР: Краткая энциклопедия. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1991. Т. 4. 2479 с.

Петров К.И. Тюркские средневековые этнотопонимы от числительного семь: (К происхождению топонима Джети-Суу-Семиречье). Ономастика Средней Азии. Фрунзе: Илим, 1980. Вып. 2. С. 149–164.

Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков: (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. 296 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4: Этнография. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1026 с.

Рогожинский А.Е. «Жетысу» и «Семиречье». История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2019. Вып. 6. С. 14–30.

Рогожинский А.Е. От «Жетысу» до «Семиречья» — рождение и трансформация значений // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово, 2021. Вып. 14. С. 160–170.

Семби М.К. Жетысу // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана. Алматы: WorkLine, 2014a. С. 173–186.

Семби М.К. Сарыарка // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана. Алматы: WorkLine, 2014b. С. 342–352.

Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 218 с.

Табалдыев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек: V.R.S. Company, 2011. 320 с.

Уали М., Алиев Ф.К. О происхождении топонима «Жетысу» // Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция: Труды IX Евразийского научного форума, посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 135–139.

Хабдина Б. (отв. ред.). Балуан Шолак. Шыгармалары. Андері, олен-жырлары. Естеликтер, макалалар, аныз. Алматы: «Рух БГ» баспасы, 2014. 320 с.

Шнитников В.Н. Поездка по Семиречью (Пишпек, Пржевальск). Фрунзе: Киргизский научно-исследовательский институт краеведения, 1930. 65 с.

Rogozhinskiy A.E., Kaldybayeva G.A. *

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology CS MSHE RK, Dostyk, 44, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan
E-mail: alexeyro@hotmail.com (Rogozhinskiy A.E.); odd_story@mail.ru (Kaldybayeva G.A.)

On the boundaries of “Zhetysu” and “Semirechye” in scholarly works, Kazakh folklore and general fiction

The article summarizes the results of the study of the macrotoponyms ‘Zhetysu’ and ‘Semirechye’ (South-Eastern Kazakhstan) widely used in archaeological science and oriental studies since the second half of the 19th century up

* Corresponding author.

until the present time. The aim of the study is to advance the research on the clarification of the toponyms 'Zhetysu' and 'Semirechye' and to propose their proper use in the archaeological science. In this paper, we expand the range of the sources in order to verify the main provisions of the previous study on the materials of Kazakh folklore and literature of the 19th — early 20th c. The results of the focused study are the following: the term 'Zhetysu' originated in the end of the 18th — beginning of the 19th century, before its Russian translation as 'Semirechye'. Initially, 'Zhetysu' denoted difficult sections of caravan roads in the north and south-east of Kazakhstan, along which Russia's international trade with Middle Asia and China was carried out. The toponym 'Semirechye' appeared around 1825 and was first used as a geographical name of the Southern Balkhash region, and after the creation of the Semirechenskaya Oblast (1867) it designated its administrative-territorial boundaries. In the latter meaning, the toponym was used until the 1930s. Since the 1930s, A.N. Bernshtam, breaking with the historiographic tradition, introduced into scientific discourse an erroneously extended meaning of 'Semirechye', which includes the Chu-Talas interfluve. In the Kazakh folklore, the toponym 'Zhetysu' appeared not earlier than the last third of the 19th century, as the Kazakh translation of 'Semirechye' after creation of the Semirechenskaya Oblast. The lack of understanding by Kazakh authors of the concrete territorial boundaries of 'Zhetysu' makes the synonymous replacement of the toponym 'Semirechye' incorrect. The current administrative region of Zhetysu occupies a part of Semirechye, i.e., South-Eastern Kazakhstan, that includes only the territory north of the Ili River.

Keywords: historical geography, toponyms, historiography, Zhetysu, Semirechye, South-Eastern Kazakhstan, Kazakh folklore.

Funding: The work was carried out within the framework of the project of the KN MNVO RK IRN AP09260802 "Late medieval urban culture of the Golden Horde. Searches and archaeological research on the example of the settlements of Sharuashylyk (Kinchat) and Aspary (13th-16th centuries)".

REFERENCES

Andreev, I.G. (1998). *Description of Middle Orda of Kyrgyz-Kaysak*. Almaty: Nauka. (Rus.).

Aristov, N.A. (2001). *Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: Essays on the history and life of the Western Tien Shan population and research on historical geography*. Bishkek: Ilim. (Rus.).

Asfendiyarov, S.D. (1936). *National liberation uprising of 1916 in Kazakhstan*. Alma-Ata: Kazakhstanskoye krayevoye izdatelstvo. (Rus.).

Azerbaev, K. (2017). *Compositions*. Almaty: Keleshek. (Rus.).

Barthold, V.V. (1963). *Turkestan in the era of the Mongol invasion*. Moscow: Vostochnaia literatura. (Rus.).

Baypakov, K.M. (1979). Some questions of studying the early medieval cities of Semirechie and South Kazakhstan. In: *Uspekhi sredneaziatskoy arkheologii*, (4), 7–10. (Rus.).

Bekmakhanov, E.B. (1957). *Accession of Kazakhstan to Russia.* Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).

Bernshtam, A.N. (1941). *Ancient cites of the Talas Valley*. Alma-Ata: KazOGIZ Publ. (Rus.).

Bernshtam, A.N. (1951). *Essay on the history of Gunnu*. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Zhdanova. (Rus.).

Bernshtam, A.N. (1952). *Historical archaeological essays of Central Tien-Shan and Pamir-Alay.* Moscow; Leningrad. (Rus.).

Bernshtam, A.N. (1997). *Selected works on archaeology and history of Kyrgyz and Kyrgyzstan.* Bishkek: Aibek. (Rus.).

Dzhandosova, Z.A. (2014). Ten Turkestans: Different meanings of toponym. In: *Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentralnoy Azii: Toponimika, epigrafika, iskusstvo.* Almaty: EVO PRESS, 56–65. (Rus.).

Erofeeva, I.V. (2014). *Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite in 1675–1821*. Almaty: ABDI Company. (Rus.).

Erofeeva, I.V. (Ed.) (2011). *Historical and cultural athlas of the Kazakh nation*. Almaty: Print-S. (Rus.).

Gaines, A.K. (1897). *Collection of literary works*. St. Petersburg: Typographiya M.M. Stasyulevicha. (Rus.).

Golubev, A.F. (1860). Brief report on the results of the Issyk-Kul expedition. *Vestnik RGO,* (28). 183–198. (Rus.).

Ivanov, S.S. (2009*).* Early nomads' bronze objects from the Cholpon-Ata Museum. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana*, (4). 25–31. (Rus.).

Khabdina, B. (Ed.) (2014). *Baluan Sholak. Compositions*. Almaty: Rukh BG. (Kaz.).

Korsak, A.K. (1857). *Historical and statistical review of trade relations between Russia and China.* Kazan: Izd. I. Dubrovina. (Rus.).

Kositsyn, D.F. (1878). The first news about the Russians in Ghulja and the annexation of the Kirghiz steppe to Russia. In: *Russkiy Vestnik*, (137), 5–21. (Rus.).

Ledenev, N.V. (1909). *History of the Semirechensk Cossack army*. Verny. (Rus.).

Mushketov, I.V. (1886). *Turkestan: Geological and orographic description according to data collected during travels from 1874 to 1880.* St. Petersburg: Typ. M. Stasyulevich. (Rus.).

Nurgaliev, R.N. (Ed.) (1991). *Kazakh SSR: A brief encyclopedia*, 4. Alma-Ata: Kazakhskaya sovetskaya encyclopedia. (Rus.).

Petrov, K.I. (1980). Turkic medieval ethnotoponyms from the numeral seven: (On the origin of the toponym Dzheti-Suu-Seven Rivers). In: *Onomastika Srednei Azii*, (2). Frunze: Ilim, 149–164. (Rus.).

Pischulina, K.A. (1977). *South-Eastern Kazakhstan in the middle of the 14th — early 16th centuries: (Questions of political and socio-economic history)*. Alma-Ata: Nauka KazSSR. (Rus.).

Potanin, G.N. (1883). *Essays on Northwestern Mongolia*. St. Petersburg: Typ. V. Kirshbaum. (Rus.).

Rogozhinskiy, A.E. (2019). “Zhetysu” and “Semirechye”. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya*, (6), 14–30. (Rus.).

Rogozhinskiy, A.E. (2021). From “Zhetysu” to “Semirechye” — the birth and transformation of meanings. In: *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika “Tomskaya pisanitca”*, (14), 160–170. (Rus.).

Sembi, M.K. (2014a). Zhetysu. In: *Kratkiy entsiklopedicheskiy slovar' istoricheskikh toponimov Kazakhstana*. Almaty: WorkLine, 173–186. (Rus.).

Sembi, M.K. (2014b). Saryarka. In*: Kratkiy entsiklopedicheskiy slovar istoricheskikh toponimov Kazakhstana.* Almaty: WorkLine, 342–352. (Rus.).

Senigova, T.N. (1972). *Medieval Taraz*. Alma-Ata: Nauka. (Rus.).

Shnitnikov, V.N. (1930). *Trip along Semirechye (Pishpek, Przhevalsk).* Frunze: Izdaniye Kirgizskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta krayevedeniya. (Rus.).

Stark, S. (2008). *Die Altturkenzeit in Mittel-und Zentralasien*. Wiesbaden.

Tabaldyev, K.Sh. (2011). *Ancient monuments of the Tien-Shan.* Bishkek: V.R.S. Company. (Rus.).

Uali, M., Aliev, F.K. (2012). On the origin of the toponym “Zhetysu”. In: *Trudy IKH Yevraziyskogo nauchnogo foruma, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya Lva Nikolayevicha Gumileva.* Astana: Izd-vo ENU im. L.N. Gumileva, 135–139. (Rus.).

Valikhanov, Ch.Ch. (1985). *Essays collection*, (4). Alma-Ata: Kazahskaya sovetskaya encyclopedia. (Rus.).

Venyukov, M.I. (1873). *The experience of military reconnaissance of the Russian borders in Asia.* St. Petersburg: Typ. V. Bezobrazova and K. (Rus.).

Vlangali, A.G. (1853). *Geognostic trips to the eastern part of the Kyrgyz steppe in 1849 and 1851.* St. Petersburg: Typ. I. Glazunova and K. (Rus.).

Zhanaev, B.T. (Ed.) (2012). *Travel diaries and notes of Russian officials and researchers about the Kazakh steppe of the 18th — mid-19th centuries*. Astana: Obschestvo invalidov — Chernobylets. (Rus.).

Zholdasbaev, S. (2012). *History of Medieval Kazakhstan*. Almaty: Atamura. (Rus.).

Zholdasbekov, M. (Ed.) (2014). *Aitys*, 1. Astana: Kultegin. (Kaz.).

Рогожинский Алексей Евгеньевич, https://orcid.org/0000-0001-6756-7691
Калдыбаева Гаухар Аскаровна, https://orcid.org/0000-0002-4050-1833

Сведения об авторах:

Рогожинский Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан.

Калдыбаева Гаухар Аскаровна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан.

About the authors:

Rogozhinskiy, A.E., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archeology, Almaty, Kazakhstan.

Kaldybayeva, G.A., Junior Researcher, Margulan Institute of Archeology, Almaty, Kazakhstan.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

АНТРОПОЛОГИЯ

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-10

УДК 903+572.1/.4+575.8

Шуньков М.В., Козликин М.Б. *

Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
E-mail: shunkov77@gmail.com (Шуньков М.В.); kmb777@yandex.ru (Козликин М.Б.)

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОБИТАТЕЛИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

На основе палеогенетического анализа антропологических останков из Денисовой пещеры на Алтае была открыта ранее неизвестная популяция ископаемых людей — денисовцев и установлена сложная картина их взаимодействия с неандертальцами. В настоящее время идентифицированы 17 костных останков палеолитических гоминин, обнаруженных в пещере, а также выделены фрагменты древней ДНК человека из ее плейстоценовых отложений. Данная работа посвящена характеристике обитателей Денисовой пещеры на основе комплексного анализа известных на сегодняшний день палеоантропологических и палеогенетических данных. Показано, что древнейшие останки человека на Алтае обнаружены в базальных отложениях Денисовой пещеры. Они принадлежат денисовцам — гомининам, которые имеют с неандертальцами общего предка, но различную популяционную историю. Нижние культуросодержащие слои с находками начальной стадии среднего палеолита содержат фрагменты геномов, отличающихся от денисовских геномов из вышележащих осадков, что указывает на существование двух разных популяций денисовцев. Наиболее ранние свидетельства появления на Алтае неандертальцев обнаружены также в Денисовой пещере. Из фаланги стопы была выделена полная геномная последовательность, которая получила условное наименование «алтайский неандерталец». Между популяциями неандертальцев и денисовцев происходил обмен генетическим материалом.

Ключевые слова: Алтай, Денисова пещера, палеолит, плейстоцен, денисовцы, неандертальцы, палеогенетика, палеоантропология.

Ссылка на публикацию: Шуньков М.В., Козликин М.Б. Палеолитические обитатели Денисовой пещеры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 116–126. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-10

Введение

В процессе долгосрочного комплексного изучения многослойных палеолитических объектов в долине р. Ануй на Алтае накоплен большой массив фактического материала и получены важнейшие результаты, связанные с воссозданием первоначального заселения Северной Азии человеком и дальнейшего развития палеолитических культурных традиций на этой территории. Работы последних лет позволили выйти на качественно новый уровень исследований. На основе палеогенетического анализа антропологических останков из Денисовой пещеры открыта ранее неизвестная популяция ископаемых гоминин, получивших по месту обнаружения наименование «денисовцы» [Krause et al., 2010; Reich et al., 2010], и установлена сложная картина их взаимодействия с алтайскими неандертальцами [Slon et al., 2018]. В настоящее время идентифицированы 17 костных останков палеолитических гоминин (см. табл.), обнаруженных в Денисовой пещере, а также выделены фрагменты древней ДНК человека из плейстоценовых отложений этой стоянки. Целью работы является систематизация информации о древнейших обитателях пещеры на основе анализа палеоантропологических и палеогенетических данных, хронологической атрибуции образцов.

Материалы исследования

Редкие костные останки человека из плейстоценовой толщи Денисовой пещеры представлены в основном отдельными зубами, а также фрагментами костей посткраниального скелета. Антропологические находки имеют порядковые номера, которые присваивались им по мере обнаружения или идентификации. В приведенный ниже перечень не вошли образцы, требующие дополнительной диагностики, и костные останки, которые сначала по ряду морфологических признаков были предположительно отнесены к человеку, но затем, при более детальном

* Corresponding author.

анализе исключены из этой группы. Значительный объем палеогенетических данных был получен в результате секвенирования фрагментов ДНК человека из рыхлых осадков. Анализ микростратиграфии отложений показал, что ДНК в образцах грунта в основном сконцентрирована в органических включениях — мельчайших фрагментах костей и копролитов, а не распределена равномерно в матрице осадков. То есть — адсорбция свободной внеклеточной ДНК из фекалий, телесных жидкостей или разлагающейся клеточной ткани на минеральной составляющей отложений не играет существенной роли в накоплении древней ДНК млекопитающих [Massilani et al., 2022, p. 8]. Первые результаты [Slon et al., 2017a] показали перспективность дальнейших палеогенетических исследований пещерных отложений. Для детального анализа было отобрано 728 образцов плейстоценовых осадков из центрального зала, восточной и южной галерей пещеры. Фрагменты мтДНК гомининов и млекопитающих обнаружены в 175 и 685 образцах соответственно [Zavala et al., 2021, p. 399]. Несмотря на разную сохранность генетического материала, ДНК млекопитающих удалось извлечь из всех апробированных слоев, в том числе древностью более 290 тыс. лет, что свидетельствует об исключительно продолжительной сохранности ДНК в отложениях Денисовой пещеры.

Антропологические находки

Денисова 2. Центральный зал, слой 22.1. Второй нижний левый молочный моляр (dm_2) [Шпакова, Деревянко, 2000, с. 128] денисовца (рис., *4*). Коронка стерта почти до основания, корни отсутствуют. Такие изменения в структуре зуба в современных популяциях характерны для возраста 10 лет ± 2,5 года. Значительная по размерам, широкая и низко расположенная дистальная контактная фасетка свидетельствует о достаточно длительном и сильном воздействии коронки первого постоянного моляра, не достигшего еще своей максимальной высоты при прорезывании. Этот зуб у современных детей появляется из альвеолы в 6 лет ± 2 года. С учетом диапазона определяемых возрастных величин для зубов обеих смен в качестве наиболее приемлемого выдвигалось предположение, что ребенку в момент потери зуба было 7–8 лет по современным стандартам [Там же]. По другой оценке, основанной на степени резорбции корней, указывающей на естественное выпадение зуба, возраст индивида на момент потери зуба был эквивалентен 10–12 годам у современных людей [Slon et al., 2017b, p. 1].

Денисова 3. Восточная галерея, слой 11.2. Дистальная фаланга пятого луча кисти денисовца. Для анализа в двух независимых лабораториях кость была разделена на две части. Согласно первичному описанию меньшей по размеру части (рис., *1*), выполненному в Институте эволюционной антропологии Макса Планка, образец представлял собой проксимальный фрагмент эпифиза дистальной фаланги пальца кисти с неприросшим эпифизом. Прирастание проксимального эпифиза дистальной фаланги заканчивается в 13,5 года у девочек и в 16 лет у мальчиков, поэтому возраст обладателя фаланги был определен как более молодой. Судя по общим размерам кости, он мог быть около 6–7 лет. Однако точный возраст индивида, которым была женская особь денисовского таксона, и принадлежность фаланги к конкретному лучу на первых этапах исследования определены не были [Reich et al., 2010]. Гистологическая картина формирования стенки диафиза проксимальной части фаланги, определенная недеструктивным методом радиологической микроскопии, также указывала на то, что биологический возраст индивида соответствовал примерно 6–7 годам современного человека [Медникова и др., 2013]. Позднее в Институте Жака Моно в Париже была проведена виртуальная реконструкция дистальной и проксимальной части фаланги (рис., *2*) [Bennett et al., 2019]. Анализ восстановленной из фрагментов кости показал, что морфология образца не характерна для несросшейся детской дистальной фаланги. То есть размеры фаланги близки к ее окончательной зрелой морфологии в подростковом возрасте порядка 13,5 года согласно стандартам у современных людей. Асимметрия бугристости фаланги, а также изгиб диафиза с дорсальной стороны указывают, что она является, скорее всего, пятой дистальной фалангой правой кисти.

Денисова 4. Южная галерея, слой 11.1. Левый верхний постоянный второй или третий моляр ($M^{2/3}$) мужчины денисовца [Reih et al., 2010; Viola et al., 2011; Sawyer et al., 2015; Зубова и др., 2017]. Образец хорошо сохранился (рис., *6*), имеет три корня — лингвальный, мезиобуккальный и дистобуккальный. Отсутствует только апикальная часть дистально-буккального корня. Зуб очень крупный и массивный, с длинной шейкой и сильно расходящимися в мезиальной и дистальной норме корнями. Износ коронки небольшой.

Денисова 5. Восточная галерея, слой 11.4. Проксимальная фаланга четвертого или пятого луча стопы неандертальца [Медникова, 2011]. На тыльной стороне в проксимальной части

диафиза и основания имеются поверхностные разрушения, дистальный эпифиз почти полностью разрушен, сохранился только левый край головки (рис., *13*). Дорсальная поверхность диафиза ровная и прямая, подошвенная поверхность более неровная и изогнутая. Разрушенный дистальный эпифиз не позволяет достоверно определить форму блока головки, по которой можно было бы произвести определение стороны. Эпифизы фаланг стопы у современного человека прирастают в интервале 11–22 лет. Так как и проксимальный, и дистальный эпифизы приросли и следы недавнего синостозирования отсутствуют, предполагается, что кость принадлежала подростку или взрослому индивиду. Края основания не несут следов возрастной дегенерации, поэтому верхний предел возраста может быть определен как зрелый. Плюсневая фасетка ориентирована отчетливо дорсопроксимально, а не проксимально. Этот морфологический вариант соотносится с характерным типом передвижения — «марафонской» ходьбой или бегом, при котором стопа перекатывается с пятки на носок [Там же, с. 138]. Палеогенетические исследования показали, что фаланга принадлежала женской особи [Prüfer et al., 2014].

Денисова 6. Восточная галерея, слой 11.4. Левый нижний молочный резец (di_2) [Бужилова, 2012]. Эмаль коронки сохранилась хорошо (рис., *3*). Высота зуба ограничена ввиду стертости коронки. Высота сохранившейся части с лингвальной стороны несколько больше, чем с лабиальной. Резец не лопатовидный, имеет менее выраженное лингвальное утолщение. Степень резорбции корня указывает на возможный возраст индивида в момент потери зуба около 5–6 лет. Генетический анализ не проводился.

Денисова 8. Восточная галерея, граница слоев 11.4 и 12. Левый верхний третий моляр (M^3) мужчины денисовца [Sawyer et al., 2015]. Образец восстановлен из четырех фрагментов, которые хорошо стыкуются между собой (рис., *5*). Корневая система зуба разрушена, но рельеф сохранившихся фрагментов позволяет предположить наличие трех корней — лингвального, дистального и мезиального. Медиальная часть коронки изношена, большая часть рельефа удалена. На дистальной части коронки нет износа. Коронка имеет форму округлого пятиугольника с пятью основными вершинами [Зубова и др., 2017, с. 129–130].

Денисова 9. Восточная галерея, слой 12.3. Концевая фаланга предположительно левой кисти, наиболее вероятно, третьего или четвертого луча (рис., *11*), принадлежащая взрослому человеку, скорее всего мужчине. По совокупности признаков (удлиненность, большая ширина тела и дистальной бугристости, относительная уплощенность) фаланга близка к соответствующим элементам скелета переднеазиатских и европейских неандертальцев [Медникова, 2013, с. 153]. Фаланга характеризуется массивным диафизом и выраженной гипертрофией дистальной бугристости, отличающей ее от современных аналогов. Методами компьютерной томографии и микрофокусной рентгенографии выявлена чрезвычайная массивность стенок диафиза и аномальное уплотнение костной ткани (склеротизация) [Mednikova, 2020]. Генетические исследования не проводились.

Денисова 11. Восточная галерея, слой 12.3. Неопределимый фрагмент кости (рис., *17*), идентифицированный как человеческий методом масс-спектрометрической пептидной дактилоскопии (ZooMS) [Brown et al., 2016]. Образец представляет собой удлиненный подпризматический фрагмент кортикальной части длинной кости, скорее всего, бедренной, большеберцовой или плечевой. Поверхность химически эродирована, возможно, из-за переваривания плотоядными животными. Судя по кортикальной толщине и микроструктуре кости, возраст человека на момент смерти составлял не менее 13 лет. В результате палеогенетического анализа установлено, что кость принадлежала индивиду женского пола, мать которого была неандерталкой, а отец — денисовцем [Slon et al., 2018].

Денисова 13. Южная галерея, предположительно нижняя часть плейстоценовой толщи — слои 18–16. Два стыковывающихся фрагмента задней половины левой теменной кости (рис., *18*), принадлежащей, согласно данным секвенирования мтДНК, представителю денисовского таксона [Viola et al., 2019].

Остальные образцы представляют собой неопределимые фрагменты диафизов трубчатых костей, идентифицированные как человеческие с помощью метода ZooMS и палеогенетического анализа [Douka et al., 2019; Brown et al., 2022].

Денисова 14 (рис., *14*). Восточная галерея, слой 9.3. Сохранность образца не позволяет провести его генетический анализ.

Денисова 15 (рис., *16*). Восточная галерея, слой 11.4. Палеогенетический анализ выявил неандертальскую мтДНК.

Денисова 16 (рис., *9*). Центральный зал, слой 9.1. Древняя ДНК не сохранилась.

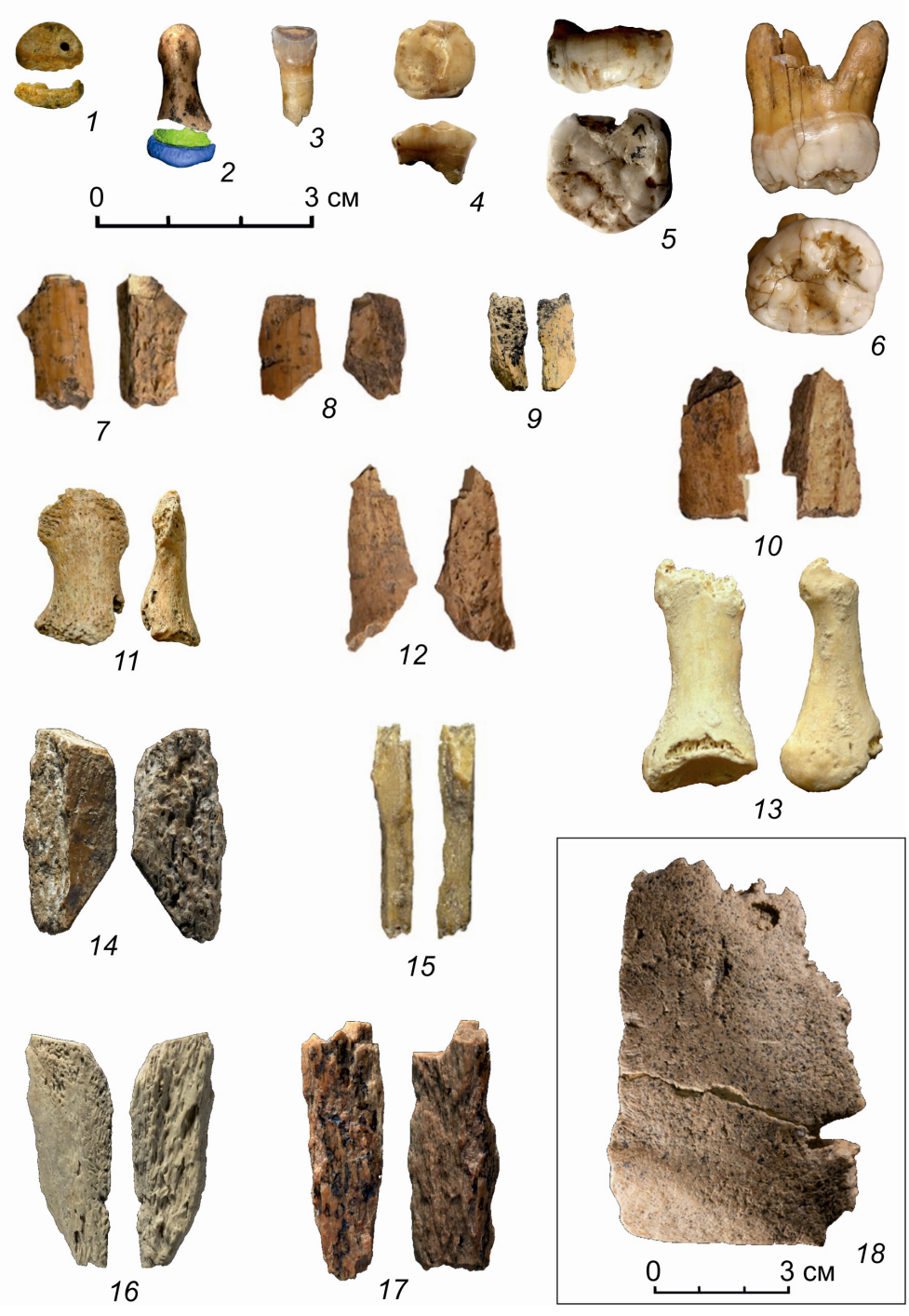


Рис. Антропологические находки из Денисовой пещеры:
1, 2 * — Денисова 3; *3* — Денисова 6; *4* — Денисова 2; *5* — Денисова 8; *6* — Денисова 4; *7* — Денисова 19; *8* — Денисова 21; *9* — Денисова 16; *10* — Денисова 18; *11* — Денисова 9; *12* — Денисова 20; *13* — Денисова 5; *14* — Денисова 14; *15* — Денисова 17; *16* — Денисова 15; *17* — Денисова 11; *18* — Денисова 13. (*1, 3, 9, 14, 16, 17* — по: [Douka et al., 2019]; *2* — по: [Bennett et al., 2019]; *7, 8, 10, 12, 15* — по: [Brown et al., 2022]; *11* — по: [Медникова, 2013]; *13* — по: [Медникова, 2011]).
* Зеленым цветом выделен участок дорсальной поверхности проксимальной конечности диафиза фаланги, восстановленный по данным мКТ; синим — проксимальная суставная поверхность.

Fig. Anthropological finds from Denisova Cave:
1, 2 * — Denisova 3; *3* — Denisova 6; *4* — Denisova 2; *5* — Denisova 8; *6* — Denisova 4; *7* — Denisova 19; *8* — Denisova 21; *9* — Denisova 16; *10* — Denisova 18; *11* — Denisova 9; *12* — Denisova 20; *13* — Denisova 5; *14* — Denisova 14; *15* — Denisova 17; *16* — Denisova 15; *17* — Denisova 11; *18* — Denisova 13. * The area of the dorsal surface of the proximal extremity of the phalanx diaphysis, reconstituted according to mCT scan, is highlighted in green; blue — proximal articular surface.

Денисова 17 (рис., *15*). Восточная галерея, слой 12. Выявлена неандертальская мтДНК.

Денисова 18 (рис., *10*). Восточная галерея, слой 15. Палеогенетический анализ показал, что образец загрязнен современным генетическим материалом, а древняя мтДНК плохой сохранности.

Денисова 19 (рис., *7*). Восточная галерея, слой 15. Выявлена мтДНК денисовца.

Денисова 20 (рис., *12*). Восточная галерея, слой 15. Выделена мтДНК денисовского таксона.

Денисова 21 (рис., *8*). Восточная галерея, слой 15. Митохондриальная последовательность идентична геному из образца *Денисова 19*, что свидетельствует о принадлежности костных останков одному человеку или родственникам по материнской линии.

Данные палеогенетики

Первая генетическая информация о плейстоценовых обитателях пещеры была получена в результате секвенирования мтДНК из образца *Денисова 3*, последовательность которой показала, что этот гоминин имеет почти в два раза больше отличий от мтДНК современных людей, чем от мтДНК неандертальцев [Krause et al., 2010].

Это открытие поставило ряд фундаментальных вопросов: является ли индивид из Денисовой пещеры представителем группы, отдельной по отношению к неандертальцам и современным людям, что следовало из мтДНК; является ли он представителем сестринской группы по отношению к неандертальцам или современным людям, или он попадает в диапазон вариаций представителей обеих групп. Решение этих вопросов стало возможным после расшифровки ядерной ДНК из образца *Денисова 3* и оценки расхождения между референсной последовательностью его генома с геномом современного человека в виде доли расхождения между ними и общим предком с шимпанзе [Reich et al., 2010]. Результаты исследований показали, что геном индивида из Денисовой пещеры отличается от эталонного генома современного человека на 11,7 %, от генома неандертальца из пещеры Виндия — на 12,2 %. Таким образом, в то время как расхождение мтДНК образца из Денисовой пещеры с мтДНК современного человека в два раза больше, чем с мтДНК неандертальцев, среднее отклонение ядерного генома индивида из Денисовой пещеры по отношению к современным людям такое же, как и по отношению к неандертальцам. Было установлено, что индивид из Денисовой пещеры принадлежит к группе гомининов, которые имеют с неандертальцами общего предка, но различную популяционную историю, т.е. являются сестринской группой для неандертальцев. Новая группа гомининов, получившая название «денисовцы», была выделена на основе только геномных данных, без формальных линнеевских таксономических обозначений, указывавших на статус вида или подвида [Ibid.].

Предполагая, что время эволюционного расхождения человека и шимпанзе составляет 6,5 млн лет, дивергенцию неандертальцев и денисовцев оценили в среднем в 640 тыс. л.н., а современных африканцев и денисовцев — около 800 тыс. л.н. [Ibid; Meyer et al., 2012]. Согласно другим моделям, разделение между современными людьми с одной стороны и неандертальцами и денисовцами с другой произошло в интервале 589–553 или 765–550 тыс. л.н., а между неандертальцами и денисовцами — 473–445 или 381 тыс. л.н. [Prüfer et al., 2014]. Исследования Y-хромосом денисовцев из образцов *Денисова 4* и *Денисова 8* показали, что они отделились около 700 тыс. л.н. от линии, общей для Y-хромосом неандертальцев и современных людей, которые, в свою очередь, разошлись около 370 тыс. л.н. [Petr et al., 2020].

Расшифровка митохондриальной и ядерной ДНК из моляров *Денисова 4* и *Денисова 8* показала, что эти образцы формируют кладу и более тесно связаны с геномом *Денисова 3*, чем с геномами современного человека и неандертальцев, т.е. относятся к денисовскому таксону [Sawyer et al., 2015]. Исходя из количества замен нуклеотидов в митохондриальном геноме всех денисовских индивидов и с учетом скорости мутации мтДНК современного человека предполагается, что моляр *Денисова 8* на 60 тыс. лет старше, чем образцы *Денисова 3* и *Денисова 4*. Разнообразие последовательностей ядерной ДНК у трех денисовцев с одного местонахождения оказалось несколько выше, чем у семи неандертальцев из разных районов Евразии, но ниже, чем у современных людей во всем мире или в Европе. Эти данные свидетельствуют, что популяция денисовцев, скорее всего, была больше по численности и более разнообразна, чем популяция неандертальцев.

Дивергенция мтДНК индивида *Денисова 8* относительно геномов из образцов *Денисова 3* и *Денисова 4* указывает на длительное присутствие денисовцев на Алтае [Ibid.]. Такое заключение подтверждается результатами секвенирования ДНК из образца *Денисова 2* [Slon et al., 2017b]. На филогенетическом дереве мтДНК *Денисова 2* образует кластер с другими тремя денисовцами, имея при этом 29 нуклеотидных отличий от *Денисова 8*, 70 нуклеотидных отличий от *Денисова 4*

и 72 — от *Денисова 3*. Исходя из скорости мутаций предполагается, что образец *Денисова 2* древнее, чем *Денисова 3*, на 99,4–54,2 тыс. лет и древнее на 37,7–20,6 тыс. лет, чем *Денисова 8*.

Попарные различия и филогенетический анализ показали, что мтДНК трех образцов *Денисова 19–21* входит в разнообразие мтДНК денисовцев [Brown et al., 2022]. При этом митохондриальные последовательности образцов *Денисова 19* и *Денисова 21* идентичны, что указывает на принадлежность останков одному человеку или близким родственникам по материнской линии. Они отличаются от мтДНК *Денисова 20* четырьмя заменами. На филогенетическом дереве мтДНК последовательности образцов *Денисова 19–21* образуют кладу с *Денисова 2* и *Денисова 8*, от которых они отличаются 20 и 30 заменами соответственно. Согласно относительной хронологической оценке образцы *Денисова 19–21* того же возраста или немного древнее, чем *Денисова 2*, и значительно древнее, чем *Денисова 8, Денисова 3* и *Денисова 4*. Используя оптические определения возраста слоя 15 в качестве калибровочных дат в байесовской модели, просчитали время расхождения мтДНК образцов *Денисова 19–21* и *Денисова 2, Денисова 8, Денисова 3* и *Денисова 4*, которое составило 229 тыс. лет (доверительный интервал 252–206 тыс. лет) [Ibid.]. Таким образом, костные находки денисовцев из слоя 15 в настоящее время являются наиболее древними антропологическими останками этой популяции, залегавшими в надежном стратиграфическом контексте, соответствующем молекулярно-генетическим и оптическим оценкам возраста.

Антропологические находки из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры

Anthropological finds from Pleistocene deposits of Denisova Cave

Образец	Стратиграфический контекст	Элемент скелета	Таксономическая принадлежность	Рисунок
Денисова 2	Центральный зал, слой 22.1	Второй нижний левый молочный моляр	Денисовец	4
Денисова 3	Восточная галерея, слой 11.2	Пятая дистальная фаланга кисти	»	1, 2
Денисова 4	Южная галерея, слой 11.1	Левый верхний постоянный второй или третий моляр	»	6
Денисова 5	Восточная галерея, слой 11.4	Проксимальная фаланга четвертого или пятого луча стопы	Неандерталец	13
Денисова 6	»	Левый нижний молочный резец	Не установлена	3
Денисова 8	Восточная галерея, граница слоев 11.4 и 12	Левый верхний постоянный третий моляр	Денисовец	5
Денисова 9	Восточная галерея, слой 12.3	Дистальная фаланга третьего или четвертого луча	Неандерталец	11
Денисова 11	»	Неопределимый фрагмент кости	Гибридная особь: мать — неандерталка, отец — денисовец	17
Денисова 13	Южная галерея, слои 18–16 (?)	Фрагмент задней половины левой теменной кости	Денисовец	18
Денисова 14	Восточная галерея, слой 9.3	Неопределимый фрагмент кости	Не установлена	14
Денисова 15	Восточная галерея, слой 11.4	»	Неандерталец	16
Денисова 16	Центральный зал, слой 9.1	»	Не установлена	9
Денисова 17	Восточная галерея, слой 12	»	Неандерталец	15
Денисова 18	Восточная галерея, слой 15	»	Не установлена	10
Денисова 19	»	»	Денисовец	7
Денисова 20	»	»	»	12
Денисова 21	»	»	»	8

Фрагментарность костных останков денисовцев и отсутствие фенотипической информации не позволяют реконструировать облик представителей этой группы. Отдаленно о внешности денисовцев можно судить по обнаруженным в их геноме аллелям, которые у современного человека связаны с темной кожей, каштановыми волосами и карими глазами [Meyer et al., 2012].

Расшифровка митохондриальной и ядерной ДНК из образца *Денисова 5* показала, что этот геном образует кладу с геномами неандертальцев и отличается от последовательностей денисовцев и современных людей. Среднее генетическое расхождение между *Денисова 5* и неандертальцами из пещер Мезмайская и Виндия составляет треть от расхождения между геномами неандертальцев и денисовцев. Носитель генома, выделенного из образца *Денисова 5*, получил условное наименование «алтайский неандерталец» [Prüfer et al., 2014]. Протяженные гомозиготные участки в ДНК этого индивида свидетельствуют о близких связях его родителей с родственниками на уровне братьев и сестер, у которых была общая мать, двоюродных братьев или сестер, дяди и племянницы, тети и племянника и т.п.

К неандертальцам отнесены также образцы *Денисова 15* и *Денисова 17*. Молекулярный возраст мтДНК *Денисова 17* оценен в 134 тыс. лет (доверительный интервал 177–94 тыс. лет). Филогенетический анализ показал, что индивид *Денисова 17* несколько отдален от геномов *Денисова 5* и *Денисова 15*, которые, в свою очередь, тесно связаны между собой [Brown et al., 2022].

Первые свидетельства как минимум однократного инбридинга денисовцев и неандертальцев были получены после обнаружения небольшого количества неандертальской ДНК в геноме индивида *Денисова 3* [Prüfer et al., 2014]. Детальнее изучить отношения между этими группами удалось после расшифровки ядерной ДНК из образца *Денисова 11*, в которой 38,6 % фрагментов несли аллели, совпадающие с геномом неандертальца, и 42,3 % — аллели, соответствующие геному денисовца, что является прямым доказательством гибридизации в первом поколении [Slon et al., 2018]. Индивид *Денисова 11* получил денисовские гены от отца, а неандертальские — от матери. Отец индивида *Денисова 11* также имел неандертальские корни. В его генеалогии было более одного предка-неандертальца, возможно, от 300 до 600 поколений назад. Гетерозиготность в неандертальской части генома *Денисова 11* выше, чем на тех же участках ДНК индивида *Виндия 33.19* или алтайского неандертальца *Денисова 5*. Эти данные свидетельствуют, что неандертальцы, оставившие свой след в генетической последовательности отца индивида *Денисова 11*, были из группы, не связанной с его матерью, которая, в свою очередь, была теснее связана с неандертальцами типа Виндия. Время отделения популяции матери-неандертальца индивида *Денисова 11* от предков алтайского неандертальца оценивается в 20 тыс. лет, а от предков индивида *Виндия 33.19* — в 40 тыс. лет [Ibid.].

В четырех образцах плейстоценовых отложений покрытие мтДНК составило более 80 % генома, что позволило разместить их на филогенетическом дереве, чтобы установить взаимосвязь с ранее выделенными геномами [Zavala et al., 2021]. Два образца (E202 и E213) из слоя 11.4 в восточной галерее и проба (M65) из слоя 19 в центральном зале заняли позицию в кладе с неандертальскими геномами *Денисова 5* и *Денисова 15*, а также *Мезмайская 1* и *Складина I-4A*. Образец из слоя 20 в центральном зале расположен базально по отношению к денисовским геномам *Денисова 2* и *Денисова 8*. Генетический возраст наиболее полной последовательности мтДНК с покрытием 99 %, принадлежащей неандертальцу из слоя 19 в центральном зале, оценен в 140 тыс. лет (доверительный интервал 181–98 тыс. лет), что хорошо согласуется с оптическим возрастом слоя.

Для 171 образца осадков распределение фрагментов мтДНК по группам гомининов осуществлялось путем подсчета количества фрагментов, поддерживающих линейно-специфические состояния на диагностируемых участках, показывающих различия между мтДНК людей современного типа, неандертальцев и денисовцев [Ibid.]. Были выделены три неандертальские родственные линии: Сима-де-лос-Уэсос возрастом около 430 тыс. л.н., чья мтДНК тесно связана с денисовцами; Холенштайн-Штадель, которая занимает базальное положение относительно всех остальных неандертальских геномов и известна только по индивиду, жившему 124 тыс. л.н. (доверительный интервал 183–62 тыс. л.н.); «типичная» неандертальская мтДНК, известная по геномам всех остальных неандертальцев. Наличие генома древних людей современного типа оценивалось путем анализа только дезаминированных фрагментов для уменьшения эффекта от загрязнения современным генетическим материалом. Денисовская и типичная неандертальская мтДНК содержались в 79 и 47 образцах соответственно, а мтДНК человека современного типа — в 35 образцах. Древнейшая мтДНК человека, определенная как денисовская, была выделена из образца слоя 21 в центральном зале, ОСЛ-возраст которого составляет 250 ± 44 тыс. л.н. Остальные образцы из отложений с археологическими материалами начальной стадии среднего палеолита содержали фрагменты только денисовских геномов. Исключением стали две пробы с фрагментами мтДНК неандертальцев из верхней части слоя 20 в центральном зале. Другие образцы с неандертальским геномом связаны в основном со средней частью плейстоценовой толщи в центральном зале и в восточной галерее пещеры, в шести пробах — совместно с геномом денисовца. Фрагменты мтДНК людей современного типа содержались только в верхнепалеолитических слоях, причем в ряде случаев одновременно с геномами денисовцев и неандертальцев.

Филогенетический анализ [Ibid.] показал, что нижние культуросодержащие слои с находками ранней стадии среднего палеолита содержат фрагменты геномов, сходные с мтДНК образцов *Денисова 2* и *Денисова 8*, контрастно отличающихся от денисовских геномов, схожих с *Денисова 3* и *Денисова 4*, из вышележащих осадков, что, возможно, указывает на существование разных популяций денисовцев. В образце из слоя 20 в центральном зале была зафиксирована неопознанная библиотека генов, значительно поддерживающих общую ветвь для линий типичной неандертальской

мтДНК и индивидов Холенштайн-Штадель, но не относящихся к ним. Время расхождения мтДНК этого образца с типичной неандертальской ветвью оценивается в интервале 45–20 тыс. лет после дивергенции последней с линией Холенштайн-Штадель около 275 тыс. л.н.

Согласно другой модели [Andreeva et al., 2022] филогенетического дерева мтДНК неандертальцев — в его основе древнейшая гаплогруппа NA, которая подразделена на клады NA1 и NA2. Известные в настоящее время представители NA1 обитали в Европе и представляют собой группу ранних неандертальцев — Холенштейн-Штадель и Вальдегоба. Корневая ветвь NA2 представлена геномом D52762 из слоя 14 в центральном зале Денисовой пещеры, и эта клада распадается на ветви NE и NA2a. Ветвь NA2a включает геномы E202, E213 и M65, ветвь NE — геномы как восточных (*Денисова 5* и *Денисова 15*), так и западных (*Складина I-4A*) ранних неандертальцев.

Из трех образцов грунта с наилучшей сохранностью генетического материала удалось выделить фрагменты ядерной ДНК гомининов [Vernot et al., 2021]. Образцы E202 и E213 из слоя 11.4 в восточной галерее и образец D5276 из слоя 14 в центральном зале содержали геномы линии алтайского неандертальца, что согласуется с их стратиграфическим положением. Образец из слоя 15 в восточной галерее дал последовательность денисовского генома типа *Денисова 2* и *Денисова 8*.

Заключение

Анализ имеющихся на сегодняшний день палеоантропологических и палеогенетических данных показал, что древнейшие останки человека на Алтае обнаружены в нижних культуросодержащих слоях Денисовой пещеры. Они принадлежат денисовцам — гомининам, которые имеют с неандертальцами общего предка, но различную популяционную историю, т.е. являются с ними сестринскими группами. Всего на Алтае известно восемь палеоантропологических образцов денисовцев, представленных зубами и фрагментами костей посткраниального скелета из Денисовой пещеры. Помимо костных останков фрагменты мтДНК денисовцев были извлечены из образцов плейстоценовых отложений. Филогенетический анализ показал, что нижние культуросодержащие слои с находками начальной стадии среднего палеолита содержат фрагменты геномов, отличающихся от денисовских геномов из вышележащих осадков, что указывает на существование двух разных популяций денисовцев.

Наиболее ранние свидетельства появления на Алтае неандертальцев обнаружены также в Денисовой пещере. Молекулярный возраст неандертальского генома из неопределимого фрагмента кости оценен примерно в 134 тыс. л.н. Из фаланги стопы была выделена полная геномная последовательность, которая получила условное наименование «алтайский неандерталец». Между популяциями неандертальцев и денисовцев происходил обмен генетическим материалом, не имевший негативных последствий. Таким образом территория Алтая являлась частью зоны гибридизации в относительно стабильных условиях на протяжении нескольких теплых и холодных эпох плейстоцена.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00069, https://rscf.ru/project/24-18-00069/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бужилова А.П. Плейстоценовые находки молочных зубов человека из Денисовой пещеры (Горный Алтай) // КСИА. 2012. № 227. С. 200–207.

Зубова А.В., Чикишева Т.А., Шуньков М.В. Морфологическая характеристика постоянных моляров из палеолитических слоев Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 1. С. 121–134. https://doi.org/10.17746/1563-0102.2017.45.1.121-134

Медникова М.Б. К антропологии древнейшего населения Алтая: Проксимальная фаланга стопы из раскопок Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 129–138.

Медникова М.Б. Концевая фаланга кисти Homo из слоя 12 Денисовой пещеры: Опыт идентификации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 146–155.

Медникова М.Б., Добровольская М.В., Виола Б., Лавренюк А.В., Казанский П.Р., Шкловер В.Я., Шуньков М.В., Деревянко А.П. Радиологическая микроскопия фаланги руки девочки из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3. С. 120–125.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 125–138.

Andreeva T.V., Manakhov A.D., Gusev F.E., Patrikeev A.D., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shirobokov I.G., Rogaev E.I. Genomic analysis of a novel Neanderthal from Mezmaiskaya Cave provides insights into the genetic relationships of Middle Palaeolithic populations // Scientific Reports. 2022. Vol. 12. Article number 13016. P. 1–10. https://doi.org/10.1038/s41598-022-16164-9

Bennett E.A., Crevecoeur I., Viola B., Derevianko A.P., Shunkov M.V., Grange T., Maureille B., Geigl E.-M. Morphology of the Denisovan phalanx closer to modern humans than to Neanderthals // Science Advances. 2019. Vol. 5. № 9. P. 1–9. https://doi.org/10.1126/sciadv.aaw39

Brown S., Higham T., Slon V. et al. Identification of a new hominin bone from Denisova Cave, Siberia using collagen fingerprinting and mitochondrial DNA analysis // Scientific Reports. 2016. № 6. Article number 23559. P. 1–8. https://doi.org/10.1038/srep23559

Brown S., Massilani D., Kozlikin M.B. et al. The earliest Denisovans and their cultural adaptation // Nature Ecology & Evolution. 2022. Vol. 6. P. 28–35. https://doi.org/10.1038/s41559-021-01581-2

Douka K., Slon V., Jacobs Z., et al. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. 2019. Vol. 565. P. 640–644. https://doi.org/10.1038/s41586-018-0870-z

Krause J., Fu Q., Good J.M., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The Complete Mitochondrial DNA Genome of an Unknown Hominin from Southern Siberia // Nature. 2010. Vol. 464. P. 894–897. https://doi.org/10.1038/nature08976

Massilani D., Morley M.W., Mentzer S.M. et al. Microstratigraphic preservation of ancient faunal and hominin DNA in Pleistocene cave sediments // PNAS. 2022. Vol. 119. №. 1. Article number e2113666118. P. 1–10. https://doi.org/10.1073/pnas.2113666118

Mednikova M.B. Distal manual phalanges of Upper Pleistocene Homo from Altai caves // Moscow University Anthropology Bulletin. 2020. № 2. P. 5–25. https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.2.005-025

Meyer M., Kircher M., Gansauge M.-T. et al. A High-Coverage Genome Sequence from an Archaic Denisovan Individual // Science. 2012. Vol. 338. № 6104. P. 222–226. https://doi.org/10.1126/science.1224344

Petr M., Hajdinjak M., Fu Q. et al. The evolutionary history of Neanderthal and Denisovan Y chromosomes // Science. 2020. Vol. 369. № 6511. P. 1653–1656. https://doi.org/10.1101/2020.03.09.983445

Prüfer K., Racimo F., Patterson N. et al. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. 2014. Vol. 505. P. 43–49. https://doi.org/10.1038/nature12886

Reich D., Green R.E., Kircher M. et al. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova cave in Siberia // Nature. 2010. Vol. 468. P. 1053–1060. https://doi.org/10.1038/nature09710

Sawyer S., Renaud G., Viola B., Hublin J.-J., Gansauge M.-Th., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Prüfer K., Kelso J., Pääbo S. Nuclear and mitochondrial DNA sequences from two Denisovan individuals // PNAS. 2015. Vol. 112. № 51. P. 15696–15700. https://doi.org/10.1073/pnas.1519905112

Slon V., Hopfe C., Weiß C.L. et al. Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments // Science. 2017a. Vol. 356. № 6338. P. 605–608. https://doi.org/10.1126/science.aam9695

Slon V., Viola B., Renaud G. et al. A fourth Denisovan individual // Science Advances. 2017b. № 3. Article number e1700186. P. 1–8. https://doi.org/10.1126/sciadv.1700186

Slon V., Mafessoni F., Vernot B. et al. The Genome of the Offspring of a Neandertal Mother and a Denisovan Father // Nature. 2018. Vol. 561. P. 113–116. https://doi.org/10.1038/s41586-018-0455-x

Vernot B., Zavala E.I., Gómez-Olivencia A. et al. Unearthing Neanderthal population history using nuclear and mitochondrial DNA from cave sediments // Science. 2021. Vol. 372. № 6542. Article number eabf1667. P. 1–14. https://doi.org/10.1126/science.abf1667

Viola B.T., Gunz P., Neubauer S., Slon V., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Meyer M., Pääbo S., Derevianko A.P. A parietal fragment from Denisova Cave // American Journal of Physical Anthropology. 2019. Vol. 168. Sup. 68. P. 258.

Zavala E.I., Jacobs Z., Vernot B., et al. Pleistocene sediment DNA reveals hominin and faunal turnovers at Denisova Cave // Nature. 2021. Vol. 595. P. 399–403. https://doi.org/10.1038/s41586-021-03675-0

Shunkov M.V., Kozlikin M.B. *

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Prosp. Academica Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: shunkov77@gmail.com (Shunkov M.V.); kmb777@yandex.ru (Kozlikin M.B.)

Paleolithic inhabitants of Denisova Cave

Based on paleogenetic analysis of anthropological remains from Denisova Cave in Altai Mountains, a previously unknown population of fossil people, the Denisovans, was discovered, and a complex picture of their interaction with Neanderthals was established. Currently, 17 skeletal remains of Paleolithic hominins discovered in the cave have been identified, and fragments of ancient human DNA have been isolated from its Pleistocene deposits. This work is devoted to the characteristics of the Denisova Cave inhabitants based on a comprehensive analysis of currently known paleoanthropological and paleogenetic data. We show that the oldest human remains in Altai were found in the basal deposits of the Denisova Cave. They belong to the Denisovans, hominins that share a common ancestor with Neanderthals but a different population history. The lower culture-bearing layers with finds from the initial stage of the Middle Paleolithic contain fragments of genomes that differ from the Denisovan genomes from the overlying sediments, indicating the existence of two different populations of

* Corresponding author.

Denisovans. The earliest evidence of the appearance of Neanderthals in Altai was also found in Denisova Cave. A complete genome sequence was isolated from the phalanx of the foot, which received the conditional name Altai Neanderthal. Between the populations of Neanderthals and Denisovans in Altai, there was a regular exchange of genetic material.

Key words: Altai, Denisova Cave, Paleolithic, Pleistocene, Denisovans, Neanderthals, paleogenetics, paleoanthropology.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-18-00069, https://rscf.ru/project/24-18-00069/.

REFERENCES

Andreeva, T.V., Manakhov, A.D., Gusev, F.E., Patrikeev, A.D., Golovanova, L.V., Doronichev, V.B., Shirobokov, I.G., Rogaev, E.I. (2022). Genomic analysis of a novel Neanderthal from Mezmaiskaya Cave provides insights into the genetic relationships of Middle Palaeolithic populations. *Scientific Reports*, (12), Article number 13016, 1–10. https://doi.org/10.1038/s41598-022-16164-9

Bennett, E.A., Crevecoeur, I., Viola, B., Derevianko, A.P., Shunkov, M.V., Grange, T., Maureille, B., Geigl, E.-M. (2019). Morphology of the Denisovan phalanx closer to modern humans than to Neanderthals. *Science Advances*, 5(9), 1–9. https://doi.org/10.1126/sciadv.aaw39

Brown, S., Higham, T., Slon, V., et al. (2016). Identification of a new hominin bone from Denisova Cave, Siberia using collagen fingerprinting and mitochondrial DNA analysis. *Scientific Reports*, (6), Article number 23559, 1–8. https://doi.org/10.1038/srep23559

Brown, S., Massilani, D., Kozlikin, M.B., et al. (2022). The earliest Denisovans and their cultural adaptation. *Nature Ecology & Evolution*, (6), 28–35. https://doi.org/10.1038/s41559-021-01581-2

Buzhilova, A.P. (2012). Pleistocene finds of human milk teeth from the Denisova Cave in the High Altai. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii,* (227), 200–207. (Rus.).

Douka, K., Slon, V., Jacobs, Z., et al. (2019). Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature*, (565), 640–644. https://doi.org/10.1038/s41586-018-0870-z

Krause, J., Fu, Q., Good, J.M., Viola, B., Shunkov, M.V., Derevianko, A.P., Pääbo, S. (2010). The Complete Mitochondrial DNA Genome of an Unknown Hominin from Southern Siberia. *Nature*, (464), 894–897. https://doi.org/10.1038/nature08976

Massilani, D., Morley, M.W., Mentzer, S.M., et al. (2022). Microstratigraphic preservation of ancient faunal and hominin DNA in Pleistocene cave sediments. PNAS, 119(1), Article number e2113666118, 1–10. https://doi.org/10.1073/pnas.2113666118

Mednikova, M.B. (2011). A proximal pedal phalanx of a Paleolithic hominin from Denisova Cave, Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 39(1), 129–138. https://doi.org/10.1016/j.aeae.2011.06.017

Mednikova, M.B. (2013). Distal phalanx of the hand of Homo from Denisova Cave stratum 12: A tentative description. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 41(2), 146–155. https://doi.org/10.1016/j.aeae.2013.11.014

Mednikova, M.B. (2020). Distal manual phalanges of Upper Pleistocene Homo from Altai caves. *Moscow University Anthropology Bulletin*, (2), 5–25. https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.2.005-025

Mednikova, M.B., Dobrovolskaya, M.V., Viola, B., Lavrenyuk, A.V., Kazansky, P.R., Shklover, V.Y., Shunkov, M.V., Derevianko, A.P. (2013). A micro computerized tomography (X-ray microscopy) of the hand phalanx of the Denisova girl. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 41(3), 120–125. https://doi.org/10.1016/j.aeae.2014.03.015

Meyer, M., Kircher, M., Gansauge, M.-T., et al. (2012). A High-Coverage Genome Sequence from an Archaic Denisovan Individual. *Science*, 338(6104), 222–226. https://doi.org/10.1126/science.1224344

Petr, M., Hajdinjak, M., Fu, Q., et al. (2020). The evolutionary history of Neanderthal and Denisovan Y chromosomes. *Science*, 369(6511), 1653–1656. https://doi.org/10.1101/2020.03.09.983445

Prüfer, K., Racimo, F., Patterson, N., et al. (2014). The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains. *Nature*, (505), 43–49. https://doi.org/10.1038/nature12886

Reich, D., Green, R.E., Kircher, M., et al. (2010). Genetic history of an archaic hominin group from Denisova cave in Siberia. *Nature*, (468), 1053–1060. https://doi.org/10.1038/nature09710

Sawyer, S., Renaud, G., Viola, B., et al. (2015). Nuclear and mitochondrial DNA sequences from two Denisovan individuals. *PNAS*, 112(51), 15696–15700. https://doi.org/10.1073/pnas.1519905112

Shpakova, E.G., Derevianko, A.P. (2000). The interpretation of odonatological features of Pleistocene human remains from the Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (1), 125–138.

Slon, V., Hopfe, C., Weiß, C.L., et al. (2017a). Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments. *Science*, 356(6338), 605–608. https://doi.org/10.1126/science.aam9695

Slon, V., Viola, B., Renaud, G., et al. (2017b). A fourth Denisovan individual. *Science Advances*, (3), Article number e1700186, 1–8. https://doi.org/10.1126/sciadv.1700186

Slon, V., Mafessoni, F., Vernot, B., et al. (2018). The Genome of the Offspring of a Neandertal Mother and a Denisovan Father. *Nature*, (561), 113–116. https://doi.org/10.1038/s41586-018-0455-x

Vernot, B., Zavala, E.I., Gómez-Olivencia, A., et al. (2021). Unearthing Neanderthal population history using nuclear and mitochondrial DNA from cave sediments. *Science*, 372(6542), Article number eabf1667, 1–14. https://doi.org/10.1126/science.abf1667

Viola, B.T., Gunz, P., Neubauer, S., Slon, V., Kozlikin, M.B., Shunkov, M.V., Meyer, M., Pääbo, S., Derevianko, A.P. (2019). A parietal fragment from Denisova Cave. *American Journal of Physical Anthropology*, (168), Sup. 68.

Zavala, E.I., Jacobs, Z., Vernot, B., et al. (2021). Pleistocene sediment DNA reveals hominin and faunal turnovers at Denisova Cave. *Nature*, (595), 399–403. https://doi.org/10.1038/s41586-021-03675-0

Zubova, A.V., Chikisheva, T.A., Shunkov, M.V. (2017). The Morphology of Permanent Molars from the Paleolithic Layers of Denisova Cave. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 45(1), 121–134. https://doi.org/10.17746/1563-0110.2017.45.1.121-134

Шуньков М.В., https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б., https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

Сведения об авторах:

Шуньков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

Козликин Максим Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

About the authors:

Shunkov, M.V., Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk.

Kozlikin, M.B., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-11

УДК 572.08

Широбоков И.Г. [a, *], Павлова М.С. [b]

[a] МАЭ РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
[b] ИИМК РАН, Дворцовая наб., 18А, Санкт-Петербург, 191186
E-mail: ivansmith@bk.ru (Широбоков И.Г.); marler@inbox.ru (Павлова М.С.)

О ВЛИЯНИИ МЕТОДА ОЦЕНКИ ВОЗРАСТА НА ВОЗРАСТНУЮ СТРУКТУРУ УМЕРШИХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА В СТАРОЙ ЛАДОГЕ)

Рассматривается проблема оценки возрастной структуры умерших при помощи разных методов на примере средневекового могильника в с. Старая Ладога. Проведен сравнительный анализ оценок возраста, полученных при помощи традиционных методов определения возраста и нового метода, предложенного группой британских и американских исследователей, Transition analysis 3 (TA3). Полученные распределения сопоставлялись с распределениями умерших, установленными по материалам доиндустриальных обществ. Распределение, полученное в рамках TA3, обнаружило большое сходство с данными синодальной статистики России второй половины XIX в. Оценка среднего возраста смерти, установленная в рамках традиционного подхода, составила 24,6 года, среди умерших старше 15 лет — 41,1 года. Соответствующие скорректированные оценки, полученные при помощи TA3, оказались заметно выше и составили 27,7 и 48,4 года соответственно. По регрессионной форме, предложенной Ж.П. Боке-Аппелем, была проведена приблизительная оценка ожидаемой продолжительности жизни средневековых жителей Старой Ладоги с учетом индекса ювенильности и предполагаемой величины естественного прироста. Наиболее вероятное значение признака находится в диапазоне 22–30 лет.

Ключевые слова: палеодемография, методы определения возраста, Старая Ладога, сохранность скелетов, Transition Analysis 3.

Ссылка на публикацию: Широбоков И.Г., Павлова М.С. О влиянии метода оценки возраста на возрастную структуру умерших (по материалам средневекового могильника в Старой Ладоге) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 127–138. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-11

Введение

На точность реконструируемой исследователем палеодемографической характеристики древнего населения оказывает влияние множество факторов, и большинство из них не поддается прямому контролю со стороны антрополога. В их числе индивидуальная вариативность признаков биологического старения, возможная кластеризация захоронений умерших определенного пола, возраста или статуса, неполнота раскопок могильника, размер выборки, перемещение, целостность и сохранность останков, отсутствие письменных источников, а также другие факторы, негативно влияющие на репрезентативность данных [Boldsen et al., 2021; Piontek, 2001; Seguy, Buchet, 2013; Walker et al., 1988]. Однако в руках исследователей находится контроль над выбором методов анализа, а значит, и над тем, чтобы представить результаты с той степенью точности и в той форме, в которой нам удается учесть влияние перечисленных факторов в каждом конкретном случае.

Оценка индивидуального возраста скелетов и установление на ее основе возрастной структуры умерших традиционно считаются одним из первых (и необходимых) этапов палеодемографического анализа. В последние годы появились также новые подходы, в рамках которых возрастная структура умерших реконструируется на основе байесовского подхода (анализа некоторого априорного возрастного распределения исследуемых признаков) и либо не требует индивидуальной оценки возраста [Caussinus, Courgeau, 2010], либо исходная оценка производится в широких интервалах [Seguy, Buchet, 2013]. В некотором смысле модельные распределения влияют на методы оценки при любом подходе: поскольку методы оценки возраста основываются на анализе конкретных референтных серий с задокументированным полом и возрастом, точность методов зависит от возрастной структуры последних [Bocquet-Appel, Masset, 1982]. Разница между подходами состоит в том, сознательно ли исследователь прибегает к по-

* Corresponding author.

мощи некоторой модели или позволяет возрастной структуре, бессознательно использованной им в качестве модельной, влиять на результаты «невидимой рукою».

Каким бы образом не осуществлялась оценка возрастной структуры умерших, хорошо известно, что на ее корректность серьезное влияние оказывает не только нерепрезентативность детских скелетов в выборках, но и один из наиболее заметных недостатков большинства традиционных методик, который состоит в невозможности точной оценки возраста у индивидов старше 50 лет и систематическом занижении возраста у индивидов зрелого и старческого возраста вообще [Lovejoy et al., 1985; Saunders et al., 1992; Piontek, 2001; и др.].

В последние два десятилетия исследователями разных стран активно ведется разработка новых методов, способных преодолеть эти недостатки. Один из таких новых подходов реализован в программе Transition Analysis 3 (далее — TA3), разработанной группой американских и британских исследователей [Milner et al., 2020]. Она опирается на данные о возрастной изменчивости более 1600 скелетов с задокументированным возрастом, происходящих с территории США, Португалии, Великобритании, Южной Африки и Таиланда. Программа позволяет учитывать информацию о возрастной изменчивости 74 признаков различных элементов скелета, оцениваемых в бинарной или порядковой шкале. TA3 заметно отличается как от традиционных методов определения возраста, так и от предшествующей версии анализа переходов (программа ADBOU), получившей широкое распространение в зарубежной антропологической среде [Milner, Boldsen, 2012],— фактически методики объединяют лишь название и частично состав коллектива авторов. Обработка данных в TA3 осуществляется при помощи случайной обобщенной линейной модели (Random generalized linear model). Предполагается, что этот подход позволяет минимизировать влияние возрастного состава референтных групп на точность методики. При этом важно отметить, что модель заново проходит обучение каждый раз, когда исследователь вводит набор доступных для наблюдения параметров.

В публичном доступе программа TA3 появилась несколько лет назад, и ее реальную эффективность на практике еще только предстоит оценить. Результаты предварительного тестирования текущей бета-версии, представленные на заседании в Американской академии судебной экспертизы (AAFS) в 2022 г., свидетельствуют о недостаточной точности TA3 при работе как с криминалистическими, так и с археологическими данными. Авторы программы признали проблемы, но рекомендуют продолжать собирать данные о признаках, входящих в TA3, и оценивать их в той же системе. Предполагается, что в следующих версиях программы изменится способ статистической оценки возраста [Transition Analysis 3…, 2022]. С другой стороны, исследователи, работающие с археологическими выборками, отмечают, что TA3 позволяет выявить присутствие в выборках старших возрастных групп, остающихся незаметными при использовании классических методик [Bolster et al., 2024; Fritz, 2021; Tornberg, 2022].

Так или иначе, сама по себе недостаточная точность методики для установления индивидуального возраста еще не говорит о ее непригодности для решения палеодемографических задач. Действительно, когда между прогнозируемым и паспортным возрастом систематические расхождения отсутствуют или же встречаются только в тех группах старческого возраста, доля которых в исследуемых выборках незначительна, такие недостатки методики не оказывают существенного влияния на общую оценку возрастной структуры. Кроме того, даже несмотря на имеющиеся недостатки, TA3 все еще может оказаться более эффективной при реконструкции палеодемографической характеристики, по сравнению со стандартными методами, получившими наиболее широкое распространение.

Настоящее исследование посвящено оценке возрастной структуры населения по материалам раскопок средневекового могильника в Старой Ладоге. Реконструкция такой структуры проводилась непосредственно на основе индивидуальных оценок возраста скелетов. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать различия между характеристиками, полученными при помощи двух различных подходов: традиционных методов, используемых российскими антропологами, и бета-версии программы Transition Analysis 3, и оценить их сравнительную надежность.

Основная информация о могильнике

В 2022 г. в ходе работы Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в с. Старая Ладога был открыт неизвестный ранее грунтовый могильник. Памятник был выявлен при исследова-

нии культурного слоя позднесредневекового селища[1], которое располагается на поле в месте слияния рек Заклюка и Ладожка, в 400 м к западу от каменной крепости и Земляного городища.

В ходе раскопок был изучен участок площадью 120 м^2 в юго-восточной части поселения на мысу. Многолетнее хозяйственное использование поля привело к повреждению большей части погребений. Кроме того, в пространстве между могилами и в заполнении могильных ям встречено большое количество разрозненных человеческих костей, что говорит о неоднократной практике захоронений на данном месте.

Погребения располагались преимущественно в один ярус. Два яруса захоронений зафиксированы только на краю береговой террасы на участке с понижением в рельефе на уровне материка, где глубина раскопа достигает 70 см. Здесь встречено максимальное количество разрозненных костей. Всего при раскопках обнаружено 29 погребений, кости в которых полностью или частично сохранили первоначальное положение ко времени исследований. Еще два детских захоронения были выявлены в ходе обработки антропологической коллекции.

В материалах могильника прослеживается два этапа функционирования: языческий и христианский. Более поздний, христианский этап представлен ингумациями, ориентированными головой на запад, в подпрямоугольных могильных ямах. Находки гвоздей и разнообразного металлического крепежа свидетельствуют о том, что погребения совершались в гробах, древесный тлен от которых не сохранился. К указанному этапу относится 27 исследованных захоронений; еще 3 захоронения, частично попавших в площадь раскопа, были законсервированы. Сопроводительный инвентарь отсутствовал, что существенно затрудняет датировку; только в одном погребении у ключицы находилась бронзовая литая шарообразная с округлым ушком пуговица с широким периодом бытования, которую следует рассматривать как элемент одежды.

В письменных источниках XVI–XVIII вв. могильник на исследованной территории не упоминается[2]. В указанный период в Ладоге функционирует кладбище на Земляном городище и, с большой долей вероятности, на территории каменной крепости [Григорьева, 2017, с. 114; Равдоникас, 1945, с. 31–32]. Отличительной чертой захоронений Нового времени является наличие предметов личного благочестия [Равдоникас, 1945, с. 32], в то время как на площади раскопа найден только один крестик конца XIX — начала XX в., и не в погребении, а в верхней части культурного слоя. Предварительно функционирование последнего этапа могильника определяется в широком диапазоне от XII до XV в.

Дохристианский этап функционирования могильника представлен двумя детскими погребениями в материковых ямах округлой формы. По сопроводительному инвентарю они предварительно датируются последней четвертью IX — второй четвертью X в. Следов насыпей над погребениями не выявлено. В межмогильном пространстве и в заполнении поздних могил встречены разрозненные переотложенные вещи, датируемые в пределах IX–XII вв. (фрагменты трех дирхамов, подковообразная фибула, накладка на гребень, сердоликовая бусина, фрагменты раннегончарной керамики, фрагмент тесьмы с золотым шитьем). Наличие мелких неопределимых фрагментов кальцинированных костей, следы пребывания в огне, зафиксированные на некоторых вещах, дают основание осторожно предполагать, что христианские ингумации потревожили в том числе грунтовые погребения с трупосожжениями.

В полевом сезоне 2023 г. в ходе разведочных работ зафиксирована западная и предварительная северная граница христианского некрополя. С юга и востока могильник ограничен естественными края береговых террас. Встречено 4 безынвентарных погребения с западной ориентировкой. Одно захоронение исследовано полностью; три попали в площадь раскопа частично и были законсервированы. Костяки не заглублены в материк и поэтому сильно потревожены сельскохозяйственной деятельностью. Погребения расположены в один ярус, и, видимо, это общее правило для всей неисследованной площади могильника с напольной стороны. Захоронения в два яруса, вероятно, могут быть обнаружены только на небольшом участке на самом краю восточной береговой террасы, где зафиксирован упомянутый ранее естественный материковый уступ.

[1] Раскопки селища широкой площадью проводились впервые. Памятник выявлен по сборам подъемного материала в 1957 г. А.С. Каманцевой (Староладожская археологическая экспедиция под руководством В.И. Равдоникаса) [Равдоникас, 1957, л. 15]; повторно обследован Г.С. Лебедевым в 1983 г. [Лебедев, Седых, 1985, с. 23, п. 37]. Границы определены по результатам шурфовки в 2021 г.

[2] В Писцовых книгах 1500 и 1568 гг. упоминается деревня Щелега/Щерега, на планах генерального межевания 1778–1779 гг. отмечена пустошь Климентовщина, с пояснением, что раньше на ее месте была деревня Шерега [Бранденбург, 1896, с. 324; Селин, 2003, с. 267, 280, карты XII-1, XII-3].

По результатам работ 2023 г. к настоящему моменту предположительно исследовано чуть меньше половины христианского кладбища. Кроме того, было изучено еще одно захоронение в круглой яме, содержащее два детских погребения с инвентарем, относящихся к языческому периоду функционирования могильника. Исследования 2023 г. показали, что территория, освоенная в конце IX — первой половине X в., была намного шире, чем предполагалось после работ 2022 г., и включала не только мысовую часть, но и обширную площадь, прилегающую с напольной стороны. Определить ее размеры еще предстоит в ходе дальнейших полевых изысканий.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили скелетные останки, зафиксированные в ходе раскопок 2022–2023 гг., относящиеся к христианскому периоду. Поскольку часть костей происходит из заполнения могильных ям и межмогильного пространства, актуальной оказалась задача оценки минимальной численности погребенных. Расчеты проводились следующим образом. Для останков, обнаруженных в пределах каждой из могильных ям (если таковые в ней присутствовали), оценивалась вероятность их принадлежности к основному костяку, подсчитывалось число повторяющихся элементов скелета и оценивался приблизительный возраст смерти умерших. Таким образом было установлено, что в погребениях дополнительно содержались разрозненные останки от 0 до 6 чел. Авторы исходили из предположения, что останки одного и того же человека не могли оказаться в заполнении разных могильных ям, поэтому полученные числа суммировались. Затем был проведен расчет минимального числа умерших, разрозненные останки которых были обнаружены в межмогильном пространстве. В этом случае сохраняется высокая вероятность того, что часть костей из заполнения ям принадлежит тем же людям, останки которых были зафиксированы вне могил. Чтобы избежать завышения числа погребенных, разрозненные останки детей и подростков были разбиты на несколько возрастных групп, а кости индивидов старше 20 лет составили общую группу. Для каждой группы было проведено сопоставление числа повторяющихся элементов скелета, встреченных в заполнении ям и межмогильном пространстве, а полученное максимальное число сопоставлялось с установленным общим числом погребенных того же возраста, останки которых были обнаружены в пределах заполнения могильных ям.

Пол умерших определялся при помощи стандартных методов [Алексеев, Дебец, 1964; White, Folkens, 2005]. По возможности проводилась оценка морфологии костей таза, при их отсутствии или недостаточной сохранности анализировались морфология костей черепа, массивность длинных костей конечностей и проводились измерения диаметров головок плечевой и бедренной костей. Значения последних оценивались в соответствии с рубрикацией в [Медико-криминалистическая идентификация…, 2000]. Возраст детей оценивался преимущественно путем измерения наибольших длин длинных костей и сопоставления наблюдений со схемой прорезывания зубов [Schaefer et al., 2009]. Возраст взрослых умерших оценивался в двух вариантах:

1) в соответствии с традиционными методами, используемыми российскими антропологами. Методы включали в себя оценку степени облитерации швов свода черепа, степени стертости зубов, состояния суставных поверхностей позвонков, длинных костей и лобкового симфиза [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; White, Folkens, 2005];

2) при помощи программы Transition Analysis 3, в основе которой лежат методы машинного обучения [Milner et al., 2020]. Как уже указывалось выше, программа позволяет учитывать информацию о возрастной изменчивости несколько десятков признаков различных элементов скелета, оцениваемых в бинарной или порядковой шкале, хотя фиксация всего набора не является обязательной. Это позволяет работать с останками разной степени сохранности и комплектности. В данном исследовании преимущественно учитывались признаки на длинных костях скелета, а также на костях таза.

Применение TA3 значительно облегчает специализированная программа с удобным пользовательским интерфейсом, снабженная иллюстрированным руководством. Однако она предназначена именно для индивидуальной оценки возраста. Результаты представляются в виде оценки максимального правдоподобия, 95 % доверительного интервала, стандартной ошибки и коэффициента корреляции между паспортным возрастом и возрастом, прогнозируемым моделью в тестовой выборке.

Для оценки возрастной структуры выборки первым автором была написана программа на Python, которая оценивала вероятность принадлежности индивидов к каждому из пятилетних возрастных интервалов. Стандартный подход предполагает, что в рамках установленного ис-

следователем возрастного диапазона вероятность принадлежности индивида к каждому возрастному интервалу одинакова. Соответствующая вероятность для оценок, полученных при помощи ТАЗ, оценивалась по закону нормального распределения.

При работе с разрозненными останками возраст в некоторых случаях вынужденно оценивался в широких категориях «взрослый» или «старческий», без учета различий в методиках.

Дополнительно оценивалась комплектность останков в соответствии с методом, использованным Ф. Уолкером с коллегами [Walker et al., 1988]. Для каждого скелета определялось отсутствие или наличие 14 длинных костей (бедренных, больших и малых берцовых, плечевых, лучевых, локтевых и ключиц) с учетом их целостности. Затем рассчитывались средние оценки показателя комплектности для пяти разных возрастных групп: 0–4, 5–9, 10–19, 20–50 и старше 50 лет. В расчет принимались только останки из погребений in situ, кости из заполнения ям и обнаруженные в межмогильном пространстве не учитывались.

Результаты и обсуждение

Минимальная численность погребенных и фактор сохранности

Минимальная численность погребенных, останки которых были зафиксированы в ходе археологических работ, составила 71 чел. В их числе скелетные останки 5 младенцев, которые происходят из погребений первой половины X в. Эти погребения были исключены из дальнейшего палеодемографического анализа. Кости, встреченные в межмогильном пространстве, не повлияли на оценку минимальной численности. Даже после разделения останков на возрастные группы количество повторяющихся элементов скелета в каждой из них не превышало установленного числа индивидов, разрозненные останки которых были зафиксированы в заполнении могильных ям. Погребенные, останки которых были зафиксированы в захоронениях in situ и в нарушенном состоянии, составили примерно равные группы (44 и 56 % соответственно). Во всяком случае, наблюдаемые различия неотличимы от случайных.

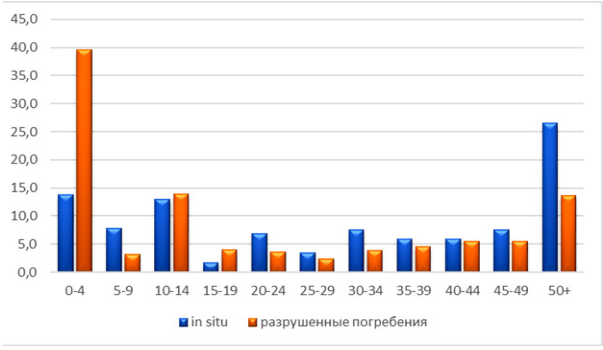


Рис. 1. Распределение умерших по пятилетним возрастным интервалам по материалам целых и разрушенных погребений.
Fig. 1. Age-at-death distribution by five-year age intervals based on materials from intact and destroyed burials.

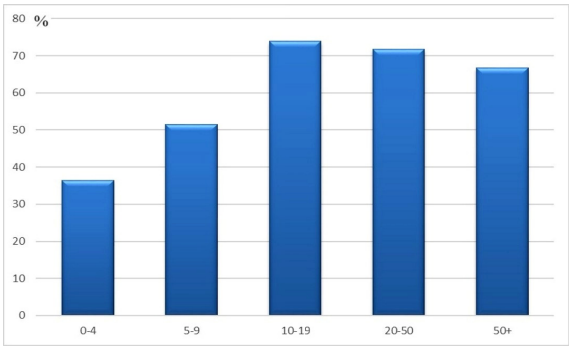


Рис. 2. Распределение среднего показателя комплектности 14 длинных костей среди индивидов разных возрастных групп (погребения in situ).
Fig. 2. Distribution of mean preservation scores of 14 long bones among individuals of different age groups (burials in situ).

Среди погребенных взрослые индивиды составили 35 чел. Останки 18 чел. принадлежали мужчинам, 8 чел. — женщинам, еще в 9 случаях пол установить не удалось.

Доля детей, особенно относящихся к первому пятилетнему интервалу, среди погребенных in situ заметно ниже, чем соответствующая доля, рассчитанная по разрозненным останкам (рис. 1). Эти различия могут быть как случайными, так и связанными с объективной изменчивостью показателей рождаемости и смертности в разные периоды использования могильника. Нельзя исключать, что среди разрозненных останков присутствуют также кости младенцев, датирующиеся первым этапом использования могильника, однако находки не позволяют их идентифицировать. Кроме того, вероятно, детские и особенно младенческие погребения чаще подвергались непреднамеренному разрушению при выборе места для новых могил как из-за физических параметров (небольших размеров и, как правило, меньшей глубины), так и ввиду сравнительно большой их доли на кладбище вследствие высокой детской смертности в эпоху Средневековья.

Доля детей, отнесенных к интервалу «10–14 лет», в обоих случаях выше, чем доля детей «5–9 лет». Такое распределение умерших нетипично для популяций, которые не подвергаются воздействию серьезных стрессовых факторов (войн, эпидемий, массовых миграций). Однако, по всей видимости, наблюдаемый в интервале 10–14 лет пик является статистической случайностью. Всего к интервалу «5–9 лет» отнесены 3 ребенка, к интервалу «10–14 лет» — 9 детей.

Другая причина такого распределения может заключаться в том, что число детей, относящихся к первым двум пятилетним интервалам, недооценивается из-за худшей сохранности скелетов по сравнению со скелетами подростков и взрослых. Существует множество работ, посвященных разнообразным факторам, влияющим на сохранность скелетов (см. краткое описание и ссылки в [Manifold, 2015]). Отрицательное воздействие на сохранность могут оказать как собственные характеристики кости (небольшие размеры, низкая плотность, наличие патологий), так и внешние факторы (кислотность почвы, грунтовые воды, температура, доступность останков для представителей флоры и фауны, особенности погребального обряда). Зависимость от влияния факторов не является линейной: в случаях, когда исследователи имеют дело с кладбищами, действующими непродолжительный период, или особыми условиями захоронения младенцев, скелеты последних демонстрируют нередко хорошую сохранность (см., напр.: [Lanphear, 1989; Куфтерин и др., 2022]). Однако в тех случаях, когда одни и те же участки кладбища неоднократно использовались для повторных захоронений, меньшие размеры костей младенцев несомненно способствуют их худшей сохранности и занижению числа индивидов.

Об этом свидетельствуют и результаты исследования староладожской выборки. Средний показатель комплектности длинных костей заметно различается между отдельными возрастными группами (рис. 2). Комплектность останков детей младше 5 лет оказалась в 1,9 раза, а детей 5–9 лет — в 1,4 раза ниже комплектности скелетов подростков и взрослых даже по материалам погребений in situ. Это позволяет предположить, что реальное число не только младенцев, но и детей, оцениваемое по разрозненным останкам, может заметно превышать полученные минимальные оценки.

Влияние выбора метода оценки возраста среди взрослых на форму распределения

Два варианта возрастного распределения умерших без учета пола, полученные в рамках двух методик, представлены в табл. 1[3]. По сравнению с традиционными методами применение ТАЗ позволило не только оценить распределение умерших в возрастных пятилетних интервалах среди индивидов старше 50 лет, сама общая доля таких индивидов оказалась на 10 % выше. Поскольку некоторые индивиды представлены разрозненными останками, а многие целые скелеты имели недостаточно хорошую сохранность для получения узких интервалов в рамках обоих подходов, можно предполагать, что величина расхождений в доле индивидов старше 50 лет несколько занижена.

Поскольку ТАЗ позволяет оценивать возраст в старших когортах, заметно различаются и оценки среднего возраста смерти. При стандартном способе подсчета средний возраст смерти и средний возраст смерти среди взрослых (старше 15 лет) в выборке составляют 24,6 и 41,1 года соответственно. В рамках программы ТАЗ те же показатели составляют 27,7 и 48,4 года.

Отчасти разница в оценках, полученных двумя способами, объясняется тем, что использование традиционных методик приводит к систематическому занижению возраста смерти в старших группах. С другой стороны, важнейшую роль играет то, каким именно образом проводятся расчеты среднего возраста смерти. При использовании стандартных таблиц смертности с открытым интервалом «старше 50 лет» средний возраст умерших не может превышать 52,5 года — эта оценка рассматривается как средняя для лиц, переживших порог в 50 лет. Для того чтобы выравнять оценки, полученные в рамках двух подходов, необходимо искусственно установить средний возраст индивидов в когорте «старше 50 лет» равным 70 годам. В этом случае средний возраст умерших составит 27,9, средний возраст смерти среди индивидов старше 15 лет — 47,4 года. Однако весьма сомнительно, что корректным решением проблемы будет внесение некоторой универсальной поправки в расчеты, основанные на стандартных методиках.

Действительно ли большая доля индивидов старше 50 лет и полученное распределение свидетельствуют о большей точности методики ТАЗ? К сожалению, не существует письменных источников, которые предоставили бы данные, позволяющие оценить относительную точность двух методик непосредственно на примере средневекового населения Старой Ладоги. Однако для такой

[3] Возрастные распределения не рассчитывались отдельно для каждого пола, поскольку размеры соответствующих выборок невелики, а значит, разделить случайные и объективные различия невозможно.

оценки могут быть использованы модельные данные о возрастной структуре умерших в доиндустриальных обществах, к которым несомненно относилось исследуемое население. Для доиндустриальных обществ характерны некоторые общие черты, непосредственно влияющие на их демографическую структуру, в числе которых высокая рождаемость и высокая детская смертность, отсутствие медицинской помощи, сельскохозяйственный тип производства.

Таблица 1

Возрастное распределение умерших по материалам могильника Старая Ладога XXVIII

Table 1

Age-at-death distribution for the cemetery of Staraya Ladoga XXVIII

Возрастной интервал	Традиционные методы	ТАЗ
0–4	28,3	28,3
5–9	5,2	5,2
10–14	13,5	13,5
15–19	3,0	3,3
20–24	5,1	4,2
25–29	2,8	1,9
30–34	5,5	3,1
35–39	5,2	4,2
40–44	5,7	5,1
45–49	6,4	5,4
50–54	19,3*	5,2
55–59	—	5,0
60–64	—	4,3
65–69	—	3,2
70–74	—	2,5
75–79	—	1,9
80–84	—	1,3
85+	—	0,9

* Оценка приведена для интервала «старше 50 лет».

Для сопоставления были использованы среднее возрастное распределение умерших, рассчитанное французскими палеодемографами на материалах 167 таблиц смертности доиндустриальных обществ разных частей света [Seguy, Buchet, 2013], а также распределение умерших в России в 1851–1890-х гг., основанное на данных Синода [Бессер, Баллод, 1897].

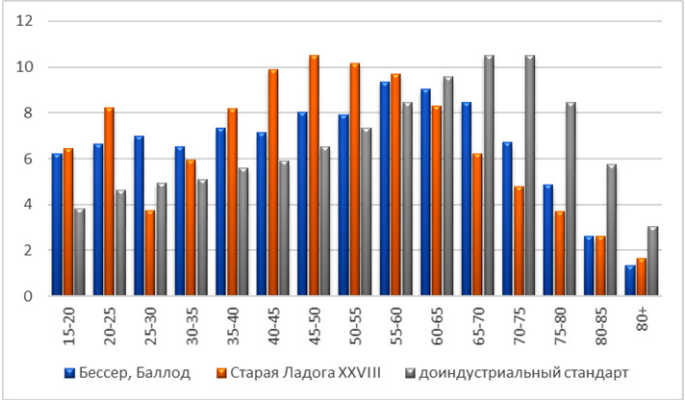


Рис. 3. Возрастное распределение умерших старше 15 лет по материалам могильника Старая Ладога XXVIII (ТАЗ) в сравнении с данными по России второй половины XIX в. [Бессер, Баллод, 1897] и «доиндустриальным стандартом» [Seguy, Buchet, 2013].
Fig. 3. Age-at-death distribution of individuals over 15 years old based on materials from the Staraya Ladoga XXVIII (TA3) burial ground in comparison with data for Russia in the second half of the 19th century [Besser, Ballod, 1897] and the “pre-industrial standard” [Seguy, Buchet, 2013].

Результаты сопоставления распределений среди лиц старше 15 лет представлены на рис. 3. В староладожской выборке пик приходится на интервал «45–50 лет», по данным церковной статистики по России второй половины XIX в. — на «55–60 лет», в «доиндустриальном стандарте» — на «70–75 лет». Во всех случаях наблюдается довольно плавное изменение долей в смежных

интервалах. Исключение составляют интервалы «15–20» и «20–25 лет» в выборке из Старой Ладоги, доли умерших в которых заметно различаются. Весьма вероятно, что это объясняется небольшими размерами выборки: возраст в младших группах поддается оценке в более узких интервалах, а значит, в этом случае не наблюдается того сглаживающего эффекта, который проявляется в более старших группах.

Таблица 2

Вариативность оценок продолжительности жизни населения Старой Ладоги в XII–XV вв. при разной скорости естественного прироста

Table 2

Variation in life expectancy estimates of the population of Staraya Ladoga in the XII–XVth centuries at different rates of natural increase.

Естественный прирост, r, %	e_0 (IJ = 0,37)	e_0 (IJ = 0,37, A_{20} = 50,5)	e_0 (IJ = 0,37, A_{20} = 42,2)
0,1	13,9–17,0	15,8–18,4	10,4–13,1
0,2	14,6–17,6	16,5–19,1	11,1–13,8
0,3	15,2–18,3	17,2–19,8	11,8–14,4
0,4	15,9–18,9	17,9–20,5	12,5–15,1
0,5	16,5–19,5	18,6–21,2	13,2–15,8
0,6	17,2–20,2	19,3–21,9	13,8–16,5
0,7	17,8–20,8	20,0–22,6	14,5–17,2
0,8	18,5–21,5	20,7–23,3	15,2–17,9
0,9	19,1–22,1	21,4–24,0	15,9–18,5
1,0	19,8–22,8	22,1–24,7	16,6–19,2
1,1	20,4–23,4	22,8–25,4	17,3–19,9
1,2	21,1–24,1	23,5–26,1	18,0–20,6
1,3	21,7–24,8	24,2–26,9	18,7–21,3
1,4	22,4–25,4	24,9–27,6	19,4–22,0
1,5	23,0–26,1	25,6–28,3	20,0–22,7

Примечание. В скобках приведены значения предикторов, учитываемых в формулах, из [Bocquet-Appel, Masset, 1996].

В стабильной популяции форма распределения умерших может зависеть от разных факторов, в том числе от темпов естественного прироста населения, которая в свою очередь положительно коррелирует с долей детей среди умерших. Общая доля детей (умерших до 15 лет), рассчитанная для усредненного «доиндустриального стандарта», составляет 37,3 %, в общероссийской выборке — 65,5 %, в староладожской — 50,7 %. Однако если исходить из того, что оценка минимальной численности детей в той части выборки, которая происходит из разрушенных погребений, занижена, а недооценка прямо пропорциональна различиям в показателе комплектности останков между возрастными группами, то для Старой Ладоги общая доля детей составит 56,1 %. Большее сходство распределения в исследуемой выборке с распределением, рассчитанным по данным церковной статистики второй половины XIX в., объясняется вовсе не каким-то историко-географическим фактором, а предположительно тем, что в обоих случаях мы имеем дело с растущей популяцией, вероятно, со сходными темпами прироста. В России во второй половине XIX в. соответствующий коэффициент составлял приблизительно 1,4 % [Бессер, Баллод, 1897]. Для средневековой Старой Ладоги величина коэффициента естественного прироста неизвестна. По расчетам Б.Ц. Урланиса, в Европе XII–XV вв. среднегодовые темпы прироста населения составляли около 0,1 % [Урланис, 1941]. Такая низкая величина оценки обусловлена периодами резкого сокращения численности населения в Европе вследствие вспышек эпидемий и массового голода в неурожайные годы. Реальная величина коэффициента в стабильные периоды роста населения несомненно была заметно выше и варьировала на разных территориях в зависимости от плотности населения, климата и типа хозяйства. Поскольку в материалах могильника отсутствуют явные признаки катастрофической смертности, для Старой Ладоги среднеевропейский коэффициент можно принять только в качестве условного нижнего порога действительной скорости прироста.

Воспользовавшись регрессионными формулами, рассчитанными Ж.П. Боке-Аппелем по материалам 40 таблиц смертности [Bocquet-Appel, Masset, 1996, с. 582, табл. 6], можно попытаться рассчитать ожидаемую продолжительность жизни при рождении (e_0) в средневековой Старой Ладоге при разных темпах прироста. Одна из предложенных им формул требует знания индекса ювенильности, величина которого не зависит от метода оценки возраста взрослых индивидов ($IJ = D_{5–15}/D_{20+}$), другая — оценки среднего возраста смерти среди лиц старше 20 лет

(A_{20}). Поскольку оценка среднего возраста зависит от метода, сопоставление результатов поможет также в решении задачи о сравнительной точности методов оценки возраста. Средний возраст смерти среди лиц старше 20 лет, рассчитанный при помощи ТАЗ, составляет 50,5 года, в рамках традиционных методов — 42,2 года.

В табл. 2 представлены оценки ожидаемой продолжительности жизни для населения Старой Ладоги при разных темпах естественного прироста. Хорошо заметно, что оценки ожидаемой продолжительности жизни, полученные по разным формулам, в большей степени совпадают между собой в случае, когда мы пользуемся для расчета среднего возраста смерти программой ТАЗ, нежели когда используем стандартные методы. Этот результат также согласуется с заключением о большей эффективности нового метода. При этом более реалистичными представляются оценки ожидаемой продолжительности жизни, соответствующие более высокой скорости естественного прироста.

Заключение

К настоящему времени раскопана приблизительно половина общей площади средневекового могильника. После завершения раскопок форма возрастного распределения умерших может несколько измениться, а вместе с ней изменятся и оценки среднего возраста смерти и ожидаемой продолжительности жизни. Часто антропологи отмечают, что палеодемографический анализ требует работы с материалами из полностью или почти полностью раскопанного могильника [Acsadi, Nemeskéri, 1970; Алексеев, 1989]. Однако в действительности более важным, чем доступность проведения исследования полностью раскопанного могильника, авторам представляется возможность получения более узких датировок погребений и их разбивки на хронологические группы. Теоретически такая информация может быть использована для приблизительной оценки скорости естественного прироста населения, использовавшего могильник, а также для установления хронологической изменчивости палеодемографической характеристики и даже выявления наиболее вероятных периодов катастрофической смертности. Эта информация остается недоступной, однако, приблизительно оценив общие размеры могильника, можно рассчитать интервал, в котором с наибольшей вероятностью будут находиться истинные доли разных возрастных групп, а также индекс ювенильности,— а значит, получить более обоснованные оценки продолжительности жизни.

Расчитанный методом бутстрэпа 95%-ный доверительный интервал индекса ювенильности находится в пределах 19,5–49,6 %. Более вероятным представляется, что реальная величина показателя находится в первой половине этого интервала. По подсчетам первого автора, средняя величина индекса ювенильности в 89 выборках из могильников XII–XIX вв., расположенных в европейской части России (без учета монастырских кладбищ), составляет 20,6 %. При этом только в 10 % выборок величина индекса составляла 37 % или более. Для сравнения: по расчетам, основанным на синодальной статистике по России за 1851–1890 гг., средняя величина индекса ювенильности составляла 24,8 % [Бессер, Баллод, 1897].

Если мы примем в качестве вероятного положение, что скорость естественного прироста составляла 1–1,5 %, а индекс ювенильности близок к нижней границе рассчитанного интервала, оценка ожидаемой продолжительности жизни при рождении для средневекового населения Старой Ладоги составит 22–30 лет. Такой широкий интервал может показаться неудовлетворительным на взгляд некоторых исследователей, и все же он представляется более надежным (хотя и по-прежнему грубым) приближением к реальной величине показателя, нежели привычные, но не верифицируемые точечные оценки.

Общие результаты проведенного исследования свидетельствуют, что программа ТАЗ позволяет получить более реалистичные оценки возрастного распределения умерших, нежели стандартные методы. Широкое распространение в отечественной палеодемографии таблиц смертности с открытой финальной когортой «50+» изначально было обусловлено осторожностью исследователей, осознающих ограничения традиционных методов оценки возраста. Однако по иронии судьбы именно этот «осторожный» подход на практике приводит к значительному искажению палеодемографической характеристики древних популяций. Как уже указывалось во введении, предварительные исследования показывают, что новый метод также обладает некоторыми недостатками. Но объективная их значимость может быть точно установлена только при работе с коллекциями с задокументированным полом и возрастом.

Финансирование. Археологические исследования селища и грунтового могильника в 2023 г. проведены М.С. Павловой за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00515 «Формирование ранней

городской структуры и культурного ландшафта Северной Руси на материале археологического комплекса Старой Ладоги».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.

Алексеев В.П. Палеодемография: Содержание и результаты // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 63–90.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 126 с.

Бессер К., Баллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851–1890 годы. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1897. 124 с.

Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896. 512 с.

Григорьева Н.В. Склепы Георгиевского погоста Старой Ладоги // В камне и бронзе. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб., 2017. С. 109–116.

Куфтерин В.В., Сатаев Р.М., Дубова Н.А. О качестве палеоантропологической выборки и «посмертном отборе» (по материалам Гонур-депе) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 148–157.

Лебедев Г.С., Седых В.Н. Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // Вестник Ленинградского университета. 1985. Вып. 9. С. 15–25.

Медико-криминалистическая идентификация: Настольная книга судебно-медицинского эксперта / Под общ. ред. В.В. Томилина. М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. 472 с.

Равдоникас В.И. Старая Ладога // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 30–41.

Селин А.А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв.: Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003. 491 с.

Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М.: ОГИЗ, 1941. 433 с.

Acsadi G., Nemeskéri J. History of Human Lifespan and Mortality. Budapest: Akademiai Kiado, 1970. 346 p.

Bocquet-Appel J.P., Masset C. Farewell to paleodemography // Journal of Human Evolution. 1982. Vol. 11. P. 321–333.

Bocquet-Appel J.P., Masset C. Expectancy and false hope // American Journal of Physical Anthropology. 1996. Vol. 99. P. 571–583.

Boldsen J.L., Milner G.R., Ousley S.D. Paleodemography: From archaeology and skeletal age estimation to life in the past // Yearbook of Biological Anthropology. 2021. Vol. 178. P. 115–150. https://doi.org/10.1002/ajpa.24462

Bolster A.L., JeanLouis H.J., Gregoricka L.A., Ullinger J.M. Estimating adult age categories in commingled skeletons with Transition Analysis 3 // American Journal of Biological Anthropology. 2024. Vol. 183 (2). P. 1–12. https://doi.org/10.1002/ajpa.24890

Caussinus H., Courgeau D. Estimer l'âge sans le mesurer en paléodémographie // Population. 2010. Vol. 65. P. 117–145. https://doi.org/10.3917/popu.1001.0117

Fritz S. Establishing the paleodemography of Saint Nicolai High Medieval cemetery: An evaluation study of the Transition Analysis 3 method: Master's thesis in Archaeology. Lund, 2021. 64 p.

Lanphear K.M. Testing the value of skeletal samples in demographic research: A comparison with vital registration samples // International Journal of Anthropology. 1989. Vol. 4 (3). P. 185–193.

Lovejoy C.O., Meindl R.S., Mensforth R.P., Barton T.J. Multifactorial determination of skeletal age at death: A method and blind tests of its accuracy // American Journal of Physical Anthropology. 1985. Vol. 68 (1). P. 1–14.

Manifold B.M. Skeletal preservation of children's remains in the archaeological record // HOMO — Journal of Comparative Human Biology. 2015. Vol. 66 (6). P. 520–548. https://doi.org/10.1016/j.jchb.2015.04.003

Milner G.R., Boldsen J.L. Transition analysis: A validation study with known-age modern American skeletons // American Journal of Physical Anthropology. 2012. Vol. 148 (1). P. 98–110. https://doi.org/10.1002/ajpa.22047

Milner G.R., Boldsen J.L., Ousley S.D., Getz S.M., Weise S., Tarp P. TA3 Installation and Software User Guide: Version 0.16. 2020.

Piontek J. Paleodemography and taphonomy // Archaeologia Polona. 2001. Vol. 39. P. 55–74.

Saunders S.R., Fitzgerald C., Rogers T., Dudar C., McKillop H. A test of several methods of skeletal age estimation using a documented archaeological sample // Canadian Society of Forensic Science Journal. 1992. Vol. 25. Is. 2, P. 97–118.

Schaefer M., Black S.M., Scheuer L. Juvenile osteology: A laboratory and field manual. Amsterdam, Burlington: Elsevier/Academic Press, 2009.

Seguy I., Buchet L. Handbook of palaeodemography. INED Population Studies. Vol. 2. Springer, Cham, 2013. 329 p.

Tornberg A. Beyond the age of 60+ Evidence of an elderly female from the Neolithic-Early Bronze Age using Transition Analysis 3 age estimation // Fornvännen. Journal of Swedish Antiquarian Research. 2022. Vol. 177 (2). P. 134–139.

Walker P.L., Johnson J.R., Lambert P.M. Age and sex biases in the preservation of human skeletal remains // American Journal of Physical Anthropology. 1988. Vol. 76. P. 183–188.

White T., Folkens P. The human bone manual. Elsevier Academic Press, 2005.

ИСТОЧНИКИ

Равдоникас В.И. Отчет о работе Староладожской экспедиции в 1957 г. Данные археологических разведок по течению р. Ладожки, произведенные А.С. Каманцевой. Заключение об определении хронологии староладожских сооружений методом анализа древесных стволов. Альбом иллюстраций // Научный архив РО ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 10.

Transition Analysis 3 Age-at-Death Estimation: Past, Present, and Future. 2022. URL: https://nij.ojp.gov/events/transition-analysis-3-age-death-estimation-past-present-and-future (accessed 01.02.2024).

Shirobokov I.G. [a, *], Pavlova M.S. [b]

[a] Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
[b] Institute of History of Material Culture RAS
Dvortsovaya nab., 18A, St. Petersburg, 191186, Russian Federation
E-mail: ivansmith@bk.ru (Shirobokov I.G.); marler@inbox.ru (Pavlova M.S.)

The impact of aging method on the age-at-death distribution: a case of medieval Staraya Ladoga skeletal sample

The problem of estimating age-at-death structures using different methods is examined through the medieval skeletal sample from Staraya Ladoga. A comparative analysis of age estimates obtained using traditional age determination methods and a new method proposed by a group of British and American researchers, Transition Analysis 3 (TA3), was carried out. The skeletal distributions were compared with those based on data from pre-industrial societies. The age-at-death distributions under TA3 showed significant similarity to data from Russia in the second half of the 19th century. The average age of death estimated within the traditional approach was 24,6 years, and among those who died older than 15 years, it was 41,1 years. The adjusted estimates from TA3 were 27,7 and 48,4 years, respectively. Employing the regression model proposed by J.P. Bocquet-Appel, a rough estimate of the life expectancy (e_0) of medieval inhabitants of Staraya Ladoga was derived, considering the juvenility index and the estimated rate of natural increase. The most likely value of the e_0 is in the range of 22–30 years.

Keywords: paleodemography, age estimation methods, Staraya Ladoga, preservation of skeletons, Transition Analysis 3.

Funding. The archaeological research of the settlement and the cemetery in 2023 was carried out by M.S. Pavlova under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00515 “Formation of the early urban structure and cultural landscape of Northern Rus based on the material of the archaeological complex of Staraya Ladoga”.

REFERENCES

Acsadi, G., Nemeskéri, J. (1970). *History of Human Lifespan and Mortality.* Budapest: Akademiai Kiado.

Alekseev, V.P. (1966). *Osteometry: Methodology of anthropological research*. Moscow: Nauka (Rus.).

Alekseev, V.P. (1989). Paleodemography: Content and results. In: Ju.A. Poljakov (Ed.). *Istoricheskaja demografija: Problemy, suzhdenija, zadachi.* Moscow: Nauka, 63–90. (Rus.).

Alekseev, V.P., Debets, G.F. (1964). *Craniometry: Methodology of anthropological research.* Moscow: Nauka (Rus.).

Besser, K., Ballod, K. (1897). *Mortality, age composition and longevity of the Orthodox population of both sexes in Russia for the years 1851–1890.* St. Petersburg: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk (Rus.).

Bocquet-Appel, J.P., Masset, C. (1982). Farewell to paleodemography. *Journal of Human Evolution*, (11), 321–333.

Bocquet-Appel, J.P., Masset, C. (1996). Expectancy and false hope. *American Journal of Physical Anthropology*, (99), 571–583.

Boldsen, J.L., Milner, G.R., Ousley, S.D. (2021). Paleodemography: From archaeology and skeletal age estimation to life in the past. *Yearbook of Biological Anthropology*, 178, 115–150. https://doi.org/10.1002/ajpa.24462

Bolster, A.L., JeanLouis, H.J., Gregoricka, L.A., Ullinger, J.M. (2024). Estimating adult age categories in commingled skeletons with Transition Analysis 3. *American Journal of Biological Anthropology*, 1–12, https://doi.org/10.1002/ajpa.24890

Brandenburg, N.E. (1896). *Staraya Ladoga.* St. Petersburg: Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov (Rus.).

Caussinus, H., Courgeau, D. (2010). Estimer l'âge sans le mesurer en paléodémographie. *Population*, (65), 117–145. https://doi.org/10.3917/popu.1001.0117

Fritz, S. (2021). *Establishing the paleodemography of Saint Nicolai High Medieval cemetery: An evaluation study of the Transition Analysis 3 method. Master’s thesis in Archaeology.* Lund: Lund University.

Grigor'eva, N.V. (2017). Crypts of St. George’s Pogost in Staraya Ladoga. In: A.E. Musin (Ed.). *V kamne i bronze. Trudy IIMK RAN. T. XLVIII.* St. Petersburg: IIMK RAN, 109–116. (Rus.).

* Corresponding author.

Kufterin, V.V., Sataev, R.M., Dubova, N.A. (2022). Taphonomic bias in preservation and representativeness of skeletal samples (a case of Gonur Depe). *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii*, (1), 148–157. (Rus.). http://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-56-1-12.

Lanphear, K.M. (1989). Testing the value of skeletal samples in demographic research: A comparison with vital registration samples. *International Journal of Anthropology*, 4(3), 185–193.

Lebedev, G.S., Sedyh, V.N. (1985). Archaeological map of Staraya Ladoga its immediate surroundings. *Vestnik Leningradskogo universiteta*, (9), 15–25. (Rus.).

Lovejoy, C.O., Meindl, R.S., Mensforth, R.P., Barton, T.J. (1985). Multifactorial determination of skeletal age at death: A method and blind tests of its accuracy. *American Journal of Physical Anthropology*, 68(1), 1–14.

Manifold, B.M. (2015). Skeletal preservation of children's remains in the archaeological record. *HOMO — Journal of Comparative Human Biology*, 66(6), 520–548. https://doi.org/10.1016/j.jchb.2015.04.003

Milner, G.R., Boldsen, J.L. (2012). Transition analysis: A validation study with known-age modern American skeletons. *American Journal of Physical Anthropology*, 148(1), 98–110. http://doi.org/10.1002/ajpa.22047

Milner, G.R., Boldsen, J.L., Ousley, S.D., Getz, S.M., Weise, S., Tarp, P. (2020). TA3 Installation and Software User Guide: Version 0.16.

Piontek, J. (2001). Paleodemography and taphonomy. *Archaeologia Polona*, (39), 55–74.

Ravdonikas, V.I. (1945). Staraya Ladoga. *Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah Instituta istorii material'noj kul'tury*, (XI), 30–41. (Rus.).

Saunders S.R., Fitzgerald C., Rogers T., Dudar C., McKillop H. (1992). A test of several methods of skeletal age estimation using a documented archaeological sample. *Canadian Society of Forensic Science Journal*, 25(2), 97–118.

Schaefer, M., Black, S.M., Scheuer, L. (2009). *Juvenile osteology: A laboratory and field manual.* Amsterdam, Burlington, Elsevier: Academic Press.

Seguy, I., Buchet, L. (2013). Handbook of palaeodemography. *INED Population Studies,* 2. Springer: Cham. 329 p.

Selin, A.A. (2003). *Historical geography of Novgorod land in the 16th–18th centuries. Novgorod and Ladoga district of the Vodskaya Pyatina.* St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (Rus.).

Tomilin, V.V. (Ed.) (2000). *Medical and forensic identification. Handbook of a forensic medical expert.* Moscow: NORMA-INFRA. (Rus.).

Tornberg, A. (2022). Beyond the age of 60+ Evidence of an elderly female from the Neolithic-Early Bronze Age using Transition Analysis 3 age estimation. *Fornvännen. Journal of Swedish Antiquarian Research*, 177(2), 134–139.

Urlanis, B.C. (1941). *Population growth in Europe.* Moscow: OGIZ. (Rus.).

Walker, P.L., Johnson, J.R., Lambert, P.M. (1988). Age and sex biases in the preservation of human skeletal remains. *American Journal of Physical Anthropology*, 76, 183–188.

White, T., Folkens, P. (2005). *The human bone manual.* Elsevier: Academic Press.

Широбоков И.Г., https://orcid.org/0000-0002-3555-7509
Павлова М.С., https://orcid.org/0000-0002-3381-8701

Сведения об авторах:

Широбоков Иван Григорьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Павлова Марианна Сергеевна, младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

About the authors:

Shirobokov, I.G., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg.

Pavlova, M.S., Junior Researcher, Institute of History of Material Culture RAS, St. Petersburg.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

ЭТНОЛОГИЯ

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-12

УДК 330.15

Конев А.Ю. *, Адаев В.Н.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: aldimoks@mail.ru (Конев А.Ю.); whitebird4@yandex.ru (Адаев В.Н.)

ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ В НАЧАЛЕ XIX в. ГЛАЗАМИ ЧАСТНОГО ЗЕМСКОГО КОМИССАРА

Представлен не публиковавшийся ранее документ, содержащий сведения о промысловых занятиях жителей Среднего Приобья, подготовленный в 1805 г. сургутским частным комиссаром. Предназначался для составления губернаторского отчета министру внутренних дел. Интересен как один из ранних опытов характеристики хозяйственной деятельности русского и коренного населения Северо-Западной Сибири местными чиновниками, а также отсутствием сопоставимых по содержанию документов за период 1740–1881 гг. по соответствующему региону. Активное привлечение администраторов уездного и губернского уровней к составлению систематизированных сведений о территориальном и этническом разнообразии рассматривается как процесс формирования новой модели самопознания империи и сбора информации центром для принятия управленческих решений. Она приходит на смену практике получения таковой же от иностранных путешественников и участников академических экспедиций. Публикуемый источник подвергнут критическому историко-этнографическому анализу с точки зрения полноты, релевантности и уникальности приведенных в нем данных, снабжен комментариями. Выявленный документ содержит малоизвестную информацию об употреблении в пищу коренными жителями Средней Оби корня кас (хас) — белокрыльника болотного в качестве альтернативного продукта питания при недостатке рыбы и хлеба.

Ключевые слова: Тобольская губерния, Среднее Приобье, материалы губернаторских отчетов, социально-экономическая характеристика, русские и автохтоны Сибири.

Ссылка на публикацию: Конев А.Ю., Адаев В.Н. Хозяйство населения Сургутского Приобья в начале XIX в. глазами частного земского комиссара // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 139–150. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-12

В настоящей статье мы продолжаем научную публикацию вновь выявленных документов из состава дела «Сведения о населении, об урожайности, запасном казенном хлебе, добыче рыбы, зверя и проч.[его] в уездах Тобольской губернии», которое содержит поступавшие с мест материалы для отчета губернатора за 1805 г. (подробнее об этом: [Адаев, Конев, 2023]). В этот раз вниманию читателей будет представлено описание промыслово-хозяйственных занятий самой обширной с 1804 г. части Березовского уезда — Сургутской.

Аналитический обзор целесообразно предварить соответствующими фрагментами биографии автора публикуемого источника, которые удалось реконструировать по сохранившимся архивным и опубликованным документам. Внимание к социальному происхождению и положению чиновника, его административному опыту и включенности в жизнь локального социума позволяет составить некоторое представление о компетентности и особенностях взгляда данного лица на описываемый им предмет. В этой связи отметим, что с конца XVIII в. власти Российской империи в сборе систематических сведений о различных сторонах жизни подданных на местах, в том числе на отдаленных окраинах, отходят от практики получения таковых из рук ученых-путешественников (как правило иностранного происхождения) и участников академических экспедиций, активно включая в эту работу местных администраторов уездного и губернского уровней. Можно сказать, что формируется новая модель информационного обеспечения в принятии управленческих решений.

Сибирский дворянин Яков Васильевич Силин — выходец из служилой среды, представитель старинной сургутской фамилии. К числу его наиболее вероятных предков конца XVII — первой половины XVIII в. следует отнести казачьего пятидесятника Никифора Силина и таможенного голову Петра Силина. Один из сыновей Никифора, Дмитрий, был подьячим приказной

* Corresponding author.

избы, другой сын — Алексей принял духовный сан, положив начало священнической династии. Сын Петра Силина, Василий, с 1740 г. служил счетчиком в местной канцелярии [Миненко, 1975, с. 84–85]. Василий Петрович и был, по всей видимости, отцом Якова.

Судя по данным метрических записей Градо-Сургутской Троицкой церкви конца XVIII — начала XIX в., родился Яков в 1752 г. Он был дважды женат, имел пять детей, четырех из них — от первого брака. Его старший сын, Феодосий, достигнув в 1796 г. возраста 18 лет, служил подканцеляристом. За Я.В. Силиным числились дворовые люди — семья: муж, жена и дочь [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И189, оп. 1, д. 1, л. 13, 22, 39, 64]. В 1790 г. он получил должность дворянского заседателя нижнего земского суда в Сургуте. В этом качестве дослужился к 1795 г. до чина коллежского регистратора, а к 1802 г. — до титулярного советника [Месяцеслов, 1790, с. 263; 1795, с. 354; 1802, с. 488]. Этот гражданский чин IX класса для представителей уездного сибирского чиновничества, как правило, был пределом служебной карьеры. В глухой сибирской провинции, являясь к тому же выходцем из местной служилой элиты, герой нашего повествования к началу XIX в. стал заметной фигурой.

С ликвидацией в 1804 г. Сургутского уезда и образованием одноименного комиссарства в составе Березовского уезда титулярный советник Я.В. Силин был определен частным земским комиссаром. В этой должности он оставался до своей кончины в июне 1807 г. [Месяцеслов, 1805, с. 223; ГБУТО ГА в Тобольске. ф. И189, оп. 1, д. 1, л. 80 об.]. Младший сын Якова Васильевича, Петр, занимая в 1816 г. место регистратора Березовского уездного земского суда, женился на Ольге Дмитриевне Кочетовской — дочери исправника этого суда Д.С. Кочетовского [ГБУТО ГА в Тобольске. ф. И156, оп. 15, д. 48, л. 151], уже известного нам в качестве денщиковского частного комиссара [Адаев, Конев, 2023, с. 205].

Территория, находившаяся в ведении сургутского комиссара, включала участок Средней Оби протяженностью около 300 км (между Вахом и Салымом) с впадающими в нее реками Тромъеган (с Аганом), Пим, Большой Юган и Балык. На момент проведения VII ревизии (1816 г.) здесь были расположены следующие ясачные волости: Селиярская, Салымская, Пирчина, две Салтыковы, две Лумпокольские, Ваховская, Пимская, Аганская, Тром-Юганская, Юганская Подгородная, Мало-Юганская и Больше-Юганская. Жителями указанных волостей числились ханты (остяки). По классификации Е.П. Мартыновой, салымско-селиярские остяки относятся к Прииртышскому этнографическому ареалу южных хантов, остальные — к Юганско-Пимскому и Аганско-Васюганскому ареалам восточных хантов [1998, с. 14–15, 138, 169–170]. Следует также учитывать, что в бассейне р. Вах местные ханты проживали бок о бок с селькупами, которые в тот период также именовались остяками. Кроме того, по р. Лямин и в верховьях Тромъегана с Аганом кочевали семьи лесных ненцев (самоедов), периодически посещавшие Сургутское Приобье и даже проживавшие в обских селениях [Кастрен, 1999, с. 50–51, 61]. В целом население комиссарства было крайне малочисленным. По данным вышеупомянутой ревизии, к ясачным волостям было приписано 4103 человека «крещенных остяков» обоего пола, в Сургуте зафиксировано 635 русских жителей [ГБУТО ГА в г. Тобольске. ф. И154, оп. 8, д. 404, л. 871–1017].

Основной транспортной артерией региона была река Обь — по ней в летнее время осуществлялось сообщение Сургутского комиссарства водным транспортом с селом Самарово (а оттуда — с Тобольском и Березовом) и Томском. Зимой по обскому руслу и его окраинам пролегала дорога, по которой передвигался гужевой транспорт до того же с. Самарово, где зимник расходился в направлениях Тобольска и Березова. Гораздо менее устойчивым и надежным было сообщение Сургута с обширными территориями, расположенными по обским притокам, где местные жители передвигались в основном на небольших лодках, оленьих упряжках и пешком. При малочисленности и большой разреженности населения это было серьезной проблемой для выстраивания стабильных внутренних коммуникаций.

В контексте исследуемого документа следует обратить внимание на то, что основная часть ясака, собранного в Сургутском комиссарстве, поступала в виде пушнины, «таким зверем, какой будет в улове». Ассортимент, согласно данным Тобольской казенной палаты за 1807 г., был представлен мехами соболей, лисиц, росомах, выдр, шкурами волков и лосей, всего на сумму 2695 рублей [Там же. Ф. И329, оп. 13, д. 554, л. 9].

Оригинал публикуемого источника представляет собой рукописный текст на 4 страницах, организованный в виде таблицы, состоящей из двух колонок, где в первой формулируется вопрос, а во второй — дается ответ, с описанием приемов и орудий лова зверей, птиц и рыбы, добычи кед-

рового ореха, со сведениями об объеме добытого и о его употреблении, о текущих рыночных ценах на добычу и дикоросы. Описание прилагалось к рапорту, который также публикуется.

Рассматриваемый материал вызывает особый историко-этнографический интерес уже в силу того, что в отличие от торного маршрута Тобольск — Самарово — Березов — Обдорск, которым пользовалось подавляющее большинство исследователей Западной Сибири, ареал Сургутского Приобья был обделен вниманием ученых-путешественников в XVIII — первой половине XIX в. Соответственно сохранилось не так много ранних источников для сопоставления с содержащимися в публикуемом документе данных о хозяйстве местных жителей. По сути, материалы Я.В. Силина позволяют заполнить большой информационный вакуум по указанной теме на столетнем временном отрезке между 1740 г. (поездка Г.Ф. Миллера) и 1840–1850-ми гг. (сведения Н.А. Абрамова [1857], М.А. Кастрена [1999]). Сведения о промыслово-хозяйственной деятельности населения Сургутского Приобья практически отсутствуют в записках Д.Г. Мессершмидта [Рукопись издания]. В опубликованных топографических описаниях 1780–1790-х гг. они крайне скудны и тривиальны, сводятся к тому, что «ясашные остяки упражнение имеют в промысле зверей и в ловле рыбы к продовольствию своему» [Описание…, 1982, с. 178] и что они «некоторую часть зверей употребляют на платеж в казну ясака, а другую себе на одежу» [Трофимова, Коновалова, 2013, с. 387]. Немногим информативнее и ответы на анкеты Академии наук и Шляхетского корпуса начала 1760-х гг. [Трофимова, Коновалова, 2013, с. 171, 219]. Ситуация усугубляется тем, что в записках исследователей середины XIX в. содержится мало конкретных сведений, которые можно соотнести с «Описанием…» Я.В. Силина. Несмотря на бóльшую содержательность, те же сложности возникают с привлечением материалов надворного советника И. Русанова [2024], посетившего Сургутское отделение в 1863 г. По сути, первый полноценный обзор хозяйственных занятий населения Сургутского края относится лишь к 1881 г., это хорошо известный специалистам очерк ссыльнопоселенца С.П. Швецова.

Помимо приведенных выше опубликованных источников, к анализу документа привлекались труды исследователей первых десятилетий XX в. — Г.М. Дмитриева-Садовникова, А.А. Дунина-Горкавича, С.А. Куклина, И.Я. Неклепаева, У.Т. Сирелиуса и др. Но и в отношении этого, более богатого историко-этнографической информацией, периода приходится констатировать, что необходимый для сопоставления с найденным архивным документом базис информации набирается лишь совокупно из существенного количества публикаций. Причина этого состоит отчасти в неполноте необходимых сведений в трудах, посвященных непосредственно Сургутскому краю, либо, как в случае обзорной работы Н.А. Варпаховского по рыболовству, в недостаточном внимании непосредственно к территории Среднего Приобья.

Рассматриваемый источник довольно краток и требует к себе осторожного, критического отношения. Если верить датировкам Я.В. Силина, согласно которым подготовка «Описания…» у него заняла двое суток (с момента получения соответствующего указания и до составления текста), можно сделать вывод, что он довольно формально отнесся к исполнению полученного запроса, опираясь прежде всего на свой многолетний опыт жизни в Сургуте и общения с местным населением. Не исключено, что он знал о вероятности такого поручения и часть информации успел поспешно собрать, дабы исполнить его в срок.

Из текста рукописи очевидно, что автор отчета сам наблюдал в основном только рыбный промысел, а данные об охотничьем написаны им на основании чужих сведений. На это, в частности, указывает то, что именно для рыболовства Я.В. Силин проводит градацию на «ясашные» и «русские» способы добычи и довольно исчерпывающе отвечает на вопрос об использовании пойманной рыбы. При этом в описании охотничьих устройств и приспособлений он допускает ряд явных ошибок и неточностей, которые, возможно, стали следствием переписывания каких-то черновых записей, составленных на основании опросов. В пользу этого говорит явно пропущенное пояснение об особенностях охоты на водных пушных животных, неверно записанные слова и фразы: «мочало» — вместо «мочи», «по лесам» — вместо «просекам» и др.

Такая разница в уровне осведомленности легко объяснима: основной лов рыбы осуществлялся на Оби, а добыча большинства ценных пушных животных и крупного зверя — в более удаленных таежных районах. Тем не менее и здесь у автора документа можно отметить вызывающие интерес аспекты: порядок перечисления пушных зверей, похоже, согласуется с иерархией их товарной значимости (не самая высокая позиция у бобра не должна смущать — она могла быть связана со значительным сокращением этого животного); отмечено использование

рыбы в качестве приманки для белки; указано особое название давящей ловушки для зайца — пасть; приведено значительное количество другой местной промысловой терминологии.

Гораздо лучше Я.В. Силин информирован о том, как население подведомственного региона использовало рыболовную и охотничью добычу. Он знает об основных направлениях ее реализации и употребления, понимает разницу в этом между русскими и ясачными людьми. Из записей хорошо видна налаженная связь комиссарства с Тобольском, и прежде всего через промышленников, занимавшихся в Сургутском Приобье рыболовством и приобретением местной продукции. Однако, как и в упомянутых выше случаях, автор ограничивается в основном краткими ответами, не вдаваясь в детали относительно объемов реализуемых товаров, существующих цен, их градации в зависимости от качества или размера товара, личности покупателей, сезона реализации и пр.

Большинство ответов чиновник представил в весьма краткой, а иногда в явно неполной форме. Так, им не были отражены многие обычные для этих мест способы промысла (ловчие ямы, зимняя загонная охота на копытных, подъем медведя из берлоги; калыдан, острога и ставные удочки с деревянным крючком для лова рыбы и пр.) и некоторые значимые объекты охоты (лось, колонок, лебедь, куропатка, рябчик и др.), неполно указаны сроки всех трех выделенных направлений «ловли» — для рыбы, пушного зверя и птицы (в каждом случае за кадром остались пусть менее продуктивные, но крайне важные для местного населения отрезки хозяйственного календаря). При формальном соответствии ответов запросной форме прослеживается некоторая небрежность в заполнении. Помимо указанных выше ошибок и недочетов, свидетельствующих о том, что текст не был вычитан, можно заметить, в частности, что упомянутый в 4–5 пунктах таблицы промысел линной утки у ясашных жителей не был отражен выше в пункте 1, где описывались способы (рис. 1) и сроки охоты на водоплавающую птицу.

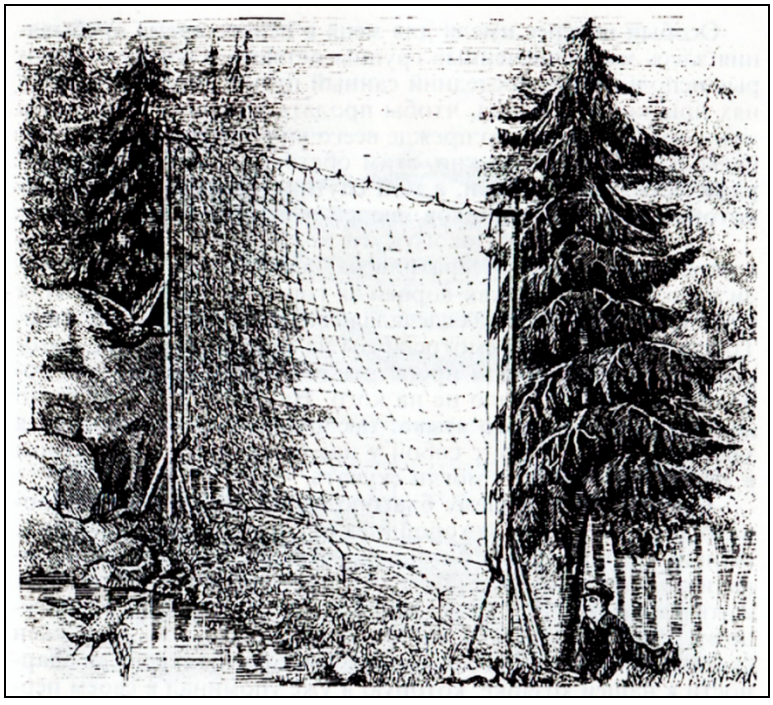


Рис. 1. Перевес — воздушная сеть для ловли уток в Обь-Иртышье. Рисунок Г.В. Нуммелина, около 1890 г. [Алквист, 1999, с. 81].
Fig. 1. *Pereves* — mist net for duck capture used in the Ob-Irtysh region. Drawing by G.V. Nummelin, around 1890 [Ahlquist, 1999, p. 81].

Бросается в глаза и то, что земский комиссар в отношении коренных жителей употребляет общий термин «ясашные», не уточняя, кто это конкретно. Как упоминалось, на подведомственной ему территории в этот момент проживали остяки (ханты, селькупы) и самоеды (лесные ненцы), при этом представленная в отчете информация имеет в основном отношение к проживавшим по Оби остякам. Наиболее интересные данные в отчете Я.В. Силина появились, ско-

рее, благодаря остроте и проработанности составленных вопросов. Среди таких информативных ответов можно отметить сопоставление результативности нынешнего промысла с данными предыдущих лет и суждение об экономических последствиях для населения, обусловленных малопродуктивной добычей рыбы в первой половине 1805 г.

Отдельного внимания в рукописи Я.В. Силина заслуживают сведения об использовании автохтонным населением в пищу некоего корня под названием *кас* (*хас*). Известно лишь два упоминания об этом растении в публикациях — у Н.А. Миненко (ею приведены данные, подготовленные для того же губернаторского отчета за 1805 г. исправником Березовского уезда) [1975, с. 162] и у А.А. Дунина-Горкавича (вероятно, по материалам его поездок по Среднему Приобью в 1893–1903 гг.) [1911, с. 87]. В обеих работах представлена лишь краткая информация о местном названии корня, времени его сбора и способах приготовления ясачным населением. А.А. Дунин-Горкавич привел также некоторые внешние характеристики корня (форма, цвет, размеры) и упомянул, что вареный *кас* «*заменяет остякам наш картофель*» [Там же]. Эти данные довольно редко использовались этнографами — вероятно, ввиду невыясненной видовой принадлежности растения и единичного характера сведений.

Рис. 2. Белокрыльник болотный в ботаническом атласе конца XIX в. [Вилькомм, 1898, табл. 17].
Fig. 2. Image of *Calla palustis* in a botanical atlas of the late 19th century [Wilkomm, 1898, tab. 17].

Совмещение сведений трех источников позволяет резюмировать: а) питание *касом* практиковалось у «остяков» Березовского уезда и наиболее продолжительное время фиксируется на территории Сургутского региона; б) корень *кас* выступал у хантов в качестве альтернативного продукта питания, особенно при недостатке рыбы и хлеба; в) растение относится к водным видам, имеет довольно длинный прямой корень, вероятно насыщенный крахмалом (поэтому ассоциируется по вкусу с картофелем), и его можно заготавливать поздним летом и ранней осенью; г) для употребления в пищу корень требовал предварительной сушки или продолжительного вываривания. По совокупности приведенных признаков можно сделать вывод, что под названием «кас», очевидно, скрывается белокрыльник болотный (*Calla palustis*) (рис. 2) — известное в Западной Сибири растение, крахмалистый корень которого употреблялся в пищу как суррогат хлебной муки. При этом в корне белокрыльника содержатся ядовитые вещества, для удаления которых как раз применялись сушка и отваривание (см.: [Черепнин, 1987, с. 11–12]). Подтверждением данной версии является также информация Н.В. Лукиной 1960–1970-х гг. о былом

употреблении в пищу ваховскими хантами корня растения *Calla palustis*, которое местное русское население называло не иначе как «остяцкой картошкой». Исследователь добавляет и другой, близкий по содержанию со сведениями Н.А. Миненко и А.А. Дунина-Горкавича, текст, что «*этот белый сладковатый корень растет по сорам и на берегах озер. На Вахе его выкапывали, сушили и толкли в муку. В голодные годы его варили с мукой или без нее*» [2005, с. 129].

Уже на этом примере с уточнением данных о съедобном корне становится очевидным, что «Описание…» Я.В. Силина, при всех его ограничениях и недостатках, является значимым источником по истории и этнографии населения Обь-Иртышского Севера. Безусловный вес ему прибавляет отсутствие других сопоставимых по информативности документов на большом хронологическом отрезке — от 1740 до 1881 г. Главную этнографическую ценность представляют сведения частного комиссара об основных промысловых ресурсах населения Среднего Приобья, конкретных видах орудий и способах, применявшихся для добычи разных видов животных, птиц и рыбы, связанная с этим местная терминология, выделенные автором хозяйственные различия между «ясачными» и русскими жителями, примеры экономических взаимоотношений населения, некоторые значимые аспекты в отношении системы жизнеобеспечения коренных северян (сезонные перекочевки, создание запасов продукции, варианты получения альтернативных пищевых ресурсов при неудаче в промысле и др.).

Тексты документов (рапорта и описания) переданы с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника. Орфография и пунктуация даны по правилам современного русского языка с учетом некоторых особенностей текстов. Заголовки документов оригинальные. В примечаниях даются комментарии, а также пояснения ряда специфических терминов. В квадратных скобках приведено выпущенное личное имя губернатора (фамилия) и добавляются слова или окончания слов, важные для понимания текста.

Его превосходительству господину действительному статскому советнику Тобольскому гражданскому губернатору и кавалеру Богдану Андреевичу [Гермесу] сургутского частного комиссара Силина рапорт

Ордером вашего превосходительства от 12-го октября за № 2798-м предписать соизволили чтобы о всех народных промыслах в вверенной мне части, то есть рыбном, зверином и птичьим, кои в нынешнем 1805-м году происходили, доставить к вашему превосходительству с подробным описанием незамедлительное сведение, который имел я честь получить сего ноября 9-го числа.

И по оному вашего превосходительства повелению таковое требуемое описание мною сочинено, и при сем почтеннейше препроводить честь имею.

Частный комиссар Силин

Ноября 11-го дня
1805-го года

ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 157. Л. 240.
Подлинник. Публикуется впервые.

Описание, учиненное Сургутским частным комиссаром Силиным о бывших в 1805 году в Сургутской части народных промыслах, то есть рыбных, звериных, птичьих и о прочем.

1-е. Какими орудиями, каким средством и в какое время производятся сии ловли.

1-е. Производятся в Сургутской части ловли рыбы по вскрытии ото льда рек в майе, по сбытии в реке Обе воды, то есть в июле, в августе и сентябре месяцах[1]; звериные происходили в начале нынешнего 1805 года в феврале и марте месяцах[2], птичий в майе и сентябре месяцах[3]. Каковые промыслы производятся орудиями и средствами. Рыбной — русскими жителями самоловами и переметами[4], делаемыми из пенки[5] ввязываемыми в ряд железными удами с нитяными и из волос конских коленцами[6], сетями режевками[7] и небольшими неводами, делаемыми из конопляных ниток. Ясашные выделывают для неводов нитки из травы, называемой крапивы[8], а снасти из талового лыка[9]. Сверх же того делаются особые деревянные заведения[10] из сосновых и лиственничных дерев, желничные[11] запоры, морды[12] и рукава[13], которые сплетают кедровыми кореньями в воде[14]. *2-е.* Зверя промышляют, лисиц[15] луками[16], клепцами и капканами[17]; соболей[18] деревянными черканами[19], собаками и стрелянием из ружей; белку и горностаев деревянными плашками[20] и черканами, наживляемыми свежею рыбою[21] выдр, бобров[22][…?][23], а росомах, волков, медведей и оленей большими, постановленными на деревянных сохах[24] луками[25], настораживаемыми железными стрелами с протяжением чрез лежащие тех зверей дороги нитяных и ис конских волос делаемых симок[26] 3-е. Зайцев они ушканов[27] в деревянных пастях[28] с подкладыванием под них для корму березовой и таловой мочал[29]. Птиц, гусей серых стреляют из ружей и [ловят] мережными сетями, называемыми понжами[30], с выставляемыми для приманки их чучелами; уток сделанными из мереж, называемыми

перевесами[31], вывешиваемыми в прорубаемых по лесам[32] называемых плохах[33]; тетеря[34] в делаемых по лесным местам деревянных [ловушках], называемых слопцах[35].

2-е. Из улова рыбы был ли отпуск её куда в продажу или довольствовались только ей одни промышленники.

Из выловленной в нынешнем году рыбы живущие в сургутской части обитатели за отдалённостью в других городах и недостаточеством своим никуда отпусков не имели, а единственно только между собою, кто не имел достаточного улова, и таковым чрез продажу снабжение чинили. Прочие же запасание имели для своих только продовольствий. Касательно же до приходящих из Тобольска промышленников[36], то оные по окончании промыслов в сентябре месяце изловленное количество рыбы на дощаниках своих сплавили в Тобольск и оттоль был ли ими куда допущен в другие места неизвестно.

3-е. Изловленного зверя промышленники куда употребляют, продают ли его или оставляют для себя.

Изловленного разного рода зверя русские обитатели, которые в сем случае упражняются, употребляют в продажу, а иногда меняют у торгующих на русские товары для употребления себе на одеяние. Ясашные же платят в казну государственной ясак, а затем остаточной иногда по хорошему улову продают и меняют на собственные свои необходимости, как то одежду и обувь.

4-е. Птица отпускается ли на продажу и каким образом для отпуску приготовляется, то есть солят или вялят, или употребляют сами промышленники только в пищу.

Птицу по большей части промышляют имевшимися заведениями русские обитатели, и то не в знатном количестве, которую за излишеством продают между собою тем людям, кои не имеют такового заведения, а достальную[37] солят и употребляют в собственное свое продовольствие. Ясашные же выпромышливают тетерь и отчасти ленных уток[38], из коих также продают и меняют на необходимые их надобности русским обитателям, а остальную при промыслах своих употребляют тогда же свежею в пищу.

5-е. Перья и пух с неё собираемой куда они употребляют, продают ли его, променивают или для своей надобности оставляют себе.

Снимаемой с птиц перья и пух[39] русские обитатели, у коих по излишеству бывает, те продают приезжающим из Тобольска рыбным промышленникам и другого звания людям, а прочие употребляются на домашние свои надобности, то есть на перины и подушки. Ясашные же тетерев и ленных уток перья по случаю хорошего улова продают на денги по 2[к[опейки]] пуд[40] проезжающим разного звания людям.

6-е. Был ли в продаже кедровой орех и в каких частях Сургутского комиссарства в каком примерно количестве и жители променивают сей плод на нужные вещи или продают на деньги и сколько за него получают.

В нынешнем 1805-м году урожай кедрового ореха был в знатном изобилии, и по всем Сургутской части материчным[41] местам которого обитатели, после рыбных промыслов и сенокошения, предупредили выделать примерно тысяч до трёх пудов. А прочие только собирали шишки и покладывали в срубы[42], потому что последовало в скором времени закрытие земли снегом, [из-за] которого уже тогда собирать было неможно. Из выделанного же ореха обыватели в продажу употребляли покупателям на первой случай по восьмидесяти, а наконец уже по пятидесяти копеек пуд.

7-е. Какой промысел в нынешнем году был недостаточен, то промышленники какие полагают тому причины и сколько нынче от прежних лет был сей промысел, не потерпели ли от сего промышленники какого убытка и не возвысилась ли цена на промышленные вещи.

Промысел рыбы с начала сего 1805 года и до половины августа месяца был недостаточен, чрез что обитающие в Сургутской части ясашные из отдалённых своих зимовых жилищ, выплывая на Обь реку, харчевым припасом к ныне поступившей зиме запастись никак не могли. Чрез что по крайней их необходимости, не дожидаясь такового достаточного промысла рыбы, по наступлении времени ко обращению в зимовьи, принужденными себя находили заниматься одолжением из казённого запасного хлеба. Прочие же, обитающие по краю реки Оби, с половины августа и до октября месяца по последующему улову имели промысел против прошлого 1804-го года достаточен, которой по примерному их исчислению полагают более четвёртою частью. Чрез что и цена на продаваемую между имя рыбу против прошлых лет состояла пониженною. Именно: муксун по 4[ко[пейки]], сырок по 2[ко[пейки]], язей по 70[ко[пеек]] сто; щучины по 50[ко[пеек]] сотня же; стерлядина ~~не~~свежая по три и по четыре рубли сто; налимина свежая по 30[ко[пеек]] пуд. Других же родов рыбы в промыслах не имелось.

8-е. Сколько в течении нынешнего лета водою приплавлено было в Сургутское комиссарство хлеба, достаточно ли оного на продовольствие.

Приплаву партикулярного[43] хлеба в части Сургутскаго комиссарства в течении сего 1805 года лета было из городов Тобольска и Томска муки ржаной до 8000 пуд[ов], пшеничной 200[-ти] пуд[ов], крупы: ячной 150[-т] пуд[ов], толокна 50[-т] пуд[ов], гороху 40 пуд[ов]. И по таковому малому приплаву ржаной муки израсходовано, и

обитающие в Сургутской части люди, по неимению более партикулярного [хлеба], единственную имеют надежду до будущих приплавов продовольствие своё казённым запасным хлебом [обеспечить], которым уже чрез покупку и пользуются. Ясашные же, обитающие по краю реки Оби, кои частию запаслись сушением рыбы[44], и потому, ежели может быть в промыслах их свежая, то смогут себя продовольствовать до будущей весны. А в случае иногда малого улова свежей рыбы, то по невозможности, для прибавления к сушёной рыбе употреблять могут себе в пищу запасаемые ими корни, называемые по Сургутской части кас[45]. Живущие же по отдаленным рекам ясашные, которые не запаслись сушением рыбы, а занимались казённым хлебом, то оные и впредь, ежели последовать могут недостатки, полагаются надеждою себя на казённой хлеб.

Частный комиссар Силин

ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 157. Л. 240 об.–242.
Подлинник. Публикуется впервые.

Примечания

[1] Не указан зимний сезон лова рыбы, начинавшийся с установлением прочного льда и продолжавшийся до речного замора (массовой гибели рыбы из-за недостатка кислорода),— с середины ноября до середины января [Дунин-Горкавич, 1926, с. 31]. В этот период промысел велся в основном для собственных нужд.

[2] Не упомянут ранний осенне-зимний охотничий сезон с собакой, проходивший от завершения линьки пушных животных до выпадения глубокого снега — с конца октября по декабрь [Куклин, 1925a, с. 34].

[3] Не учтен сезон охоты на линную водоплавающую птицу в конце июля — начале августа [Куклин, 1925b, с. 3].

[4] Устройство и применение самоловов и перемётов, использовавшихся на соседних с Сургутским комиссарством территориях Обь-Иртышья, подробно описаны в конце XIX в. Н.А. Варпаховским [2003, с. 39–43].

[5] Пенка — пенька, пеньковая веревка.

[6] Коленце — привязываемая к основному шнуру веревка с крючком-удой. То же название — *коленце* использовано в описании перемётов и самоловов у Н.А. Варпаховского [2003, с. 39].

[7] Режёвка (ряжовка), как указывал А.А. Дунин-Горкавич,— двухстенная ставная сеть, одна стенка которой состоит из обыкновенной сети, а другая — из редкой [1910, приложения, с. 56]. Этот же автор отмечал, что ряжевые сети даже в начале XX в. продолжали оставаться в Обь-Иртышье почти исключительно русской снастью, причем распространены они были преимущественно именно в Сургутском крае [1904, с. 200].

[8] «*Из травы, называемой крапивы*» — Я.В. Силин и далее неоднократно употребляет сходный оборот письменной речи для ввода названий описываемых объектов, но лишь здесь это использовано у него в отношении общераспространенного наименования растения, в остальных случаях — для обозначения местных терминов.

[9] У.Т. Сирелиус, посетивший в 1899 г. р. Вах, сообщал, что тетива остяцкого невода изготавливалась из тройного шнура, сплетенного из ивовой коры. По воспоминаниям стариков-хантов, в прошлом невод плели из крапивы или из луба ивы (ему удалось увидеть одну из последних сетей, изготовленных из ивовой коры). Он оставил также подробное описание остяцких приемов лова неводом и сетями [2001, с. 158, 167–168, 175–177, 194, 232–235]. Некоторые интересные детали об этом см. также в записках И. Русанова [2004, с. 28–31].

[10] Заведение — (здесь) сооружение, специальное устройство для промысла.

[11] Желничные — т.е. изготовленные из жильника (колотых планок из хвойных пород дерева).

[12] Детальные сведения об устройстве рыболовных запоров и морд в Сургутском Приобье см. в работе У.Т. Сирелиуса [2001, с. 161, 174–179].

[13] А.А. Дунин-Горкавич писал, что в Приобье под рукавом понимается орудие мелкого промысла, изготавливаемое из тех же материалов, что и морда, и состоящее из горловой части в виде усеченной пирамиды и собственно рукава — длинного узкого цилиндра диаметром в 4 вершка и высотой в 3,5 аршина [1910, Приложение V, с. 56]. См. также подробное описание хантыйского рыболовного рукава и способа его применения в работе Н.А. Варпаховского [2003, с. 21–25].

[14] Вероятнее всего, автор неверно понял сообщенную ему информацию. По доступным этнографическим источникам, рыболовные снасти из корня кедра не плели в воде, но заготовленные ранее и уже засохшие корни кедра действительно требовали предварительного вымачивания перед плетением. Еще один сюжет, отголоском которого может быть эта запись: плетенные из ивового лыка сетевые ловушки необходимо было предварительно вымачивать перед использованием, так как, высыхая, они становились хрупкими (см.: подробнее: [Сирелиус, 2001, с. 194]).

[15] Похоже, что автор перечисляет пушных животных в порядке их наибольшей товарной ценности. Сургутская территория, по сведениям Г.Ф. Миллера XVIII в., относилась к тем сибирским местам, где добывались лучшие лисицы и в наибольшем количестве: первоочередное значение имела чернобурая лисица, шкуры которой по стоимости значительно превосходили соболиные [1756, с. 105].

[16] Описание ставного лука на лису в Сургутском Приобье см. в работе У.Т. Сирелиуса [2001, с. 166]. Это была ловушка, характерная для местных хантов и лесных ненцев.

[17] Кляпец (клепец) — деревянная ловушка рычажного типа, ее рычаг с железными зубцами взводился в настороженное положение с помощью закрученной веревки. Кляпцы и капканы на начало XIX в. являлись типично русскими орудиями охоты. У.Т. Сирелиус даже в начале XX в. не фиксирует использование кляпца у сургутских хантов [2001].

[18] Высокое качество шкурок сургутского соболя отмечал в первой половине XVIIII в. Г.Ф. Миллер [1756, с. 79], к середине XIX в. численность этого животного была в значительной степени подорвана.

[19] Черкан (чиркан) — ущемляющая ловушка на мелкого пушного зверя. Его устройство у сургутских хантов см. в работах А.А. Дунина-Горкавича [1911, с. 104–105, рис. 28] и С.А. Куклина [1925а, с. 32].

[20] Плашка — давящая ловушка на мелкого пушного зверя. Ее устройство у сургутских хантов и русских см. в работах А.А. Дунина-Горкавича [1911, с. 105–106, рис. 29] и С.А. Куклина [1925а, с. 33–34].

[21] Рыба является классической привадой для горностая, использование же ее для ловли белки — менее известный факт. Одно из редких указаний на это есть также у У.Т. Сирелиуса, который писал, что ваховские ханты иногда клали в беличьи ловушки «*свежую рыбу без чешуи*» [2001, с. 200].

[22] Уже через несколько десятилетий бобр на территории Сургутского комиссарства был в значительной степени истреблен. Как писал Г.А. Пирожников, в 1829 г. на запрос Тобольского губернатора о бобровой струе местный заседатель вынужден были ответить, что в текущем году «*как инородцы, так и русские в промыслах своих сих зверей не добывали*» [2002, с. 128].

[23] Очень похоже, что автором было пропущено пояснение по охотничьим орудиям на водных животных, так как плашки и черкан имеют отношение только к белке с горностаем и не подходили для добычи бобра и выдры. Промысел последних требовал специфических приемов и инструментов, чтобы не допустить утопления убитого зверя. Пропущенная информация могла включать сведения о таких снастях, как капкан с цепочкой, ставной лук (самострел) с привязанной стрелой, имеющей специальный наконечник, водные запорные ловушки, подледный самолов с железными крючками-удами (см.: [Дунин-Горкавич, 1911, с. 103; Куклин, 1925а, с. 38; Кулемзин, Лукина, 2006, с. 23, 24; Сирелиус, 2001, с. 185, 202]).

[24] *Соха*, *сошка* — палка с развилкой на конце.

[25] О ставных луках на дикого оленя, медведя и других крупных животных у хантов Сургутского Приобья см. в работах А.А. Дунина-Горкавича [1911, с. 103], С.А. Куклина [1925а, с. 30–31] и У.Т. Сирелиуса [2001, с. 193–194].

[26] *Симка* или *синка* — сторожевая нить для ловушки, в частности самострела. На Тобольском Севере нередко изготавливалась из конского волоса, зимой — белого цвета (см., напр.: [Дунин-Горкавич, 1911, с. 102]).

[27] В правильности интерпретации этого фрагмента есть сомнения, ввиду неразборчивости почерка. Ушканы, по сообщению Г.Ф. Миллера,— сибирское название зайцев [1756, с. 96].

[28] О практиковавшейся у русского и остяцкого населения Сургутского края массовой добыче зайца с помощью давящей ловушки в конце XIX — начале XX в. сообщали многие авторы. При этом А.А. Дунин-Горкавич называл охотничьи орудия слопцами (уточняя в скобках — «пастями») [1904, с. 148], С.П. Швецов — слопцами [1888, с. 14], а некий исследователь Я-в — кулемами, которые в Сургутском округе «*называются иногда также пастями*» [1902, с. 7]. В реальности кулёма (кулёмка) имела в Обь-Иртышье заметные конструкционные особенности (см. [Куклин, 1925а, с. 40–42]), тогда как слопец и пасть были очень похожи и в основном различались мелкими деталями, связанными с их специализацией: первый обычно имел отношение к добыче боровой птицы, вторая — к добыче зайца и песца. Сведения Я.В. Силина наглядно отражают ту же специфику применительно к началу XIX в.

[29] Автор, похоже, пользовался достоверным источником, но привел несколько искаженную информацию. В качестве приманки для зайца в Сургутском Приобье использовались ивовые, березовые и осиновые ветки, политые мочой или соленой водой. Как замечал по этому поводу У.Т. Сирелиус, «*солить научились, конечно, у русских*» [2001, с. 166]. Информанты Я.В. Силина, очевидно, описывали ему первый, более ранний способ, с использованием не мочала, а мочи.

[30] Близкое наименование было записано в XVIII в. Г.Ф. Миллером, который указал, что сети для ловли гусей в районе Сургута назывались *пондже*. Он же дает их описание: охотничья сеть, раскладываемая на земле; для приманивания птицы используются установленные поблизости чучела [Северо-Западная Сибирь, 2006, с. 325].

[31] Описание перевеса на уток, использовавшегося в Сургутском Приобье в 1740-е гг., см. в записях Г.Ф. Миллера [Северо-Западная Сибирь…, 2006, с. 325], конец XIX в. — у С.П. Швецова [1888, с. 25–26] и У.Т. Сирелиуса [2001, с. 203–205]. Последний также отмечал, что, по мнению ваховских хантов, использованию данной ловушки ханты научились у русских сургутян [Там же, с. 235].

[32] Очевидно, неверно воспроизведенный рукописный текст из черновика (?). Судя по содержанию, здесь должно быть не «по лесам», а слово «просекам», которое сходно по начертанию со слитно написанным «полесам».

[33] Г.Ф. Миллер писал, что вырубленные места для установки перевесов в районе Сургута называются «плохы» [Северо-Западная Сибирь…, 2006, с. 325]. Некоторые любопытные подробности прорубания птицеловных просек в Сургутском округе приводит С.П. Швецов [1888, с. 15, 25]. Наиболее обстоятельное описание обустройства *плох* и использования их для птичьего промысла на Средней Оби представлено в работе Д.С. Дмитриева-Садовникова [1918].

[34] Тетеря — тетерев. Скорее всего, автор подразумевает под «тетерей» также глухаря. В подобном широком значении термин «тетерев» употребляли и жившие в Сургуте в XIX — начале XX в. исследователи С.П. Швецов [1888, с. 3] и И.Я. Неклепаев [1903, с. 198].

[35] Устройство тетеревиных и глухариных давящих ловушек-слопцов у русских и остяцких жителей Сургутского края см. в записках С.П. Швецова [1888, с. 14] и С.А. Куклина [1925а, с. 32–33], а отдельно у ваховских хантов — в работе У.Т. Сирелиуса [2001, с. 166–168, 203].

[36] Давняя практика организации рыбного промысла в Сургутском Приобье тобольскими промышленниками хорошо раскрыта в записях С.П. Швецова [1888, с. 34–36].

[37] Значит — оставшуюся.

[38] С.А. Куклин описал несколько вариантов промысла линных уток у жителей Сургутского Приобья [1925b, с. 3]

[39] О заготовке в Сургутском округе птичьего пуха и перьев для продажи см. в работах С.П. Швецова [1888, с. 26].

[40] Один пуд равнялся 16,38 кг.

[41] Материчные места, от слова «материк» (*местн.*) — высокая прибрежная полоса вдоль русла реки, покрытая лесом.

[42] Более подробно процесс заготовки, обработки и таежного хранения кедрового ореха сургутскими жителями описан в работе С.П. Швецова [1888, с. 20–22].

[43] Партикулярный — частный, негосударственный.

[44] Сушеная рыба (точнее, перемолотые в муку сухие рыбьи кости), известная на Севере Западной Сибири также под названием *порса*, заготавливалась впрок восточными хантами для употребления в пищу во время зимнего лесного промысла. См. подробнее сведения Сирелиуса [2001, с. 177].

[45] О съедобном корне *кас*, употреблявшемся в пищу остяками, упоминал также исследователь конца XIX — начала XX в. А.А. Дунин-Горкавич [1911, с. 87]. Показательно, что когда И. Русанов описывал перипетии сильного голода среди сургутских остяков, случившегося в 1860-е гг. опять-таки из-за неулова рыбы, то отмечал лишь случаи питания древесной корой и падалью [2004, с. 17].

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки ИРГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 327–448.

Адаев В.Н., Конев А.Ю. Неизвестный источник начала XIX в. о промысловых занятиях населения Нижнего Прииртышья: Анализ информационного потенциала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 199–209.

Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые записи и этнографические заметки. Томск: ИТУ, 1999. 180 с.

Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби: В 2 ч. Ч. I: Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла. Тюмень: Мандрика, 2003. 256 с.

Вилькомм М. Ботанический атлас. СПб.: Изд. Ф.А. Битенажа, 1898. 181 с.

Дмитриев-Садовников Г.М. Плохи (природа и люди р. Ваха) // Северное сибирское кооперативное хозяйство. 1918. 9 дек. (№ 34/35). С. 5–11; 23 дек. (№ 36/37). С. 10–17; 31 дек. (№ 38). С. 6–12.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, ея естественных богатств и промышленной деятельности населения. Тобольск: Тип. В. Киршбаума, 1904. 281 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Тобольск: Губ. тип., 1910. 353 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 3: Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск: Губ. тип., 1911. 191 с.

Дунин-Горкавич А.А. Сколько примерно вылавливается населением Тобольского Севера рыбы сырца для своего пропитания и пропитания своих собак // Тобольский край. 1926. № 2. С. 29–34.

Кастрен М.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845-1849). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.

Куклин С. Краткий обзор охоты в Сургутском крае // Наш край. 1925a. № 8/9. С. 26–42.

Куклин С. Краткий обзор охоты в Сургутском крае // Наш край. 1925b. № 10/11. С. 1–10.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв.: Этнографические очерки. Тюмень: Мандр и К[a], 2006. 208 с.

Лукина Н.В. Пища [хантов] // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М.: Наука, 2005. С. 125–132.

Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: ИЭА РАН, 1998. 235 с.

Миллер Г.Ф. Описание о торгах Сибирских. СПб.: Тип. при Императорской академии наук, 1756. 172 с.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.

Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отд-ния ИРГО. 1903. Кн. XXX. С. 27–230.

Пирожников Г.А. Обь-Иртышский Север // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север. Сургут: Северо-Сибирское регион. кн. изд-во, 2002. С. 89–191.

Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 342 с.

Трофимова О.В., Коновалова Е.Н. Топографические описания Западной Сибири XVIII века. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 456 с.

Черепнин В.Л. Пищевые растения Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 188 с.

Швецов С.П. Очерк Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. 1888. Кн. 10. С. 1–87.

Я-в. Зверовая охота в северных округах Тобольской губернии // Природа и охота. 1902. № 9. С. 5–12.

ИСТОЧНИКИ

ГБУТО ГА в г. Тобольске — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске». Ф. 329. Оп. 13. Д. 157. Ф. И154. Оп. 8. Д. 404; Ф. И156. Оп. 15. Д. 48; Ф. И189. Оп. 1. Д. 1; Ф. И329. Оп. 13. Д. 157, 554.

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова СПб.: Имп. акад. наук. 1790, 1795, 1802, 1805.

Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Наука, 1982. 320 с.

Рукопись издания «Д.Г. Мессершмидт. Дневники: Нарым — Самаровский ям — Тобольск). 24 сентября 1725 г. — 21 марта 1726 г.» [Электронный ресурс] URL: https://torummaa.ru/wp-content/uploads/2022/12/messerschmidt_rukop iis.pdf (дата обращения: 27.03.2023).

Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Бурезовского округа Тобольской губернии // Подорожник: Краевед. альманах. Тюмень: Мандр и Ка, 2004. Вып. 4. С. 7–56.

Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / Пер. и подгот. текста А.Х. Элерта. Екатеринбург: Волот, 2006. 416 с.

Konev A.Yu. [*], **Adaev V.N.**
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: aldimoks@mail.ru (Konev A.Yu.); whitebird4@yandex.ru (Adaev V.N.)

The economy of the population of the Surgut Ob basin in the beginning of the 19th century through the eyes of a private zemsky commissar

A previously unpublished document is presented, containing information about the subsistence activities of the inhabitants of the Middle Ob River basin, which was prepared in 1805 by a Surgut private commissar. The document was intended for the completion of a gubernatorial report to the Minister of Internal Affairs. It is interesting as one of the early experiences of characterising economic activities of the Russian and indigenous populations of North-West Siberia by local officials, as well as due to the lack of documents comparable with this one in terms of the content for the period from 1740 to 1881 for the respective region. Active involvement of administrators of the district and provincial levels in the collation of systematic information about the territorial and ethnic diversity is considered as a process of the formation of a new model of self-cognition by the Empire and collection of information by the centre for making managemental decisions. It replaced the practice of retrieving the information from foreign travellers and members of academic expeditions. The source being published is subjected to critical historical-ethnographic analysis from the point of view of completeness, relevance, and uniqueness of the data contained, and it is annotated. The discovered document contains little-known information about the consumption by the indigenous inhabitants of the Middle Ob of *Calla palustris* root, which they called ‘kas’ (‘khas’), as an alternative staple food when there was a shortage of fish and bread.

Keywords: Tobolsk gubernia, Middle Ob region, materials of the governor's reports, socio-economic characteristics, Russians and Siberian natives.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021-0006).

REFERENCES

Abramov, N.A. (1857). Description of the Berezovsky region. In: *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vol. XXII.* St. Petersburg, 327–448. (Rus.).

Adaev, V.N., Konev, A.Yu. (2023). An unknown early 19th c. historical source on the subsistence activities of the population of the Lower Irtysh River basin: Analysis of the information potential. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 63(4), 199–209. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-16

Ahlquist, A. (1999). *Among the Khanty and Mansi. Travel records and ethnographic notes*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).

Castren, M.A. (1999). *Works: In 2 volumes. Vol. 2: Travel to Siberia (1845–1849)*. Tyumen: Izdatel'stvo Yu. Mandriki. (Rus.).

Cherepnin, V.L. (1987). *Food plants of Siberia.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Dmitriev-Sadovnikov, G.M. (1918). *Plokhi* (Nature and people of the Vakh River). *Severnoe sibirskoe kooperativnoe hozyajstvo*, (34–35), 5–11; (36–37), 10–17; (38), 6–12. (Rus.).

Dunin-Gorkavich, A.A. (1904). *The Tobolsk North: In 3 volumes. Vol. 1. A general overview of the country, its natural wealth and economic activities of the population*. Tobolsk: Tipografiia V. Kirshbaum. (Rus.).

[*] Corresponding author.

Dunin-Gorkavich, A.A. (1910). *The Tobolsk North: In 3 volumes. Vol. 2: Geographic and statistical-economic description of certain regions*. Tobolsk: Gubernskaia tipografiia. (Rus.).

Dunin-Gorkavich, A.A. (1911). *The Tobolsk North: In 3 volumes. Vol. 3: Ethnographic sketch of the local indigenous dwellers*. Tobolsk: Gubernskaia tipografiia. (Rus.).

Dunin-Gorkavich, A.A. (1926). Approximately how much raw fish is caught by the population of the Tobolsk North for their food and food for their dogs. *Tobol'skij kraj*, (2), 29–34. (Rus.).

Kuklin, S. (1925a). A brief overview of hunting in the Surgut region. *Nash kraj*, (8–9), 26–42. (Rus.).

Kuklin, S. (1925b). A brief overview of hunting in the Surgut region. *Nash kraj*, (10–11), 1–10. (Rus.).

Kulemzin, V.M., Lukina, N.V. (2006). *Vasyugan-Vakh Khanty at the end of 19th — beginning of 20th centuries: Ethnographic essays*. Tyumen: Mandr i K[a]. (Rus.).

Lukina, N.V. (2005). Food [of the Khanty]. In: *Narody Zapadnoj Sibiri: Hanty. Mansi. Sel'kupy. Nency. Ency. Nganasany. Kety.* Moscow: Nauka, 125–132. (Rus.).

Martynova, E.P. (1998). *Essays on the history and culture of the Khanty*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).

Minenko, N.A. (1975). *Northwestern Siberia in the 18th — first half of the 19th century: Historical and ethnographic essay*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Müller, G.F. (1756). *Description of the Siberian trade.* St. Petersburg: Tipografiya pri Imperatorskoj akademii nauk. (Rus.).

Neklepaev, I.Ya. (1903). Beliefs and customs of the Surgut region. In: *Zapiski Zapadno-Cibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. XXX.* St. Petersburg, 27–230. (Rus.).

Pirozhnikov, G.A. (2002). Ob-Irtysh North: Ethnographic essay. In: *Takoj dalyokij i takoj blizkij Ob'-Irtyshskij sever.* Surgut: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, 89–191. (Rus.).

Shvetsov, S.P. (1888). Essay on the Surgut region. In: *Zapiski Zapadno-Cibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. X.* St. Petersburg, 1–87. (Rus.).

Sirelius, U.T. (2001). *Journey to the Khanty. Translated from German by N.V. Lukina*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).

Trofimova, O.V., Konovalova, E.N. (2013). *Topographical descriptions of Western Siberia of the 18th century*. Tyumen: TyumGNGU. (Rus.).

Varpakhovskiy, N.A. (2003). *Fishing in the Ob river basin: In 2 parts. Part I: Fishing gear and fishery products*. Tyumen: Mandrika. (Rus.).

Willkomm, M. (1898). *The botanical atlas.* St. Petersburg: Izdanie F.A. Bitenazha. (Rus.).

Конев А.Ю., https://orcid.org/0000-0002-9844-9599
Адаев В.Н., https://orcid.org/0000-0001-7355-2007

Сведения об авторах:
Конев Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ТюмНЦ СО РАН, Тюмень.
Адаев Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ТюмНЦ СО РАН, Тюмень.
About the authors:
Konev, A.Yu., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Tyumen Scientific Centre of SB RAS, Tyumen.
Adaev, V.N., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Tyumen Scientific Centre of SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-13

УДК 392.8

Томилов Н.А.

Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. Маркса, 15/1, Омск, 644024
E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

ПИЩА СИБИРСКИХ ТАТАР В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ XVII–XVIII вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЛЬТУРЫ ТОМСКОЙ ГРУППЫ ТАТАР)

Обобщены данные о пище томской группы сибирских татар, расселенной в Томском Приобье (Западная Сибирь). Цель исследования — охарактеризовать этнокультурные процессы в сфере питания сибирских татар XVII–XVIII вв. и определить роль этих процессов в увеличении объема общих явлений в материальной культуре томских татар в результате взаимодействия их прежде всего с русскими. Источники исследования — материалы и сведения о комплексах продуктов питания и составе блюд томских татар из работ путешественников и ученых XVIII–XX вв., а также результаты археологических и этнографических работ по изучению хозяйства и материальной культуры сибирских татар и материалов по этнографии русских Сибири XVII–XIX вв. В статье применены метод социально-исторического анализа, историко-сравнительный метод и в ряде случаев метод количественного анализа. Приведены описания используемых в XVII–XVIII вв. томскими татарами продуктов питания — рыбных, мясных, растительных и закупаемых продуктов (соль, пряности, крупы и другие продукты), способов заготовки и обработки продуктов питания, приготовления из них блюд и употребления их в пищу, а также описание предназначенной для приготовления и потребления пищи домашней утвари. Помимо комплексной характеристики культуры питания томской группы сибирских татар представлены выводы об изменениях в этой области материальной культуры и о роли этнокультурных процессов в системе питания томских татар.

Ключевые слова: этнические процессы, сибирские татары, материальная культура, культура питания, этнокультурное взаимодействие.

Ссылка на публикацию: Томилов Н.А. Пища сибирских татар в этнокультурных процессах XVII–XVIII вв. (по материалам культуры томской группы татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 151–161. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-13

Введение

Тема этнокультурных изменений в материальной культуре коренных народов Сибири, в данном случае сибирских татар, в результате взаимодействия их с другими народами, прежде всего с русскими, на протяжении нескольких веков актуальна в связи с изучением в более широком плане процессов формирования и динамики российской цивилизации и ее субцивилизационных провинций (в том числе сибирской) (см. об этом: [Арутюнов, 1989; Груздева, 1996; Мархинин, Удалова, 1996; Попков, Тюгашев, 2006; Томилов, 1997; 2014; Тюгашев, 2007; Чусовитин, 1997; и др.]). С этой темой сопряжено и изучение становления и динамики исторической (социально-политической) общности россиян [Грищенко, 2012; Российская нация…, 2008; Тишков, 2008, 2013; Томилов, 2012, 2023 и др.]. Актуальная исследовательская задача состоит в изучении становления и дальнейшей динамики исторических общностей, выяснении роли этнокультурных процессов в увеличении объема общих явлений традиционно-бытовой культуры входящих в эти общности народов и национальных групп.

Такая задача в изучении этнокультурных процессов у сибирских татар в новое и новейшее время осуществляется в этнографическом сибиреведении, во всяком случае, с середины 1980-х гг. [Валеев, 1987; Валеев, Томилов, 1996; Томилов, 2013, 2022 и др.]. К настоящему времени нами изучены в этом направлении этнокультурные процессы, протекавшие в XVI–XVIII вв. и отчасти в XIX в., в таких явлениях материальной культуры разных групп сибирских татар, как поселения, жилища, средства передвижения, одежда [Культура населения…, 2005, с. 32–53; Томилов, 2011, 2021 и др.], а также в хозяйственной сфере жизнедеятельности — пока только у томских татар [Томилов, 2023], ведется работа по изучению динамики хозяйственных комплексов барабинских и тоболо-иртышских татар XVII–XVIII вв.

Данная работа направлена на изучение этнокультурных процессов еще в одной значимой сфере жизнеобеспечения и материальной культуры — питания томской группы сибирских татар XVII–XVIII вв. и на определение роли этих процессов в увеличении объема общих явлений в традиционно-бытовой культуре в результате взаимодействия прежде всего с русскими. В работе используются сведения о комплексах продуктов питания и составе блюд томских татар из публикаций путешественников и ученых, одним из основных источников при этом послужили данные Г.Ф. Миллера [2009]. Отмечается изученность пищи сибирских татар с достаточно подробным описанием не только состава продуктов, но и рецептуры блюд и напитков, в основном относящихся к XIX — первым десятилетиям XX в. Допускаем, что часть их можно экстраполировать и в описание пищи этой группы татар XVIII в., если есть сведения о наличии таковых в пищевом рационе. Тем не менее задача данной статьи состоит не в подробном анализе системы питания сибирских татар, а в выявлении и характеристике тех изменений, которые проходили в XVII–XVIII вв. в этой системе под влиянием меняющихся социально-экономи-ческих условий и взаимодействия с окружающими народами, и прежде всего с русским населением. В статье используются также опубликованные сведения о пище сибирских татар XVII–XIX вв. [Валеев, 1980, с. 119–135; 1992, с. 106–118; Мягков, 2007, с. 79–83; Тихомирова, 2006, 2011; Томилов, 1976; 1980, с. 181–197; и др.].

В статье применены методы социально-исторического анализа, историко-сравнительный и в ряде случаев — количественного анализа. При изучении динамики этнокультурных процессов в системе питания сибирских татар XVII–XVIII вв. нами учитывались положения о пище как социокультурном явлении традиционно-бытовой культуры, отражающемся в ее материальной, соционормативной и жизнеобеспечивающей сферах, о локальных особенностях пищи народов и их этнических групп, о месте пищи и ее роли в этническом самосознании, о соотношении и динамике традиций и новаций в этой области народной культуры и некоторые другие концептуальные установки [Арутюнов, 2001; Кабицкий, 2011; Молданова, 2017; Томилов, 2000 и др.]. По мнению О.Н. Шелегиной, «пища является глубоко традиционным элементом материальной культуры, несет на себе ярко выраженные социальные и этнические признаки. Виды пищи, способы ее приготовления и пищевой режим относятся к наиболее стойким культурно-бытовым традициям» [2005, с. 115]. В целом это верное заключение. Тем не менее и культура питания этнических общностей в условиях изменений в социально-экономической сфере бытия в результате интенсивного взаимодействия их с группами других народов может включать новации, которые через определенное время становятся традициями и нередко существенно меняют этнокультурный образ этих общностей или отдельных этнических групп.

Состав продуктов питания

Состав и объем продуктов питания сибирских татар в выбранный нами период зависел от видов хозяйственных занятий и торговли. Так, среди томских татар в группах эуштинцев и томских чатов в XVII в. преобладали охота и рыболовство, сохраняло значение собирательство, а скотоводство и земледелие были развиты слабо. У обских чатов, наоборот, скотоводство наряду с охотой и рыболовством доминировало при подсобном значении собирательства и земледелия. И в третьей группе томских татар — это калмаки (потомки телеутов) — на первом месте находились скотоводство и охота, а рыболовство, собирательство и земледелие в условиях в основном лесостепной и отчасти степной зоны имели существенно меньшее значение. Но уже со второй половины XVII в. в хозяйственной деятельности томских татар происходят изменения, которые особенно проявились в XVIII в.,— прежде всего увеличение объема и значимости скотоводства, постепенный переход от пастушества к стойловому содержанию домашних животных. Главными видами занятий на этот период определяются скотоводство, охота и рыболовство при сохранении в качестве подсобных занятий земледелия и собирательства. Возрастало и значение в жизнедеятельности томских татар занятий извозом и торговлей [Томилов, 2023, с. 142–143].

В XVI — первой половине XVII в. в питании эуштинцев, томских чатов и отчасти обских чатов существенное место занимала рыба, о чем свидетельствуют находки в археологических объектах того времени большого количества рыбьей чешуи и рыбных костей [Бояршинова, 1950, с. 45; 1960, с. 85–86]. Обилие речных и озерных водоемов в местах расселения чатов и эуштинцев обеспечивало регулярность употребления в пищу рыбных продуктов. Если в условиях сильных морозов в промерзших водоемах невозможно было добыть рыбу, то среди татар случался голод, что свидетельствует о главном значении в их питании рыбных продуктов в тот период [Томилов, 2013, с. 90–91]. Г.Ф. Миллер отмечал, что в первой половине XVIII в. сибирские татары «пользуются и рыбной

ловлей в качестве дополнения к другим средствам существования» [2009, с. 331]. Тем не менее и в XIX в. у многих групп барабинских и тоболо-иртышских татар рыбные продукты оказывались по значению на первом месте [Томилов, 1980, с. 184–185; Храмова, 1956, с. 482 и др.].

Томские татары в XVII–XVIII вв. и позднее употребляли в пищу многие виды речной и озерной рыбы — осетра, стерлядь, муксуна, судака, тайменя, хариуса, нельму, налима, пелядь, леща, язя, карася, окуня, ельца, ерша, сазана, чебака. Видимо, как и в XIX в., они не питались щукой, так как считали ее нечистой и называли «свиной рыбой». Объясняли они такое «свое отрицательное отношение к щуке тем, что в голове у нее есть крестообразная костяная фигурка, и поэтому мусульманам ее есть нельзя» [Томилов, 1980, с. 184].

В качестве основной пищи всех трех групп томских татар выступало и мясо как диких, так и домашних животных. Широко распространенная у чатов и эуштинцев охота в XVI–XVIII вв. поставляла мясо диких зверей и птиц. Г.Ф. Миллер приводил факты, что татары в Сибири «из диких зверей… предпочитают всему другому мясо и жир медведя. Белок, росомах, бобров, выдр и соболей все они также едят» [2009, с. 254]. В источниках XVII–XVIII вв. в составе объектов охоты томских татар названы также сохатые (лоси), зайцы, рыси, кроты, утки, глухари, рябчики, тетерева, куропатки и др. [Томилов, 2023, с. 82–86].

И все же в XVII–XVIII вв. большую долю мясных продуктов поставляло скотоводство, которое распространено было у всех групп томских татар [Там же, с. 97–104]. Известно, что «в XVII в. главными поставщиками скота и продуктов животноводства на томский рынок были татары, прежде всего чаты и телеуты» [Емельянов, 1980, с. 57]. Под телеутами здесь, скорее всего, подразумевается та их группа, которая вошла в состав томских татар как калмаки.

У томских татар в пищевой рацион в XVI–XVII в. входили конина, баранина, о чем свидетельствуют археологические данные и письменные источники [Бояршинова, 1960, с. 89; Плетнева, 1997, с. 71, 78–79]. У сибирских татар конское мясо считалось своеобразным деликатесом — «как у магаметанских, так и у языческих татар» [Миллер. 2009, с. 253]. Употребляли в пищу и говядину, доля которой в питании томских татар постепенно увеличивалась, а также козлятину, куриное и гусиное мясо [Емельянов, 1980, с. 61; Томилов, 2023b, с. 102–103 и др.]. Из видов мяса они не ели только свинину — «употреблять в пищу свинину магометанским татарам запрещала также их религия» [Миллер, 2009, с. 256].

При забое скота, совершаемом с учетом предписываемых мусульманской религией правил (поворот головы животного на юго-запад и др.), перерезали горло и выпускали кровь, которую затем варили и ели [Там же, с. 253–254, 268]. Разделанное мясо томские татары обливали водой, чего не делали, как отмечал Г.Ф. Миллер, многие другие народы Сибири [Там же, с. 253]. Мыли татары и кишки, которые использовали для изготовления изделий типа колбасы и др. Заметное место в питании местных татар занимали молочные продукты, в меньшем объеме — яйца домашней птицы.

Еще одну группу продуктов питания поставляло собирательство. В XVI–XVII вв., по мнению З.Я. Бояршиновой, «основными видами хозяйственной деятельности местного населения были охота, рыболовство, собирание корней, стеблей дикорастущих съедобных растений, а также собирание грибов, ягод, кедровых орехов» [1953, с. 26]. Томские татары в этот период и далее, в XVIII в., употребляли в пищу корни кандыка и ревеня, луковицы сараны, мереницу, щавель, хмель, борщевик, дикие лук и чеснок, редьку, хрен, а также грибы (не во всех селениях), кедровые орехи. Довольно много потребляли они и ягод — бруснику, клубнику, жимолость, чернику, черемуху, смородину, клубнику, малину [Томилов, 2023, с. 96].

Г.Ф. Миллер отмечал, что корни сараны — больших полевых лилий в тот период употребляли в пищу многие народы Сибири, в том числе русские [2009, с. 257]. Писал он и о кандыке: «…это корень, растущий в лесах в истоках Томи… и который едят татары. Они собирают его весной, так как летом и осенью корень теряется, очищают его и сушат на нитках, нанизывают как бусы, для употребления зимой» [Там же, с. 258]. Сообщал он об употреблении в пищу древесной коры татарами: «Они едят сосновую, так и березовую кору. Они ее едят только летом, когда она попадается, запасов ее обычно не делают… От березы весной едят нижнюю кожицу, находящуюся под корой» [Там же, с. 254, 260].

Зерновые продукты знакомы были томским татарам, но в XVII в. еще в незначительном объеме — ячмень поставлялся им мотыжным земледелием. Но с переходом к пашенному земледелию увеличивался ассортимент зерновых за счет ржи, пшеницы, овса, гречихи, возрастали объем производства и соответственно потребление продуктов земледелия — в меньшей степени у чатов и эуштинцев, в большей у калмаков [Томилов, 2023, с. 105–110].

Ассортимент продуктов питания томских татар пополнялся и за счет закупки продуктов на рынках и в русских селениях [Томилов, 1980, с. 181] — чаще всего они покупали зерно, муку, крупы, восточные пряности, соль и др. Но и сами на местных рынках продавали продукты питания — мясо, масло, бараний жир, рыбу, кедровые орехи и др. [Томилов, 2023, с. 120]. У кочевников южных степей они выменивали пушнину на скот, прежде всего на лошадей [Там же, с. 119].

Способы заготовки и обработки продуктов питания

Заготовка и обработка продуктов питания фактически охватывала почти все их виды. Зимой мясо, рыбу, молоко, масло сливочное и топленое, ягоды хранили в замороженном виде [Миллер, 2009, с. 268, 272 и др.; Томилов, 1980, с. 182]. Изготавливали, хранили и затем употребляли в пищу вяленое и копченое мясо — чаще всего зайцев и лосей. Томские, как и все сибирские татары и многие другие сибирские народы, заготавливали порсу — сушеную рыбу и юколу — копченую и затем измельченную рыбу [Миллер, 2009, с. 270–271].

Об изготовлении масла местными татарами Г.Ф. Миллер сообщил следующие сведения: «Для приготовления масла они не снимают сливки, а выливают все молоко в кодич (кожаный сосуд. — *Н. Т.*], пока его не будет достаточно, и перемешивают палкой, в которой внизу имеется колесико, до тех пор, пока масло не поднимется наверх. Его снимают, промывают и хранят в таком несоленом нетопленом виде для употребления» [2009, с. 268]. Далее он указывал, что масло «делается магометанскими татарами по русскому образцу» [Там же, с. 277]. Видимо, речь здесь идет об использовании местными татарами деревянных маслобоек узкого кадушечного вида с деревянными мутовками для сбивания масла, которые в XIX в. были распространены во всех хозяйствах томских татар [Томилов, 1980, с. 182]. Г.Ф. Миллер упоминал и об изготовлении из коровьего молока сыра, способного какое-то время сохраняться [2009, с. 268].

Высокопродуктивным у томских татар был кедровый промысел: «Все татары делают большие запасы кедровых орехов, и это дает им хорошее пропитание. Они сушат и коптят их над очагом на решетке, которая закрепляется на 4-х шестах вверху юрты. И очищают их… Они рассыпают на доске 10 и более орехов, бьют по ним гладкой деревянной лопаткой из твердой березы, так что скорлупа отделяется… Затем они полностью очищают орехи от всякой скорлупы. Цельные орехи они хранят отдельно и часто одаривают ими чужих людей, а разбитые ядра хранят также особо для собственного употребления» [Там же, с. 275]. Зерно и муку при наличии запасов (далеко не все татары их имели) хранили в ларях, а крупы в туесках или мешочках. Эти данные относятся к XIX в., но могут экстраполироваться и на XVIII в. При наличии собственных запасов зерна часть его мололи в муку на водяных мельницах в русских селениях [Томилов, 1980, с. 18].

Рыбу томские татары употребляли в пищу обычно в вареном виде, используя для варки котлы. В пищу шла и уха из рыбы с добавлением в нее ячменной крупы. Также рыбу жарили, но в тот период не во всех татарских селениях [Там же, с. 183–184]. Для заправки супов использовали истолченную в ступе сушеную рыбу в порошкообразном виде. Видимо, в некоторых семьях томских татар пекли пироги с рыбной начинкой, как это было более широко распространено в XIX в. (способ приготовления их был заимствован у русских) [Там же, с. 184]. В пищу шла и сырая рыба — сушеная и подкопченная, а зимой и замороженная, нередко в виде нарезанных стружек.

Мясо томские татары в XVII–XIX вв. варили и жарили [Миллер, 2009, с. 253]. Использовали его для приготовления супов и вторых блюд. Изготавливали «тутырму — тщательно промытые кишки начиняли кусочками нарезанной сырой печени, сала, сердца, крупой и луком и варили до готовности. Обычно это блюдо готовили сразу же после забоя. Из конского мяса изготовляли также колбасу — казы, для чего жирное мясо первоначально разрезали на длинные полоски (или на мелкие куски) и засаливали вместе с чесноком и перцем, а уже через неделю набивали его в конские кишки и подвешивали в сарае либо на чердаке для сушки. Такую колбасу употребляли в пищу в сыром виде, но шла она и на варку супов» [Томилов, 1980, с. 183].

Молоко пили обычно в сыром виде. Г.Ф. Миллер отмечал, что «конское молоко считается у всех них вкуснее и питательнее коровьего» [2009, с. 253]. Повсеместно местные татары добавляли молоко в чай, использовали для приготовления молочного супа с домашней лапшой, сливочного и топленого масла, кислого сыра, напитка айран, сливок и сметаны [Томилов, 1980, с. 182–183].

Яйца домашней птицы томские татары пили сырыми, варили их всмятку и вкрутую, заправляли ими супы, использовали в начинках для пирогов, жарили яичницу. Эти сведения известны по источникам XIX — начала XX в. [Там же, с. 185], но, вероятно, их можно отнести и к XVIII, а отчасти и к XVII в.

Известен и тот факт, что в XVI–XVIII вв. до появления в продаже сахара местные татары достаточно регулярно употребляли в пищу мед, порой в большом количестве. Такое использование меда в напитках, выпечке из теста и т.д. сохранялось и в XIX в. [Там же, с. 186], тем более что наряду с бортничеством у томских татар с конца XVIII в. стало внедряться и пасечное пчеловодство [Томилов, 2023, с. 112–113].

Муку в питании татары использовали больше всего ржаную, но в XVIII в. постепенно увеличивалось потребление и пшеничной муки. Применялась мука при выпечке лепешек, хлеба, пирогов, печенья, при изготовлении лапши, для заправки супов в виде клецок.

Крупы местные татары производили сами или покупали. Особенно любили рис. Из круп варили каши (обычно ячменную, позднее пшенную, овсяную, рисовую и гречневую). Гречиху и сами стали выращивать с конца XVIII в. [Там же, с. 109–110]. Ячмень в измельченном виде заливали водой или молоком, готовили из него также брагу [Томилов, 1980, с. 185].

Продукты собирательства использовались в питании томских татар XVII–XVIII вв. постоянно. Их роль стала несколько сокращаться с XIX в. в связи с понижением значения собирательства в хозяйственных занятиях татарского населения [Томилов, 2023, с. 95–96]. Засаливали черемшу на длительный срок хранения, засушивали ягоды, варили из них варенье, сушеную черемуху измельчали в ступах и затем использовали для приготовления пирогов, из черники делали пастилу (сначала ягоду варили, затем протирали в сите и сушили на досках) [Там же, с. 185].

Перечень и рецептура основных блюд

Описания конкретных блюд томских татар даже XVIII в., как правило, очень кратки, т.е. они без подробной рецептуры и без указания объема, веса и размера используемых при приготовлении блюда продуктов. В связи с этим далее приводится в основном только перечень этих блюд. К первым блюдам относятся уха (иногда с добавлением крупы) и мясные супы, сваренные с крупами — чаще всего на конском бульоне с ячменной крупой или пшенкой, перловкой, а также на бараньем бульоне с рисом, на говяжьем бульоне с лапшой, клецками. Готовили и молочные супы с крупами. Под влиянием русской кухни в XVIII в. чаще стали варить овощные супы с использованием капусты, свеклы, моркови, лука, но без картофеля, который в обиходе у томских татар появился фактически только в XIX в. [Томилов, 1980, с. 186]. В рационе питания были пельмени с бульоном, которые готовили так же, как и русские сибиряки, не используя только свинину и приготовляя фарш из конины, баранины, иногда и курятины и даже рыбы.

В качестве вторых блюд томские татары употребляли в пищу отварное, тушеное или жареное мясо, отварную и жареную рыбу. Видимо, от проживавших с ними сибирских бухарцев восприняли способ готовки плова по-бухарски с составом из баранины, лука, моркови, пряностей (в основном перца), риса и изюма (подробнее см.: [Там же, с. 186]). О приготовлении блюд из крови писал Г.Ф. Миллер: «Татары вливают кровь в кишки, немного ее варят и едят, ничего к этому не прибавляя. Они также наливают кровь в котел, добавляют туда немного масла или много топленого жира и поджаривают это в качестве кушанья» [2009, с. 269]. Готовили для повседневного потребления заваруху — муку заваривали в кипятке и заправляли сливочным маслом.

Повседневным блюдом были каши из разных круп — чаще из пшенки, гречки, овсянки, реже из риса. Своеобразным блюдом сибирских татар была каша из кедровых орехов, которую Г.Ф. Миллер описал следующим образом: «Все татары делают большие запасы кедровых орехов, и это дает им хорошее пропитание… Когда они хотят есть орехи, то толкут их в кашу в деревянной ступе и так едят. Русские, которые пробовали и ели у них ту кашу, говорят, что, хотя она и имеет приятный вкус, однако после нескольких ложек приедается и съесть ее много нельзя. Татары же к ней привыкли и едят ее порядочными порциями. Особенно много той каши они едят, когда возвращаются после охоты сильно наголодавшись, и тогда она служит им превосходным питанием» [2009, с. 275].

Разнообразной в кухне томских татар была выпечка из муки. Названия и рецептура более известны по материалам XIX в., но, по нашим заключениям о динамике комплекса блюд этой группы сибирских татар, многие из них определенно можно отнести к XVIII в. и отчасти даже к XVII в. По рецептуре русского населения местные татары выпекали калачи, ватрушки, шаньги, пироги, блины, оладьи, лепешки, печенье и т.д. От переселившихся в Сибирь небольших групп поволжско-приуральских татар они научились готовить парамячи (типа ватрушек), балиши (пироги с мясом и рисом), кыстыбаи (перегнутые пополам лепешки со слоем каши внутри, позднее — с картофелем), паштеты (пироги с ягодой или пастилой), чак-чаки (торты из колобков из пресного теста, соединенных заливкой из меда), сансу (запеченные в масле широкие ленты из теста, типа мучного хвороста) и др. Наряду с талканом, местными блюдами из теста могут считаться

баурсаки (жаренные в масле колобки из теста), каймаки (небольшие пышные лепешки или оладьи из теста, замешанного на молоке, нередко с добавлением куриных яиц) [Валеев, Томилов, 1996, с. 104–105; Томилов, 1980, с. 187].

Из напитков в повседневном употреблении томских татар были молоко сырое и кипяченое, а также простокваша и сыворотка [Миллер, 2009, с. 168]. Пили приготовленный самими напиток айран, для его получения в кипяченое коровье молоко вливали закваску, забраживали на протяжении нескольких дней, после чего потребляли с добавлением воды [Миллер, 2009, с. 278; Томилов, 1980, с. 182, 187].

Еще одним общеупотребительным опьяняющим напитком был кумыс, описанный Г.Ф. Миллером следующим образом: «Конское молоко в свежем виде, сразу как подоили кобылу, наливается в специально для этого изготовленный кожаный сосуд, имеющий пузатое тулово и узкую горловину, к нему доливается немного теплой воды и закваски от старого кумыса и все это часто помешивается деревянной лопаткой, пока не приходит в брожение… Само же молоко, после того, как оно побродит один или два дня, называется кумысом и готово для питья. Иногда они оставляют кумыс бродить до 8 или 14 дней и все время доливают в него свежее молоко после каждой дойки, а когда сосуд оказывается полным, то они отливают от готового кумыса столько, сколько нужно для будущего употребления, в другой сосуд» [2009, с. 275–276].

Употребляли томские татары и более крепкий алкогольный напиток наподобие водки — араку, которую делали чаще всего на ячменных зернах [Томилов, 1980, с. 187]. Г.Ф. Миллер описал способ получения араки путем выгонки ее из кумыса [2009, с. 276].

Исследователи XVIII в. отмечали увеличивающееся распространение среди сибирских татар чая как ежедневного напитка, но писали и о том, что вместо чая более бедные жители пили кипяток с заваренными травами [Георги, 1799, с. 28; Паллас, 1786, с. 424 и др.]. Для заварки использовали больше кирпичный чай (назван так по способу упаковки), пили его с молоком, медом, сахаром. И, как было сказано выше, томские татары употребляли вместо чая напиток из заваренных листьев малины и смородины. Еще один напиток — щербет из разведенного в воде меда. От русских некоторые татары научились готовить квас [Томилов, 1980, с. 187].

Приспособления для приготовления и приема пищи

Для варки и жарения при приготовлении блюд сибирские, в том числе томские, татары использовали котлы, вмазанные в печь,— чувалы, которые Г.Ф. Миллер называл каминами. Писал, что они «устраиваются справа от двери в комнату в углу или у стены... Однако пищу они варят не в этих каминах, а для этой цели во всех комнатах рядом с камином вмазан котел» [2009, с. 177]. Известно, что в XIX в. у местных татар уже достаточно широко использовалась и русская печь с пристроенным сбоку очагом и вмазанным котлом [Томилов, 1980, с. 97]. Вероятно, их распространение имело место и в XVIII в. Для варки татары использовали железные треножники с установленными на них котлами [Миллер, 2009, с. 192].

Из утвари, предназначенной для приготовления и потребления пищи, Г.Ф. Миллером названы железные и медные котлы (покупали их у русских), блюда из чугуна и железа, кожаные сосуды для кумыса, сосуды из косульих шкур мехом наружу для хранения муки и крупы, берестяная посуда и покупная посуда русского образца [2009, с. 192. 196, 199]. По археологическим материалам видно, что в XVI–XVII вв. местные тюркоязычные группы изготавливали и использовали деревянные ступы, блюда, чашки, поварешки, ложки, берестяные сосуды с квадратным дном и круглым отверстием [Бояршинова, 1950, с. 54–55]. Н.Ф. Емельянов отмечал, что быт томских татар уже «в конце XVII в. имел много общего с бытом русских засельщиков из соседних деревень» [1978, с. 82]. В доказательство он привел относящиеся, правда, к первой половине XIX в. данные об имущественном положении средней татарской семьи. В перечень имущества конкретной семьи из селения Калтай вошли и предметы системы питания — 2 соусника, 10 чайных чашек с блюдцами, 5 фаянсовых тарелок, 4 рюмки, 2 стакана, графин, самовар, поднос, чугунный котел [Там же, с. 82].

Этнокультурное взаимовлияние в сфере питания

При привлечении работ о культуре питания русских Сибири с целью выявления общих черт в этой сфере традиционно-бытовой культуры у них и томских (шире — сибирских) татар выяснилось, что большая часть работ по пище русских Сибири освещает эту сферу культуры для XIX–XX вв. [Блощицына, 2005, 2008; Горьковская, Катионов, 1992; Жигунова, 2004; Майничева, 1998; Томилов, 2001 и др.]. Что касается пищи русских Сибири XVII–XVIII вв., то эта тема освещена фактически только в работах В.А. Липинской [1987] и О.Н. Шелегиной [2005]. Конкретно

культуре русских Притомья XVII — начала XX в. посвящена монография Л.А. Скрябиной [1997], но в ней нет раздела о пище, лишь в разделе о хозяйственных занятиях приводятся сведения о производстве и собирательстве продуктов, которые использовались в питании.

Приведенные О.Н. Шелегиной данные о составе продуктов питания и блюд русских Сибири свидетельствуют об увеличении в XVIII в. и в последующие времена явлений в этой сфере культуры, которые были распространены уже и у многих народов Сибири, в том числе у сибирских татар [2005, с. 116–125]. В XVII–XVIII вв. стало интенсивным и регулярным взаимодействие томских татар с русскими больше всего в хозяйственно-бытовой области, а соответственно в сфере культуры. Ранее нами было отмечено, что связи этих двух групп населения в Притомье «были настолько разнообразны, что фактически татары и русские в отдельных местах образовывали население одной общины» [Томилов, 1992, с. 194]. Таким общинным взаимодействием с русскими были связаны татары селений Калтай, Кафтанчиково, Юрт-Константиновка.

В результате тесного общения томских татар и русских происходили процессы взаимовлияния в сфере народной культуры, в том числе в пище. В результате часть явлений системы питания русские заимствовали у местных татар, а также передали им свои приемы обработки продуктов и использования их в пище. Так, например, наряду с мясом домашних животных, русские питались мясом диких животных и птиц, в том числе ели медвежатину [Шелегина, 2005, с. 116]. У местного населения русские заимствовали способы консервации рыбы — они, как и томские татары, изготавливали вяленую рыбу *юколу*, вяленую без костей рыбу *юрок*, сушеную мелкую рыбу *порсу*, а также блюда из вареной и жареной рыбы, пироги с рыбой и т.д. [Липинская, 1987, с. 180; Шелегина, 2005, с. 116–117]. О существенном значении рыбной продукции в питании русских сибиряков XVIII в. В.А. Липинская пишет: «В северной неземледельческой полосе Сибири рыба нередко составляла основу питания населения. Также и в земледельческой зоне рыболовство являлось существенной отраслью хозяйства» [1987, с. 182].

Не останавливаясь далее на приведении здесь конкретных данных о пище русского населения Сибири в выбранный нами период, отметим, что приводимые данные о питании русских сибиряков XVIII в. в работах В.А. Липинской и О.Н. Шелегиной при сравнении с питанием томских татар свидетельствуют об увеличении объема общих явлений в данной сфере традиционно-бытовой культуры этих этнических общностей. Значимо и то, что такую ситуацию в питании татар Сибири отметил для XVIII в. Г.Ф. Миллер: «Только у магометанских татар приготовление кушаний производится в известной мере правильным образом, и оно несколько сходно с нашим европейским способом варки и жарения» [2009, с. 268].

Заключение

Изменения в системе питания, как и в других сферах традиционно-бытовой культуры томских татар в XVII–XVIII вв., были сопряжены главным образом с тем, что данная этническая группа оказалась в условиях жизнедеятельности в наиболее быстро развивающемся в экономическом отношении регионе Сибири — Томском Приобье, центром которого стал основанный в 1604 г. город Томск. Выраженность этнокультурных процессов в сфере питания томских татар в указанный период прослежена в нескольких направлениях. При сохранении многих явлений традиционной системы питания, с одной стороны, наблюдалось постепенное, но еще не слишком выраженное ослабление роли продуктов, поставляемых охотой, рыболовством и собирательством (оно существенно усилится со второй половины XIX в.). С другой стороны, имело место значительное увеличение роли продуктов земледелия и животноводства. Во всех поселениях томских татар в этот период распространялись способы обработки продуктов питания и блюда русского населения. Взаимовлияние в питании томских татар и русских весьма увеличило у них объем общих явлений в этой сфере традиционно-бытовой культуры. Увеличение ассортимента в рационе томских татар в тот период было связано отчасти с привнесением блюд переселенцами — поволжско-уральскими татарами и сибирскими бухарцами.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания по проекту «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия» (научный руководитель проекта С.Н. Корусенко), гос. регистрация 122031600309-1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 10–17.

Блощицына М.В. Историко-этнографическое изучение пищи русского населения Сибири // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск: ПреПрессСтудио, 2005. Вып. 3. С. 36–47.

Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. 1950. Т. 112. С. 24–210.

Бояршинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. № 3. С. 21–48.

Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 152 с.

Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX вв.: Историко-этнографические очерки / Под ред. Е.П. Бусыгина. Казань: Татарск. кн. изд-во, 1980. 232 с.

Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура / Отв. ред. А.Г. Селезнев, В.И. Соболев. Новосибирск: Наука, 1996. 224 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 2. 178 с.

Горьковская З.Б., Катионов О.Н. Пища русских крестьян Сибири в повседневной жизни (период капитализма) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1992. С. 55–57.

Грищенко А.И. К новейшей истории слова россияне // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2. С. 119–139.

Груздева В.В Проблемы развития человечества в контексте взаимодействия цивилизации и культуры: Методологические аспекты. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1996. 172 с.

Емельянов Н.Ф. Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 73–87.

Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху: (Состав, занятия и повинности) / Отв. ред. В.И. Матющенко, Н.А. Томилов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 252 с.

Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2004. 228 с.

Кабицкий М.Е. Введение в тему: Антропология пищи и питания сегодня // ЭО. 2011. № 1. С. 3–7.

Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири / М.А. Корусенко, Е.Ю. Смирнова, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, К.Н. Тихомиров, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов; Отв. ред. С. Татауров, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2005. 268 с.

Липинская В.А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.) / Отв. ред. В.А. Александров. М.: Наука, 1987. 224 с.

Майничева А.Ю. Пища русских крестьян Верхнего Приобья: Конец XIX — начало XX века // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1998. С. 88–92.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: Состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск: Наука, 1996. 188 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / Издатели А.Х. Элерт, В. Хинтше; Пер. с нем. А.Х. Элерт. М.: Памятники историч. мысли, 2009. 456 с.

Молданова Т.А. Пища как элемент этнической идентичности и межкультурного взаимодействия // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 131–143.

Мягков Д.А. Продукты охоты и собирательства в традиционной пище барабинских татар // Культурология традиционных сообществ. Омск: Омск. гос. ун-т, 2007. С. 38–44.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. II. Кн. 2. 571 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим материалам) / Под ред. Л.А. Чиндиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Философия Севера: Коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. 376 с.

Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Изд. Мин-ва регион. развития РФ и ИЭА РАН, 2008. 306 с.

Скрябина Л.А. Русские Притомья: Историко-этнографические очерки (XVII — начало XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 130 с.

Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Приртышья: Проблемы формирования и этнокультурных связей / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2006. 232 с.

Тихомирова М.Н. Представления о хлебе у татар Западной Сибири (по фольклорным и этнографическим материалам) // Народная культура Сибири: Материалы XX науч.-практ. семинара. Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 2011. С. 88–93.

Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 135–142.

Тишков В.А. Российский народ: История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

Томилов Н.А. Пища томских татар в конце XIX — начале XX вв. // ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 19. С. 148–162.

Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья: (Хозяйство и материальная культура) / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 200 с.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. / Отв. ред. В.И. Васильев, Р.С. Васильевский. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.

Томилов Н.А. Северо-Азиатская культурная провинция и ее место в ареалах российской и мировой цивилизации // Россия и Восток: Тстория и культура: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: Омск. филиал Объединен. ин-та истории, филологии и философии СО РАН, 1997. С. 158–166.

Томилов Н.А. Культура и ее структурные сферы // Культурологические исследования в Сибири. 2000. № 1. С. 39–43.

Томилов Н.А. Русские Нижнего Притомья (конец XIX — первая четверть XX в.) / Отв. ред. Ф.Ф. Болонев. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2001. 198 с.

Томилов Н.А. Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII–XIX веках / Отв. ред. В.И. Молодин. Омск: Наука, 2011. 224 с.

Томилов Н.А. Исторические общности казахстанцев и россиян и их социально-политическая роль // Вестник Омского университета. 2012. № 3. С. 127–132.

Томилов Н.А. Этнокультурные процессы как существенный компонент формирования исторической общности россиян (на примере культуры сибирских татар XVIII–XIX веков) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию акад. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 600–609.

Томилов Н.А. Сибирское субконтинентальное цивилизационное пространство: Реалии и перспективы // Социокультурное освоение Сибири. Материалы Сиб. ист. форума. Красноярск, 25 дек. 2014 г. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 41–46.

Томилов Н.А. Одежда тоболо-иртышских татар в динамике этнокультурных процессов XVII–XVIII вв. // Вестник Омского университета. Сер. Ист. науки. 2021. Т. 8. № 1. С. 110–117.

Томилов Н.А. Этнокультурная динамика тюркских народов Сибири в трудах российских ученых второй половины XX — первых десятилетий XXI в. // Вестник Омского университета. Сер. Ист. науки. 2022. Т. 9. № 2. (34). С. 258–266.

Томилов Н.А. Хозяйственные комплексы сибирских татар XVII–XVIII вв.: Томские татары / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. 206 с.

Тюгашев Е.А. Диалог культур и цивилизаций: Методологический анализ // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. Вып. 8. С. 4–8.

Храмова В.В. Западносибирские татары // Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 473–491.

Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII — начале XX века / Отв. ред. Н.А. Томилов. Новосибирск: Сиб. науч. книга, 2005. 192 с.

ИСТОЧНИКИ

Блошицына М.В. Культура питания русских Верхнего Приобья и Саяно-Алтая в конце XIX — XX вв.: Локальные варианты и их трансформация: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 18 с.

Валеев Ф.Т.-А. Сибирские татары: (Проблемы этнокультурного развития во второй половине XIX — начале XX в.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1987. 35 с.

Tomilov N.A.
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS
prosp. Marksa, 15/1, Omsk, 6440224, Russian Federation
E-mail: e-mail: n.a.tomilov@gmail.com

Food of the Siberian Tatars in the ethno-cultural processes of the 17th–18th centuries (by the materials of the culture of the Tomsk group of Tatars)

In the paper, the food of the Tomsk group of the Siberian Tatars of the 17th–18th centuries, settled in the Tomsk Ob River basin (Western Siberia), is analysed. The aim of the research is to determine and characterise ethno-cultural processes in the food of the Siberian Tatars of the 17th–18th centuries and to identify the role of these processes in the increase of the proportion of common phenomena in the material culture of the Tomsk Tatars as a result of their interaction, first of all, with the Russians. The research sources are represented by the materials and information about food complexes and composition of food dishes of the Tomsk Tatars from the works of travellers and scientists of the 17th–18th centuries, as well as by the results of archaeological and ethnographic studies on the economy and material culture of the Siberian Tatars, and materials on ethnography of the Russians of Siberia in the 17th–18th centuries. The method of socio-historical analysis, historical-comparative method, and, in some cases, the method of quantitative analysis have been employed in the paper. The work contains descriptions of the food products consumed by the Tomsk Tatars in the 17th–18th centuries: fish, meat, vegetables, and imported products (salt, spices, cereals and others), as well as the methods of stockpiling and processing of foodstuff, preparing food dishes and consuming them, and also a description of household utensils intended for the food preparation and consumption. In addition to the results of the comprehensive characterisa-

tion of the food culture of the Tomsk group of the Siberian Tatars, conclusions have been drawn on the changes in this area of the material culture and on the ethno-cultural processes in the food of the Tomsk Tatars.

Keywords: ethnic processes, Siberian Tatars, material culture, food culture, ethnocultural interaction.

Funding. The study was carried out within the framework of the state assignment for the project “Population of Siberia and Northern Kazakhstan: sociocultural processes and transmission of cultural heritage” (scientific director of the project S.N. Korusenko), state. registration 122031600309-1.

REFERENCES

Arutyunov, S.A. (1989). *Peoples and cultures: Development and interaction*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Arutyunov, S.A. (2001). Basic food patterns and their local variants among the peoples of Russia. In: *Tradicionnaya pishha kak vy`razhenie e`tnicheskogo samosoznaniya*. Moscow: Nauka, 10–17. (Rus.).

Bloshhicyna, M.V. (2005). Historical and ethnographic study of food of the Russian population of Siberia. In: *Problemy` mezhe`tnicheskogo vzaimodejstviya narodov Sibiri*. Novosibirsk: PrePressStudio, 36–47. (Rus.).

Boyarshinova, Z.Ya. (1950). Population of Tomsk district in the first half of the XVIIth century. In: *Trudy` Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (112), 24–210. (Rus.).

Boyarshinova, Z.Ya. (1953). Foundation of the city of Tomsk. *Voprosy` geografii Sibiri*, (3), 21–48. (Rus.).

Boyarshinova, Z.Ya. (1960). *Population of Western Siberia before the beginning of Russian colonization*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta. (Rus.).

Emel`yanov, N.F. (1978). Tatars of the Tomsk region in the feudal era. In: *E`tnokul`turnaya istoriya naseleniya Zapadnoj Sibiri*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 73–87. (Rus.).

Emel`yanov, N.F. (1980). *Population of the Middle Ob region in the feudal era: (Composition, occupations and duties)*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta. (Rus.).

Georgi, I.G. (1799). *Description of all peoples living in the Russian state*. Part 2. St. Petersburg. (Rus.).

Gor`kovskaya, Z.B., Kationov, O.N. (1992). Food of Russian peasants of Siberia in everyday life (capitalist period). In: *Kul`turny`j potencial Sibiri v dosovetskij period*. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gos. pedagogicheskogo. in-ta, 55–57. (Rus.).

Grishhenko, A.I. (2012). On the recent history of the word Russians. *Russkij yazy`k v nauchnom osveshhenii*, (2), 119–139. (Rus.).

Gruzdeva, V.V. (1996). *Problems of human development in the context of interaction between civilization and culture: Methodological aspects*. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta. (Rus.).

Kabitsky, M.E. (2011). Introduction to the topic: Anthropology of Food and Nutrition Today. *E`tnograficheskoe obozrenie*, (1), 3–7. (Rus.).

Khramova, V.V. (1956). West Siberian Tatars. In: *Narody` Sibiri.* Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 473–491. (Rus.).

Lipinskaya, V.A. (1987). *Russian population of the Altai region. Folk traditions in material culture (XVIII–XX centuries).* Moscow: Nauka. (Rus.).

Majnicheva, A.Yu. (1998). Food of Russian peasants of the Upper Ob region: Late XIX — early XX centuries. In: *E`tnografiya Altaya i sopredel`ny`x territorij.* Barnaul: Izd-vo Barnaul`skogo gos. pedagogicheskjgo un-ta, 88–92. (Rus.).

Marxinin, V.V., Udalova, I.V. (1996). *Interethnic community: State, dynamics, interaction of cultures*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Miller, G.F. (2009). *Description of the Siberian peoples*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi my`sli. (Rus.).

Moldanova, T.A. (2017). Food as an element of ethnic identity and intercultural interaction. *Bulletin of Ugric Studies*, 7(4), 131–143. (Rus.).

Myagkov, D.A. (2007). Products of hunting and gathering in the traditional food of the Baraba Tatars. In: *Kul`turologiya tradicionny`x soobshhestv*. Omsk: Omskii gos. un-t, 38–44. (Rus.).

Pallas, P.S. (1786). *Traveling through different provinces of the Russian state*. *Part II, book 2.* St. Petersburg. (Rus.).

Pletneva, L.M. (1997). *Tomsk Ob region at the beginning of the IInd millennium AD (based on archaeological materials).* Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta. (Rus.).

Popkov, Yu.V., Tyugashev, E.A. (2006). *Philosophy of the North: indigenous peoples of the North in world order scenario*s. Salexard; Novosibirsk: Sibirskoe nauchoe izd-vo. (Rus.).

Tishkov, V.A. (Ed.). (2008). *Russian nation: Formation and ethnocultural diversity.* Moscow: Izdanie Min-va regional. razvitiya RF i In-ta e`tnologii i antropologii RAN. (Rus.).

Shelegina, O.N. (2005). *Adaptation processes in the culture of life support of the Russian population of Siberia in the XVIIIth — early XXth centuries*. Novosibirsk: ISibirskaya nauchnaya kniga. (Rus.).

Skryabina, L.A. (1997). *Russians of Pritomya. Historical and ethnographic essays (XVII — early XX centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (Rus.).

Tataurov, S.F., Tomilov, N.A. (Eds.). (2005). *The culture of the population of the 16th–19th centuries as the basis for the formation of the modern appearance of the peoples of Siberia*. Omsk: Nauka. (Rus.).

Tixomirova, M.N. (2006). *Food culture of the Tatars of the Middle Irtysh region: problems of formation and ethnocultural ties*. Omsk: Nauka. (Rus.).

Tixomirova, M.N. (2011). Ideas about bread among the Tatars of Western Siberia (based on folklore and ethnographic materials). In: *Narodnaya kul`tura Sibiri: Materialy` XX nauchno-prakticheskogo seminara.* Omsk: Omskii gos. pedagogicheskii un-t, 88–93. (Rus.).

Tishkov, V.A. (2008). Russian people and national identity. *Rossiya v global`noj politike*, 6(4), 135–142. (Rus.).

Tishkov, V.A. (2013). *Russian people: History and meaning of national identity*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Tomilov, N.A. (1976). Food of the Tomsk Tatars at the end of the XIXth — beginning of the XXth centuries. In.: *Iz istorii Sibiri*, (19). Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 148–162. (Rus.).

Tomilov, N.A. (1980). *Ethnography of the Turkic-speaking population of the Tomsk Ob region: (Economy and material culture)*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta. (Rus.).

Tomilov, N.A. (1992). *Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the XVIth — beginning of the XXth centuries.*Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gos. un-ta. (Rus.).

Tomilov, N.A. (1997). North Asian cultural province and its place in the areas of Russian and world civilization. In: *Rossiya i Vostok: Istoriya i kul`tura: Materialy` IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossiya i Vostok: problemy` vzaimodejstviya»*. Omsk: Omsk. filial Ob`edinennogo in-ta istorii, filologii i filosofii SO RAN, 158–166. (Rus.).

Tomilov, N.A. (2000). Culture and its structural spheres. *Kul`turologicheskie issledovaniya v Sibiri*, (1), 39–43. (Rus.).

Tomilov, N.A. (2001). *Russians of the Lower Tomsk region (late XIX — first quarter of the XX century)*. Omsk: Izd-vo Omskogo. gos. pedagogicheskogo un-ta. (Rus.).

Tomilov, N.A. (2011). *Ethnocultural processes among the Tatars of Western Siberia in the XVIIIth–XIXth centuries.* Omsk: Nauka. (Rus.).

Tomilov, N.A. (2012). Historical communities of Kazakhstanis and Russians and their socio-political role. *Vestnik Omskogo universiteta*, (3), 127–132. (Rus.).

Tomilov, N.A. (2013). Ethnocultural processes as an essential component of the formation of the historical community of Russians (using the example of the culture of the Siberian Tatars of the XVIIIth–XIXth centuries). In.: *Fundamental`ny`e problemy` arheologii, antropologii i e`tnografii Evrazii*: K 70-letiyu akademika A.P. Derevyanko. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i e`tnografii SO RAN, 600–609. (Rus.).

Tomilov, N.A. (2014). Siberian subcontinental civilizational space: realities and prospects. In: *Sociokul`turnoe osvoenie Sibiri: Materialy` Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnoyarsk, 25 dekabrya 2014 g.* Krasnoyarsk: Rezonans, 41–46. (Rus.).

Tomilov, N.A. (2021). Clothing of the Tobol-Irtysh Tatars in the dynamics of ethnocultural processes in the XVII–XVIII centuries. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, (1), 110–117. (Rus.).

Tomilov, N.A. (2022). Ethnocultural dynamics of the Turkic peoples of Siberia in the works of Russian scientists of the second half of the XXth — first decades of the XXIth century. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, (34), 258–266. (Rus.).

Tomilov, N.A. (2023). *Economic complexes of the Siberian Tatars of the XVIIth–XVIIIth centuries: Tomsk tatars.* Novosibirsk: In-t arheologii i e`tnografii SO RAN. (Rus.).

Tyugashev, E.A. (2007). Dialogue of cultures and civilizations: Methodological analysis. In: *E`tnosocial`ny`e processy` v Sibiri*, (8). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 4–8. (Rus.).

Valeev, F.T. (1980). *West Siberian Tatars in the second half of the XIXth — early XXth centuries: Historical and ethnographic essays*. Kazan`: Tatarsk. kn. izd-vo. (Rus.).

Valeev, F.T., Tomilov, N.A. (1996). *Tatars of Western Siberia: History and culture*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zhigunova, M.A. (2004). *Ethnocultural processes and contacts among Russians of the Middle Irtysh region in the second half of the XXth century.* Omsk: Nauka, (Rus.).

Томилов Н.А., https://orcid.org/0000-0002-8105-0573

Сведения об авторе: Томилов Николай Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск.

About the author: Tomilov, N.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museology, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Omsk.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-14

УДК 394+ 911.373.2

Московченко Д.В. [a], Федоров Р.Ю. [a, *], Тигеев А.А. [a], Лонский А.И. [b], Слепченко С.М. [a]

[a] ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
[b] Желанновский музей истории, культуры и быта им. К.М. Саханя
ул. Ленина, 22, с. Желанное, Омская обл., 625008
E-mail: moskovchenko1965@gmail.com (Московченко Д.В.); r_fedorov@mail.ru (Федоров Р.Ю.); ttrruubbaa@mail.ru (Тигеев А.А.); a.i.lon@mail.ru (Лонский А.И.); s_slepchenko@list.ru (Слепченко С.М.)

ЛАНДШАФТНО-КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПРИУРОЧЕННОСТЬ ПОСЕЛЕНИЙ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в. НА ТЕРРИТОРИИ ОДЕССКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследована ландшафтно-климатическая приуроченность деревень, которые были основаны в конце XIX — начале XX в. крестьянами-переселенцами на территории современного Одесского р-на Омской обл. Анализ тенденций, которые были выявлены в ходе интеграции данных дистанционного зондирования, метеорологических измерений и этнографических материалов, показывает, что на исходную ландшафтно-климатическую приуроченность поселений и последующие трансформации окружавших их степных ландшафтов повлиял комплекс природных и антропогенных факторов. Основным фактором, способствовавшим возникновению поселений, было наличие водоемов и, в меньшей степени, лесных массивов. В первые десятилетия XXI в. повышение температуры воздуха при снижении количества осадков увеличило сухость территории, тем самым сократив длительность существования временных водоемов вплоть до их полного пересыхания. К антропогенным факторам, оказавшим влияние на численность и продолжительность существования временных озер в сторону сокращения, можно отнести повсеместную распашку, в результате которой степные ландшафты утратили способность длительное время удерживать талую и дождевую воду. В настоящее время в связи с проведением водопровода значение приуроченности поселений к временным озерам стало снижаться, однако аридизация приводит к утрате ресурсных, эстетических и рекреационных функций ландшафтов.

Ключевые слова: крестьянские переселения, временные озера, хозяйственная адаптация, поселения, юг Западной Сибири, лесостепь.

Ссылка на публикацию: Московченко Д.В., Федоров Р.Ю. Тигеев А.А., Лонский А.И., Слепченко С.М. Ландшафтно-климатическая приуроченность поселений крестьян-переселенцев конца XIX — начала XX в. на территории Одесского района Омской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 162–172. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-14

Введение

Изучение приуроченности поселенческих структур к определенным ландшафтно-климатическим условиям является сложной междисциплинарной задачей, решение которой, как правило, возможно лишь посредством интеграции методов естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Данное направление получило последовательное развитие преимущественно в археологических исследованиях. Одним из наиболее перспективных направлений является применение данных дистанционного зондирования Земли (ДДЗ) в решении вопросов размещения древних поселений и реконструкции природной среды. Использование космоснимков нашло широкое применение для выделения археологических объектов [Антимонов и др., 2015; Багаутдинов и др., 2015; Вальков, 2020; Костомаров и др., 2023]. Научно-методический аппарат для определения дистанционными методами водообеспеченности и связанных с ней показателей природопользования позволил выявить изменения площади водных объектов на локальном и глобальном уровнях [Liao et al., 2014; Ashtekar et al., 2019; Deoli et al., 2021; Khalid et al., 2021; Choudhary et al., 2022; Yilmaz et al., 2023]. Помимо этого, отечественные географы, опираясь на

* Corresponding author.

сопоставление результатов реконструкций изменений климата, трансформаций ландшафтов и письменных исторических источников, осуществили ряд исследований по определению влияния ландшафтно-климатических условий на формирование городских и сельских систем расселения, сложившихся на территории отдельных регионов России. К одной из актуальных научных проблем данного направления исследований можно отнести изучение адаптации определенных переселенческих групп к новым ландшафтно-климатическим условиям в процессе формирования их систем расселения на новом месте. В этом плане особый интерес представляет изучение адаптации выходцев из разных регионов Российской империи к вариативности природных условий Сибири в период небывалых по своим масштабам крестьянских переселений конца XIX — начала XX в. Подобные исследования призваны дать ответы на вопросы о том, насколько те или иные ландшафтно-климатические условия детерминируют пути развития сложившихся ранее принципов культуры жизнеобеспечения определенной переселенческой группы и какое они оказывают влияние на ее новую структуру расселения. Отличительной особенностью методологии подобных исследований является то, что, помимо применения естественнонаучных методов и анализа документальных источников, в них можно привлечь этнографические подходы, включающие непосредственные наблюдения за бытовыми практиками исследуемых групп, а также изучение традиционных экологических знаний и хозяйственных навыков, которые сохранились в памяти ныне живущих потомков переселенцев.

На сегодняшний день в этнологических и этноархеологических исследованиях, проведенных на территории отдельных регионов Сибири, отчасти были затронуты вопросы ландшафтной приуроченности поселений русских старожилов [Курилов, 2005; Татаурова, 2017, Туров, 2007, 2023] и др. Несмотря на наличие этих и ряда других работ, остается немало пробелов в знаниях, связанных с вариативностью ландшафтно-климатической приуроченности сельских поселений, возникших на территории юга Западной Сибири в период крестьянских переселений второй половины XIX — начала XX в. Так, не изучена роль временных озер в формировании структуры сельских поселений в степных районах юга Западной Сибири, которые лишены крупных естественных водоемов. Одной из таких типичных территорий является современный Одесский р-н Омской обл. Он находится на юге Западной Сибири в зоне резко-континентального климата с холодной зимой с незначительным количеством осадков и умеренно-теплым летом. Одесский район рассмотрен как модельная территория юга Западной Сибири со степным ландшафтом, которая лишена крупных естественных водоемов. Сумма активных температур на территории района составляет порядка 1900 °С, коэффициент увлажнения 0,8–0,9 [Булгаков и др., 2018], что указывает на засушливость территории.

Для района типичны находящиеся на удалении от рек степные ландшафты, в которых периодически могут образовываться лишь небольшие временные озера. Лесные сообщества, небольшие по размерам (1–2 га), представлены преимущественно березняками (березовые «колки»). На протяжении длительного времени эта местность оставалась слабозаселенной и преимущественно использовалась для кочевого скотоводства проживавших поблизости казахов. Земледелие получило развитие на рубеже XIX–XX столетий, когда в связи с земельной реформой началось переселение крестьян из европейской части России. В результате крестьянских переселений на территории района были основаны деревни Благодаровка (1900), Одесское (1904), Буняковка (1905), Побочино (1906), Белосток (1906), Ганновка (1907), Лукьяновка (1908), Громогласово (1908), Брезицк (1908), Желанное (1909), Славгородка (1909), Орехово (1909), Гришковка (1910) и др. [Список населенных мест…, 1928].

Основная задача данной работы состоит в изучении принципов ландшафтно-климатической приуроченности деревень крестьян-переселенцев к жизнеобеспечивающим природным объектам — временным озерам и лесам в контексте адаптации культуры жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности, а также в ретроспективном анализе влияния климатических и антропогенных факторов на структуру расселения.

Материалы и методы

Исследование опиралось на синтез методологических подходов и инструментальных возможностей географии и этнологии. Для определения влияния гидрологических и геоботанических факторов на структуру расселения и землепользования, а также оценки динамики увлажнения была выбрана территория в пределах административных границ Одесского р-на Омской обл. Площадь района составляет 1800 км². Плотность населения — 9,7 чел. на 1 км^2. На территории района находятся как существующие, так и заброшенные поселения. В настоящее время в состав района вхо-

дит 9 сельских поселений, которые включают в себя 19 населенных пунктов [Савельева, 2015, с. 8]. Размещение поселений представлено на рис. 1. По состоянию на 2020 г. на территории района проживало 16 221 чел. [Численность населения…].

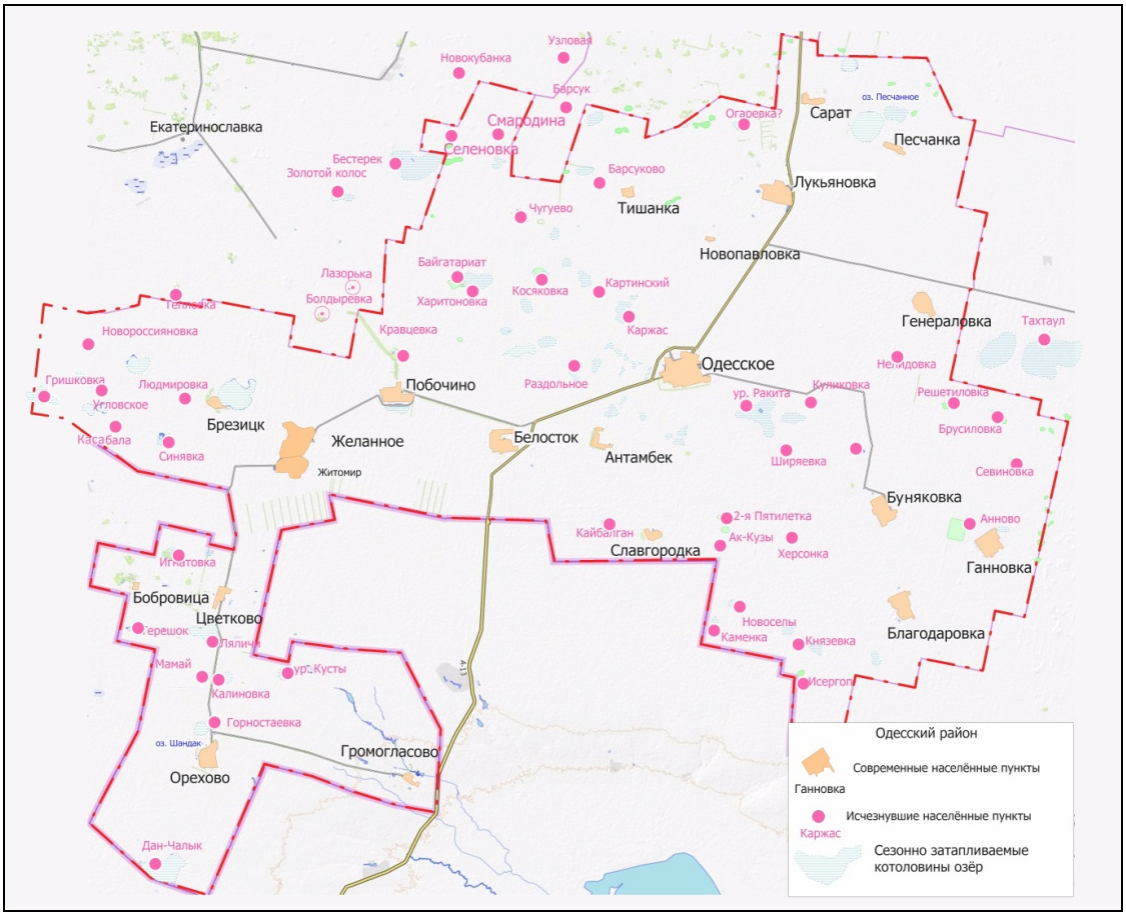


Рис. 1. Территория исследований.
Fig. 1. Study area.

Местоположение заброшенных поселений было определено с использованием архивных рукописных карт и уточнено по космоснимкам сверхвысокого разрешения сервиса Google Earth. Использовались карта Омского уезда Акмолинской обл. (1912 г., масштаб в 1 дюйме 20 верст), рукописная карта Одесского района (1925 г., масштаб не указан). По картам было установлено приблизительное расположение поселений, а их точное местонахождение отмечено по результатам дешифрирования ДДЗ. Заброшенные поселения имеют отчетливые дешифровочные признаки и хорошо выделяются по геометрически правильной сетке светлых линейных объектов (улиц) и темных участков прямоугольной формы (подворий).

Затем структура расселения анализировалась с использованием геоинформационного инструментария. Существует хорошо разработанный картометрический аппарат для определения зависимости расселения от природных факторов — гидросети, рельефа, особенностей климата [Tian et al., 2012; Garcia-Molsosa et al., 2023; Membele et al., 2024]. Для оценки связи поселений с ландшафтами различного типа определяют плотность поселений — количество участков сельской жилой земли, разделенное на общую площадь ландшафта, а густота расселения выявляется посредством определения евклидова среднего расстояния между поселениями [Tian et al., 2012]. Пространственные буферы часто используются для оценки таких показателей, как близость поселений к реке, основным дорогам и дренажной системе [Membele et al., 2024].

Мы использовали такие картометрические показатели, как плотность объектов, т.е. количество сельских поселений, разделенное на общую площадь ландшафта и среднее расстояние от поселения до природного объекта (озера, леса). Для определения показателей плотности и среднего рас-

стояния применялись пространственные буферы диаметром 0,5, 1, 3 и 5 км, построенные средствами картографической программы MapInfo. Плотность поселений рассчитывалась для каждой буферной зоны, построенной вокруг временных озер и лесов. Затем вычислялись коэффициенты корреляции между плотностью поселений и расстоянием от природного объекта.

Для оценки современных климатических изменений использовались данные наблюдений на метеостанции Одесская за период 1938–2023 гг. (meteo.ru; rp5.ru). Были определены тренды изменения температуры воздуха и количества осадков, статистическая достоверность которых определялась с помощью теста Манна — Кендалла.

Современная динамика увлажнения была определена с использованием ДДЗ на основании вычисления водного индекса NDWI по формуле

$$NDWI = \frac{GREEN - NIR}{GREEN + NIR},$$

где GREEN и NIR — коэффициент отражения зеленого и ближнего инфракрасного диапазонов соответственно [McFeeters, 1996]. Значения водных индексов получены в результате обработки космоснимков Landsat (http://earthexplorer.usgs.gov) за период с 1986 по 2022 г. Использовались данные спутников Landsat-5 TM, Landsat-7 ETM+, Landsat-8 OLI. Поскольку увлажнение почвы и площадь малых озер изменяются в течение года, были выбраны снимки без технических помех с близкими датами съемки в наиболее жаркий период года. Вычисления проводились в программной оболочке QGIS 3.2

Этнологические исследования опирались на данные полевых работ, проведенных в 2022–2023 гг. на территории Одесского р-на Омской обл. Они включали тематические интервью у представителей второго и третьего поколений потомков крестьян-переселенцев, рожденных в 1930–1960-е гг., визуальный осмотр поселений и хозяйственных угодий, а также анализ письменных источников (архивные документы, краеведческие публикации и др.).

Результаты

Природные факторы приуроченности поселений. На космоснимках можно отчетливо проследить, что большинство деревень, основанных переселенцами на территории Одесского р-на, расположены вблизи низин, которые периодически превращались в озера, что, безусловно, становилось фактором, существенно улучшавшим локальные ресурсные условия жизнеобеспечения. Картометрический анализ показал, что плотность размещения поселений убывает по мере удаления от временных озер и лесов. Максимальная плотность отмечена в буферной зоне менее 500 м от временных озер (рис. 2). Поселения, находящиеся на расстоянии более 1 км от водоемов, довольно редки, их доля составляет 27 %. Медианное значение расстояния между центром поселения и водным объектом составило 0,28 км. Таким образом, поселения, как правило, располагались в непосредственной близости от источников воды. Для лесов выявлена сходная зависимость — максимальная плотность размещения поселений отмечена рядом с лесными массивами. Однако зависимость от лесов выражена несколько слабее, чем от воды. Подсчет коэффициентов корреляции показал, что между расстоянием от воды и плотностью поселений выявлена сильная отрицательная связь — чем больше расстояние, тем ниже плотность. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,81$, что однозначно указывает на прямую зависимость расселения от водообеспеченности. В сходных по природным условиям засушливых районах Внутренней Монголии (КНР) также была выявлена сильная связь между увлажнением и плотностью поселений, $R^2 = 0,73$ [Tian et al., 2021]. Величина коэффициента детерминации, отражающего зависимость расселения от лесных массивов $R^2 = 0,73$, что также говорит о сильной зависимости расселения от этого ресурса.

Этнографические свидетельства зависимости расселения от особенностей природной среды. Картометрический анализ распределения поселений показал, что они тяготели к водным объектам. Как правило, чиновники Переселенческого управления, входившего в состав Главного управления землеустройства и земледелия Российской империи, стремились по мере возможностей переселять крестьян в районы, по ландшафтно-климатическим условиям схожие с местами их выхода. Эта ситуация нашла наглядное воплощение на территории современной Омской области. Ее северные районы, расположенные в зоне смешанных лесов и тайги, в конце XIX — начале XX в. наиболее активно заселялись выходцами из лесистых районов центральной России, Предуралья и Белоруссии. В отличие от них, южные районы региона, расположенные в зоне степи и лесостепи, заселялись выходцами с Украины, из южного Поволжья и

некоторых других регионов, имевших сходные ландшафтно-климатические условия [Жигунова, 2004]. На территории Одесского р-на большинство поселений было основано украинскими переселенцами, а также русскими и немцами, переселившимися из Поволжья. Поселившись в степи, вдали от рек и крупных лесных массивов, переселенцы должны были за короткий срок выработать оптимальные стратегии адаптации сложившейся у них ранее культуры жизнеобеспечения к новым условиям. Несмотря на кажущуюся однородность степи, переселенцы в первые годы проживания в ней опытным путем выявили места, наиболее пригодные для жизни. Одна из характерных особенностей местных ландшафтов заключалась в том, что степные низины время от времени затапливались талой и дождевой водой, превращаясь в небольшие озера. Подобные затопления происходили в отдельные годы и чередовались с засушливыми периодами, в которые вода полностью исчезала. Низины, в которых скапливалась влага, имели большое значение в системе жизнеобеспечения переселенцев ввиду того, что в них лучше росла трава, которая являлась кормовой базой для домашнего скота. При этом, по рассказам местных жителей, переселенцы опытным путем стремились выбрать оптимальные места для своих поселений, которые не затапливались, но в то же время находились вблизи низин. С этой ситуацией при выборе места столкнулись крестьяне, поселившиеся в селе Брезицк: *«Выше — травы нет, ниже — затапливает. Рядом было озеро степное, потом оно высохло, потом всё рядом с ним затопило»* (ПМА-2022, с. Желанное Одесского р-на Омской обл.). При отсутствии естественных низин переселенцы нередко окапывали свои участки канавами и делали запруды, создавая простейшие гидротехнические сооружения для задержания влаги в период таянья снега.

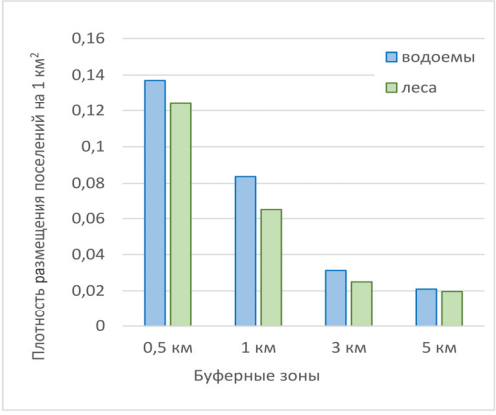


Рис. 2. Плотность размещения поселений в различных буферных зонах вокруг временных озер и лесов.
Fig. 2. Density of settlements in various buffer zones around temporary lakes and forests.

Периодичность возникновения и пересыхания степных озер в настоящее время достоверно не известна. Порядок колебаний осушения/наполнения озер, вероятно, раньше зависел от количества осадков в течение года (особенно в зимний период) и интенсивности таяния снега, глобального изменения климата, солнечной активности и т.д. В последние 60–70 лет присоединились антропогенные факторы (тотальная распашка земель вокруг озер, мероприятия по снегозадержанию на полях, занесение грунта с полей во время весеннего половодья и т.д.). На картах 1950–1960-х годов некоторые исчезнувшие в настоящее время озера (Брезицкое, Песчанское и др.) указаны как непересыхающие.

Периодически страдая то от засухи, то от наводнений, переселенцы искали пути оптимального использования дождевой воды. Так, в деревнях Брезицк, Гришковка, Калиновна, Болдыревка были прорыты каналы для сбора талой и дождевой воды, которые спасали от затопления поля и участки местных жителей, одновременно служа источником для наполнения котлована, выполнявшего функцию искусственного озера. Дождевая вода использовалась местными жителями для приготовления пищи, стирки белья и мытья в бане. Ценность дождевой воды усиливалась тем, что вода во многих вырытых на участках переселенцев колодцах была довольно жесткой и уступала по качеству дождевой. Следует отметить, что подобные практики были широко распространены во многих степных районах Сибири и Северного Казахстана [Токарев, 1956, с. 293–294].

Динамика климатических показателей, определяющих ресурсы жизнеобеспечения. Определяющее значение таких ресурсов, как вода и наличие лесной растительности, обуславливает необходимость анализа природных показателей, влияющих на увлажнение и образование вре-

менных озер. Увлажнение территории определяется соотношением количества выпадающих осадков и испаряемости, которая зависит от температурного режима: рост температуры воздуха увеличивает испаряемость.

Анализ данных температурного режима за период метеонаблюдений на метеостанции Одесская (1938–2023 гг.) показал наличие положительного тренда среднегодовой температуры воздуха (рис. 3). Скорость роста температур составляет в среднем 0,33 °C / 10 лет. Наибольшая скорость потепления (0,44 °C / 10 лет) выявлена для весеннего периода. Анализ статистический достоверности тренда с использованием теста Манна — Кендалла показал высокую степень достоверности на уровне 99,9 %.

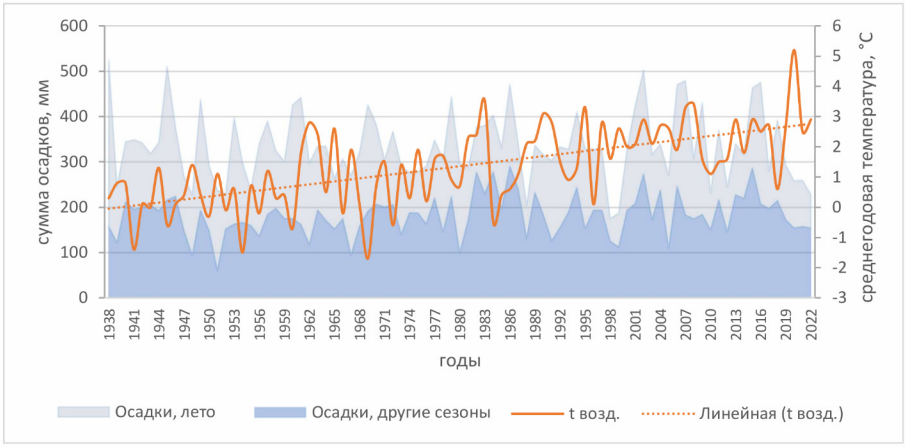


Рис. 3. Изменение климатических показателей (среднегодовая температура воздуха, сумма осадков) на метеостанции Одесская.
Fig. 3. Average annual air temperature and precipitations at the Odesskaya weather station.

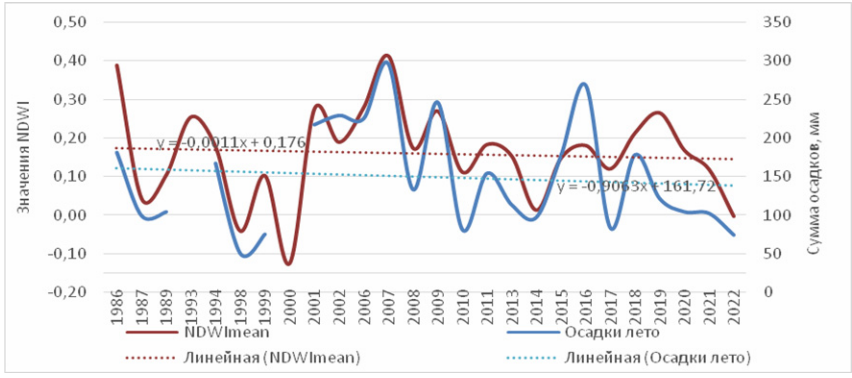


Рис. 4. Межгодовая изменчивость значений индекса NDWI и суммы осадков летнего периода.
Fig. 4. Year-to-year variability in NDWI and summertime precipitation.

Годовая сумма осадков сильно варьирует от года к году. В среднем выпадает 336 мм осадков, но в отдельные годы наблюдается как снижение до 220–250 мм, так и рост до 450–500 мм (рис. 3). Максимальное количество осадков (около 46 %) приходится на летний период. Тренд изменчивости среднегодового количества осадков практически не выражен. Количество летних осадков постепенно снижается, отрицательный тренд выражен сильнее, чем в целом за год. Уменьшение количества осадков составляет в среднем 4,3 мм / 10 лет. Однако статистическая достоверность тренда за период 1938–2022 гг. отсутствует как результат значительной дисперсии.

Увлажнение территории также было определено по данным нормализованного разностного индекса воды NDWI, который доказал свою эффективность во множестве исследований [Singh et al., 2014; Bhunia, 2021; Khalid et al., 2021]. Считается, что водные объекты принимают значения NDWI от 0,2 до 1, объекты, не содержащие влагу, принимают значения < 0. С ростом площади, занятой водными объектами, увеличивается значение NDWI [Roy, Mondal, 2023]. На территории исследования в период 1986–2022 гг. средние значения NDWI варьировали в широких

пределах — от -0,15 до +0,41. Варьирования показателя хорошо соотносятся с количеством выпавших осадков. Наиболее низкие, отрицательные значения NDWI, характерные для пересыхания, были отмечены в 1998, 2000 и 2022 гг., когда сумма летних осадков была одной из самых маленьких за период наблюдений (50–74 мм). Напротив, максимум NDWI в 2007 г. совпадает с максимумом осадков. Между суммой летних осадков и величиной NDWI существует сильная корреляционная зависимость (R = 0,77). Наблюдаются отрицательные тренды как суммы летних осадков, так и значений NDWI (рис. 4). Таким образом, общая тенденция изменения климатических показателей, определяющих увлажненность, состоит в снижении количества осадков, росте испаряемости и, как следствие, уменьшении влагообеспеченности, что вызвало исчезновение озер и стало дополнительным фактором того, что многие поселения оказались заброшенными.

Дискуссия

Зависимость расселения от особенностей природной среды является очевидным фактом. Основными факторами окружающей среды в отношении поселений являются рельеф, климат и наличие воды [Kirch et al., 2004; Tian et al., 2012]. В засушливых районах главенствующее влияние оказывает водообеспеченность. Временные озера играли важную роль в сельском хозяйстве Одесского р-на. В период существования колхозов и совхозов от них выкапывались каналы для орошения полей и сенокосов, что обеспечивало стабильное ведение сельского хозяйства. В настоящее время постоянно существующие озера естественного наполнения практически отсутствуют. Такая ситуация сложилась в последние десятилетия. Еще в обозримом прошлом ситуация была иная. Хорошим примером является озеро, расположенное возле д. Брезицк. По состоянию на 2022 г. озеро было уже три года как полностью высохшим, однако, по воспоминаниям местных жителей, в 1970-е гг. в нем постоянно сохранялась вода. В период существования совхоза вблизи озера была устроена бахча, на которой выращивали арбузы и овощи. Помимо этого, при большом количестве прилетающих на озеро уток оно было источником дичи для местного населения. Таким образом, пример Брезицка демонстрирует ситуацию, когда возникновение в степи даже небольшого водоема существенным образом повышает качество жизни местного населения и становится важным источником биоресурсов для его жизнеобеспечения и, напротив, его исчезновение снижает качество жизни.

Следует отметить, что если до 1970-х гг. временные водоемы были критически важны для жизнеобеспечения местного населения и ведения сельского хозяйства, то, после того как в большинстве сельских населенных пунктов был проведен водопровод, по которому поступает очищенная вода из р. Иртыш, приуроченность поселений к временным водоемам начала утрачивать прежнее значение. Кроме того, в первые десятилетия XXI в. в большинстве семей сельских жителей стали держать меньше домашнего скота, для кормовой базы которого нужна была трава, росшая в затапливаемых низинах.

Вероятно, снижение водообеспеченности обуславливалось как климатическими, так и антропогенными факторами. Упоминавшееся выше увеличение испаряемости вследствие роста температур, снижение летнего количества выпадающих осадков и значительное их погодичное варьирование, когда относительно благоприятные годы чередуются с засушливыми, привело к постепенному сокращению времени существования временных водоемов и их полному пересыханию. Общая тенденция изменений климатических условий в Омской обл. состоит в увеличении температуры атмосферного воздуха и количества осадков, а также в увеличении числа аномальных погодных явлений [Гудинова и др., 2010]. Динамика метеопараметров на метеостанции Одесская согласуется с характерными для региона тенденциями лишь частично: наблюдается рост температур воздуха, но количество осадков не растет, а в летний период даже сокращается. Таким образом, климат становится более засушливым, что является неблагоприятным фактором для образования временных озер.

Также необходимо отметить влияние деятельности человека. Активная распашка степи и перенаправление потоков дождевой и талой воды на поля привели к масштабным трансформациям степных ландшафтов, выступив в качестве одного из факторов, способствовавших пересыханию большинства озер, которые ранее образовывались в низинах. В естественных сухих степях при отсутствии или умеренном уровне антропогенной нагрузки значительную водорегулирующую роль имеет дернина — остатки растений на поверхности почвы, которая предохраняет влагу от испарения [Нестеренко, 2007]. Распашка приводит к увеличению испарения и

снижению водообеспеченности. Снижается водозапасающая функция поверхностного органогенного слоя почвы, что приводит к более интенсивному половодью.

Ранее отмечалось общее негативное влияние современных климатических трендов на сельское хозяйство юга Сибири. Мониторинг состояния земледельческих угодий степной и лесостепной зон Сибири за период 1990–2020 гг. показал снижение благоприятности климата для полеводства [Гулянов и др., 2021]. Тенденция к уменьшению водообеспеченности требует принятия мер по снижению последствий аридизации климата (регулирования паводкового стока с созданием водохранилищ, выполнение мероприятий по накоплению влаги и снега на полях, лесомелиорации, внедрения методов обработки почв, снижающих испарение).

Выводы

Картометрический анализ показал, что основным фактором, влияющим на возникновение поселений в ходе переселенческой программы на рубеже XIX–XX столетий, было наличие водоемов и, в меньшей степени, лесных массивов. Анализ тенденций, которые были выявлены в ходе интеграции данных дистанционного зондирования, метеорологических измерений и этнографических материалов, показывает, что в случае Одесского р-на Омской обл. на исходную ландшафтно-климатическую приуроченность поселений и последующие трансформации окружавших их степных ландшафтов повлиял комплекс природных и антропогенных факторов. В районе исследований наблюдается постепенная аридизация климата вследствие роста температуры воздуха и сокращения количества выпадающих осадков. За период метеонаблюдений 1938–2023 гг. отмечен статистически достоверный тренд роста температур атмосферного воздуха с интенсивностью 0,33 °C / 10 лет и снижение годового количества осадков на 4 мм за 10 лет. Повышение температуры воздуха при снижении количества осадков увеличило сухость территории, тем самым сократив длительность существования временных водоемов вплоть до их полного пересыхания. К антропогенным факторам, способствовавшим сокращению численности и продолжительности существования временных озер, можно отнести повсеместную распашку, в результате которой степные ландшафты утратили способность длительное время удерживать талую и дождевую воду. В настоящее время в связи с проведением водопровода значение приуроченности поселений к временным озерам стало снижаться, однако аридизация приводит к утрате ресурсных, эстетических и рекреационных функций ландшафтов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ FWRZ-2021-0006).

Вклад авторов: Московченко Д.В. — интерпретация геоэкологических данных, написание текста статьи; Федоров Р.Ю. — интерпретация этнографических материалов, написание текста статьи, Тигеев А.А. — анализ и визуализация геоэкологических данных; Лонский А.И. — сбор этнографических материалов; Слепченко С.М. — концепция, руководство исследованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антимонов Н.П., Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н., Трибунский С.А. О некоторых аспектах исследования степных курганных могильников по данным дистанционного зондирования Земли // Известия Самарского НЦ РАН. 2015. Т. 17. № 3-1. С. 281–286.

Багаутдинов, Р.С., Копенков В.Н., Мышкин В.Н., Сергеев В.В., Трибунский С.А. Исследование возможности использования космических снимков для выявления археологических объектов // Компьютерная оптика. 2015. Т. 39. № 3. С. 439–444.

Булгаков Д.С., Рухович Д.И., Шишконакова Е.А., Вильчевская Е.В. Использование почвенно-агроклиматического индекса при оценке агрономического потенциала пахотных земель в лесостепной зоне России // Почвоведение. 2018. № 4. С. 473–485.

Вальков Д.В. Курганы Самарской области в фокусе спутниковых снимков // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 146–158.

Гудинова Ж.В. Изменение климата и гигиеническая оценка метеоусловий в Омске и в Омской области // Гигиена и санитария. 2010. № 6. С. 18–20.

Гулянов Ю.А., Ярцев Г.Ф., Васильев И.В., Байкасенов Р.К., Бакаева Ю.Н. Мониторинг состояния земледельческих угодий степной и лесостепной зон России с использованием современных информационных: Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2021 год. М.: Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), 2022. 104 с.

Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских среднего Прииртышья во второй половине XX века. Омск: Наука, 2004. 227 с.

Костомаров В.М., Исаева В.О, Козлова Д.В. Методы автоматического дешифрирования ДДЗ лесостепной части Тоболо-Иртышья: Подходы, сложности и интерпретация // Археология и геоинформатика: Шестая международная конференция: Тезисы докладов / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2023. С. 45.

Курилов В.Н. Расселение русских старожилов Западной Сибири в середине XIX века. Новосибирск: ПреПресс Студио, 2005. 220 с.

Нестеренко Ю.М. Влияние водообеспеченности на плодородие почв и продуктивность биоценозов Южного Урала // Известия ОГАУ. 2007. № 15-1. С. 101–103.

Савельева Р.Ю. (отв. ред). Одесский район. Т. 1: 1924–2015. Омск: Полиом, 2015. 186 с.

Татаурова Л.В. Историческая экология русского населения деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3 (15). С. 100–106.

Токарев С.А. (отв. ред.). Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 806 с.

Туров С.В. Природопользование русских старожилов Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX века): Очерки этнической экологии. Екатеринбург: Баско, 2007. 191 с.

Туров С.В. Ландшафтно-климатический аспект хозяйственной деятельности русского населения Северного Зауралья (XVIII — 30-е гг. XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 72–78.

Ashtekar A.S., Mohammed-Aslam M.A., Moosvi A.R. Utility of Normalized Difference Water Index and GIS for Mapping Surface Water Dynamics in Sub-Upper Krishna Basin // J Indian Soc Remote Sens. 2019. No. 47. P. 1431–1442. https://doi.org/10.1007/s12524-019-01013-6

Bhunia G.S. Assessment of automatic extraction of surface water dynamism using multi-temporal satellite data // Earth Sci Inform. 2021. No. 14. P. 1433–1446. https://doi.org/10.1007/s12145-021-00612-7

Choudhary S.S., Ghosh S.K. Surface Water Area Extraction by Using Water Indices and DFPS Method Applied to Satellites Data // Sens Imaging. 2022. No. 23. P. 33. https://doi.org/10.1007/s11220-022-00403-4

Deoli V., Kumar D., Kumar M. et al. Water spread mapping of multiple lakes using remote sensing and satellite data // Arab J Geosci. 2021. No. 14. P. 2213. https://doi.org/10.1007/s12517-021-08597-9

Garcia-Molsosa A., Orengo H.A., Petrie, C.A. Reconstructing long-term settlement histories on complex alluvial floodplains by integrating historical map analysis and remote-sensing: An archaeological analysis of the landscape of the Indus River Basin // Herit Sci. 2023. No. 11. 141. https://doi.org/10.1186/s40494-023-00985-6

Khalid H.W, Khalil R.M.Z., Qureshi M.A. Evaluating spectral indices for water bodies extraction in western Tibetan Plateau // The Egyptian Journal of Remote Sensing and Space Science. 2021. No. 24 (3, Part 2). P. 619–634. https://doi.org/10.1016/j.ejrs.2021.09.003

Kirch P.V., Hartshorn A.S., Chadwick O.A., Vitousek P.M., Sherrod D.R. , Coil J., Holm, L., Sharp W.D. Environment, agriculture, and settlement patterns in a marginal Polynesian landscape // Proceedings National Academy Sciences, USA. 2004. Vol. 101. No. 26. P.9936–9941.

Liao A., Chen L., Chen J. et al. High-resolution remote sensing mapping of global land water // Sci. China Earth Sci. 2014. No. 57. P. 2305–2316. https://doi.org/10.1007/s11430-014-4918-0

Membele G.M., Naidu, M., Mutanga, O. Application of analytic network process (ANP), local and indigenous knowledge in mapping flood vulnerability in an informal settlement // Natural Hazards. 2024. No. 120. P. 2929–295. https://doi.org/10.1007/s11069-023-06313-2

McFeeters S.K. The use of the Normalized Difference Water Index (NDWI) in the delineation of open water features // International Journal of Remote Sensing. 1996. No. 17 (7). P. 1425–1432. https://doi.org/10.1080/01431169608948714

Roy S.K., Mondal, C. Impact of Rapid Urbanization and Changing Face of Wetland: A Case Study of Berhampore Municipality, Murshidabad, West Bengal (India). In: Chatterjee U., Antipova A., Ghosh S., Majumdar S., Setiawati M.D. (Eds.). Urban Environment and Smart Cities in Asian Countries. Human Dynamics in Smart Cities. 2023. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-25914-2_2

Singh K.V., Setia, R., Sahoo, S., Prasad, A., Pateriya, B. Evaluation of NDWI and MNDWI for assessment of waterlogging by integrating digital elevation model and groundwater level // Geocarto International. 2014. No. 30 (6). P. 01–12. https://doi.org/10.1080/10106049.2014.965757

Tian G., Qiao Z., Zhang Y. The investigation of relationship between rural settlement density, size, spatial distribution and its geophysical parameters of China using Landsat TM images // Ecological Modelling, 2012. No. 231. P. 25–36. https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2012.01.023

Yilmaz O.S., Gulgen F., Balik Sanli F. et al. The Performance Analysis of Different Water Indices and Algorithms Using Sentinel-2 and Landsat-8 Images in Determining Water Surface: Demirkopru Dam Case Study // Arab J Sci Eng. 2023. No. 48. P. 7883–7903. https://doi.org/10.1007/s13369-022-07583-x

ИСТОЧНИКИ

Список населенных мест Сибирского края. Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск: Сибирский краевой исполнительный комитет. Статистический отдел, 1928. 831 с.

Численность населения России. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2 Fstorage%2Fmediabank%2Ftab-5_VPN-2020.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK.

Moskovchenko D.V. [a], Fedorov R.Yu. [a, *], Tigeev A.A. [a], Lonsky A.I. [b], Slepchenko S.M. [a]

[a] Tyumen Scientific Centre of SB RAS, 13, Chervishevskiy trakt st., Tyumen, 625008, Russian Federation

[b] Zhelannoe Museum of History, Culture and Life named after K.M. Sakhan Lenina st., 22, Zhelannoe, Omsk region, 625008, Russian Federation

E-mail: moskovchenko1965@gmail.com (Moskovchenko D.V.); r_fedorov@mail.ru (Fedorov R.Yu.); ttrruubbaa@mail.ru (Tigeev, A.A.); a.i.lon@mail.ru (Lonsky A.I.); s_slepchenko@list.ru (Slepchenko S.M.)

Landscape and climatic confinement of settlements of peasant-migrants of the late 19th — early 20th century on the territory of the Odessa district of the Omsk oblast

The landscape-climatic confinement of villages that were founded in the late 19th — early 20th century by peasant-migrants in the territory of the modern Odessa district of the Omsk oblast has been examined. Trend analysis, which were identified during the integration of remote sensing data, meteorological measurements and ethnographic materials indicate the initial landscape-climatic confinement of settlements and subsequent transformations of the steppe landscapes surrounding them were influenced by a complex of natural and anthropogenic factors. The main factor which influenced the emergence of settlements was the presence of water bodies and, to a lesser extent, forests. In the first decades of the 21th century, an increase in air temperature with a decrease in precipitation increased the dryness of the territory, thereby reducing the duration of the existence of temporary reservoirs until they completely dry out. Anthropogenic factors that influenced the reduction in the number and duration of the existence of temporary lakes include the widespread plowing of steppe landscapes, as a result of which they lost the ability to retain melt and rainwater for a long time. Currently, in connection with the water supply, the importance of confined settlements to temporary lakes began to decline, but aridization leads to the loss of resource, aesthetic and recreational functions of landscapes.

Keywords: peasant migrations, temporary lakes, economic adaptation, south of Western Siberia, forest-steppe.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021-0006).

REFERENCES

Antimonov, N.P., Bagautdinov, R.S., Myshkin, V.N., Tribunskij, S.A. (2015). On some aspects of the study of steppe burial mounds according to Earth remote sensing data. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 17(3-1), 281–286. (Rus.).

Ashtekar, A.S., Mohammed-Aslam, M.A., Moosvi, A.R. (2019). Utility of Normalized Difference Water Index and GIS for Mapping Surface Water Dynamics in Sub-Upper Krishna Basin. *J Indian Soc Remote Sens*, (47), 1431–1442. https://doi.org/10.1007/s12524-019-01013-6

Bagautdinov, R.S., Kopenkov, V.N., Myshkin, V.N., Sergeev, V.V., Tribunskij, S.A. (2015). Study of the possibility of using space images to identify archaeological sites. *Komp'yuternaya optika*, 39(3), 439–444. (Rus.).

Bhunia, G.S. (2021). Assessment of automatic extraction of surface water dynamism using multi-temporal satellite data. *Earth Sci Inform*, (14), 1433–1446. https://doi.org/10.1007/s12145-021-00612-7

Bulgakov, D.S., Ruhovich, D.I., Shishkonakova, E.A., Vil'chevskaya, E.V. (2018). The use of the soil-agroclimatic index in assessing the agronomic potential of arable land in the forest-steppe zone of Russia. *Pochvovedenie*, (4), 473–485. (Rus.).

Choudhary, S.S., Ghosh, S.K. (2022). Surface Water Area Extraction by Using Water Indices and DFPS Method Applied to Satellites Data. *Sens Imaging*, (23). https://doi.org/10.1007/s11220-022-00403-4

Deoli, V., Kumar, D., Kumar, M., et al. (2021). Water spread mapping of multiple lakes using remote sensing and satellite data. *Arab J Geosci*, (14), 2213. https://doi.org/10.1007/s12517-021-08597-9

Garcia-Molsosa, A., Orengo, H.A., Petrie, C.A. (2023). Reconstructing long-term settlement histories on complex alluvial floodplains by integrating historical map analysis and remote-sensing: An archaeological analysis of the landscape of the Indus River Basin. *Herit Sci*, (11). https://doi.org/10.1186/s40494-023-00985-6

Gudinova, Zh.V. (2010). Climate change and hygienic assessment of weather conditions in Omsk and in the Omsk region. *Gigiena i sanitariya*, (6), 18–20. (Rus.).

Gulyanov, Yu.A., Yarcev, G.F., Vasil'ev, I.V., Bajkasenov, R.K., Bakaeva, Yu.N. (2022). *Monitoring the state of agricultural land in the steppe and forest-steppe zones of Russia using modern information: Report on climate features in the Russian Federation for 2021.* Moscow: Roshydromet. 104 p. (Rus.).

Kirch, P.V., Hartshorn, A.S., Chadwick, O.A., Vitousek, P.M., Sherrod, D.R., Coil, J., Holm, L., Sharp, W.D. (2004). Environment, agriculture, and settlement patterns in a marginal Polynesian landscape. *Proceedings National Academy Sciences, USA*, 101(26), 9936–9941.

Kostomarov, V.M., Isaeva, V.O, Kozlova, D.V. (2023). Methods for automatic decryption of the DDZ of the forest-steppe part of Tobolo-Irtysh: Approaches, difficulties and interpretation. In: *Arkheologiya i geoinformatika: Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya: Tezisy dokladov*. Moscow: IA RAN. (Rus.).

Kurilov, V.M. (2005). *Resettlement of Russian old-timers of Western Siberia in the middle of 19th century.* Novosibirsk: PrePress Studio. (Rus.).

* Corresponding author.

Khalid, H.W, Khalil, R.M.Z., Qureshi, M.A. (2021). Evaluating spectral indices for water bodies extraction in western Tibetan Plateau. *The Egyptian Journal of Remote Sensing and Space Science,* 24(3, Part 2), 619–634. https://doi.org/10.1016/j.ejrs.2021.09.003

Liao, A., Chen, L., Chen, J., et al. (2014). High-resolution remote sensing mapping of global land water. *Sci. China Earth Sci*, (57), 2305–2316. https://doi.org/10.1007/s11430-014-4918-0

McFeeters, S.K. (1996). The use of the Normalized Difference Water Index (NDWI) in the delineation of open water features. *International Journal of Remote Sensing*, 17(7), 1425–1432. https://doi.org/10.1080/01431169608948714

Membele, G.M., Naidu, M., Mutanga, O. (2024). Application of analytic network process (ANP), local and indigenous knowledge in mapping flood vulnerability in an informal settlement. *Natural Hazards*, (120), 2929–2295. https://doi.org/10.1007/s11069-023-06313-2

Nesterenko, Yu.M. (2007). Impact of Water Supply on Soil Fertility and Productivity of Biocenoses in the Southern Urals. *Izvestiya OGAU*, (15-1), 101–103. (Rus.).

Roy, S.K., Mondal, C. (2023). Impact of Rapid Urbanization and Changing Face of Wetland: A Case Study of Berhampore Municipality, Murshidabad, West Bengal (India). In: Chatterjee, U., Antipova, A., Ghosh, S., Majumdar, S., Setiawati, M.D. (eds) *Urban Environment and Smart Cities in Asian Countries. Human Dynamics in Smart Cities*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-25914-2_2

Saveleva, R.Yu. (Ed.) (2015). *Odesskij district. Vol. 1: 1924–2015*. Omsk: Poliom. (Rus.).

Singh, K.V., Setia, R., Sahoo, S., Prasad, A., Pateriya, B. (2014). Evaluation of NDWI and MNDWI for assessment of waterlogging by integrating digital elevation model and groundwater level. *Geocarto International*, 30 (6), 01–12. ttps://doi.org/10.1080/10106049.2014.965757

Tataurova, L.V. (2017). Historical ecology of the Russian population of the village of Ananyino in the 17th–18th centuries. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, 15(3), 100–106. (Rus.).

Tian, G., Qiao, Z., Zhang, Y. (2012). The investigation of relationship between rural settlement density, size, spatial distribution and its geophysical parameters of China using Landsat TM images. *Ecological Modelling*, (231), 25–36. https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2012.01.023

Tokarev, S.A. (Ed.) (1956). *East Slavic ethnographic collection.* Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).

Turov, S.V. (2007). *Nature management of Russian old-timers of Western Siberia (18th — first half of 19th century): Essays on ethnic ecology*. Ekaterinburg: Basko. (Rus.).

Turov, S.V. (2023). Landscape and climatic aspect of the economic activity of the Russian population of the Northern Trans-Urals (18th — 30s of 19th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya,* (84), 72–78. (Rus.).

Val'kov, D.V. (2020). Mounds of the Samara region in the focus of satellite images. *Samarskij nauchnyj vestnik*, 30(1), 146–158. (Rus.).

Yilmaz, O.S., Gulgen, F., Balik Sanli, F. et al. (2023). The Performance Analysis of Different Water Indices and Algorithms Using Sentinel-2 and Landsat-8 Images in Determining Water Surface: Demirkopru Dam Case Study. *Arab J Sci Eng*, (48), 7883–7903. https://doi.org/10.1007/s13369-022-07583-x

Zhigunova, M.A. (2004). *Ethnocultural processes and contacts among Russians of the middle Irtysh region in the second half of 20th century.* Omsk. (Rus.).

Московченко Д.В., https://orcid.org/0000-0001-6338-7669
Федоров Р.Ю., https://orcid.org/0000-0002-3658-746X
Тигеев А.А., https://orcid.org/0000-0001-5449-5086
Лонский А.И., https://orcid.org/0009-0001-2066-8898
Слепченко С.М., https://orcid.org/0000-0002-9365-3849

Сведения об авторах:

Московченко Дмитрий Валерьевич, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Федоров Роман Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Тигеев Александр Анатольевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Лонский Александр Иванович, заведующий, Желанновский краеведческий музей им. К.М. Саханя, с. Желанное Омской обл.

Слепченко Сергей Михайлович, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Института проблем освоения Севера, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors

Moskovchenko, D.V., Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre of SB RAS, Tyumen.

Fedorov, R.Yu., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre of SB RAS, Tyumen.

Tigeev, A.A., Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre of SB RAS, Tyumen.

Lonsky A.I., Head, Zhelannoe Museum of History, Culture and Life named after KM Sakhan, Zhelannoe, Omsk region.

Slepchenko, S.M., Candidate of Biological Sciences, Leading Researcher, Head of the Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre of SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-15

УДК 912.4+314.04

Дирин Д.А., Шиян П.А., Гудковских М.В. *

Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: d.a.dirin@utmn.ru (Дирин Д.А.); shian.paulina@yandex.ru (Шиян П.А);
m.v.gudkovskikh@utmn.ru (Гудковских М.В.)

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Статья посвящена анализу закономерностей и особенностей расселения этнических групп на территории Республики Алтай и выявлению сформированных ими культурных ландшафтов. Основным источником информации послужили результаты Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Интервьюирование и литературный анализ позволили верифицировать некоторые данные Переписи, касающиеся этнической принадлежности жителей региона. В частности, были выявлены отдельные неточности и разночтения в соотнесении населения с конкретными субэтническими группами алтайцев и, соответственно, предложены скорректированные показатели по численности представителей этих групп. По результатам исследования была составлена карта этнокультурной дифференциации территории Республики Алтай, представляющая ареалы расселения основных этнических групп, а также этноконтактные зоны. Ареал русского населения охватывает низко- и среднегорные районы на севере республики. Также в Центральном Алтае переселявшимися сюда в XVIII–XIX вв. старообрядцами сформирован еще один изолированный ареал русского населения. Северные алтайцы (челканцы, тубалары, кумандинцы) живут в таежных низкогорьях Северо-Восточного Алтая (Турочакский, Чойский, Майминский районы). При этом они в значительной степени смешались с русским населением. Южные алтайцы (алтай-кижи и теленгиты) имеют самую обширную территорию расселения, проживая в основном в Усть-Канском, Онгудайском, Усть-Коксинском, Шебалинском, Чемальском (алтай-кижи), Улаганском и Кош-Агачском (теленгиты) районах. Казахи компактно проживают на территории Кош-Агачского района, а также имеют небольшой изолированный ареал в Усть-Канском районе (с. Турата).

Ключевые слова: геокультурное пространство, этнос, этническая группа, Алтай, алтайцы, русские, казахи, коренные малочисленные народы, теленгиты, тубалары, кумандинцы, челканцы (чалканцы), этническое расселение, этнический ареал, этноконтактная зона.

Ссылка на публикацию: Дирин Д.А., Шиян П.А., Гудковских М.В. Современная этнокультурная дифференциация территории Республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 2. С. 173–187. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-15

Введение

Этнический фактор до сих пор является самым значимым в дифференциации геокультурного пространства. Именно этнические группы представляют собой одни из наиболее устойчивых культурных сообществ с выраженной самоидентичностью, стереотипами поведения и мышления, устойчивыми традициями, общностью языка (диалектов) и, как правило, хозяйственной деятельностью. Поэтому разные этнические группы, адаптируясь к среде своего обитания, формируют своеобразные (этно)культурные ландшафты, обладающие выраженной спецификой. Таким образом, особенности расселения этносов предопределяют структуру геокультурного пространства на высшем уровне дифференциации.

Геокультурное пространство — это «структурный компонент географического пространства, сфера и продукт человеческой деятельности, представляющий собой совокупность взаимодействующих геокультурных систем, состоящих из геокультурных общностей людей разного порядка и элементов антропогенного (искусственного) происхождения» [Манаков, 2002, с. 12]. В концепте «геокультурное пространство» «отражено понимание неразрывной связи человеческой культуры (во всех ее многообразных проявлениях) с пространством собственного бытования. Культура проникает в географическое пространство (по сути, формируется и развивается в нем), принося в него свои специфические материальные и духовные элементы, наделяя его разнообразными смыслами и символическим содержанием. В свою очередь, и пространство

* Corresponding author.

проникает в культуру всех без исключения человеческих сообществ, отражаясь в космогонических представлениях людей, хозяйственной деятельности, искусстве и прочих областях того всеобъемлющего феномена, который принято называть культурой. По мере развития человеческого общества, накопления его “культурной энергии” связи между культурой и географическим пространством становятся все глубже и сильнее» [Дирин, 2018, с. 156–157]. Так, по словам Анри Лефевра, пространство сегодня стало не просто ареной человеческой деятельности, но собственно продуктом социума [Lefebvre, 1991].

Основной структурной единицей геокультурного пространства является культурный ландшафт — природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате длительного взаимодействия природы и местного сообщества людей, утилитарно, семантически и символически осваивающих и преобразующих географический ландшафт согласно своим духовным и материальным потребностям [Дирин, 2015]. При этом, поскольку длительное освоение пространства осуществляется преимущественно этническими группами, часто говорят о создаваемых им этнокультурных ландшафтах. Конечно, глобализационные процессы в мире, миграции населения приводят к культурной диффузии и формированию полиэтничных зон. Однако для многих территорий все еще характерна ярко выраженная обособленность ареалов этнического расселения, лишь на пересечении которых формируются этноконтактные зоны со смешанными этнокультурными характеристиками.

Одной из таких территорий является Республика Алтай. Этот субъект Российской Федерации охватывает большую часть Алтайской горной страны, расположенной в центре Евразии. В природном отношении Алтай имеет глобальное значение, как один из мировых центров биологического и ландшафтного разнообразия. Он также является частью глобальных климато- и водоразделов — территорий с типично-континентальным и резко-континентальным климатом; бассейна Северного Ледовитого океана и азиатской области внутреннего стока. Здесь находится самый крупный район горного оледенения в Сибири, а также истоки крупнейших рек — Оби и Иртыша. Пять территориальных кластеров на Алтае (Алтайский биосферный заповедник, Телецкое озеро, Катунский биосферный заповедник, гора Белуха и плоскогорье Укок) включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО под общим названием «Золотые горы Алтая». Располагаясь в центре Евразийского континента на стыке природных зон и культурных миров (цивилизаций), Алтай издавна представлял собой этноконфессиональный узел, являясь зоной культурной диффузии и конвергенции и одновременно территорией, успешно сохраняющей этнокультурные традиции локальных сообществ-изолятов. В настоящее время это важный регион в трансграничье крупнейших евразийских государств — России, Китая, Монголии и Казахстана,— от стабильности которого (и происходящих на его территории геополитических и социально-экономических процессов) во многом зависит благополучие огромных пространств и миллионов людей.

Сегодня именно вопросы взаимодействия природы и общества приобретают особое значение для столь уникальных регионов, как Алтай. В эпоху глобализации всех сфер человеческой жизни пришло понимание важности изучения этнокультурного разнообразия и специфики освоения пространства разными культурами и этносами. Эти вопросы становятся все более актуальными по мере стирания местных культурных традиций, унификации стереотипов восприятия и поведения у различных народов. Помимо утраты культурного наследия данные процессы ведут и к потере выработанных столетиями этнических механизмов адаптации к природной среде и, соответственно, становятся причинами экологических и социально-экономических кризисов.

История этнографического изучения Алтая насчитывает почти два века, глубокий историографический анализ представлен в крупных коллективных трудах [Екеев, 2010, 2014, 2022, 2023; Екеев, Енчинов, 2016]. При этом непосредственно по теме географии расселения этнических групп населения Алтая работ крайне мало. В большинстве работ ареал расселения того или иного этноса указывается довольно размыто. Одной из первых публикаций, содержащей информацию об этническом расселении на Алтае, является монография Л.П. Потапова «Этнический состав и происхождение алтайцев» [1969], в которой на основании данных переписи 1897 г. приводятся сведения о расселении алтайских сеоков (родов) в конце XIX в. Интерес в этом отношении представляет и статья П.Е. Тадыева «Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства» [2009], включающая сведения о территориальном размещении родоплеменных групп населения. Д.А. Функ в своей статье «Численность и расселение челканцев в XIX в.» [2000] также приводит данные о расселении челканцев (чалканцев) в дореволюционный период. Однако во всех этих работах анализирует-

ся историческое расселение этнических групп населения, но не отражается современная ситуация. Что касается картографирования этнического расселения, стоит упомянуть «Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры» (https://atlaskmns.ru/). Однако слишком мелкий масштаб и используемые способы визуализации данных не дают возможности получить детальную картину этнического расселения на Алтае. Также попытка картографического анализа этнической структуры населения Республики Алтай по данным переписи 2010 года предпринята Е.В. Рыгаловым и Е.В. Прониной [2020], но в данной работе приводятся только картограммы соотношения численности представителей разных этносов по районам Республики Алтай. Таким образом, в научном дискурсе не представлен детальный анализ современной пространственной организации этнических групп Алтая.

Цель и методология исследования

Настоящая статья посвящена анализу современной этнокультурной дифференциации территории Республики Алтай. Для исследования особенностей этнического расселения в Республике Алтай и выявления этнокультурных ландшафтов этой территории применялся ряд общенаучных и специальных методов и обширная источниковая база.

1. Анализ научной литературы. С помощью анализа научной литературы по этнографии Алтая и истории его освоения человеческими сообществами было получено представление об особенностях формирования и развития этнокультурных ландшафтов этой территории до настоящего времени.

2. Статистический анализ. Основу исследования составил анализ региональной статистической информации, отражающей особенности пространственной организации этнических сообществ в Республике Алтай. Статистические данные по этническому составу населения всех населенных пунктов Республики Алтай по результатам Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. были предоставлены Управлением государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. К сожалению, статистика не всегда корректно отражает картину реальной этнической дифференциации. Например, во время переписи многие опрашиваемые при определении своей этнической принадлежности указывали на выбор: этнос (например, алтаец), субэтнос (например, челканец), сеок (например, иркит) (рис. 1, 2). Поэтому возникла необходимость дополнить статистические данные выборочным интервьюированием.

3. Интервьюирование. В период с 2012 по 2022 г. было взято 164 интервью в 42 населенных пунктах Республики Алтай у представителей 11 этнических групп населения. Эти данные помогли детализировать реальную этническую структуру территории, определить выраженность культурной автономности и этнической идентичности населения разных частей Алтая, а также выявить основные тенденции современных этнокультурных процессов. Практически все алтайцы имеют многоуровневую этническую идентичность. При этом все виды идентичности зачастую воспринимаются равнозначными для каждого человека. Это вызывает существенные проблемы при обработке статистических данных переписи населения. Дело в том, что, заполняя переписные листы, в разделе «национальность» представители алтайского этноса произвольно указывали на выбор: сеок (род) (например, найман или иркит); этнос (например, теленгит или кумандинец); надэтническое наименование, объединяющее родственные алтайские этносы (алтаец). При этом «алтаец» также рассматривается как общепринятое наименование этноса алтай-кижи. Таким образом, для одного населенного пункта результаты переписи могут показывать довольно пестрый этнический состав, хотя в реальности он может быть фактически моноэтничным.

Так, с помощью интервью было выявлено, что в с. Кокоря (рис. 1) респонденты, учтенные в переписи как представители трех групп (алтайцы, алтайцы-теленгиты и теленгиты) фактически являются теленгитами. Подобная ситуация в с. Чуйка (рис. 2), где назвавшиеся алтайцами, чалканцами и челканцами, на самом деле являются представителями челканского субэтноса алтайцев. Кроме того, были выявлены примеры сознательной «смены этнической самоидентификации», когда человек указывает себя представителем коренного малочисленного народа, чтобы получить льготы от государства. Как выразился один информант в Улаганском районе, «теленгитом сейчас быть выгоднее, чем алтайцем». Подобные факты отмечают и сотрудники НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, проводившие опросы в рамках социолингвистического проекта «Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай», реализуемого по федеральной целевой программе с 2014–2015 гг. Так, их информанты в селах Майминского района (в частности, Средний Сайдыс, Бирюля, Александровка, Урлу-Аспак), алтайцы сеоков мундус и телес, в самоназвании указывали себя как тубалары, прекрасно понимая, что на самом деле являются алтай-кижи. Причиной такой самоидентификации они называют экономические соображения (ранний выход на пенсию, 100 кубов бесплатного строе-

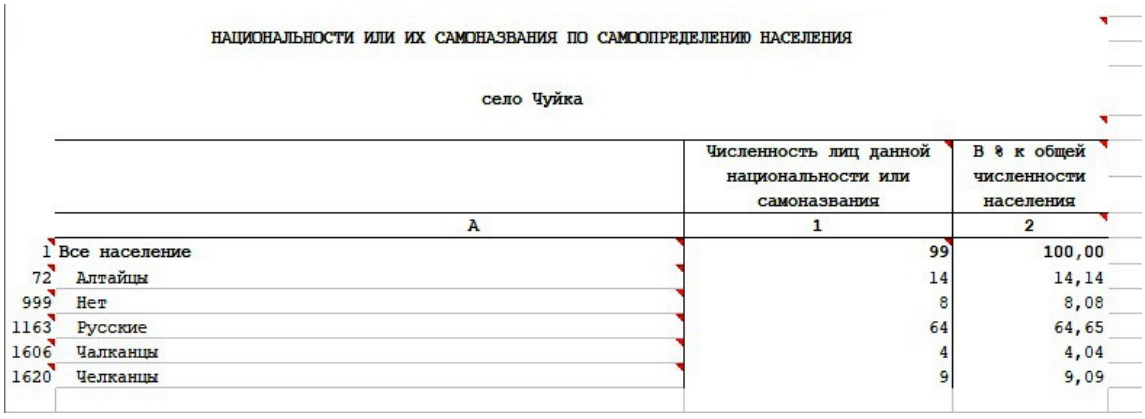
вого леса). Они опасаются, что, если в официальных опросах назовут свою исконную этническую идентичность, могут лишиться соответствующих выгод.

НАЦИОНАЛЬНОСТИ ИЛИ ИХ САМОНАЗВАНИЯ ПО САМООПРЕДЕЛЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ

село Кокоря

	А	Численность лиц данной национальности или самоназвания	В % к общей численности населения
		1	2
1	Все население	1056	100,00
67	Алтай-кижи	–	–
72	Алтайцы	962	91,10
73	Алтайцы-кумандинцы	–	–
74	Алтайцы-теленгиты	2	0,19
75	Алтайцы-тубалары	–	–
76	Алтайцы-чалканцы	–	–
77	Алтайцы-челканцы	–	–
570	Казахи	8	0,76
746	Кумандинцы	1	0,09
990	Немцы	1	0,10
999	Нет	5	0,47
1341	Теленгиты	71	6,72
1399	Тувинцы	6	0,57

Рис. 1. Извлечение из материалов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. по этническому составу населения села Кокоря (Кош-Агачский район, Республика Алтай) [Национальности или их самоназвания…].
Fig. 1. Extract from the materials of the All-Russian Population Census 2020-2021 on the ethnic composition of the population of the village of Kokorya (Kosh-Agachsky district, Altai Republic) [Nationalities or their self-names…].



НАЦИОНАЛЬНОСТИ ИЛИ ИХ САМОНАЗВАНИЯ ПО САМООПРЕДЕЛЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ

село Чуйка

	А	Численность лиц данной национальности или самоназвания	В % к общей численности населения
		1	2
1	Все население	99	100,00
72	Алтайцы	14	14,14
999	Нет	8	8,08
1163	Русские	64	64,65
1606	Чалканцы	4	4,04
1620	Челканцы	9	9,09

Рис. 2. Извлечение из материалов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. по этническому составу населения с. Чуйка (Турочакский р-н, Республика Алтай) [Национальности или их самоназвания…].
Fig. 2. Extract from the materials of the All-Russian Population Census 2020-2021 on the ethnic composition of the population of the village of Chuyka (Turochaksky district, Altai Republic) [Nationalities or their self-names…].

Относительно сущностных проблем этнической (и субэтнической) идентичности и самоидентификации жителей Республики Алтай следует отметить множественность их аспектов, а также сложность и нестабильность определяющих их процессов. В частности, помимо обозначенных выше проблем смешанной разноуровневой этноидентичности и сознательной «смены этнической самоидентификации», очевидна неоднозначность самодентификации у потомков смешанных браков и у людей, утративших этнические традиции. Однако эта проблематика выходит за рамки данного исследования. Понимая сложность феномена этноидентичности и зная о происходящих в регионе этносоциальных процессах, мы сознательно не погружаемся глубоко в эту тему, отсылая читателей к более авторитетным специализированным источникам (см., напр.: [Лаврюшина и др., 2013; Даровских, 2016]).

В целом же проведенные выборочные социологические исследования позволили скорректировать данные переписи и получить более реальную картину этногеографической дифференциации населения в Республике Алтай. Конечно, нельзя говорить о стопроцентной достоверности этих данных, поскольку корректировка делалась методом экстраполяции на основа-

нии всего 164 интервью, чего явно недостаточно для утверждения о репрезентативности результатов. Однако они все же позволили сделать некоторые рамочные суждения и приблизительные расчеты с оценочной погрешностью в 10–15 %.

4. Картографический метод. На основе статистической информации с помощью ГИС-пакета ArcGIS10.1 была построена карта современного расселения этнических сообществ Алтая. Этнические ареалы выделялись вокруг населенных пунктов. Их радиус зависит от людности населенного пункта. Так, населенные пункты с численностью населения до 500 чел. имеют «радиус влияния» 2 км; 500–1000 чел. — 5 км; 1000–5000 чел. — 10 км; более 5000 чел. — 15 км. Каждый статистически выделяемый этнос обозначался определенным цветом. Следует отметить, что эти радиусы фиксируют зоны ежедневной хозяйственной активности населения и, конечно, не охватывают все территории, на которых осуществляется природопользование отдельными жителями соответствующих населенных пунктов. Во-первых, в районах преобладания отгонного животноводства и промыслового хозяйства эти хозяйственные угодья могут быть чрезвычайно обширными вне зависимости от людности населенных пунктов; во-вторых, территории, используемые для хозяйственной деятельности в настоящее время (в условиях рыночной экономики и права частной собственности на землю) не соотносятся напрямую с близрасположенным населенным пунктом, а могут арендоваться или покупаться жителями весьма удаленных поселений; в-третьих, в настоящее время хозяйственные угодья далеко не всегда соотносятся с этнокультурной принадлежностью их владельцев или арендаторов, которые могут еще и периодически меняться. Учитывая вышесказанное, ареалы этнокультурного влияния с относительно высокой степенью корректности можно выделить лишь для ближайших к населенным пунктам территорий.

Поскольку все алтайские субэтносы получили официальный статус коренных малочисленных народов Сибири, на построенной авторами карте они представлены отдельными друг от друга этнокультурными ареалами. Полное доминирование одного этноса в населенном пункте (более 80 %) дает полную окраску этого поселения и зоны его влияния в соответствующий цвет. В случае полиэтничной структуры населения или перекрытия «ареалов влияния» разных этносов — смежной штриховкой выделяются этноконтактные зоны.

Этнокультурная история региона

Современная этногеография Алтая уходит корнями в VI в. н.э., когда на его территории сформировался первый тюркский каганат, распространивший свое влияние на огромные территории Внутренней Азии. Тюркюты, постепенно продвигаясь с юга (из горных степей и полупустынь) на север Алтая (в таежное низкогорье), частично вытеснили, а частично ассимилировали автохтонные самодийский племена. С этого времени начал складываться алтайский этнос, окончательно сформировавшийся только к XVII в. [Деревянко и др., 2002]. В это же время Алтай попадает в сферу влияния Российской империи и русского этноса, что в дальнейшем коренным образом преобразовало этнокультурное пространство этой территории.

В алтайском этносе по различиям в природопользовании выделились этнографические группы южных алтайцев (алтай-кижи, телеуты, теленгиты) — животноводов-кочевников и северных алтайцев (кумандинцы, челканцы, тубалары) — полуоседлых охотников и рыболовов. У них полностью сформировались феодальные отношения, установилась социальная дифференциация общества. Большая часть северных алтайцев приняли российское подданство уже в XVII в. и исправно платили пушной ясак в казну государства. Иначе обстояли дела с южными алтайцами, которые кочевали вдоль российских границ, сохраняя некоторое время самостоятельность [Витовтова и др., 1999]. Особенность расселения этнических групп на территории Республики Алтай имеет глубокие корни и историко-культурные традиции, отразившиеся в формировании диалектов, особенностях местной идентичности, топонимике, символическом освоении пространства и пр. Относительная обособленность ареалов расселения была обусловлена рядом факторов: 1) историческими процессами (например, теленгиты вошли в состав России более чем на сто лет позже, чем алтай-кижи и северные алтайцы, долгое время являясь «двоеданцами» империи Цин и Российской империи); 2) особенностями горных ландшафтов (изолированность горными хребтами и отдаленность ареалов освоения друг от друга, высотная дифференциация природных условий и необходимость разных способов адаптации к ним); 3) традиционной системой расселения по речным долинам, способствующей формированию локальной идентичности, как проявлению укорененности на территории (название локальных сообществ по речным долинам, в которых они проживают: чарас ичи кижи, урсул кижи, чуй киичи кижи, башкаус ичи кижи и т.д.).

Первыми русскими переселенцами на Алтае стали казаки Колывано-Кузнецкой укрепленной линии, протянувшейся от Усть-Каменогорска до Бийска (крепости Чарышская, Ануйская, Бийская и др.). В крепостях размещались военные гарнизоны из служилых людей (солдат) и казаков. Для обеспечения крепостей всем необходимым сюда переселялись крестьяне из северных губерний и Приуралья [Худяков, 1973]. Однако в большей степени их влияние затронуло территорию современного Алтайского края, захватывая лишь северные предгорья Горного Алтая. Примерно в 1786–1787 гг. в бассейне р. Чарыш возникает первое русское поселение на территории современной Республики Алтай — Коргон. Оно было основано, очевидно, колыванскими горнозаводскими рабочими как пункт добычи полудрагоценных камней [Екеев и др., 2010, с. 99]. С середины XVIII в. русские переселенцы (беглые крестьяне и заводские рабочие, но особенно, старообрядцы) проникли и в Центральный Алтай, образовав в Уймонской межгорной котловине и долине р. Кокса особый ареал русской культуры со специфическими для этой территории этнокультурными ландшафтами. В 1798 г. возникло первое старообрядческое село в Уймонской долине — Верхний Уймон. Вслед за ним появились Усть-Кокса (1806 г.), Нижний Уймон (1826 г.), Мульта (1836 г.) и другие старообрядческие поселения, ставшие узлами опорного каркаса своеобразного старообрядческого историко-культурного района в составе Алтае-Саянской историко-культурной области.

Заселению Уймонской котловины русскими старообрядцами способствовали ее изолированность и благоприятные природные условия, позволявшие практиковать традиционные формы хозяйствования (прежде всего земледелие). В первой половине XIX в. началось заселение русскими Северного Алтая. Во многом это связано с деятельностью Алтайской православной миссии. В это время основываются села Майма, Улала (современный Горно-Алтайск), Манжерок, Чемал, в которых не только селились русские, но и начался переход к оседлому образу жизни у алтайцев. Дальнейшее освоение и заселение Алтая было связано с развитием торговли русских купцов с Монголией и Китаем. Так, действовавшая в Чуйской котловине крупная ярмарка стала важнейшим фактором появления с. Кош-Агач; с. Шебалино появилось на месте торговых складов бийских купцов Шебалиных [Дирин, 2008]. Многие населенные пункты (Черга, Топучая, Онгудай и др.) возникли именно вдоль основного вьючного пути — Чуйского тракта. В середине XIX в. началось заселение юго-восточной части Алтая казахами. В начале 1880-х гг. между главами казахского рода сарыкалдыков и теленгитскими зайсанами состоялись переговоры по вопросу переселения 50 казахских семей в Чуйскую котловину. В результате этих переговоров для казахских кочевий выделялись земли в бассейне р. Колгуты и на плато Укок. Однако в действительности территория кочевий распространилась на всю Чуйскую котловину, а количество переселенцев оказалось большим, чем предусматривалось. Естественно, это вызвало недовольство и претензии со стороны теленгитов, но до серьезных столкновений не дошло. Уже в 1898 г. экспедиция Е. Шмурло зафиксировала на плоскогорье Укок около 140 кибиток казахов, которые принадлежали к родам чингистай, дэвлетов (даулетов), сарыкалдыков. На зиму они перемещались в долину р. Колгуты [Джунисова, Екеева, 2007].

Дальнейший этап этнической истории Алтая был связан с советским периодом. В это время на Алтае произошли коренные изменения, в частности, в организации природопользования. Они были связаны главным образом с отменой частной и общинно-родовой собственности на землю и переходом населения к оседлости, а также с коллективизацией хозяйства в 1930-е гг. В регионе стали развиваться малораспространенные до этого промышленность и земледелие, которые привлекли значительное количество переселенцев из других регионов СССР. За советский период русские стали самым многочисленным этносом Алтая. На их долю приходилось 2/3 всего населения региона. Вторыми по численности были алтайцы, и третье место занимали казахи, составляющие, тем не менее, этническое большинство в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Такая картина в целом наблюдается и сегодня.

Результаты и обсуждение

Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. численность населения республики составляет 210 924 чел. [Численность…]. При этом для региона характерен положительный естественный и миграционный прирост населения. Традиционно принято считать, что большую часть населения региона составляют представители трех этносов — русские, алтайцы и казахи. В реальности ситуация более сложная. Алтайцы — собирательное название нескольких, по сути, субэтносов, которые, однако, получили статус малых коренных народов Сибири. В такой интерпретации, собственно алтайцами следует считать лишь предста-

вителей алтай-кижи. Кумандинцы, тубалары, челканцы объединяются этнографами в этногеографическую группу северных алтайцев, а алтай-кижи и теленгиты — южных алтайцев.

Итак, согласно Переписи, в этническом составе населения преобладают русские — 106 258 чел. (50,3 %). Коренное население — алтайцы (включая все субэтносы) составляют 73 242 чел. (34,7 %). Третьей по численности этнической группой населения являются казахи (6 %). При этом внутри сегмента «алтайцы» выделяются теленгиты — 2587 чел., тубалары (3424 чел.), челканцы (1170 чел.) и алтай-кижи (66 061 чел.). Почему-то отдельно учитываются кумандинцы (1037 чел.). Представители других народов, а также люди, не указавшие свою этническую принадлежность, составляют 17 740 чел. (рис. 3) [Национальный состав…].

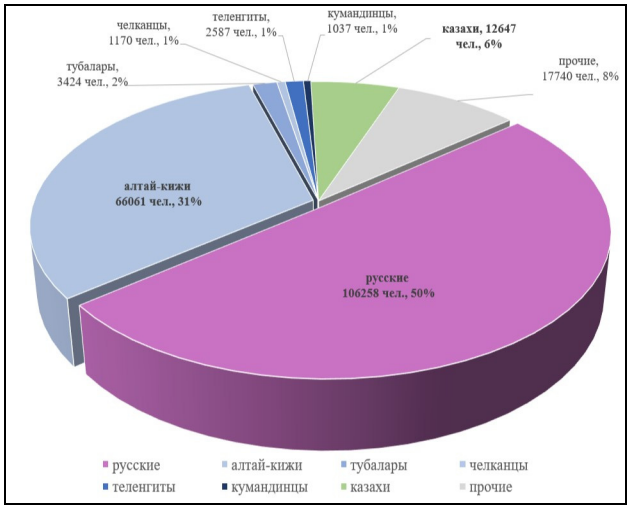


Рис. 3. Этнический состав населения Республики Алтай
(построено по данным: [Национальный состав населения…]).
Fig. 3. Ethnic composition of the population of the Altai Republic
(completed according to: [The national composition of the population…]).

Однако, как отмечалось выше, наши исследования (рис. 4) позволили скорректировать результаты переписи, в которых многоуровневая этническая идентичность населения вносит значительную путаницу. Согласно проведенным расчетам, количество теленгитов в 2021 г. составляло около 16 400 чел. (согласно Переписи, всего 2587). Интересно отметить, что наши данные коррелируют с оценкой А.П. Чемчиевой — 16 000 чел. [Чемчиева, 2017]. Численность тубаларов превысила 4200 чел. (по Переписи — 3424). Численность челканцев практически полностью совпала с данными Переписи — 1172 и 1170. Также число кумандинцев не очень отклонилось от официальных данных — 1119 к 1037.

В территориальном отношении русское население занимает преимущественно северную часть Республики Алтай (Майминский, Чемальский, Турочакский, Чойский, Шебалинский районы и г. Горно-Алтайск), а также преобладает в Усть-Коксинском районе. В совокупности ареал их численного доминирования составляет приблизительно 35 % территории региона. Казахи компактно проживают на территории Кош-Агачского района, в котором они составляют этническое большинство. Алтайцы же численно преобладают в Усть-Канском (алтай-кижи), Онгудайском (алтай-кижи) и Улаганском (теленгиты) районах. Ареалы преобладающего культурного влияния разных этнических (и субэтнических) групп образуют на Алтае пять типов этнокультурных ландшафтов.

Русские. Русские составляют этническое большинство в Республике Алтай (106 258 чел., 50,3 %) [Национальный состав…]. Вероятно, за категорией русских в переписных данных часто скрываются представители разных народов и люди смешанного происхождения, без четкой этнической самоидентификации. В пределах исследуемой территории достаточно отчетливо выделяется ареал этнического влияния собственно русского населения, а также компактный ареал субэтноса русских старообрядцев. Каждый из них сформировал собственный региональный этнокультурный ландшафт. *Собственно русский этнокультурный ареал* занимает прилегающие к Алтайскому краю низкогорья Северного Алтая с лесными и лесостепными ландшафтами (г. Горно-Алтайск, Майминский, Чемальский, Шебалинский, Чойский, Турочакский, Усть-Коксинский районы).

Это наиболее освоенная часть исследуемой территории. В настоящее время преимущественно именно русские заняты в промышленности (лесная, деревообрабатывающая, строительная, пищевая) и сфере обслуживания (торговля, медицина, образование, туризм и др.).

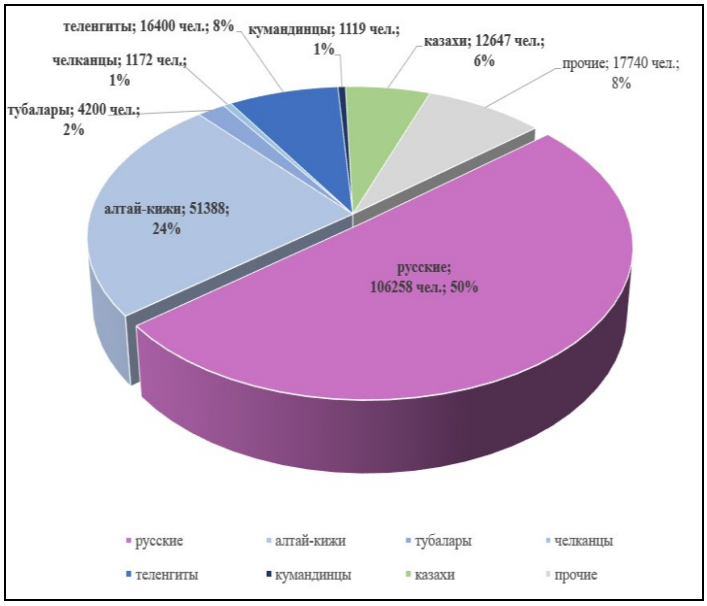


Рис. 4. Этнический состав населения Республики Алтай, скорректированный по результатам исследования (оценка авторов).
Fig. 4. The ethnic composition of the population of the Altai Republic, adjusted according to the results of the study (authors' assessment).

В функциональном отношении этнокультурные ландшафты собственно русского этноса относятся к туристско-рекреационному, аграрному (земледельческий, подсобно-скотоводческий подтипы), горнопромышленному и лесохозяйственному типам.

Старообрядческий этнокультурный ареал представляет собой компактную территорию в Центральном Алтае (преимущественно Усть-Коксинский район) — по рекам Кокса, Катунь и их притокам. Кроме того, старообрядческий «этнокультурный субстрат» присутствует в Северо-Восточном Алтае (Турочакский р-н), однако не имеет там доминирующего культурного значения. К сожалению, официальная статистика не учитывает в переписи эту группу населения в качестве самостоятельной, что затрудняет оценку их численности. По экспертным оценкам, старообрядцев в Республике Алтай проживает около 2400 чел. (1,1 % от общего населения) (оценка Д.А. Дирина; В.П. Кучугановой). Данный региональный этнокультурный ландшафт формировался с конца XVIII — начала XIX в. субэтносом русских старообрядцев, который выделился по религиозно-культурному признаку. Старообрядцы создали на Алтае довольно крупные изолированные (в культурном отношении) от внешнего мира общины, спасаясь от религиозного преследования после никоновских реформ русской православной церкви. Здесь сохранилась традиционность жизненного уклада населения.

Природопользование старообрядцев многоотраслевое, позволяющее адаптироваться к меняющимся природным условиям и обеспечивающее занятость населения в течение круглого года. Так, весной главное хозяйственное занятие — посевная; летом — работы в огородах (ассортимент культур при этом довольно разнообразен), пастьба скота, сбор растений-дикоросов, рыбная ловля, пчеловодческие работы, сенокошение; осенью важнейшим занятием является уборка урожая, а также сенокошение, к которому добавляется сбор грибов, ягод, кедровых орехов; зимой основным занятием являются охота и заготовка леса. Важным традиционным занятием русских старообрядцев, получившим распространение уже в конце XIX в., стало пантовое мараловодство. Сегодня это самая прибыльная отрасль традиционного природопользования в Республике Алтай. Таким образом, главным функциональным типом данного этнокультурного ландшафта является аграрный с подтипами: земледельческим (пашенным), мараловодческим, подсобно-земледельческим (огородническим), подсобно-животноводческим (скотоводство, ко-

неводство, овцеводство). Также имеет место охотничье-промысловое хозяйство. Все больше людей включается в обслуживание туристов (транспортная заброска, продажа продуктов питания, предоставление в аренду гостевых домов). До сих пор большую роль во всей жизни старообрядцев играет религиозный фактор. Христианская традиция влияет на структуру и функционирование старообрядческих этнокультурных ландшафтов [Кучуганова, 2000; Дирин, 2014].

Алтайцы. Коренным населением Алтая являются алтайцы. Их численность (включая все субэтносы) в республике на момент переписи составляла 74 279 чел. При заполнении переписных листов собственно алтайцами себя назвали 66 061 чел. Еще 8218 чел указали свою принадлежность к одному из субэтносов алтайцев (теленгиты, тубалары, челканцы, кумандинцы) [Национальный состав…], хотя в реальности их численность составляет около 23 тыс. чел., о чем писалось выше. Этническое большинство алтайцы составляют в Усть-Канском, Онгудайском и Улаганском районах Республики Алтай. Несмотря на общее этническое самосознание алтайцев, стереотипы восприятия и поведения, по некоторым особенностям культуры, систем природопользования, специфике этнической истории, языка и даже антропологическим признакам отчетливо выделяются две этнографические группы — северные алтайцы и южные алтайцы.

Северноалтайский этнокультурный ареал включает таежные низкогорья Северо-Восточного Алтая, по долинам крупных рек и озер. В административном отношении районами проживания северных алтайцев (кумандинцы, тубалары, челканцы) являются Чойский, Турочакский, частично Майминский район. Общая численность этой этнографической группы на территории Республики Алтай невелика — около 6500 чел. (согласно официальным данным переписи — 5631 чел. [Национальный состав…]). По отношению к северным алтайцам все чаще в алтайской этнографии используется традиционный термин «таежные алтайцы» (јыш кижи), принятый в XIX в., что вполне соответствует особенностям среды их обитания и культуре.

Традиционная специализация хозяйства северных алтайцев — охота, рыболовство, сбор растений-дикоросов и лишь отчасти земледелие и животноводство в качестве подсобных отраслей. Культура таежников-промысловиков получила здесь наибольшее распространение [Назаров и др., 2009]. Именно потребность длительного нахождения в тайге определила многие элементы традиционной духовной и материальной культуры северных алтайцев. В настоящее время в ареале влияния северных алтайцев представлены функциональные типы этнокультурного ландшафта: охотничье-промысловый, лесохозяйственный и в меньшей степени аграрный (подсобно-земледельческий и подсобно-животноводческий подтипы). В большинстве случаев северные алтайцы сегодня проживают в населенных пунктах со смешанным этническим составом, причем, как правило, с преобладанием русского населения. Осталось всего несколько небольших челканских (Курмач-Байгол, Суранаш в Турочакском районе), тубаларских (Средний Сайдыс в Майминском районе; Тулой, Ново-Троицк в Турочакском районе) и кумандинских (Санькин Аил в Турочакском районе) сел.

Южноалтайский этнокультурный ареал. Южные алтайцы (алтай-кижи, теленгиты) более обособлены, чем северные, от других этносов. Они занимают территорию степных и полупустынных межгорных котловин и речных долин Центрального, Юго-Восточного и Восточного Алтая, где составляют от 60 до 95 % населения (Усть-Канский, Онгудайский, Улаганский районы), также значительное их количество проживает в Кош-Агачском, Усть-Коксинском, Шебалинском, Майминском и Чемальском районах. Общая численность южных алтайцев в республике (если считать, что все респонденты, самоидентифицирующие себя в Переписи как «алтайцы», являются алтай-кижи, составляет 68 648 чел. (из них алтай-кижи — 66 061, теленгиты — 2587) [Национальный состав…]. По данным нашего исследования, их общая численность составляет 67 738 чел., из которых только 51388 чел. приходится на алтай-кижи и 16 400 — на теленгитов. Южные алтайцы — исконные скотоводы-кочевники. Их традиционной хозяйственной специализацией является разведение овец, коз, лошадей, в меньшей степени — крупного рогатого скота. Большое значение в хозяйстве имеет также охота (особенно у теленгитов). Традиционный уклад полукочевой жизни сохраняется у них и по сей день. Однако изменившаяся рыночная конъюнктура привела к существенной трансформации структуры стада: на первое место вышел крупный рогатый скот, далее — лошади, овцы, козы и т.д. Для обеспечения оптимальной интенсивности использования пастбищных угодий южные алтайцы применяют пастбищеобороты, обнаруживая изрядные знания об устойчивости ландшафтов и их экологической емкости [Назаров и др., 2009]. В функциональном отношении основным является аграрный тип этнокультурного ландшафта с отгонно-животноводческим подтипом. Яркими маркерами этнокультурных ландшафтов южных алтайцев, значительная часть

которых сохраняет традиционные верования («алтай јаҥ»), являются сакральные объекты (тагылы), например священные деревья с повязанными лентами кыйра / дьалама, балбалы и пр.); а также традиционные жилища — аилы, которые строят как на стойбищах, так и в селах рядом с перенятыми у русского населения типами домов и используют как сезонное летнее жилье.

Казахи. В настоящее время численность казахов, проживающих на Алтае, составляет 12 647 чел. [Национальный состав…]. Они занимают компактную территорию в долине рек Чуя (в пределах Чуйской межгорной котловины) и Джазатор (в нижнем и среднем течении). В административном плане ареал их расселения расположен почти целиком в пределах Кош-Агачского района (здесь они являются этническим большинством, составляя свыше 60 % населения). Однако в Усть-Канском районе также есть небольшое село Турата, в котором этническое большинство составляют казахи [Октябрьская, 1997].

Казахский этнокультурный ареал. Территория проживания казахов в Республике Алтай характеризуется самыми суровыми природными условиями и самой низкой плотностью населения. Поэтому, хотя территория этнокультурного влияния казахов довольно обширна, для сети поселений казахского этноса характерна высокая степень дискретности. Постоянных поселений очень мало. Главные «казахские» села — Жана-Аул, Тобелер, Джазатор, Кош-Агач. Как и южные алтайцы, казахи занимаются преимущественно животноводством (разводят крупный рогатый скот, лошадей, овец, яков, верблюдов). Преобладают аграрные этнокультурные ландшафты отгонно-животноводческой направленности. При этом сохраняются многие элементы традиционной культуры, например использование юрт на стойбищах. Исламские традиции и соответствующие материальные маркеры геокультурного пространства (например, мечети, мусульманские кладбища) довольно отчетливо отличают казахские энокультурные ландшафты от южноалтайских. Следует отметить, что процессы трансформации традиционного хозяйства и этнокультурных ландшафтов происходят постоянно. В настоящее время ключевым фактором таких изменений является туризм, в развитие которого в той или иной степени включились все этнические группы Алтая. Также характерной отраслью хозяйственной деятельности, в которой задействовано большое количество населения северных и центральных районов республики (вне зависимости от этнической принадлежности), является сбор кедрового ореха. Его объемы фактически достигают промышленных масштабов.

Анализ статистических данных по этническому составу каждого населенного пункта Республики Алтай, ранжированных по людности и скорректированных при помощи интервьюирования, позволил построить карту этнокультурной дифференциации территории исследуемого региона (Рис. 5). Эта карта дает представление о сложившихся в настоящее время ареалах компактного проживания основных этносов Алтая, а также этноконтактных зонах в местах их пересечения.

Основной ареал русского расселения расположен в северной части республики, на границе с Алтайским краем. Почти во всех населенных пунктах Майминского, Чемальского и Чойского районов (за исключением лишь нескольких сел, как правило, удаленных от главных транспортных магистралей и основных центров расселения) русские составляют этническое большинство. Также русский этнический ареал охватывает значительную часть Шебалинского района, прежде всего вдоль Чуйского тракта и в бассейне трансграничной с Алтайским краем р. Песчаная (села Черга, Мыюта, Камлак, Ильинка, Барагаш). Другой транзитной рекой для распространения русского этнического влияния является Чарыш, в долине которого на западе Усть-Канского района (где в целом абсолютное численное доминирование имеют алтай-кижи) есть пять чисто русских сел (Коргон, Владимировка, Санаровка, Усть-Кумир, Талица). Еще один крупный изолированный ареал русского этноса сложился в Центральном Алтае на территории Усть-Коксинского района. Здесь живут потомки русских старообрядцев, сохранившие многие элементы их традиционной культуры в своих этнокультурных ландшафтах. Тем не менее в этом районе есть несколько алтайских сел с доминированием алтай-кижи (например, Курунда, Кучерла, Тюнгур, Абай, Ак-Коба, Сугаш) или с примерно равным распределением русских и алтайцев (Кастахта, Банное, Соузар).

Вне основных ареалов русского расселения на Алтае имеется несколько русских сел, чье появление и дальнейшее развитие связано с созданием промышленных предприятий или с функционированием крупных государственных организаций. Например, большое русское село Акташ в Улаганском районе появилось благодаря работавшему здесь руднику по добыче ртутной руды. А его дальнейший рост был связан с дислокацией в нем Алтайского пограничного отряда. Также в с. Яйлю на юго-восточном берегу Телецкого озера проживает преимущественно русское население — сотрудники Алтайского государственного заповедника и члены их се-

мей. В Турочакском районе, в долине рек Бия и Лебедь, есть села с полным преобладанием как русского населения (Удаловка, Озеро-Куреево, Каначак, Каяшкан), так и смешанного: Тондошка — русские, тубалары, челканцы, кумандинцы; Бийка, Кебезень Старый Кебезень — русские, тубалары, челканцы; Артыбаш, Иогач, Усть-Пыжа — русские, тубалары; Чуйка, Майск — русские, челканцы; Шунарак, Дмитриевка — русские, кумандинцы.

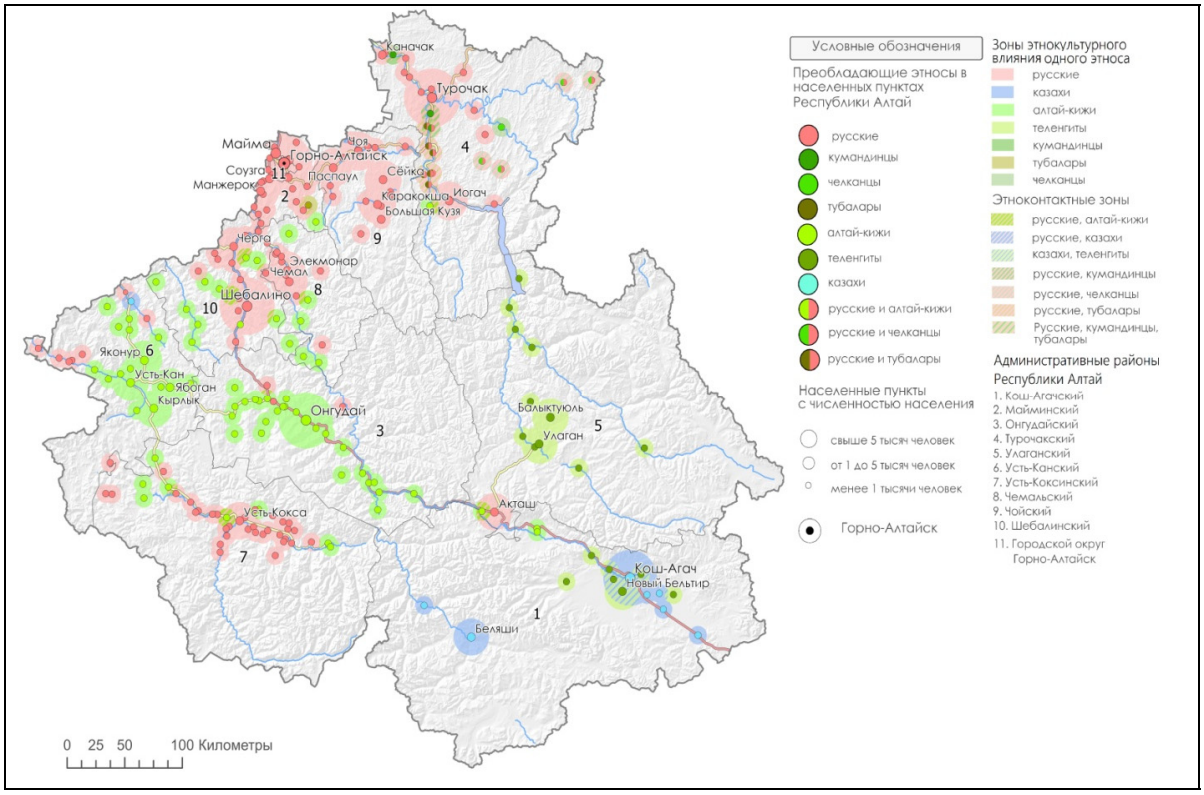


Рис. 5. Карта этнокультурной дифференциации территории Республики Алтай (построена авторами [по данным: Национальности или их самоназвания…]).
Fig. 5. Map of the Altai Republic territory ethnocultural differentiation (created by the authors according to: [Nationalities or their self-names…]).

Северные алтайцы живут в Турочакском, Чойском и Майминском районах, в основном в селах с преобладанием русского населения либо примерно с равной численностью алтайцев (челканцев/тубаларов/кумандинцев) и русских. Имеется всего несколько сел с абсолютным доминированием челканцев или тубаларов, и они небольшие по людности. Чисто кумандинских сел в настоящее время не осталось. Численно преобладают они лишь в одном селе — Санькин Аил (Турочакский р-н), где проживает 42 кумандинца, 9 челканцев, 4 тубалара, 13 русских и 1 украинец.

Наибольшие пространства охватывает ареал проживания алтай-кижи. Они доминируют в Усть-Канском и Онгудайском районах. Здесь они составляют этническое большинство практически во всех селах (причем чаще всего их доля свыше 90 %). Исключение составляют лишь села Белый Ануй, Черный Ануй, Коргон, Усть-Кумир, Санаровка, Талица и Владимировка в Усть-Канском районе, Туекта в Онгудайском районе, где численно преобладают русские, а также Турата Усть-Канского района с доминированием казахов. Также есть алтайские села (с преобладанием алтай-кижи) в Усть-Коксинском, Шебалинском и Чемальском районах, в которых сложились обширные этноконтактные зоны с русским населением. Однако села в основном небольшие по численности населения и размещены довольно дискретно вдоль крупных дорог и рек.

Теленгиты имеют три основных ареала проживания: Улаганское плоскогорье (села Улаган, Балыктуюль, Саратан), долина р. Чулышман (села Балыкча, Коо, Язула) и Чуйская межгорная котловина (Ортолык, Мухор-Тархата, Теленгит-Сортогой, Кокоря, Бельтир, Новый Бельтир), где формируется этноконтактная зона с казахами.

Казахи расселены также в Чуйской котловине (Кош-Агач, Жана-Аул, Тобелер, Ташанта) и бассейне р. Джазатор (Беляши). Также имеется изолированный ареал проживания казахов в Усть-Канском районе (с. Турата).

Заключение

Современная этнокультурная дифференциация территории Республики Алтай имеет довольно сложный характер. География расселения разных этнических групп на Алтае изначально определялась преимущественно природными и историко-культурными факторами: разные типы ландшафтов являлись экологическими нишами для разных групп населения со свойственными им системами природопользования.

Историко-культурные факторы расселения включают не только этнополитические процессы, определявшие, в частности, смену этнических культур на Алтае, но и институциональные особенности, характерные для разных периодов истории. Например, в эпоху Джунгарского государства сюзерен мог предписывать алтайским зайсанам, где последним «стоять» и «проживать со своими людьми и скотом». Как отражение этих особенностей, топонимы Республики Алтай содержат материалы, имеющие прямую отсылку к конкретному сеоку: например в Онгудайском районе на слиянии рек Чуя и Катунь есть обширная местность, называемая «комдош», и т.п. Так формировались традиционные этнические ареалы южных алтайцев, занимавшихся отгонным животноводством, в горно-степных и горно-полупустынных ландшафтах крупных речных долин, межгорных котловин, а также плоскогорий Центрального и Юго-Восточного Алтая. Ареалы проживания северных алтайцев — таежных охотников и рыболовов — сложились в таежных низкогорьях Северо-Восточного Алтая.

В дальнейшем историко-политические процессы существенно изменили этногеографию Алтая — северная часть территории была практически полностью заселена русскими в ходе общего процесса российского освоения сибирских пространств. В Центральном Алтае (Уймонская котловина, долины рек Кокса и Катунь) появился крупный изолированный ареал проживания русских старообрядцев, переселявшихся в эти глухие в ту пору места, спасаясь от религиозных гонений. Также в Юго-Восточный Алтай в XIX в. проникли казахские переселенцы, в результате чего казахи составили этническое большинство в Кош-Агачском районе, крупнейшем по площади в Республике Алтай.

Свои коррективы в дальнейшую трансформацию этнокультурного пространства Алтая внесли социально-экономические преобразования советского и постсоветского периода. Перевод алтайцев на оседлый образ жизни, промышленное освоение территории, строительство Чуйского тракта и других автомобильных дорог, развитие туристско-рекреационного хозяйства, создание заповедников и другие события и процессы видоизменили этническую карту Алтая. Прежде всего они способствовали проникновению русского населения вглубь территории, этнической диффузии и формированию обширных этноконтактных зон. Благодаря свежим статистическим данным Всероссийской переписи населения в разрезе населенных пунктов и уточняющих социологических исследований авторам удалось построить карту современной этнокультурной дифференциации территории Республики Алтай, довольно точно отражающую особенности расселения основных этнических групп населения в этом регионе.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-27-00429.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Витовтова Г.И., Ивонин А.Р., Дивина Н.С. Земля сибирская, алтайская... Ч. 1: Древний период — первая половина XIX века: Учеб. пособие по регионоведению. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 1999. 264 с.

Даровских О.В. Межэтнические браки в Республике Алтай: Типология // Алтай — Россия: через века в будущее: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием: В 2 т. Горно-Алтайск, 2016. Т. 1. С. 35–40.

Деревянко А.П. (гл. ред.) *и др.* История Республики Алтай. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. Т. I: Древность и средневековье. 360 с.

Джунисова О.А., Екеева Э.В. Особенности этнокультуры казахов Кош-Агачского района // Актуальные проблемы географии: Материалы IV Межрегион. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2007. С. 232–239.

Дирин Д.А. Этноэкологические проблемы Горного Алтая // География и природопользование Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 10. С. 43–71.

Дирин Д.А. Этнокультурные ландшафты Алтая: Особенности формирования, пространственной организации и развития // Вопросы географии. 2014. № 138. С. 327–345.

Дирин Д.А. Основные подходы к исследованию культурных ландшафтов в российской культурной географии // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 4. С. 24–37.

Дирин Д.А. Концепт «геокультурное пространство» в общественной географии // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 146–160.

Екеев Н.В. (отв. ред.). История Республики Алтай. Том II. Горный Алтай в составе Российского государства (1756–1916 гг.). Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2010. 472 с.

Екеев Н.В. (отв. ред.). Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2014. 464 с.

Екеев Н.В. (отв. ред.). Этнографический атлас Республики Алтай. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2022. 462 с.

Екеев Н.В. (отв. ред.). Алтайский этнографический словарь. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразаков, 2023. 370 с.

Екеев Н.В., *Енчинов Э.В.* (отв. ред.). Хозяйственно-культурный комплекс Горного Алтая: Трансформации и традиции (конец XX — начало XXI вв.). Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2016. 252 с.

Кучуганова Р.П. Уймонские староверы. Новосибирск: Сибирские вопросы, 2000. 161 с.

Лаврышина М.Б., Ульянова М.В., Октябрьская И.В. и др. Динамика межэтнических взаимодействий коренных народов Южной Сибири: (Демографический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 131–142.

Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: Динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. 300 с.

Назаров И.И. (отв. ред.). Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: Информационно-методический справочник. ПРООН/ГЭФ. Барнаул: Азбука, 2009. 310 с.

Октябрьская И.В. Казахи Алтая: Страницы истории и современность // ЭО. 1997. № 6. С. 92–102.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев: Историко-этнографический очерк / Отв. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука, 1969.196 с.

Рыгалов Е.В., Пронина Е.В. Картографический анализ этнической структуры населения Республики Алтай // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 6 (16). Вып. 3. 2020. С. 260–267.

Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства // Туба (черневые татары): Этническая история. Традиционная хозяйственная деятельность. Культура. Этноэкология. Барнаул: Алтай, 2009.С. 56–60.

Функ Д.А. Численность и расселение челканцев в XIX в. // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М., 2000. С. 40–65.

Худяков А.А. История Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1973. 96 с.

Чемчиева А.П. Субэтнические группы алтайцев: Противоречия и символы коллективной идентичности // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 114–130.

Lefebvre H. The Production of Space / Transl. by D. Nicholson Smith. Oxford: Basil Blackwell, 1991. 454 p.

ИСТОЧНИКИ

Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Языки и культуры. URL: https://atlaskmns.ru/ (дата обращения: 18.03.2024).

Национальности или их самоназвания по самоопределению населения в населенных пунктах Республики Алтай: Материалы Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. (неопубликованные материалы, предоставленные Управлением государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай).

Национальный состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5: Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 18.03.2024).

Численность городского и сельского населения по полу по субъектам Российской Федерации: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 1: Численность и размещение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 18.03.2024).

Dirin D.A., Shiyan P.A., Gudkovskikh M.V. *

University of Tyumen, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
Email: d.a.dirin@utmn.ru (Dirin D.A.); shian.paulina@yandex.ru (Shiyan P.A.);
m.v.gudkovskikh@utmn.ru (Gudkovskikh M.V.)

Modern ethno-cultural differentiation of the territory of the Altai Republic

The paper concerns the analysis of the patterns and peculiarities of the settlement of ethnic groups in the territory of the Altai Republic and identification of cultural landscapes formed by these groups. The main source of information was represented by the results of the 2021 Russian Census. The use of interviewing and literature

* Corresponding author.

analysis allowed the verification of some data of the Census related to the ethnic identity of the residents in the region. In particular, some inaccuracies and discrepancies in the assignment of the population to specific subethnic groups of the Altaians were identified and, accordingly, improved indicators of the population count for these groups have been proposed. From the results of the study, a map of ethno-cultural differentiation of the territory of the Altai Republic has been compiled, which shows areas of settlement of main ethnic groups, as well as ethno-contacting zones. The area of settlement of the Russian population spans the low- and mid-mountain regions in the north of the Republic. Also, in Central Altai, old-believers resettling there in the 18th–19th cc. formed yet another isolated areal of Russian population. The Northern Altaians (Chelkans, Tubalars, Kumandins) live in taiga low-mountain regions of North-Eastern Altai (Turochaksky, Choysky and Mayminsky Districts). In doing so, they have mixed to a large extent with the Russian population. The Southern Altaians (Altai-Kizhi and Telengits) have the largest territory of population, living mainly in Ust'-Kansky, Ongudaysky, Ust'-Koksinsky, Shebalinsky, Chemalsky (Altai-Kizhi), Ulagansky, and Kosh-Agachsky (Telengits) Districts. Kazakhs live compactly in the territory of Kosh-Agachsky District, as well as have a smaller enclave in Ust'-Kansky District (the village of Turata).

Keywords: geocultural space, ethnos, ethnic group, Altai, Altaians, Russians, Kazakhs, ethnic settlement, ethnic area, ethnocontact zone.

Funding. The study was funded by the Russian Science Foundation, grant No 23-27-00429.

REFERENCES

Chemchieva, A.P. (2017). Subethnic groups of Altaians: Contradictions and symbols of collective identity. *Novye issledovaniya Tuvy*, (1), 114–130. (Rus.).

Darovskikh, O.V. (2016). Interethnic marriages in the Altai Republic: Typology. In: *Altay — Rossiya: cherez veka v budushcheye: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoj konferencii*, 1, 35–40. (Rus.).

Derevyanko, A.P. (Ed.). (2002). *The history of the Altai Republic. Vol. I. Antiquity and the Middle Ages.* Gorno-Altaisk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova. (Rus.).

Dirin, D.A. (2008). Ethnoecological problems of the Altai Mountains. In: *Geografiya i prirodopol'zovaniye Sibiri. Vyp. 10.* Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, 43–71. (Rus.).

Dirin, D.A. (2014). Ethnocultural landscapes of Altai: Peculiarities of formation, spatial organization and development. *Voprosy geografii,* (138), 327–345. (Rus.).

Dirin, D.A. (2015). The main approaches to the study of cultural landscapes in Russian cultural geography *Social'no-ekonomicheskaya geografiya*: *Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov*, (4), 24–37. (Rus.).

Dirin, D.A. (2018). The concept of «geocultural space» in public geography. *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov*, (7), 146–160. (Rus.).

Dzhunisova, O.A., Ekeeva, E.V. (2007). Features of the ethnoculture of the Kazakhs of the Kosh-Agach district. In: *Aktual'nye problemy geografii: Materialy IV Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii***.** Gorno-Altaisk, 231–239. (Rus.).

Ekeev, N.V. (Ed.) (2010). *The history of the Altai Republic. Volume II. Gorny Altai as part of the Russian state (1756–1916).* Gorno-Altaisk: NII altaistiki im S.S. Surazakova. (Rus.).

Ekeev, N.V. (Ed.) (2014). *Altaians: An ethnic history. Traditional culture. Modern development*. Gorno-Altaisk: NII Altaistiki im S.S. Surazakova. (Rus.).

Ekeev, N.V. (Ed.) (2022). *Ethnographic Atlas of the Altai Republic.* Gorno-Altaysk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova. (Rus.).

Ekeev, N.V. (Ed.) (2023). *Altai Ethnographic Dictionary.* Gorno-Altaisk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova. (Rus.).

Ekeev, N.V., Enchinov, E.V. (Eds.) (2016). *The economic and cultural complex of the Altai Mountains: transformations and traditions (late XX — early XXI centuries).* Gorno-Altaisk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova. (Rus.).

Funk, D.A. (2000). The number and settlement of Chelkans in the XIX century. In: *Chelkantsy v issledovaniyah i materialah XX veka*. Moscow, 40–65. (Rus.).

Hudyakov, A.A. (1973). *The history of the Altai Krai.* Barnaul: Altajskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).

Kuchuganova, R.P. (2000). *Uymon Old Believers.* Novosibirsk: Sibirskie voprosy. (Rus.).

Lavryashina, M.B., Ulyanova, M.V., Oktyabrskaya, I.V. (2013). Dynamics of interethnic interactions of indigenous peoples of Southern Siberia (demographic aspect). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 1(53), 131–142. (Rus.).

Lefebvre, H. (1991). *The Production of Space.* Transl. by Donald Nicholson Smith. Oxford: Basil Blackwell.

Manakov, A.G. (2002). *The geocultural space of the north-west of the Russian Plain: dynamics, structure, hierarchy.* Pskov: Centr «Vozrozhdenie» pri sodejstvii OCNT. (Rus.).

Nazarov, I.I. (Ed.) (2009). *Traditional knowledge of the indigenous peoples of the Altai-Sayan ecoregion in the field of environmental management: Information and methodical guide. PROON/GEF*. Barnaul: Azbuka. (Rus.).

Oktyabr'skaya, I.V. (1997). Kazakhs of Altai pages of history and modernity. *Etnograficheskoye obozreniye*, (6), 92–102. (Rus.).

Potapov, L.P. (1969). *Ethnic composition and origin of the Altaians: Historical and ethnographic essay*. Leningrad: Nauka. (Rus.).

Rygalov, E.V., Pronina E.V. (2020). Cartographic analysis of the ethnic structure of the population of the Altai Republic. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, 6-16(3), 260–267. (Rus.).

Tadyev, P.E. (2009). The ethnic composition of the pre-revolutionary Altaians and the peculiarities of their administrative structure. In: *Tuba (chernevye tatary): Etnicheskaya istoriya. Tradicionnaya hozyajstvennaya deyatel'nost'. Kul'tura. Etnoekologiya.* Barnaul: Altaj, 56–60. (Rus.).

Vitovtova, G.I., Ivonin, A.R., Divina, N.S. (1999). *Land of Siberia, Altai... Part 1: The ancient period is the first half of the XIX century: Textbook on regional studies*. Barnaul: Altajskij poligraficheskij kombinat. (Rus.).

Дирин Д.А., http://orcid.org/0000-0001-5876-6218
Шиян П.А., http://orcid.org/0009-0000-8052-2746
Гудковских М.В., http://orcid.org/0000-0002-3444-2654

Сведения об авторах:

Дирин Денис Александрович, кандидат географических наук, доцент, директор Школы исследования окружающей среды и общества, Тюменский государственный университет, Тюмень.

Шиян Полина Андеевна, студентка, Тюменский государственный университет, Тюмень.

Гудковских Мария Владимировна, кандидат географических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень.

About the authors:

Dirin, D.A., Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Director of the School for Environmental and Social Studies, University of Tyumen, Tyumen.

Shiyan, P.A., Bachelor of Geography, University of Tyumen, Tyumen.

Gudkovskikh, M.V., Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, University of Tyumen, Tyumen.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-16

УДК 371+305.2

Уваров С.Н. [a], Чернышева Н.В. [b, *]

[a] Удмуртский государственный аграрный университет, ул. Студенческая, 11, Ижевск, 426069
[b] Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1, Москва, 119333
E-mail: sergey.uvarov@mail.ru (Уваров С.Н.); natiche84@mail.ru (Чернышева Н.В.)

ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ ЖЕНЩИН-УДМУРТОК В 1920–1980-е гг.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассматриваются основные тенденции изменения образовательного уровня удмуртских женщин в Удмуртии в 1920–1980-е гг. и его результаты. Авторы выделяют и характеризуют три этапа. В 1920-е гг. важнейшей задачей была борьба с неграмотностью и создание национальных школ. В 1930–1950-е гг. происходит постепенное изменение задач обучения представителей отдельных национальностей. В 1950–1980-е гг. наблюдаются быстрый рост уровня образования удмуртских женщин, в том числе профессионального, размывание этнических и гендерных различий.

Ключевые слова: удмурты, женщины, уровень образования, Удмуртская АССР, советский период.

Ссылка на публикацию: Уваров С.Н., Чернышева Н.В. Динамика образовательного уровня женщин-удмурток в 1920–1980-е гг.: основные тенденции и результаты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 188–196. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-16

Введение

Октябрьская революция 1917 г. открыла женщинам дорогу к массовому получению образования. В результате к 1980-м гг. их образовательный уровень в СССР сравнялся с мужским. Развитию образования в нашей стране в XX в. (в том числе — гендерному аспекту) посвящены труды В.Н. Архангельского, Ю.В. Зинькина, С.Г. Шульгина [2019], Г.А. Будник [2015], Г.М. Ивановой [2017], А.И. Репинецкого [2010a, 2010b], О.А. Хасбулатовой [2003, 2015, 2016] и др. На региональном же уровне тема изучена неравномерно. Особенно актуальной проблема ликвидации неграмотности женщин и последующего повышения их образовательного уровня оказалась в национальных регионах, поскольку ее решение осложнялось незнанием русского языка. В частности, малоизученной темой является повышение уровня образования у удмуртских женщин Удмуртии в 1920–1989 гг. Данной теме посвящены единичные работы О.И. Васильевой и В.С. Воронцова [2019, 2013, 2019], Т.Е. Никулиной [1996], А.П. Обухова [1972], К.А. Пономарева [1975, 1996], Г.Д. Фроловой [1971], Н.А. Шкляевой [1996], однако гендерный аспект в них затронут слабо и не рассматривается образовательный уровень женщин в различных возрастных когортах. Образовательную политику в Удмуртии, в том числе в отношении удмуртских женщин, рассматривала Л.В. Христолюбова [2006]. Отдельные сведения об уровне образования удмуртов приводятся в коллективной монографии «Удмурты: историко-этнографические очерки» [1993], по Удмуртии за 1926 и 1939 гг. — Г.Е. Корниловым [2015], за 1959–1989 гг. — А.И. Ажигуловой, Н.В. Чернышевой, С.Н. Уваровым, А.М. Мацук [Ажигулова и др., 2023; Мацук, 2023; Уваров, 2019].

Актуальность связана не только с малоизученностью темы. Как показали ученые, образовательный уровень может значительно влиять на процессы воспроизводства населения. Особенно сильно от него зависит рождаемость населения [Архангельский, 2006; Бондарская, 1977].

Повышение уровня образования населения, в частности женщин, влекло за собой изменение структуры потребностей, среди которых большее значение приобретали потребности духовные, а также расширение у женщин круга интересов, все сильнее выходящих за рамки узкосемейных. Непременное следствие этих перемен — рост занятости женщин в общественном производстве, в том числе на квалифицированных и высококвалифицированных работах, когда существенное значение приобретали уже моральные стимулы к труду. С ростом культурного уровня населения повышались требования и к уходу за детьми, их воспитанию [Бондарская, 1977, с. 72]. Значительное повышение образовательного уровня населения (особенно у женщин) прямо влияло на демографическую си-

* Corresponding author.

туацию, способствуя переходу к иному типу рождаемости, также оказывало влияние на младенческую смертность, общую смертность, брачное состояние.

Цель исследования — определить основные тенденции изменения образовательного уровня удмуртских женщин в Удмуртии в 1920–1980-е гг. и его результаты. Методологической основой является теория модернизации. Переход от традиционного общества к современному рассматривается свозь призму культурных изменений, происходивших в советском обществе, важнейшей составляющей которых являлось повышение уровня образования населения. Авторы использовали общенаучные методы (анализа, обобщения, описания, систематизации), специально-исторические методы (историко-хронологический, историко-генетический и историко-системный), а также статистические методы, применяемые в демографии. Основными источниками исследования послужили материалы переписей населения, в том числе неопубликованные (Всероссийская перепись населения 1920 г., Всесоюзные переписи населения 1926 г., 1939 г., 1959 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г.). Часть документов, содержащих сведения о населении, впервые вводится в научный оборот.

Результаты исследования

Основываясь на этнодемографической статистике и исследованиях, посвященных уровню образования населения СССР в целом и проблемам образования отдельных народов, можно выделить три этапа.

1 этап — установление большевистской власти — 1920-е годы. В данный период важнейшей задачей советской власти были борьба с неграмотностью населения и создание национальных школ. Низкий уровень образования удмуртских женщин не оказывал существенного влияния на рождаемость. Сохранялся традиционный тип воспроизводства.

К моменту прихода к власти большевиков подавляющее большинство женщин региона были неграмотными. Перепись 1920 г. в Вотской автономной области выявила всего 22,1 % грамотных, но их распределение было очень неравномерным. В сельской местности, где проживало более девяти десятых населения области, у мужчин было 34,1 % грамотных, а у женщин — лишь 13,3 %, в городах — 73,3 и 58,9 % соответственно. Среди удмуртского населения грамотными являлись всего 14,7 % [Вотская автономная область…, 1926, с. 15]. У удмурток грамотных насчитывалось еще меньше — 6,3 % [Никулина, 1996, с. 72]. Одна из важнейших причин заключалась в том, что в дореволюционной России среди восточно-финских народов отсутствовала система обучения на родном языке [Васильева, Воронцов, 2013, с. 70, 75]. Ситуация кардинально изменилась после Октябрьской революции 1917 г. К 1920 г. на территории Сарапульского, Елабужского, Глазовского, Малмыжского уездов Вятской губернии, где преимущественно проживали удмурты, было открыто 176 удмуртских школ. Тем не менее до 40 % детей школьного возраста оставались вне школы, около 500 тыс. удмуртов не знали грамоты [Васильева, 1999, с. 89]. По переписи 1926 г., в Вотской автономной области доля грамотных насчитывала уже 33,0 %. Среди мужчин области грамотность была распространена сильнее (47,3 %), у женщин этот показатель равнялся 20,6 % [ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 62 а, л. 3]. У удмуртов грамотность тоже несколько выросла и составила 25,5 %, в том числе 11,9 % среди женщин [Удмурты…, 1993, с. 342]. Однако образовательный уровень рос в основном за счет молодых, старшие поколения продолжали оставаться неграмотными. Особенно низкой доля грамотных была в сельской местности у женщин в возрасте 50 лет и старше — всего 2,8 %. Среди уральских регионов это был самый низкий уровень [Корнилов, 2015, с. 36].

2 этап — 1930–1950-е годы. Происходит постепенное изменение задач обучения представителей отдельных национальностей. Так, начавшаяся в конце 1920-х гг. форсированная индустриализация потребовала грамотных кадров. Основной задачей национальной школы теперь являлась подготовка детей нерусских национальностей к обучению в русскоязычной школе. Показатель уровня грамотности населения увеличивался, в том числе среди представителей отдельных народов, образовательный уровень женщин постепенно повышался. Разрыв в образовательном уровне мужчин и женщин сохраняется, в том числе между сельскими и городскими жителями и представителями отдельных национальностей.

С 1930/1931 учебного года было введено обязательное начальное обучение детей. В 1930-е гг. в образовательной и языковой политике произошли изменения вследствие ужесточения политического режима. После фабрикации в 1932–1933 гг. «дела СОФИН»[1], арестов деятелей удмуртского просвещения (К.П. Герд, М.Н. Тимашев, И.Г. Векшин и др.) учебные планы удмуртских школ были пересмотрены в сторону увеличения количества занятий по русскому языку. Даль-

[1] «Союз освобождения финских народностей».

нейший перевод национальных школ на русский язык обучения был простимулирован постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [ЦК ВКП (б)…, 2009, с. 391–394].

По итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г. в целом по Удмуртской АССР грамотность населения в возрасте от 9 до 49 лет составляла 87,1 %, у удмуртов — 81,2 %. Среди мужчин-удмуртов уровень грамотности был значительно выше и составлял 94,3 %, у женщин-удмурток — 70,1 %. Уровень грамотности старших поколений по-прежнему был низким. В целом по республике он составлял 30,4 %, у удмуртов — 17,2 %. Удмуртские женщины в возрасте 50 лет и старше были практически неграмотными — 3,6 % [Всесоюзная перепись… 2002, с. 81, 88].

Во время Великой Отечественной войны на фронт ушли многие квалифицированные учителя-удмурты. Возникший дефицит кадров не мог быть восполнен сократившимся выпуском из педучилищ. В результате во многих школах обучение было переведено на русский язык с пятого класса, а в некоторых — уже с первого. В отдельных школах из-за отсутствия учителей удмуртский язык совсем не преподавался. Необходимо отметить, что война прервала в целом развитие общеобразовательной школы. Работа на производстве и в сельском хозяйстве, отсутствие необходимой одежды и обуви, полуголодное существование стали основными причинами отсева учащихся из школ [Репинецкий, 2010а, с. 64]. Задача возвращения детей в школы была поставлена еще в период Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы шли восстановительные процессы. К проблеме ликвидации неграмотности вернулись в 1958 г. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ликвидации неграмотности среди населения» от 4 января 1958 г. отмечалось наличие в некоторых районах страны значительного числа неграмотных и малограмотных [Там же, с. 66]. На основании изученных документов ЦСУ СССР Г.М. Иванова отмечает, что данных о количестве неграмотных в СССР до проведения послевоенной переписи населения руководство страны не имело [2017, p. 32]. Всесоюзная перепись населения 1959 г. засвидетельствовала снижение образовательного уровня населения у представителей тех возрастных категорий, чья юность пришлась на годы Великой Отечественной войны [Репинецкий, 2010а, с. 64]. В послевоенные годы уделялось особое внимание развитию вечернего образования. В школах рабочей молодежи в основном обучались учащиеся 5–7 классов, но вечернее образование не смогло полностью решить проблему резкого снижения образовательного уровня населения. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., уровень образования удмуртов был ниже, чем по республике в целом, на всех его ступенях (табл. 1). Стоит отметить, что перепись выявила 10 402 неграмотных в возрасте 9–49 лет. Из них удмуртов было 4507 чел. (мужчин — 622 и женщин — 3885), или 43,3 %, что явно превосходило их долю в национальном составе населения республики. В более старшем возрасте удельный вес представителей титульной национальности среди не умеющих читать и писать был еще больше. Из 83 450 неграмотных в возрасте 50 лет и старше насчитывалось 40 648 удмуртов, или 48,7 % [ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 254, л. 2, 5, 6].

Таблица 1

Образовательный уровень населения Удмуртской АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.

Table 1

Educational level of the population of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic according to the All-Union Population Census of 1959

Образование	Все национальности		Удмурты	
	чел.	‰	чел.	‰
Высшее	14422	11	1950	4
Незаконченное высшее	9039	7	2356	5
Среднее специальное	4583	34	9520	20
Среднее общее	42 694	32	9417	20
Семилетнее и незаконченное среднее	201 998	151	65 999	138

Примечание. Составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 254, л. 2–3.

По-прежнему сохранялись гендерные различия в уровне образования удмуртов. Если у мужчин титульной национальности грамотность в возрасте 9 лет и старше достигла 97,1 %, то у удмурток она равнялась 80,9 %. Значительные отличия имелись в старшем возрасте. Напри-

мер, в возрасте 50 лет и старше у удмурток доля грамотных составляла 35,9 %, в то время как у мужчин этой национальности она равнялась 83,0 % [ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 254, л. 2].

3 этап — конец 1950-х — 1980-е гг. — быстрый рост уровня образования населения, в том числе профессионального. Снижение различий в образовательном уровне представителей отдельных народов. Принятый 16 апреля 1959 г. в РСФСР закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР» предоставил родителям право выбора школы [Закон РСФСР…, 1959]. Большая часть национальных школ была переведена на русский язык обучения. С одной стороны, это служило предпосылкой языковой ассимиляции. С другой стороны, лучшее знание русского языка помогло впоследствии народам получать среднее специальное и высшее образование. В 1960-е гг. в СССР была поставлена задача перехода к всеобщему среднему образованию, была расширена сеть учебных заведений профессионального образования, увеличен объем приема в высшие и средние специальные учебные заведения [Репинецкий, 2010b, с. 356]. Выполнение народнохозяйственных задач требовало квалифицированных кадров.

К 1979 г. уровень образования населения Удмуртской АССР несколько подтянулся к общероссийскому показателю, но продолжал ему уступать. В республике на 1000 жителей в возрасте 10 лет и старше приходилось 635 лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием, а в РСФСР — 645 чел. Среднее общее образование имели в РСФСР 188 чел., неполное среднее — 255 чел., начальное — 239 чел. В Удмуртии из каждой 1000 населения в возрасте 10 лет и более со средним общим образованием насчитывалось 203 чел., с неполным средним — 268 чел., начальным — 248 чел. [Численность и состав населения СССР…, 1985, с. 42].

В 1989 г. в Удмуртской АССР удельный вес населения с высшим и средним (специальным, полным и неполным) образованием составил 807 чел. на 1000 жителей в возрасте 15 лет и старше (за этот год статистические органы составляли отчеты в основном в отношении такой категории), тем самым превысив аналогичный показатель по РСФСР (правда, всего на 1 чел.). Больше в республике была доля лиц со средним общим (318 чел.) на 1000 и неполным средним (219 чел.) образованием. Лиц с начальным образованием (129 чел.) было столько же, сколько и в России. Практически идентична общероссийской была доля тех, кто не имел начального образования (65 чел.).

Соотношение образовательного уровня мужчин и женщин в Удмуртии было почти таким же, как в России. У мужчин доля лиц с высшим и средним (специальным, полным и неполным образованием) была равна 864 чел., у женщин — 760 чел. Удельный вес лиц с высшим образованием (92 чел.) у мужчин и женщин совпадал, уступая общероссийскому показателю. С незаконченным высшим образованием у мужчин насчитывалось 13 чел., у женщин — 14 чел. на 1000 населения. Среди лиц, имевших среднее специальное образование, Всесоюзная перепись населения 1989 г. в Удмуртской АССР выявила значительное преобладание женщин (195 чел.) над мужчинами (127 чел.), при этом и у тех, и у других доли были меньшие, чем в РСФСР. У мужчин выше был удельный вес лиц со средним общим образованием (385 чел. против 263 чел. у женщин) и неполным средним образованием (247 чел. против 196 чел.). С начальным образованием больше было женщин (141 чел. против 114 чел. у мужчин), без образования — тоже их (99 чел. против 23 чел. у мужчин).

В 1960–1980-е гг. образовательный уровень удмурток значительно вырос. Особенно заметен рост уровня профессионального образования, что было обусловлено расширением выпуска существовавших на территории республики высших и средних специальных учебных заведений. Так, всего за три десятилетия доля удмуртских женщин с высшим образованием увеличилась более чем в 10 раз: с 5 чел. до 52 чел. на каждую тысячу в возрасте 10 лет и старше (в табл. 1 расчет представлен на тысячу населения). У сельских удмурток прогресс был существеннее и означал практически пятнадцатикратное увеличение удельного веса закончивших вузы (табл. 2). По доле лиц с высшим образованием удмуртские женщины сравнялись с мужчинами, а в сельской местности даже значительно опередили их.

Удмуртские женщины стали преобладать и среди тех, кто имел среднее специальное образование, причем как в городах, так и на селе. В 1989 г. в деревнях среди удмуртских женщин можно было встретить обладателей диплома техникума почти в 2 раза чаще, нежели среди мужчин. Гендерные особенности образовательного уровня у удмуртов были почти такими же, как у всего населения Удмуртии, хотя значения, конечно, различались. В 1989 г. у женщин была выше доля лиц с незаконченным высшим, средним специальным, начальным образованием, у мужчин — со средним общим и неполным средним. По доле лиц с высшим образованием к концу рассматриваемого времени наблюдался паритет (табл. 3).

Таблица 2

Уровень образования удмуртов Удмуртской АССР в возрасте 10 лет и старше (по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.), в ‰

Table 2

Level of education of udmurts of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic aged 10 years and older (according to the All-Union Population Censuses of 1959, 1970, 1979, 1989), in ‰

Пол	Год переписи	Имеют образование						
		высшее	незаконч. высшее	среднее специальное	среднее общее	неполное среднее	начальное	не имеют начального образования
Городское и сельское население								
Мужчины	1959	7	8	29	32	237	463	224
	1970	18	10	32	74	295	415	154
	1979 *	32	10	53	210	349	294	52
	1989	52	8	90	371	244	202	33
Женщины	1959	5	6	27	25	166	300	470
	1970	13	6	44	56	219	316	343
	1979 *	26	9	80	157	250	279	198
	1989	52	11	154	240	199	227	117
Городское население								
Мужчины	1959	18	16	43	70	303	420	130
	1970	32	19	46	132	357	323	89
	1979*	49	18	69	280	348	204	31
	1989	68	12	109	413	224	153	21
Женщины	1959	11	14	42	62	248	306	316
	1970	22	13	55	118	305	259	226
	1979*	36	15	96	261	268	195	129
	1989	62	16	169	314	192	168	79
Сельское население								
Мужчины	1959	4	6	25	22	218	475	250
	1970	12	5	26	47	266	457	185
	1979 *	22	5	42	166	350	350	65
	1989	38	6	74	336	260	243	43
Женщины	1959	3	4	24	16	148	298	506
	1970	10	4	39	31	183	339	392
	1979 *	21	5	70	91	237	333	242
	1989	44	6	141	175	205	279	150

Примечание. Составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 491, л. 21; д. 604, л. 5, 7, 41, 43, 77, 79; д. 1087, л. 13, 23, 43, 53, 73, 83.

* Сведения получены расчетным путем.

Таблица 3

Уровень образования населения Удмуртской АССР в возрасте 15 лет и старше по данным Всесоюзной переписи 1989 г., в ‰

Table 3

Level of education of the population of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic aged 15 years and older according to the All-Union Census of 1989, in ‰

Уровень образования	Все национальности						Удмурты					
	Всего		Городское население		Сельское население		*Всего*		Городское население		Сельское население	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Высшее	92	92	112	108	45	53	57	57	75	66	42	49
Незаконченное высшее	13	14	15	17	7	8	9	12	13	17	6	7
Среднее специальное	127	195	144	209	86	160	100	167	119	181	83	155
Среднее общее	385	263	394	292	364	192	412	260	450	335	379	192
Неполное среднее	247	196	229	189	289	214	266	212	240	202	288	221
Начальное	114	141	90	111	171	214	131	173	89	120	168	221
Не имеющие начального образования	23	99	16	74	38	160	25	119	14	79	34	155

Примечание. Составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 1087, л. 13, 23, 43, 53, 73, 83; Всесоюзная перепись населения 1989 г. … (дата обращения: 24.01.2024).

Среди удмуртов — городских жителей доля женщин с высшим образованием была ниже, чем среди мужчин (66 ‰ против 75 ‰), и, наоборот, в сельской местности доля женщин-удмурток с высшим образованием была выше, чем доля мужчин-удмуртов (49 ‰ против 42 ‰). Объясняется подобное, скорее всего, профессиональными особенностями. То есть в городах было много инженерных работников, как правило, мужчин. В деревнях большую долю лиц с высшим образованием давали «женские» профессии (учителя, врачи). Например, в 1989 г. у удмуртов в городах республики в промышленности было занято 33 369 мужчин и 30 305 женщин, а в народном образовании — соответственно 1443 и 7633 чел. На селе в промышленности работало 7666 мужчин и 5272 женщины, в народном образовании — соответственно 1999 и 10 813 чел. [ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 1090, л. 9, 10, 12, 13]. Несмотря на высокие темпы роста уровня образования удмуртов за 70-летний период так и не удалось достичь среднего показателя по республике по числу лиц с высшим образованием. На наш взгляд, причина заключается в начальном низком уровне. В 1989 г. старшие поколения удмуртов в основном были без высшего образования, и это влияло на общую статистику у титульной нации. Так, в 1989 г. в УАССР на 1000 чел. в возрасте 70 лет и старше приходилось 24 русских и только 11 удмуртов [ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 1087, л. 3, 5]. Очевидно, что со временем уровень удмуртов будет подтягиваться к общереспубликанскому.

Как и у населения Удмуртии в целом, у удмуртов была большей доля женщин без начального образования. Даже в 1989 г. на каждую 1000 населения в возрасте 15 лет и старше у удмуртов приходилось 119 женщин против 25 мужчин, т.е. почти в пять раз больше. Особенно много удмурток без образования оставалось в сельской местности (155 чел.). Большинство женщин без начального образования было в возрасте от 70 лет и старше — у удмурток этот показатель равнялся 707 чел. на каждую 1000 населения среди десятилетних и старше. Любопытно, что в возрасте 65–69 лет доля не имеющих даже начального образования равнялась уже 206 чел., а у тех, кто был моложе, удельный вес был еще меньше. То есть и тут рубеж в 70 лет являлся переломным. В сельской местности ситуация выглядела еще показательнее. Доля тех, кто не имел начального образования, у удмурток — жительниц села в возрастной категории 65–69 лет равнялась 245 чел., а 70-летних и старше — 763 чел. на 1000 населения в возрасте 10 лет и старше [ЦГА УР. Ф. Р-845, д. 1087, л. 23, 83].

Заключение

Таким образом, в начале рассматриваемого периода большая часть населения Вотской автономной области была неграмотной. Особенно много не умеющих читать и писать было среди селян и женщин. Удельный вес неграмотных значительно превышал аналогичный показатель в целом по России. Благодаря образовательной политике большевиков, в том числе за счет создания национальной школы, число грамотных стремительно росло. Обучение грамоте в меньшей степени затронуло сельских жителей средних и старших возрастов. Данный факт будет влиять на структуру уровня образования удмуртов на протяжении всего изучаемого периода. Грамотность у женщин была распространена значительно меньше, чем у мужчин. В 1939 г. среди удмуртов в возрасте от 9 лет и старше мужчин — 85,0 %, среди удмурток — 56,9 %. К 1959 г. доли грамотных увеличились, но у удмуртских женщин по-прежнему уровень образования был ниже. Если у мужчин титульной национальности грамотность достигла 97,1 %, то у удмурток она равнялась 80,9 %. С конца 1950-х по 1980-е гг. после преодоления последствий Великой Отечественной войны происходил быстрый рост образовательного уровня удмуртских женщин, в том числе профессионального. К концу 1980-х гг. произошел существенный сдвиг в показателях уровня образования жителей региона. Во-первых, уровень образования мужчин и женщин практически достиг показателей по РСФСР в целом. Во-вторых, наблюдается размывание этнических различий в образовательном уровне. В-третьих, отмечается паритет в уровне образования мужчин и женщин, но появляются различия в ступенях образования. Женщины преобладали среди лиц с высшим, незаконченном высшим, средним специальным образованием и среди лиц, не имеющих начального образования. В-четвертых, сохраняются возрастные различия в уровне образования.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604, https://rscf.ru/project/23-28-01604/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ажигулова А.И., Чернышева Н.В., Уваров С.Н. Динамика брачного состояния удмуртов Удмуртии в 1959–1989 гг. // Финно-угорский мир. 2023. № 3. С. 301–309. https:// doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309

Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с.

Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 1. С. 21–39. https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00002

Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР: (Этнодемографический аспект). М.: Статистика, 1977. 128 с.

Будник Г.А. Высшее инженерно-техническое образование женщин: История и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. С. 37–44.

Васильева О.И. Удмуртская интеллигенция: Формирование и деятельность. 1917–1941 гг. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 209 с.

Васильева О.И., Воронцов В.С. Национальная школа в Удмуртии: история и современность // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 2. С. 70–85.

Васильева О.И., Воронцов В.С. «...Как свет для горного растения»: Кузебай Герд о значении и задачах дошкольного воспитания удмуртских детей // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 2. С. 258–273. https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-258-273

Иванова Г.М. Государственная политика ликвидации неграмотности в СССР в 1950–1960-е гг. // Oriental Studies. 2017. Vol. 29. № 1. P. 27–37. https:// doi.org/10.22162/2075-7794-2017-29-1-27-37

Корнилов Г.Е. Индекс грамотности сельского населения Урала в 1897–1939 гг. // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19-1. С. 28–41.

Мацук А.М. Специалисты среднего звена в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 1. С. 53–64. https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.01.53-64

Никулина Т.Е. Становление и развитие советской системы начального школьного образования (1920–1934 гг.) // Из истории народного образования в Удмуртии. Ижевск: Изд-во Удмуртского ИУУ, 1996. С. 66–86.

Обухов А.П. Народное образование в Удмуртской АССР: (1917–1970 гг.). Ижевск: Удмуртия, 1972. 231 с.

Пономарев К.А. Ко всеобщему среднему. Ижевск: Удмуртия, 1975. 170 с.

Пономарев К.А. Развитие народного образования Удмуртии в 70–80-х годах // Из истории народного образования в Удмуртии. Ижевск: Изд-во Удмуртского ИУУ, 1996. С. 101–118.

Репинецкий А.И. Война и образовательный уровень населения России // Российская история. 2010a. № 4. С. 63–69.

Репинецкий А.И. Грамотность и образовательный уровень российского населения в 1960–1970-е гг. // Труды Института российской истории РАН. 2010b. № 9. С. 354–373.

Уваров С.Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг. Ижевск: Ижевская ГСХА, 2019. 283 с.

Удмурты: Историко-этнографические очерки / Науч. ред. В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.

Фролова Г.Д. Из истории удмуртской школы. Ижевск: Удмуртия, 1971. 156 с.

Хасбулатова О.А. Женщины и образование в России: Исторический обзор (1860–2000 гг.) // Женщина в российском обществе. 2003. № 1–2. С. 31–35.

Хасбулатова О.А. Профессиональное образование мужчин и женщин в России в 1918–2015 гг.: Историко-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. С. 3–16.

Хасбулатова О.А. Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 3–15. https:// doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.1

Христолюбова Л.С. Женщина в удмуртском обществе, XVIII — начало XXI в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 328 с.

Шкляева Н.А. Развитие общего образования в Удмуртии в 1945–1965 гг. // Из истории народного образования в Удмуртии. Ижевск: Изд-во Удмуртского ИУУ, 1996. С. 87–100.

ИСТОЧНИКИ

Вотская автономная область: Природа, культура, хозяйство, 1921–1926. Ижевск: Изд. Облисполкома, 1926. 34 с.

Всесоюзная перепись населения 1989 г.: Все население, городское, сельское в возрасте 15 лет и старше СССР, РСФСР, ее автономных республик, автономных областей и округов, краев и областей по уровню образования и полу. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_89.php?reg=55 (дата обращения: 24.01.2024).

Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сб. материалов / Сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.

Закон РСФСР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР» от 16 апреля 1959 г. URL: https://base.garant.ru/71031164/ (дата обращения: 24.01.2024).

Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 62 а, 254, 491, 604, 1087, 1090.

ЦК ВКП (б) и национальный вопрос: В 2 кн. Кн. 2: 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1094 с.

Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г: Статистический сборник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1985. 366 с.

Uvarov S.N. [a], Chernysheva N.V. [b, *]

[a] Udmurt State Agrarian University
Studencheskaya st., 11, Izhevsk, 426069, Russian Federation
[b] Institute for Demographic Research of the FRSC RAS
Fotieva st., 6, bldg. 1, Moscow, 119333, Russian Federation
E-mail: sergey.uvarov@mail.ru (Uvarov S.N.); natiche84@mail.ru (Chernysheva N.V.)

Dynamics of the educational level of Udmurt women in the 1920s–1980s: main trends and results

The paper presents the study of the educational level of Udmurt women in the 1920s–1980s. The methodology of the study is based on the theory of modernisation. The transition from the traditional society to modern is considered through the prism of the cultural changes that took place in the Soviet society, the most important component of which was the increase of the level of education within the population. The authors used general scientific methods (analysis, generalisation, description, systematisation), special-historical methods (historical-chronological, historical-genetic and historical-systematic), as well as statistical methods used in demography. As the main sources, the study employed population census materials, including those unpublished (Russian Census of 1920 and Soviet Censuses of 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, and 1989). Some of the documents containing information about the population are introduced into scientific discourse for the first time. The authors distinguish and characterise 3 stages. In the 1920s, the most important objective was to combat illiteracy and create national schools. It is concluded that the level of education of the Udmurt population, especially Udmurt village women, was significantly lower than that in the region and in the Russian Republic in general. This tendency would manifest itself throughout the entire study period. In the 1930s–1950s, there was a gradual change of the objectives of educating people of particular nationalities, among other, under the influence of the wartime factors. In the 1950s–1980s, there was a gradual increase in the level of education of Udmurt women, including professional education, and dilution of ethnic and gender differences, whilst the age differences in the level of education remained.

Keywords: udmurts, women, level of education, Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic, Soviet period.

Funding. The research was carried out through a grant from the Russian Science Foundation No 23-28-01604, https://rscf.ru/en/project/23-28-01604/

REFERENCES

Azhigulova, A.I., Chernysheva, N.V., Uvarov, S.N. (2023). Dynamics of the marital status of the udmurts of Udmurtia in 1959–1989. *Finno-ugorskiy mir*, (3), 301–309. (Rus.). https:// doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309

Arkhangel'skiy, V.N., Zin'kina, YU.V., Shul'gin, S.G. (2019). Fertility in women with different levels of education: current status and forecast scenarios. *Narodonaseleniye*,22 (1), 21–39. (Rus.). https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00002

Arkhangel'skiy, V.N. (2006). *Fertility factors*. Moscow: TEIS. (Rus.).

Bondarskaya, G.A. (1977). *Fertility in the USSR: (Ethnodemographic aspect).* Moscow: Statistics. (Rus.).

Budnik, G.A. (2015). Higher engineering and technical education of women: History and current trends. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (3–4), 37–44. (Rus.).

Frolova, G.D. (1971). *From the history of the Udmurt school.* Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).

Ivanova, G.M. (2017). State policy of eliminating illiteracy in the USSR in the 1950s–1960s. *Oriental Studies*, 29 (1), 27–37. (Rus.). https:// doi.org/10.22162/2075-7794-2017-29-1-27-37

Khasbulatova, O.A. (2003). Women and education in Russia: historical review (1860–2000). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (1–2), 31–35. (Rus.).

Khasbulatova, O.A. (2015). Professional education of men and women in Russia in 1918–2015: Historical and sociological analysis. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (3–4), 3–16. (Rus.).

Khasbulatova, O.A. (2016). Gender aspects of the development of STEM education in Russia. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestv*, (3), 3–15. (Rus.). https:// doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.1

Khristolyubova, L.S. (2006). *Woman in Udmurt society, XVIII — early XXI centuries.* Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (Rus.).

Kornilov, G.Ye. (2015). Literacy index of the rural population of the Urals in 1897–1939. *Istoriko-pedagogicheskiye chteniya*, (19-1), 28–41. (Rus.).

Matsuk, A.M. (2023). Mid-level specialists in the Finno-Ugric republics of the RSFSR in the second half of the 1950s – early 1960s. *Finno-ugorskiy mir*, 15 (1), 53–64. (Rus.). https:// doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.01.53-64

Nikulina, T.E. (1996). Formation and development of the Soviet system of primary school education (1920–1934). *Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Udmurtii.* Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo IUU, 66–86. (Rus.).

* Corresponding author.

Obukhov, A.P. (1972). *Public education in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic: (1917–1970).* Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).

Pimenov, V.V. (Ed). (1993). *Udmurts: Historical and ethnographic essays*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN.. (Rus.).

Ponomarev, K.A. (1975). *Towards the universal average*. Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).

Ponomarev, K.A. (1996). Development of public education in Udmurtia in the 70–80s. In: *Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Udmurtii.* Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo IUU, 101–118. (Rus.).

Repinetskiy, A.I. (2010a). War and the educational level of the population of Russia. *Rossiyskaya istoriya,* (4), 63–69. (Rus.).

Repinetskiy, A.I. (2010b). Literacy and educational level of the Russian population in the 1960–1970s. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*, (9), 354–373. (Rus.).

Shklyaeva, N.A. (1996). Development of general education in Udmurtia in 1945–1965. In: *Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Udmurtii.* Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo IUU, 87–100. (Rus.).

Uvarov, S.N. (2019). *Ethnodemographic processes in Udmurtia in 1959–1989*. Izhevsk: Izhevskaya GSKhA. (Rus.).

Vasil'yeva, O.I. (1999). *Udmurt intelligentsia*: *Formation and activity. 1917–1941.* Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (Rus.).

Vasil'yeva, O.I., Vorontsov, V.S. (2013). National school in Udmurtia: History and modernity. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, (2), 70–85. (Rus.).

Vasil'yeva, O.I., Vorontsov, V.S. (2019). "...Like light for a mountain plant": Kuzebay Gerd on the significance and tasks of preschool education of Udmurt children. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 13(2), 258–273. (Rus.). https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-258-273

Уваров С.Н., https://orcid.org/0000-0002-6451-9245
Чернышева Н.В., https://orcid.org/0000-0002-1492-5368

Сведения об авторах:

Уваров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск.

Чернышева Наталья Викторовна, доктор исторических наук, доцент, руководитель отдела исторической демографии, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва.

About the authors:

Uvarov, S.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the department, Udmurt State Agrarian University, Izhevsk.

Chernysheva, N.V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Historical Demography, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FRSC RAS, Moscow.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-17

УДК 930:316.7

Агапов М.Г.

Тюменский государственный университет, ул. Ленина, 23, Тюмень, 623000
E-mail: magapov74@gmail.com

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ СИДОРОВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ: К 200-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ, МЕЦЕНАТА, «РЕВНИТЕЛЯ СЕВЕРА»

Реконструированы основные этапы эволюции образа крупного российского предпринимателя, исследователя европейского и сибирского Севера России, энтузиаста установления морского пути в Сибирь, Михаила Константиновича Сидорова (1823–1887 гг.) в историографии, мемуарной, научно-популярной и художественной литературе и медийной сфере. Показана роль самого М.К. Сидорова в формировании его биографического канона. Прояснены мотивы, лежащие в основе проводившихся в разное время кампаний по популяризации фигуры М.К. Сидорова. Выявлены и проанализированы основные топосы оценки личности, жизни и деятельности М.К. Сидорова: «неуслышанный пророк», «ревнитель Севера», «предприниматель-бессребреник», «прогрессивный капиталист», «выдающийся дилетант» и др. Обоснована необходимость критического поворота в изучении жизни и трудов М.К. Сидорова. В частности, предложены варианты более широкой контекстуализации и более сфокусированной проблематизации исследований северного предпринимательства в поздней Российской империи. Весьма продуктивным представляется обращение к исследовательским программам глобальной истории, новой имперской истории, исторической антропологии. Нельзя забывать, что М.К. Сидоров действовал в эпоху множественной трансформации Российской империи, его деятельность, на наш взгляд, интересна именно тем, что являлась важной частью трансимперских и глобальных процессов.

Ключевые слова: освоение Севера, Северный морской путь, история предпринимательства, русский позднеимперский национализм, советский патриотизм, краеведение.

Ссылка на публикацию: Агапов М.Г. Михаил Константинович Сидоров глазами современников и потомков: к 200-летнему юбилею предпринимателя, мецената, «ревнителя Севера» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 197–208. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-17

Введение

В 2023 году отмечался 200-летний юбилей неординарного предпринимателя, мецената и общественного деятеля Михаила Константиновича Сидорова (16 марта 1823 г. — 12 июля 1887 г.). Перечень его достижений — и провалов! — может быть очень долгим, но если суммировать основные результаты, то без всякого преувеличения можно сказать: М.К. Сидоров изобрел Северный морской путь. Во многом поэтому сегодня, когда Арктика вновь входит в актуальную международную повестку, интерес к фигуре М.К. Сидорова заметно возрастает. К юбилею предпринимателя в г. Мезень Архангельской области прошли посвященные ему IV Межрегиональные научные «Поморские чтения», а в Новосибирске состоялась Всероссийская научная конференция «Замечателен по многостороннему уму, предприимчивости, деятельности, неистощимой изобретательности»: предприниматель на русском фронтире (к 200-летию со дня рождения купца, благотворителя, «ревнителя Севера» Михаила Константиновича Сидорова). Как часто бывает в подобных случаях, личность юбиляра идеализируется и даже приобретает агиографические черты. Целью данной статьи является анализ рецепции образа М.К. Сидорова его современниками и потомками в мемуаристике, научной и научно-популярной литературе, медийной сфере. Такой анализ представляется необходимым в силу того огромного влияния, которое общественно-политический образ М.К. Сидорова оказывает на исследователей его жизни и деятельности. Где находятся истоки современных оценок роли М.К. Сидорова в деле освоения российской Арктики? Как его фигура переосмысливалась на разных исторических этапах? Наконец, какие подходы к изучению северного предпринимательства в поздней Российской империи представляются на сегодняшний день наиболее интересными и продуктивными? Ответам на эти вопросы посвящена данная статья.

М.К. Сидоров относится к числу людей, о которых говорят, что они сделали себя сами. Выходец из архангельской купеческой среды, благодаря своим талантам, упорству, а иногда и не всегда законной предпринимательской хитрости он стал крупным сибирским золотопромыш-

ленником и вложил все свои средства в целый ряд проектов по освоению Севера России. Больше всего сил, времени и средств он уделил открытию морского пути из Европы в Сибирь. Идея такого пути возникла у М.К. Сидорова в начале 1860-х гг., когда он обнаружил крупные месторождения графита на притоках Енисея Нижней Тунгуске и Курейке. В 1863 г. М.К. Сидоров выкупил за 120 000 руб. у своего тестя, купца В.Н. Латкина, оказавшуюся на грани банкротства Печорско-Обскую компанию, с помощью которой рассчитывал наладить экспорт енисейского графита в Европу через Печорский порт [Агапов, 2023a].

Современники — кто-то с иронией, а кто-то с искренним восторгом — называли М.К. Сидорова «ревнителем Севера», «ратоборцем за Север России» и «стражем Севера России». Одни восхищались его «совершенно американском духом предприимчивости» [НИОР РГБ, 1865, л. 105]), другие, как адмирал Ф.П. Литке, считали, что проект М.К. Сидорова по открытию морского пути в Сибирь «принадлежит к числу вещей невозможных» [Отзыв…, 1863, с. 176]. В целом, по свидетельству П.А. Кропоткина, бывшего в 1868–1871 гг. секретарем Отделения физической географии Императорского Русского географического общества, «в руководящих высших сферах только смеялись над этими стремлениями бедного Сидорова» [Кропоткин, 1906, с. 193]. Хотя в коммерческом отношении М.К. Сидоров потерпел неудачу, он прославился как меценат и общественный деятель. Солидные суммы были пожертвованы им на призрение сирот и народное образование, в том числе на Сибирский университет. М.К. Сидоров использовал все доступные ему институты — от печати до разнообразных предпринимательских и научных объединений, чтобы донести свои идеи до широкой публики [Сидоров, 1882, с. 301–321].

В 1874 г. по контракту с М.К. Сидоровым английский капитан и предприниматель Дж. Виггинс прошел на пароходе «Диана» через Карское море в Обскую губу и далее до меридиана Енисейского залива. В 1875 г. шведский ученый А.Э. Норденшельд впервые достиг устья Енисея на судне «Превен». На следующий год туда пришли уже два корабля: «Имер» Норденшельда и зафрахтованная сибирским купцом А.М. Сибиряковым английская паровая шхуна «Темза» под управлением Дж. Виггинса. В 1877 г. капитан Д.И. Шваненберг сумел доставить на приобретенном М.К. Сидоровым судне «Утренняя заря» партию енисейского графита в С.-Петербург, положив тем самым «начало соединению Сибири прямым морским путем с русскими портами в Балтике» [АВПРИ, 1877, л. 35]. Таким образом, дело всей жизни М.К. Сидорова, по его собственному мнению, было исполнено [Сидоров, 1882, с. I]. В 1882 г. он издал в С.-Петербурге «Труды для ознакомления с Севером России М. Сидорова», в которых подвел итоги своей деятельности:

> Рассмотрев свою деятельность, я с прискорбием должен сказать, что в течение 20 лет не встречал себе содействия; администрация мне противодействовала, хотя я и не просил ни привилегий, ни пособий [Там же].

Уже в этих словах М.К. Сидоров шел наперекор очевидным фактам. На самом деле он постоянно выпрашивал себе у правительства привилегии и пособия [Агапов, 2023a, 2023b]. Не вызывают сомнения в приведенной цитате лишь слова М.К. Сидорова о его упорстве и безграничном расходовании личных средств (обернувшемся неподъемными долгами) в деле реализации различных северных проектов. Трехсотстраничный том «Трудов…» представлял собой своего рода портфолио М.К. Сидорова как предпринимателя, исследователя Севера России и мецената. Фактически это был готовый сборник материалов для его биографии. Со временем парадная биография М.К. Сидорова, рассказанная им самим, стала главным источником для его первых биографов, а труды первых биографов — главным источником для последующих поколений историков.

В 1882 г. ближайший соратник М.К. Сидорова, автор популярных сочинений по географии России, Ф.Д. Студитский опубликовал «Историю открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива». Стимулом к ее написанию послужило открытие в 1878–1879 гг. А.Э. Норденшельдом на пароходе «Вега» северо-восточного прохода — пути вдоль северного побережья Европы и Азии из Атлантического в Тихий океан. С одной стороны, российские власти и публика искренне приветствовали шведского ученого, с другой стороны — к радости примешивалось чувство досады от того, что пути через «наш» Северный Ледовитый океан были открыты иностранцами. Ф.Д. Студитский решил написать свой труд, «желая доказать, что и русские принимали участие в открытии морского пути в устья сибирских рек, и что они были главными деятелями в этом деле» [Студитский, 1883, с. III]. Фактически вся книга Ф.Д. Студитского посвящалась одному М.К. Сидорову, его биография отождествлялась с историей открытия морского пути в Сибирь [Там же]. Под пером Ф.Д. Студитского М.К. Сидоров представал как трагическая фигура с чертами агиографического персонажа: неуслышанный пророк, из «ревности» к освоению Севера России пожертвовавший на

это дело все свое состояние и не извлекший из того никакой личной выгоды, он заложил основы современного арктического мореплавания, иначе говоря — принес отечеству и потомкам безвозмездный дар своих трудов ценою собственного разорения. «Стяжательство вовсе отсутствовало в его натуре»,— писал о М.К. Сидорове уже после его смерти «горячий его почитатель» [Нос, 1889, с. II] член Общества для содействия русскому торговому мореходству отставной генерал-майор и публицист Н.А. Шавров [1889, с. 29].

В этом и других подобных свидетельствах сторонников М.К. Сидорова нельзя не заметить, сколь сильное впечатление производила на них личность самого известного «ревнителя Севера» — человека, несомненно, харизматичного, умевшего разной публике представлять себя в самом выгодном свете. Компаньоны и наемные работники М.К. Сидорова, годами судившиеся с ним, чтобы взыскать с предпринимателя положенные им по контрактам доли и вознаграждения, вряд ли согласились бы с оценкой Н.А. Шаврова. Но многочисленные истцы, кредиторы, идейные противники и критики М.К. Сидорова не составляли его жизнеописаний. Нарратив о М.К. Сидорове как пророке, подвижнике, предпринимателе-бессребренике формировался им самим и его сторонниками. Поэтому действительно неординарная жизнь М.К. Сидорова была уже в первых посвященных ему сочинениях уплощена до идеологически мотивированной апологетики.

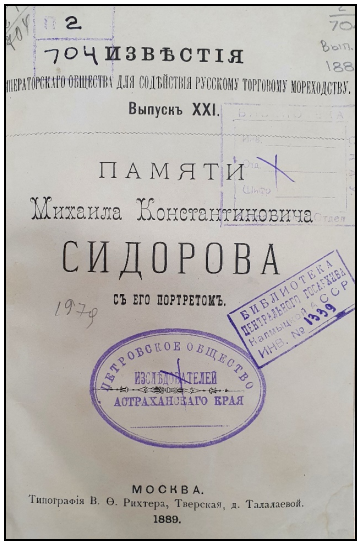


Рис. 1. Памяти Михаила Константиновича Сидорова. М.: Тип. В.Ф. Рихтера, 1889.
Fig. 1. In memory of Mikhail Konstantinovich Sidorov. Moscow: Typ. V.F. Richtera, 1889.

В 1880–1890-е гг. образ М.К. Сидорова был дополнен новыми чертами и прославлялся в первую очередь за «высоко-патриотическую деятельность» [Шавров, 1889, с.11]. Авторами такого рода текстов были в основном те почитатели М.К. Сидорова, которые ближе всего восприняли его тезис об «иностранном заговоре» против Севера России как главной причине экономической и хозяйственной отсталости последнего (см.: [Агапов, 2019]). Для увлеченных идеями русского национализма публицистов последнего десятилетия XIX в. главной заслугой М.К. Сидорова было «разоблачение» им тайных происков врагов Отечества:

> Заброшенное положение Севера вызывало особую энергию в М.К. Сидорове, так как он видел на практике, что причиною этого положения только *незнание и интриги враждебных России сил*, а потому поставил себе задачею разъяснить истину, доказать Правительству и общественному мнению, что искусственно закрываемые великие богатства северных областей могут доставить громадные ресурсы величию и благосостоянию России, если правда будет доведена до Верховного Руководителя судьбами нашего Отечества и сочиняемые врагами его затруднения будут устранены… Север России был совершенно заброшен не вследствие его бесполезности, а вследствие иностранной политической интриги, которая действовала систематически тайно и явно [Шавров, 1889, с. 10–11].

Иначе говоря, на рубеже XIX–XX вв. фигура М.К. Сидорова и его тексты были присвоены русскими националистами. Именно они подняли предпринимателя на щит как «стража интересов Севера России», как народного трибуна, на собственном опыте пришедшего к «главному основному убеждению, проходившему белою ниткою через всю его практическую деятельность — к

необходимости предохранить Север от захвата его иностранцами, к необходимости предоставить настоящим хозяевам страны — русским — все выгоды промышленности этого края» [Нос, 1889, с. II]. Со свойственным националистическим публицистам алармизмом морской инженер и правый публицист В.Н. Семенкович писал в своем памфлете 1894 г. «Север России в военно-морском и коммерческом отношениях»: «…такие пионеры Севера, как Сидоров М.К. … не забудутся потомством, и их патриотические деяния, их пророческие слова должны быть оценены, и не их вина, если нам или нашим потомкам придется горько раскаиваться, что слова их не были приняты во внимание *в свое время…*» [Семенкович, 1894, с. 26]. Образ М.К. Сидорова — защитника Севера России от «происков иностранцев» был окончательно закреплен в конце десятых годов XX в. — в изданном в Петрограде в 1916 г. Морским министерством сочинении П.М. Зенова «Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера. К столетию со дня его рождения» и в опубликованном в Архангельске в 1918 г. Комитетом по увековечению памяти М.К. Сидорова сочинении А.А. Жилинского «Россия на Севере: (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова)». В то время, когда военные и революционные потрясения создали новые обстоятельства развития Севера России, идеологема «ревности о Севере» была воспринята как «воплощение здравого разума России, ее забитой окружающими условиями воли и стремлений к новой жизни» [Жилинский, 1918, с. 3]. Оба автора призывали готовиться к юбилею М.К. Сидорова, чтобы увековечить его память, но за потрясениями революции и гражданской войны юбилей М.К. Сидорова был забыт.

В 1920–1930-е гг. в связи с принятием государственной программы развития Северного морского пути фигура М.К. Сидорова была переосмыслена в новом ключе. Он предстал в образе опередившего свое время прогрессивного технократа, вступившего в неравную схватку с царской бюрократией. «Тупость администрации на Севере создавала непреодолимые препятствия на каждом шагу, убийственно действовала на всякое живое начинание и, положительно, опасалось всякой новизны»,— писал А.А. Жилинский о борьбе М.К. Сидорова [1919, с. 248]. Для таких деятелей, как А.А. Жилинский, начавших работать на Севере еще до революции и хорошо знавших историю и труды своих предшественников, М.К. Сидоров служил вдохновляющим примером. Поскольку большинство известных советских полярников были выходцами из дореволюционных профессиональных кругов [Вахтин, 2017], они перенесли память о М.К. Сидорове, А.М. Сибирякове и других «деятелях Севера» в новую жизнь. Пожалуй, самым большим их почитателем был выдающийся исследователь Арктики, участник экспедиции Г.Я. Седова 1912–1914 гг., один из создателей Всесоюзного арктического института академик В.Ю. Визе. Он высоко оценивал труды А.М. Сибирякова, а М.К. Сидорова ставил в один ряд с А.Э. Норденшельдом и Ф. Нансеном, считая его видным «знатоком Севера», инициатором «снаряжения экспедиций в русские северные моря» [Визе, 1930, с. 5] и «по праву… основоположником морского пути к устьям западносибирских рек» [Визе, 1932, с. 102–108; 1940, с. 33]. Оценку В.Ю. Визе разделяли многие его современники — исследователи Арктики как в «красном» [Бондарский, 1926, с. 115, 125], так и в «белом» [Источники…, 1919, с. 6] лагере. Существенный вклад М.К. Сидорова в освоение Северного морского пути признавали и зарубежные исследователи Арктики [Гассерт, 1923, с. 104]. Учитывая крайне негативное отношение советских авторов к дореволюционной буржуазии, можно сказать, что возвеличивание ими фигуры М.К. Сидорова — пусть и в достаточно узком спектре работ — случай, несомненно, уникальный.

Вместе с тем, признавая заслуги «ревнителей Севера», советские специалисты отмечали прожектерский характер их деятельности [Воеводин, 1930, с. 65]. Опыт дореволюционных «ратоборцев Севера» противопоставлялся новому, советскому, подходу к освоению Арктики, когда «на смену временам партизанских полуспортивных попыток частных предпринимателей использовать Карское море в целях торговли пришли времена всесторонне подготовленных в государственном масштабе планируемых операций, выполняемых организацией [Комитетом Северного морского пути], вооруженной десятилетним опытом, располагающей возможностью применения в практике эксплуатации Северного Морского Пути позднейших достижений науки и техники» [Воеводин, 1930, с. 68].

Если в 1920–1930-е гг. большевистские идеологи описывали дореволюционную Россию как косное, отсталое государство, «тюрьму народов», то во второй половине 1940-х — 1950-х гг., когда СССР заявил о себе как сверхдержаве, имперское прошлое страны было переосмыслено как важнейшая ступень в ее восхождении к мировому могуществу. Соединение идеи коммунистического строительства с идеей национального величия позволило объявить русский народ ведущей силой всемирно-исторического прогресса. Отныне утверждалось, что все важнейшие

научные открытия были сделаны русскими учеными, все решающие победы — одержаны русской армией и флотом. Таким образом выстраивалась преемственность великих дел и свершений русского народа в прошлом и настоящем [Пыжиков, Данилов, 2002, с. 173–174, 185]. Общественно-политическая мысль «ревнителей Севера» идеально вписывалась в новую модель советского патриотизма. Неудивительно, что автор изданной в 1957 г. в Мурманске пропагандистской брошюры обильно цитировал сочинения М.К. Сидорова [Егоров, 1957, с. 39, 43].

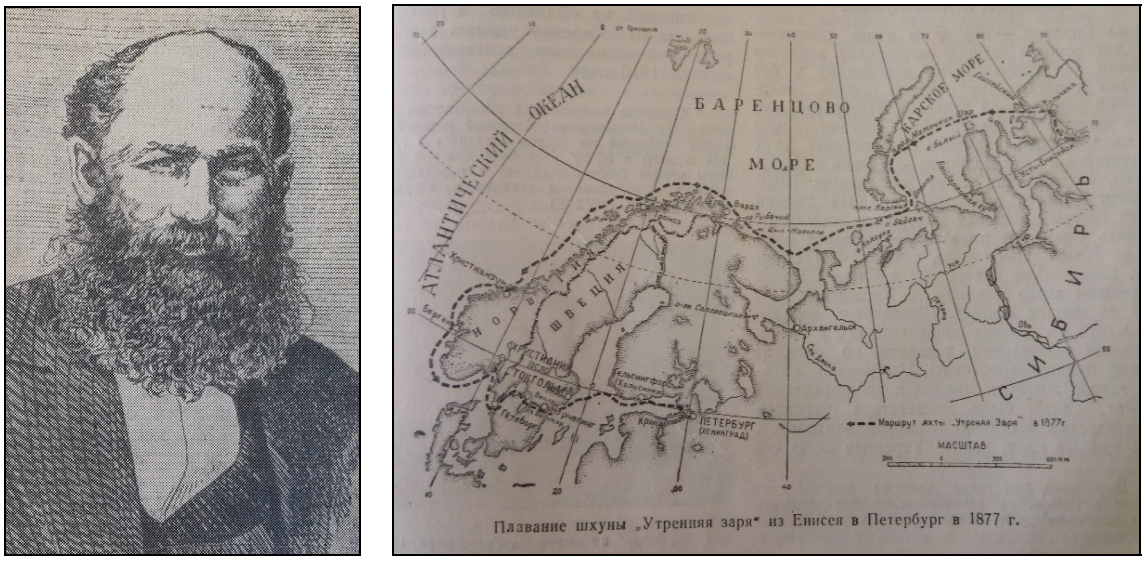


Рис. 2. Визе В.Ю. Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. М.; Л.: Главсевморпуть, 1948. С. 146, 147.
Fig. 1. Wiese V.Yu. Seas of the Soviet Arctic. Essays on the history of research. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput', 1948. P. 146, 147.

В том же, 1957 г. в ежегоднике «Летопись Севера» были опубликованы сразу две статьи, посвященные деятельности М.К. Сидорова. Следует отметить, что «Летопись Севера» являлась печатным органом Комиссии по проблемам Севера при Президиуме АН СССР. Комиссия не только имела большой вес в научной среде, но и, будучи связующим звеном между Академией и Госпланом СССР, влияла на практическое освоение региона [Калеменева, 2018]. Тот факт, что ежегодник Комиссии обращался к трудам дореволюционного «деятеля по Северу» свидетельствовал как минимум о признании важности его наследия функционерами главного координационного центра промышленного освоения советского Севера. Примечательно, что большое внимание деятельности М.К. Сидорова было уделено в это же время и британским исследователем Т. Армстронгом [Armstrong, 1952, p. 2–55, 18–16]. Авторы «Летописи Севера» искренне восхваляли М.К. Сидорова, но если А.Е. Пробст[1] писал о нем с позиций классового подхода как о прогрессивном капиталисте-технократе [Пробст, 1957], то И.Л. Фрейдин[2] представлял М.К. Сидорова в свете новых идеологических установок, прежде всего как «русского капиталиста-патриота в деле освоения Севера» [Фрейдин, 1957, с. 215]. Статья И.Л. Фрейдина является прекрасным примером того, как «правильные» капиталисты вписывались в советский патриотический канон. Так, разбирая причины банкротства Печорской компании, И.Л. Фрейдин просто воспроизводил речь М.К. Сидорова — представленное почти век назад объяснение всех проблем как результата козней внешних и внутренних врагов звучало удивительно современно [Там же, с. 207, 209, 211].

Как видно, созданная М.К. Сидоровым национализирующая риторика, переводящая вопросы экономической конкуренции на язык межнационального конфликта и конспирологии, оказалось

[1] Абрам Ефимович Пробст (1903–1976) — советский экономгеограф, автор работ по территориальному планированию и теории размещения производства. Лауреат Сталинской премии 1942 г. за организацию эвакуации промышленных предприятий на Урал. Научный сотрудник Совета по изучению производительных сил при АН СССР. Автор схемы районирования топливно-энергетического комплекса СССР.

[2] Иона Лазаревич Фрейдин (1896–1991), географ, экономист, в 1950-е гг. — сотрудник Наркомата тяжелой промышленности и Госплана СССР, позже — сотрудник отдела экономических исследований Кольского филиала Академии наук СССР. Специалист в области проблем ресурсного, промышленного и транспортного освоения севера России.

вполне релевантной для отечественных ученых 1950-х гг. Этот подход был закреплен в изданной в Москве в 1956 г. работе М.И. Белова «Арктические мореплавания с древнейших времен до середины XIX века». В частности, описывая экономическое положение Европейского Севера России в 1860–1870-х гг., М.И. Белов просто давал слово «поборнику освоения Севера» М.К. Сидорову:

> …К этому времени наиболее важные экономические позиции Поморья были захвачены иностранными фирмами. Многие из них организовали в Поморье дочерние филиалы, во главе которых стояли обычно иностранцы, для виду принявшие русское подданство... Царские чиновники, падкие на взятки, передали им все командные позиции в лесных и рыбных промыслах. Любое проявление русской торгово-промысловой инициативы непременно встречалось ими в штыки (М.К. Сидоров. О китоловстве и влиянии его на рыбную ловлю у берегов Архангельской губернии. СПб., 1879) [Белов, 1956, с. 462].

Оценки, выдвигавшиеся М.К. Сидоровым почти сто лет назад, не подвергались советскими исследователями ни малейшему сомнению. Высказывания противников М.К. Сидорова приводились по цитатам из его же сочинений без ссылок на первоисточник только для того, чтобы наглядно продемонстрировать их глупость, косность и сервильность перед иностранцами. Оппоненты «русских капиталистов-патриотов» не получали слова, логика их действий заведомо объяснялась исключительно жаждой наживы, коррумпированностью или изначальной ненавистью ко всему русскому. Таким образом сложнейшие противоречия российского северного предпринимательства середины — второй половины XIX в., их множественные контексты редуцировались до простой черно-белой картинки. В вышедшей в Москве в 1962 г. работе Д.М. Пинхенсона «Проблемы северного морского пути в эпоху капитализма» М.К. Сидорову посвящался уже целый раздел, он назывался «М.К. Сидоров — инициатор использования морского пути в Сибирь». Основными источниками для Д.М. Пинхенсона оставались сочинения самого М.К. Сидорова и Ф.Д. Студитского. При этом Д.М. Пинхенсон значительно сместил акцент с образа М.К. Сидорова — «неуслышанного пророка» на образ «капиталиста-патриота», непримиримого борца с «иностранным засильем» [Пинхенсон, 1962, с. 61].

В позднесоветской официальной научной и научно-популярной литературе М.К. Сидоров, А.М. Сибиряков и некоторые другие «ревнители Севера» упоминались, как правило, в контексте истории открытия и освоения Северного морского пути. В некоторых монографиях (посвященных, впрочем, другим персонажам) им уделялись особые главы. В 1971 г. в «Летописи Севера» была опубликована статья И.Л. Фрейдина, целиком посвященная М.К. Сидорову как видному «исследователю и организатору освоения Севера». Поскольку времена изменились, И.Л. Фрейдин больше не писал о происках коварных иностранцев, справедливо отмечая, что их преимущества перед отечественными предпринимателями обуславливались тем, что они «могли пользоваться кредитом в системе капиталистических банков за границей, а кредитная система крепостной России таких возможностей русским капиталистам не предоставляла» [Фрейдин, 1971, с. 249]. В целом, по своему тону публикации 1970–1980-х гг. были близки к технократическому подходу В.Ю. Визе, воздававшему М.К. Сидорову дань уважения как основоположнику современного арктического мореплавания. Известный историк освоения российской Арктики В.М. Пасецкий особо отмечал как важный положительный момент существенный вклад М.К. Сидорова в развитие международного сотрудничества в деле освоения Арктики [1979, с. 103]. Лишь в редких случаях специалисты напоминали, что М.К. Сидоров был прежде всего выдающимся дилетантом, к тому же не брезговавшим мошенническими схемами [Кумок, 1968, с. 36–37].

На низовом уровне заметный интерес к М.К. Сидорову проявлялся в сфере вступившего в последние советские десятилетия в период нового подъема локального историко-культурного активизма (краеведения) [Неплюев, 2020]. Фигуры неординарных и вместе с тем малоизвестных персонажей минувших дней были востребованы в качестве своеобразных гениев места, маркирующих его уникальность. В таком ключе в 1970–1980-е гг. о М.К. Сидорове писали краеведы Печоры [Пыстин, 1979; Королев, 1987] и Сибири [Омельчук, 1980]. Как дисциплина идентичности [Johnson, 2006] краеведение часто сближалось с националистической фрондой и подпитывалось ее идеями [Митрохин, 2003]. Примечательно в этой связи обращение одного из самых популярных спикеров «русской партии» писателя В. Пикуля к М.К. Сидорову. В посвященной ему одной из «исторических миниатюр» писателя читаем восторженное: «...Велик был сей человек! Вот уж воистину велик!» — и выше: «Не его вина, что он обогнал свой век, опередил свое время, а под старость оказался у разбитого корыта». Главным виновником бед М.К. Сидорова В. Пикуль считал основателя Русского географического общества, президента Академии наук, адмирала Ф.П. Литке: «Ф.П. Литке, возглавлявший тогда Русское географическое общест-

во, был тормозом на путях русской науки; страшный обскурант и реакционер (о чем у нас мало кто знает), он не верил в силы русского народа и поддерживал лишь те начинания, которые исходили от немцев» [Пикуль, 1976, с. 238]. Стоит заметить, что ни идеологи послевоенного советского патриотизма, ни сам М.К. Сидоров, получавший от Ф.П. Литке отрицательные отзывы на свои проекты и высказывавший недовольство «немецким засильем», не позволяли себе высказываний подобного рода в адрес представителей российской научной элиты.

Рис. 3. М.К. Сидоров. Рисунок Р. Яхнина.
Пикуль В.С. Из старой шкатулки. Миниатюры.
Л.: Детская литература, 1976. С. 231.
Fig. 3. M.K. Sidorov. Picture by R. Yakhnin.
Pikul V.S. From an old box. Miniatures.
Leningrad: Detskaya literatura, 1976. P. 231.

Рис. 4. М.К. Сидоров. Рисунок Ю. Смольникова.
Пикуль В.С. Миниатюры. Петрозаводск: Карелия,
1988. С. 243.
Fig. 4. M.K. Sidorov. Picture by Yu. Smolnikov.
Pikul V.S. Miniatures. Petrozavodsk: Karelia, 1988. P. 243.

Время широкой славы наступило для М.К. Сидорова в постсоветский период в связи с бурным развитием истории дореволюционного предпринимательства и купечества. Однако и тогда он не попал в топ деятелей национального масштаба (так, его имя даже не упоминались в фундаментальной «Истории предпринимательства в России» [2000], зато, во многом благодаря сближению краеведения и университетской науки, М.К. Сидоров обрел большую популярность в региональных научных изданиях. В духе тренда «возвращение забытых имен» он стал героем целого ряда докладов на многочисленных региональных конференциях [Варфоломеев, 2001; Борозинец, 2003; и др.]. Как верно заметил красноярский историк А.Е. Гончаров, в это время «Россия искала свой путь в еще чуждом ей капиталистическом мире, а образ таких личностей, как М.К. Сидоров, позволял создать представление об удачном сочетании частного предпринимательства и патриотизма» [Гончаров, 2023, с. 9]. Обзорные жизнеописания М.К. Сидорова появились в составе сборников и коллективных монографий [Петров, 2003; Ламин, Ноздрин, 2007], он фигурировал как важный персонаж в исследованиях по истории купечества [Мешалкин, 1995; Беспалова, 2002], ему были посвящены отдельные статьи в региональных энциклопедиях [Чистяков, 1998; Ламин, 2009; Ноздрин, 2013] и научных журналах [Терюков, 2013; Макеев, 2020; и др.]. В основе этих публикаций лежали опять же труды самого М.К. Сидорова и сочинения его благожелательных биографов, если не сказать — апологетов (Ф.Д. Студитского, П.М. Зенова, А.А. Жилинского, И.Л. Фрейдина). Вместе с общей установкой на историографическую реабилитацию российского купечества это неизбежно вело к идеализации М.К. Сидорова, порождая многочисленные панегирики, вроде такого: «Он [М.К. Сидоров] был представителем блестящей плеяды сибирских купцов XIX в. (Н.П. Аносов, И.И. Базанов, А.Г. Кузнецов, братья А.М. и И.М. Сибиряковы, И.Н. Трапезников и др.), сделавших главной целью своей жизни развитие хозяйства, культуры и науки Сибири, исследование

и использование ее природных богатств» [Ламин, Ноздрин, 2007, с. 113]. Отдельно следует отметить историко-биографическое исследование петербургского краеведа И.А. Богданова «Петербургская фамилия: Латкины», в котором есть глава «Неутомимый поборник Севера», посвященная М.К. Сидорову. И.А. Богданов, пожалуй, впервые показал М.К. Сидорова не только «ратоборцем», но и обычным человеком в его повседневной жизни [Богданов, 2002]. Энтузиасты-краеведы приложили немало усилий, чтобы представить М.К. Сидорова в медийной сфере. В 2013 г. на красноярском телеканале «Енисей» в цикле «Край без окраин» вышел фильм Оксаны Веселовой «Сумасшедший Сидоров»[3]. К 195-летию предпринимателя в 2018 г. нарьян-марский краевед Юрий Канев снял по заказу Пустозерского музея фильм «Тот самый Сидоров»[4].

Рис. 5. Портрет М.К. Сидорова (2003 г.). Художник В.С. Шустов. Историко-краеведческий музей муниципального образования городского округа Ухта.
Fig. 5. Portrait of M.K. Sidorov (2003) by V.S. Shustov. Historical and Local Lore Museum of the Municipal Formation of the Urban District of Ukhta.

Рис. 6. Юрий Канев в роли М.К. Сидорова в фильме «Тот самый Сидоров» (2018 г.).
Fig. 6. Yuri Kanev as M.K. Sidorov in the film "The Same Sidorov" (2018).

На рубеже 2010–2020-х гг. в связи с новым арктическим бумом деятельность М.К. Сидорова вновь оказалась в центре внимания историков освоения Арктики. В работах современных российских историков-государственников он изображается «предпринимателем нового типа, для деятельности которого характерны новаторский характер деятельности, умение пойти на экономические риски, ориентация на отложенный спрос, стремление отстоять свои права, стремление добиться от власти активных действий, ориентированных на развитие региона, упорность в достижении цели, даже путем сотрудничества с иностранными предпринимателями (sic! — *М. А.*), ориентация на всеобщий интерес» [Туман-Никифорова, 2018]). Схожим образом деятельность М.К. Сидорова оценивают и современные зарубежные авторы. Так, «великим северным меценатом» назвал М.К. Сидорова швейцарский исследователь Э. Хёсли [2021, с. 584]. Продиктованная политическими задачами текущего момента апологетика М.К. Сидорова во многом напоминает ситуацию почти полуторавековой давности. Вместе с тем в последние годы исследователи все чаще стали обращаться к документам центральных и региональных архивов, касающимся жизни и деятельности М.К. Сидорова. Широкое введение в научный оборот новых источников свидетельствует о том, что этап освоения и переработки, если не сказать — компиляции трудов предшественников: от Ф.Д. Студитского до И.Л. Фрейдина,— в целом можно считать, по-видимому, завершенным. Более того, кропотливые изыскания позволили уточнить и демифицировать некоторые детали биографии М.К. Сидорова [Коноплев, 2022; Комлева, 2023; Санакина, 2023; Едовин, 2023; и др.].

Необходимость критического поворота в изучении жизни и трудов М.К. Сидорова несомненна. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо развести решение политических, воспитательно-патриотических и собственно исследовательских задач. Как бы банально это ни звучало, критический анализ требует постановки сугубо научных вопросов. Также необходимы кон-

[3] Победители конкурса «Енисей.РФ. 2013». URL: http://sjkrsk.ru/pobediteli-konkursa-enisej-rf-2013/. Фильм «Сумасшедший Сидоров». URL: https://www.youtube.com/watch?v=KkH4WtcOYQE.

[4] Субботний кинозал «Тот самый Сидоров». URL: http://www.chumoteka.ru/2019/01/subbotnij-kinozal-tot-samyj-sidorov.html. Фильм «Тот самый Сидоров». URL: https://www.youtube.com/watch?v=JPbWhavoUXE&t=26s.

текстуализация и проблематизация исследований деятельности дореволюционных северных предпринимателей. Анализ отдельных проектов, часто сводящийся к изучению одного документа, малопродуктивен, так как при таком подходе зачастую игнорируются связи данного проекта с более широким кругом проблем. Необходимо предоставить голос оппонентам «ревнителей Севера» — только так можно понять, частью каких больших споров своего времени являлись их дискуссии. Нельзя забывать, что М.К. Сидоров и его последователи действовали в эпоху множественной трансформации Российской империи, их деятельность интересна именно тем, что являлась важной частью трансимперских и глобальных процессов. Для того чтобы увидеть это, необходимо не только значительно расширить историографическую и источниковую базу исследований, но и поставить серьезные исследовательские вопросы. Весьма продуктивным в этой связи представляется обращение к исследовательским программам глобальной истории, новой имперской истории, исторической антропологии и др. Рамка региональной истории (в большинстве случаев, по сути, того же краеведения) слишком тесна для таких крупных и неординарных личностей, как М.К. Сидоров, тогда как изучение историко-географического воображения, политического языка и бизнес-стратегий северных предпринимателей было бы чрезвычайно полезно для более глубокого понимания истории поздней Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов М.Г. «Заговор» против Севера России: Национализация предпринимательского дискурса в 60-е гг. XIX в. // Ab Imperio. 2019. № 4. С. 73−96.

Агапов М.Г. Адмирал и купцы: Из истории торгово-промышленного освоения Печоры и Оби в 1840–1860-х гг. // УИВ. 2023a. № 3. С. 182−189. https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3 (80)-182-189

Агапов М.Г. Северный морской путь: Национальный патриотизм и предпринимательские интересы // Quaestio Rossica. 2023b. Т. 11. № 2. С. 473–488. https://doi.org/10.15826/qr.2023.2.800

Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М.: Морской транспорт, 1956. 591 с.

Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели второй половины XIX — начала XX вв.: имена, биографии, судьбы. Тюмень: ТюмГУ, 2002. 154 с.

Богданов И.А. Петербургская фамилия: Латкины. СПб.: Искусство — СПБ, 2002. 268 с.

Боднарский М.С. Великий северный морской путь: Историко-географический очерк открытия Северо-восточного прохода. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 251 с.

Борозинец Л.Г. Роль М.К. Сидорова в освоении Печорского края // Экспедиции и научные исследования Ухтинского района и Коми края: (Материалы 4-ой город. науч.-практ. конф. Ухта, 17–18 апр. 2003 г.). Киров, 2003. С. 18–22.

Варфоломеев Л.А. Ревнитель Севера: Михаил Константинович Сидоров // Стезею Ломоносова: Северяне — выдающиеся деятели науки и культуры. Архангельск, 2001. С. 8–9.

Вахтин Н.Б. Арктика: Слово и дело // Новый мир. 2017. № 11. С. 175–182.

Визе В.Ю. История исследования советской Арктики: Баренцево и Карское моря. Архангельск: Сев. изд-во, 1932. 212 с.

Визе В.Ю. Краткий исторический обзор исследования Земли Франца Иосифа // Земля Франца Иосифа. М.: Гос. тех. изд-во, 1930. С. 5–30.

Визе В.Ю. Северный морской путь. М.; Л., 1940. 96 с.

Воеводин Н. Морской путь в Сибирь // Сов. Север. 1930. № 3. С. 62–83.

Гассерт К. История полярных путешествий. Берлин: И.П. Ладыжников, 1923. 160 с.

Гончаров А.Е. Россия в Арктике: История изучения и освоения: (К 200-летию со дня рождения Михаила Константиновича Сидорова). От редактора // Исторический курьер. 2023. № 6. С. 8–10.

Егоров К.Д. За русский Север: Из истории освоения русского Севера и борьбы с иноземными агрессорами за Северные морские пути. Мурманск: Кн. ред. «Полярной правды», 1957. 104 с.

Едовин А.Г. Вологодские корни М.К. Сидорова // Исторический курьер. 2023. № 6. С. 26–30. https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-6-2

Жилинский А.А. Россия на севере: (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1918. 153 с.

Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России: Архангельская губерния. Пг.: Тип.-лит. Сев.-Зап. Округа Путей Сообщения, 1919. 296 с.

История предпринимательства в России / В.И. Бовыкин, М.Л. Гавлин, Л.М. Епифанова и др.; РАН. Ин-т рос. истории. М.: РОССПЭН, 2000. Кн. 1. 479 с.

Калеменева Е.А. Смена моделей освоения советского севера в 1950-е гг.: Случай Комиссии по проблемам Севера // Сиб. ист. исследования. 2018. № 2. С. 181–200. https://doi.org/10.17223/2312461X/20/10

Комлева Е.В. «Под судом был и состою»: М.К. Сидоров и региональная администрация (1840–1870-е годы) // Исторический курьер. 2023. № 6. С. 95–106. https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-6-7

Коноплев А.В. К истории лоцманов в устье реки Печоры // Труды Архангельского центра Русского географического общества. 2022. Т. 10. С. 117–128.

Королев В.Н. России беспокойный гражданин. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 110 с.

Кумок Я.Н. Губкин. М.: Молодая гвардия, 1968. 285 с.

Ламин В.А. Сидоров Михаил Константинович // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3. С. 108–109.

Ламин В.А., Ноздрин Г.А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: Сборник биографических очерков. Новосибирск, 2007. С. 113–123.

Макеев А.В. М.К. Сидоров и опыт экономической выставочной деятельности в интересах регионального развития // Подільський науковий вісник. 2020. № 1. С. 40–47.

Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей, вторая половина XIX – начало XX вв. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1995. 155 с.

Неплюев П.А. «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране»: Историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период // Культурный код. 2020. № 3. С. 38–49. https://doi.org/10.36945/2658-3852-2020-3-38-49

Ноздрин Г.А. Сидоров Михаил Константинович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: В 2 т. Новосибирск: Гео, 2013. Т. 2. С. 261–262.

Нос А. Михаил Константинович Сидоров // Памяти Михаила Константиновича Сидорова. М.: Тип. В.Ф. Рихтера, 1889. С. I–XII.

Омельчук А.К. Зов Арктики. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. 191 с.

Пасецкий В.М. Нильс Адольф Эрик Норденшельд. М.: Наука, 1979. 295 с.

Петров Б.М. Патриот Севера // Сто знаменитых красноярцев. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 2003.

Пинхенсон Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути: Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л.: Морской транспорт, 1962. 766 с.

Пробст А.Е. Из истории добычи и переработки нефти на Ухте // Летопись Севера. 1957. Т. II. С. 176–187.

Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы: 1945–1953 годы. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2002. 317 с.

Пыстин М.С. Печора. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 143 с.

Санакина Т.А. Материалы к родословной М.К. Сидорова и его семьи: По документам Государственного архива Архангельской области // Исторический курьер. 2023. № 6. С. 13–25. https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-6-1

Семенкович В.Н. Север России в военно-морском и коммерческом отношениях. М.: Журнал «Русское богатство», 1894. 233 с.

Сидоров М.К. Труды для ознакомления с Севером России. СПб.: Тип. Д.И. Шеметкина, 1882. 343 с.

Студитский Ф.Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива: В 2 ч. СПб.: Тип. Д.И. Шеметкина, 1883. 318 с.

Терюков А.И. В.М. Флоринский и М.К. Сидоров // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2. С. 199–202.

Туман-Никифорова И.О. Открытие Северного морского пути: М.К. Сидоров // Арктика 2018: Международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность. Красноярск, 2018. С. 113–117.

Фрейдин И.Л. Борьба за морской путь на Печору // Летопись Севера. 1957. Т. II. С. 206–215.

Фрейдин И.Л. Михаил Константинович Сидоров // Летопись Севера. 1971. Т. V. С. 248–264.

Хёсли Э. Сибирская эпопея / Пер. с фр. Е.Э. Бабаева. М.: Paulsen, 2021. 783 с.

Чистяков Н.С. Сидоров Михаил Константинович // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: Рус. энцикл., 1998. С. 563.

Шавров Н.А. Несколько данных о жизни и деятельности знаменитого русского патриота и деятеля Севера Михаила Константиновича Сидорова // Памяти Михаила Константиновича Сидорова. М.: Тип. В.Ф. Рихтера, 1889. С. 9–95.

Armstrong T. The Northern Sea Route: Soviet Exploitation of the North East Passage. L.: Cambridge University Press, 1952. 186 p.

Johnson E.D. How St. Petersburg Learned to Study itself: The Russian Idea of Kraevedenie. University Park: Penn State University Press, 2006. 303 p.

ИСТОЧНИКИ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. Оп. 445. Д. 8. Л. 35. О шхуне «Заря» — первом русском судне, совершившем прямой морской путь из Сибири в С.-Петербург. 24 декабря 1877.

Источники, послужившіе для составленія статистическихъ матеріаловъ относящихся къ Северному морскому пути. Екатеринбург: Морск. м-во, 1919.

Кропоткин П.А. Записки революционера. Лондон; СПб.: Свободная мысль, 1906.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3. 102–107. Копии писем Маркевича, Болеслава Михайловича к Каткову, Михаилу Никифоровичу. 1865.

Отзыв о записке г. Сидорова Ф.П. Литке // Труды Императорского вольного экономического общества. 1863. Т. 2. С. 176–177.

Пикуль В.С. Из старой шкатулки: Миниатюры. Л.: Дет. лит., 1976.

Agapov M.G.
Tyumen State University, Lenina st., 23, Tyumen, 625000, Russian Federation
E-mail: magapov74@gmail.com

Mikhail Konstantinovich Sidorov through the eyes of contemporaries and descendants: to the bicentenary of the entrepreneur, philanthropist and "zealot of the North"

The main stages in the evolution of the image of a notable Russian entrepreneur, explorer of the European and Siberian North of Russia, and an enthusiast for establishing the sea route to Siberia, Mikhail Konstantinovich Sidorov (1823–1887) in historiography, memoirs, popular science and general fiction, and in the media, are reconstructed. The role of M.K. Sidorov himself in the formation of his biographical canon is shown. The motifs underlying the campaigns carried out at different times to popularise the figure of M.K. Sidorov are clarified. There have been identified and analysed main topoi for evaluation of the personality, life and work of M.K. Sidorov: "unheard prophet", "zealot of the North", "unmercenary entrepreneur", "progressive capitalist", "outstanding dilettante", among others. The need for a critical turn in the study of the life and works of M.K. Sidorov is argued. In particular, there have been proposed the options for a broader contextualisation and a more focused problematisation of research on the northern entrepreneurship in the later Russian Empire. It deems very productive resorting to research programmes of global history, new imperial history, and historical anthropology. It should not be forgotten that M.K. Sidorov was active in an epoch of extensive transformation of the Russian Empire; his activities, in our opinion, are interesting precisely because of that they were an important part of the trans-imperial and global processes.

Keywords: M.K. Sidorov, development of the North, Northern Sea Route, history of entrepreneurship, Russian late imperial nationalism, Soviet patriotism, local history.

REFERENCES

Agapov, M.G. (2019). A "Plot" against the Russian North: Nationalizing the Discourse of Entrepreneurs in the 1860s, *Ab Imperio*, (4), 73−96. (Rus.).

Agapov, M.G. (2023a). The Admiral and the Merchants: From The History of Commercial and Indus-trial Development of the Pechora and Ob in the 1840s–1860s. *Uralskij istoricheskij vestnik*, (3), 182−189. (Rus.). https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3 (80)-182-189.

Agapov, M.G. (2023b). The Northern Sea Route: National Patriotism and Business Interests. *Quaestio Rossica*, 11(2), 473–488. (Rus.). https://doi.org/10.15826/qr.2023.2.800

Armstrong, T. (1952). *The Northern Sea Route: Soviet Exploitation of the North East Passage*. London.

Belov, M.I. (1956). *History of the discovery and development of the Northern Sea Route. Vol. 1: Arctic navigation from ancient times to the mid-19th century*. Moscow. (Rus.).

Bespalova, Yu.M. (2002). *West Siberian entrepreneurs of the second half of the 19th — early 20th centuries: Names, biographies, destinies*. Tyumen. (Rus.).

Bodnarskij, M.S. (1926). *The Great Northern Sea Route: A historical and geographical outline of the discovery of the Northeast Passage*. Moscow; Leningrad. (Rus.).

Bogdanov, I.A. (2002). *St. Petersburg surname: Latkins*. St. Petersburg. (Rus.).

Borozinecz, L.G. (2003). The role of M.K. Sidorov in the development of the Pechora region. In: *Ekspedicii i nauchnye issledovaniya Uhtinskogo rajona i Komi kraya: (Materialy` 4-j gorodskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Uhta, 17–18 aprelya 2003 g.)*. Kirov, 18–22. (Rus.).

Bovykin, V.I., Gavlin M.L., Epifanova, L.M., et al. (2000). *History of entrepreneurship in Russia. Book 1.* Moscow: ROSSPEN. (Rus.).

Chistyakov, N.S. (1998). Sidorov Mikhail Konstantinovich. In: *Enisejskij enciklopedicheskij slovar*. Krasnoyarsk. (Rus.).

Edovin, A.G. (2023). Vologda roots of the origin of M.K. Sidorov. *Istoricheskij kurer*, (6), 26–30. (Rus.). https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-6-2

Egorov, K.D. (1957). *For the Russian North: From the history of the development of the Russian North and the fight against foreign aggressors for the Northern Sea Routes*. Murmansk. (Rus.).

Frejdin, I.L. (1957). The struggle for the sea route to Pechora. In: *Letopis Severa*, II, 206–215. (Rus.).

Frejdin, I.L. (1971). Mikhail Konstantinovich Sidorov. *Letopis Severa*, V, 248–264. (Rus.).

Gassert, K. (1923). *History of polar travel.* Berlin. (Rus.).

Goncharov, A.E. (2023). Russia in the Arctic: History of study and development: (To the 200th anniversary of the birth of Mikhail Konstantinovich Sidorov). From the editor. *Istoricheskij kurer*, (6), 8–10. (Rus.).

Hyosli, E. (2021). *Siberian Epopea.* Moscow. (Rus.).

Johnson, E.D. (2006). *How St. Petersburg Learned to Study itself: The Russian Idea of Kraevedenie*. University Park.

Kalemeneva, E.A. (2018). Models of the Soviet North development in the 1950s: The case of Commission on issues of the North. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, (2), 181–200. https://doi.org/10.17223/2312461X/20/10

Komleva, E.V. (2023). "I Was and Remain on Trial": M.K. Sidorov and the Regional Administration (1840s–1870s). *Istoricheskij kurer*, (6), 95–106. (Rus.). https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-6-7

Konoplev, A.V. (2022). On the history of pilots at the mouth of the Pechora River. *Trudy Arxangelskogo centra Russkogo geograficheskogo obshhestva*, (10), 117–128. (Rus.).

Korolev, V.N. (1987). *Russia's restless citizen*. Syktyvkar. (Rus.).
Kumok, Ya.N. (1968). *Gubkin*. Moscow. (Rus.).
Lamin, V.A. (2009). Sidorov Mikhail Konstantinovich. *Istoricheskaya enciklopediya Sibiri: V 3 t. T. 3.* Novosibirsk, 108–109. (Rus.).
Lamin, V.A., Nozdrin G.A. (2007). Siberian merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov. In: *Lichnost v istorii Sibiri XVIII–XX vekov: Sbornik biograficheskih ocherkov*. Novosibirsk, 113–123. (Rus.).
Makeev, A.V. (2020). M.K. Sidorov and the experience of economic exhibition activities in the interests of regional development. *Podilskij naukovij visnik*, (1), 40–47. (Rus.).
Meshalkin, P.N. (1995). *Patronage and charity of Siberian merchants-entrepreneurs, second half of the 19th — early 20th centuries.* Krasnoyarsk. (Rus.).
Neplyuev, P.A. (2020). "If a person is indifferent to the historical monuments of his country, then he is indifferent to his country": A historiographical review of historical and cultural activism in the late Soviet period. *Kulturnyj kod*, (3), 38–49. (Rus.). https://doi.org/10.36945/2658-3852-2020-3-38-49
Nos, A. (1889). Mikhail Konstantinovich Sidorov. In: *Pamyati Mikhaila Konstantinovicha Sidorova*. Moscow, I–XII. (Rus.).
Nozdrin, G.A. (2013). Sidorov Mikhail Konstantinovich. In: *Enciklopedicheskij slovar po istorii kupechestva i kommercii Sibiri: V. T. 2.* Novosibirsk, 261–262. (Rus.).
Omelchuk, A.K. (1980). *Call of the Arctic.* Sverdlovsk. (Rus.).
Paseczkij, V.M. (1979). *Nils Adolf Erik Nordenskiöld.* Moscow. (Rus.).
Petrov, B.M. (2003). Patriot of the North. In: *Sto znamenityh krasnoyarcev*. Krasnoyarsk. (Rus.).
Pinhenson, D.M. (1962). *History of the discovery and development of the Northern Sea Route: The problem of the Northern Sea Route in the era of capitalism.* Leningrad. (Rus.).
Probst, A.E. (1957). From the history of oil production and refining in Ukhta. In: *Letopis Severa*, II, 176–187. (Rus.).
Pystin, M.S. (1979). *Pechora*. Syktyvkar. (Rus.).
Pyzhikov, A.V., Danilov A.A. (2002). *The birth of a superpower: 1945–1953.* Moscow. (Rus.).
Sanakina, T.A. (2023). Materials for the Lineage of M.K. Sidorov and His Family: On the Documents from The State Archive of the Arkhangelsk Region. *Istoricheskij kurer*, (6), 13–25. (Rus.). https://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-6-1
Semenkovich, V.N. (1894). *The North of Russia in naval and commercial relations*. Moscow. (Rus.).
Shavrov, N.A. (1889). Some information about the life and work of the famous Russian patriot and figure of the North Mikhail Konstantinovich Sidorov. In: *Pamyati Mikhaila Konstantinovicha Sidorova*, Moscow, 9–95. (Rus.).
Sidorov, M.K. (1882). *Works for getting acquainted with the North of Russia.* St. Petersburg. (Rus.).
Studitskij, F.D. (1883). *The History of the Discovery of the Sea Route from Europe to the Siberian Rivers and the Bering Strait. 2 Parts*. St. Petersburg. (Rus.).
Teryukov, A.I. (2013). V.M. Florinsky and M.K. Sidorov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, (2), 199–202. (Rus.).
Tuman-Nikiforova, I.O. (2018). Opening of the Northern Sea Route. In: *Arktika 2018: Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, e`kologiya i bezopasnost, innovacionny`e texnologii i logistika, pravovoe regulirovanie, istoriya i sovremennost*, Krasnoyarsk, 113–117. (Rus.).
Vahtin, N.B. (2017). The Arctic: Word and action. *Novyj mir*, (11), 175–182. (Rus.).
Varfolomeev, L.A. (2001). Zealot of the North Mikhail Konstantinovich Sidorov. In: *Stezeyu Lomonosova: Severyane — vydayushhiesya deyateli nauki i kultury*. Arhangelsk, 8–9. (Rus.).
Vize, V.Yu. (1930). Short historical overview of Franz Josef Land exploration. In: *Zemlya Francza Iosifa*, Moscow, 5–30. (Rus.).
Vize, V.Yu. (1932). *History of Soviet Arctic exploration: Barents and Kara Seas.* Arhangelsk. (Rus.).
Vize, V.Yu. (1940). *Northern Sea Route.* Moscow; Leningrad. (Rus.).
Voevodin, N. (1930). Sea route to Siberia. *Sovetskij Sever*, (3), 62–83. (Rus.).
Zhilinskij, A.A. (1918). *Russia in the north: (To the description of the life and work of M.K. Sidorov).* Arxangelsk. (Rus.).
Zhilinskij, A.A. (1919). *Far North of European Russia: Arkhangelsk Province.* Petrograd. (Rus.).

Агапов М.Г., https://orcid.org/0000-0002-3433-1516

Сведения об авторе: Агапов Михаил Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Тюменский государственный университет, Тюмень.
About the author: Agapov, M.G., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Tyumen State University, Tyumen.

(cc) BY
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-18

УДК 316.7

Щеглова Т.К.

Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031
E-mail: tk_altai@mail.ru

ПРАКТИКИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ВЕТЕРАНСКОМ И СТУДЕНЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1960–1980-е гг.

Проанализированы советские общественные практики по формированию исторического сознания на основе изучения и конструирования памяти о гражданской войне на примере деятельности Алтайского отделения Военно-научного общества отставных военных и офицеров запаса и студенческого строительного отряда «Память». Выявляются этапы и тенденции исследовательской и мемориальной работы по военно-революционной истории, формы и участники коммеморативных и коммуникативных практик.

Ключевые слова: гражданская война, социальная, историческая и культурная память, коммеморации, коммуникации.

Ссылка на публикацию: Щеглова Т.К. Практики по формированию исторического сознания в ветеранском и студенческом общественном движении Алтайского края в 1960–1980-е гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 209–219. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-18

Введение

Одной из актуальных проблем в социальной антропологии и ее отрасли «антропологии советскости» является изучение коммеморацій и коммуникаций государства и общества в советское время по формированию исторической и культурной памяти с целью достижения гражданского согласия. Актуальность этого исследования диктуется научной и прикладной значимостью результатов исследования. Научная значимость определяется поиском подходов к изучению советского общества в современной исторической науке. Исследователи ищут пути проникновения в антропологическое содержание исторических процессов советского периода, пытаясь уйти как от огульного очернительства «советскости» 1990-х гг., так и от ностальгического приукрашивания ее в 2020-е гг. Прикладная значимость обусловлена текущей ситуацией, когда государство ищет пути и формы взаимодействия с общественностью, инициирует и берет под свое крыло деятельность общественных организаций и движений разной направленности.

Целью данного исследования является изучение вклада общественного движения в развитие коммеморацій, создание коммуникативных площадок для диалога власти и общества, старших и младших поколений на примере двух общественных организаций: ветеранской — Алтайского отделения Военно-научного общества при Сибирском военном округе (далее — АО ВНО СВО) и студенческой — студенческого строительного отряда безвозмездного труда «Память» Барнаульского строительного техникума (далее — ССО «Память»). Обе общественные организации имели сетевой характер, т.е. состояли из головной организации и региональных отделений. Важными направлениями их работы были изучение и мемориализация военно-революционной памяти и формирование мест памяти в культурном ландшафте региона. Акцентуация на лидерах этих обществ — Михаиле Титовиче Карначеве и Светлане Федоровне Бондаревой позволяет сформировать портрет личности человека советской эпохи, мотивов его участия в мемориализации. Лидеры принадлежали к разным поколениям дедов и внуков: Карначев — участник гражданской и Великой Отечественной войны (1901 г.р.); Бондарева (1949 г.р.) — преподаватель БСТ. Объединяет их социальное происхождение — оба имели крестьянские корни; были членами КПСС — с 1925 г. и 1984 г. Карначев — из многодетной крестьянской семьи д. Ховрино Смоленской губернии, до призыва в 1918 г. в Красную Армию работал чернорабочим, дровосеком; в 1920 г. прошел военное обучение. Во всех документах, уже будучи генерал-майором, писал, что у него среднее образование, специальность «командир Советской Армии» (курсы в Военной академии им. М.В. Фрунзе), участник гражданской и отечественной войн [РГАСПИ. Ф. 17, оп. 100, д. 312065], после выхода в отставку с 1959 г. — заведующий военной кафедрой АГАУ [Паршукова, 1981]. Родители Бондаревой — ин-

теллигенты в первом поколении; отец — военный летчик. С.Ф. Бондарева заведовала кафедрой в БСТ после окончания истфака ИрГУ [ПМА Т.К. Щегловой].

Анализ их деятельности по мемориализации военно-революционной истории позволяет выявить этапы и традиции в работе с исторической памятью в 1960–1980-е г., определить преемственность и новации в развитии культурной памяти региона и коммемораций; через анализ советских практик дается оценка формам взаимодействия старших и младших поколений с целью формирования исторического сознания и культурной памяти. Работа основана на выявленных новых документах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Новосибирской области; коллекций документов музеев БСТ, АлтГАУ. Среди них преобладают нарративные и полевые материалы (дневники экспедиций; фотоальбомы, летописи), привлечены также полевые материалы автора.

В 1990–2020-е гг. создана методологическая база для изучения практик мемориализации и коммемораций военно-революционной истории Сибири, в том числе в период освоения зарубежной западно-либеральной мысли и критического пересмотра советской историографии. Примером являются работы Е.И. Красильникой [2015]. К столетнему юбилею революций 1917 г. и гражданской войны (1917–1922 гг.) был подведен определенный итог, который выявил разнообразие подходов и мнений в их освещении [Алисов, Закунов, 2016]. Это позволило использовать традиционные и новационные антропологические и исторические подходы, среди них биографический метод — для выявления типичных черт человека советской эпохи, принцип регионализма — для анализа антропологических аспектов исторических процессов в конкретных социокультурных условиях. При изучении общественных практик использовался инструментарий антропологии памяти. В определении А. Беловой, «в историко-этнологические исследования памяти включаются проблемы контр-памяти, забвения, борьбы за память, политик памяти, которые так или иначе представляют собой понятийный арсенал антропологии памяти, обусловленный в каждом конкретном случае специфическим историческим контекстом» [2019, с. 40]. В рассматриваемое время в основе коммеморативных и коммуникативных практик лежала борьба за память Советского государства и общества через работу с такими формами, как социальная, историческая и культурная память, понятия о которых разработаны известными антропологами и историками. Так, при изучении коммеморативных практик концептуальное значение имело утверждение А. Ассман о том, что задача мемориальных мест в пространстве и во времени заключается в возвращении тех или иных событий прошлого в настоящее [2014, с. 236]. Благодаря разработке понятийного аппарата, по словам Л.П. Репиной, **«**в российском социально-гумани-тарном пространстве мемориально-исторические исследования также приобрели большую популярность» [2016, с. 88]. Под исторической памятью мы понимаем набор межпоколенческих ретранслируемых образов прошлого, рефлексий и социального опыта. При анализе коммеморативных практик советского времени используется определение культурной памяти как базовых представлений общества о прошлом, закрепленных в памятниках культуры и социальной традиции [Репина, 2003], Я. Ассман пишет, что в ней прошлое «сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [2004, с. 54]. Под коммеморациями мы понимаем хранение в коллективной памяти воспоминаний о значимых событиях прошлого и разные способы репрезентации этой памяти с помощью каких-либо символов (праздник, памятник, музей, текст и т.д.), посредством которых «человек вводит прошлое в культуру настоящего» [Огоновская, 2021, с. 238–241].

Тема гражданской войны на Алтае и память о ней в послевоенное время находились в центре коммуникации и коммемораций многих общественных организаций благодаря живым участникам партизанского движения. Военно-революционные события в аграрной Алтайской губернии и память о них отличались от таковых в Центральной России «крестьянским подходом». Изучение автором памяти потомственных крестьян методами устной истории показало, что события воспринимались сельским населением как «заварухи» и «перевороты» [Щеглова, 2008]. Начало гражданской войны крестьянство встретило отстраненно, пока это не коснулось их сел и семей. Возникавшие крестьянские отряды позже слились в партизанские армии и участвовали в борьбе против белогвардейцев и белоказаков. По свидетельству историков, Алтай выделялся в Сибири большим масштабом партизанского, по своему содержанию крестьянского движения [Гордон, 2013; Кривоносов, 2001; Бородкин, 1991]. Мемориализация партизанского движения на Алтае стала важнейшим направлением деятельности многих общественных организаций.

Деятельность Алтайского отделения Военно-научного общества: 1960–1970-е гг.

Формирование Военно-научного общества и этапы работы с памятью. Образование ВНО связано со становлением советской власти (1920-е гг.), когда вырабатывались принципы взаимоотношений государства и общества [Подустов, 2008]. История военно-научных обществ прошла несколько этапов. Начало положили военно-научные кружки недовольных качеством преподавания в Военной академии офицеров Красной Армии. Летом 1921 г. сформировалась сеть региональных ВНО, в том числе на Алтае при Барнаульском пехотном полку, в Томске, Новосибирске [ГАРФ. Ф. 9406, оп. 1, д. 7]. Существовали они на этом этапе в армии среди военных. На первом съезде в 1926 г. М.И. Калинин предложил трансформировать ВНО в сеть общественных организаций для подготовки населения к обороне советской страны [Очередные задачи ВНО…]. Начался этап истории ОСОАВИАХИМа. ВНО в 1950–1990-е гг. при Домах офицеров, массово открывавшихся в 1920–1930-е гг. в военных округах и гарнизонах, при военкоматах, создавались на основе объединения уже ветеранов для общественной работы. Для отделений ВНО при СибВО головной организацией являлся выборный Совет ВНО на базе Дома офицеров в Новосибирске (Красный просп., 63). Он координировал другие региональные отделения Сибири — Красноярское, Омское и Новосибирское, создававшиеся при военкоматах. При гарнизонах и райвоенкоматах функционировали комитеты содействия ВНО — Бийский и Кемеровский. Членами этих общественных ветеранских организаций при Вооруженных силах СССР были отставные военные, имевшие большой боевой опыт, проверенное в войнах гражданское мировоззрение и твердую жизненную позицию; качества необходимые в работе с молодежью.

АО ВНО отставных военных, генералов и офицеров запаса при алтайском крайвоенкомате было создано в апреле 1961 г. с избранием совета в составе 9 чел.: генерал-майор запаса Карначев М.Т., подполковник запаса Полухин А.А., подполковник запаса Тищенко М.Г., полковник запаса Сиротенко М.И. и др. [ГААК. Ф.Р-1578, оп. 1, д. 26, л. 9]. Главной целью всех ВНО в 1950–1970-е гг. являлось военно-патриотическое воспитание молодежи и молодых офицеров на основе мемориализации примеров героической борьбы в период гражданской войны. В последующие, 1970–1980-е гг. основным объектом работы стала память о Великой Отечественной войне. Переход в изучении памяти от гражданской к отечественной войне охватывал три юбилея: 50-летие Октябрьской революции (1967 г.), 100-летие В.И. Ленина (1970 г.), 30-летие Победы в Великой Отечественной войне (1975 г.). За эти годы произошла смена поколений; с уходом поколения партизан основными носителями героической военной памяти стали ветераны Великой Отечественной войны. Работа с ними оказалась в центре патриотического воспитания. Если в экспедициях начала 1960-х гг. Карначев в каждом селе устраивал встречи с партизанами, которых было от 3 до 12 чел., то стройотрядовцы в начале 1980-х гг. их уже почти не встречали. В 1962 г. в дневнике Карначев писал: «В 22 августа 8 часов утра 1962 год. Экспедиция выехала из Барнаула на агитмашине ДОСААФ. В 10 часов прибыли в Шелаболиху. Секретарь райкома т. Ситник дал указание о сборе партизан. Бывшие партизаны 1919 г. собрались в сельсовете. Не много их осталось в живых… 1898 г.р., 1892 г.р., 1896 г.р. Фото бесед экспедиции с партизанами Шелаболихи. После беседы с партизанами Шелаболихи осматриваем местность, на которой шли бои» [ГААК. Ф.Р-1578, оп. 1, д. 22, л. 2, 5]. В студенческом альбоме-летописи ССО за 1981 г. уже говорилось о «беседах с местными жителями» [ГААК. Ф.Р-1754, оп. 2, д. 100, л. 2].

В основе коммеморациий экспедиционной деятельности лежало два направления. Первое — опрос живых участников гражданской войны (социальная и историческая память): АО ВНО провело три экспедиции в Степном Алтае, Новосибирское отделение ВНО (НО ВНО) — две экспедиции в Причумышье и Горный Алтай. Второе — выявление состояния памятников героям военно-революционной истории и инициирование создания новых (культурная память). Участниками экспедиций АО ВНО в 1960-е гг. по местам партизанских боев проводились встречи и запись на магнитофонную ленту воспоминаний участников гражданской войны, осуществлялись уход за памятниками в местах захоронений партизан, поиск в архивах документов по военно-революционной истории.

Роль генерал-майора М.Т. Карначева в сохранении военно-революционной памяти. В составе АО ВНО были два генерала — М.Т. Карначев (1901 г.р.) и Герой Советского Союза Н.Д. Козин (1902 г.р.). Генерал-майор Н.Д. Козин в ВНО руководил военно-исторической секцией. М.Т. Карначев был организатором работы во всех направлениях — исследовательском, просветительском, агитационно-пропагандистском. В данной публикации рассматривается организация им работы вокруг имен и событий гражданской войны и его деятельность как соавтора конструирования официальной версии военно-революционной истории в контексте государственной исто-

рической политики, «нацеленной на формирование коллективной памяти населения определенных версий революционного прошлого» [Красильникова, 2015, с. 2], внесшего большой вклад в развитие поискового и краеведческо-туристического движения на основе изучения и популяризации героической борьбы партизан Алтая. Находясь в эпицентре общественной жизни по формированию памяти о военно-революционном прошлом, он был своего рода «связным» между разными общественными движениями и организациями, не только председательствуя в АО ВНО при крайвоенкомате, но и входя в советы многих сетевых общественных организаций, занимавшихся работой с молодежью: был членом президиума алтайского отделения ВООПИиК, начальником Алтайского штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи, руководителем внештатного отдела в краевом совете ДОСААФ, состоял в ядре общества Знание.

Одной из форм работы стало составление М.Т. Карначевым туристических маршрутов по местам сражений партизанских армий в степной части Алтая для использования в поисковой и краеведческой деятельности школьников и молодежи Алтая. Методическими рекомендациями, в соответствии с инструкцией Всесоюзного похода по местам революционной, боевой, трудовой славы советского народа [Всесоюзный поход…], предусматривались встречи с ветеранами, передовиками производства, торжественные мероприятия вокруг памятников и памятных знаков, организация исследовательской работы в школьных музеях.

Вместе с тем территория юга Западной Сибири, как ведущего центра партизанского движения в Сибири, ранее, в 1959–1962 гг., была охвачена экспедиционными исследованиями НО ВНО. В них принимали участие ветераны партизанского движения Алтая, например Т.С. Мухачев [ГАНО. Ф.Р-2378, оп. 1, д. 351, л. 2], возглавлявший историческую секцию в НО ВНО. Среди участников были деятели культуры, многие из которых позднее подготовили художественные издания с использованием экспедиционных материалов. Бывшие партизаны — участники экспедиций помогали визуализировать сражения на местности и организовывать опрос других свидетелей событий гражданской войны; деятели культуры должны были популяризировать эти события через художественное слово. Среди участников экспедиций и НО ВНО и АО ВНО был писатель Г.В. Егоров. На материалах экспедиций АО ВНО им был написан роман «Солона ты, земля!» [1977], на материалах НО ВНО — книга «Крушение Рогова» [Егоров, 1965]; существует рукопись издания «Весной распускаются почки. Материал по экспедиции ВНО» [ГАНО. Ф.Р-2378, оп. 1, д. 43].

Полевые исследования НО и АО ВНО проводились в местах формирования и сражений наиболее крупных партизанских соединений на юге Западной Сибири. Маршруты НО ВНО пролегали по Причумышью, связанному с именами Матвея Ворожцова (Анатолия) и Григория Рогова, и Горному Алтаю, включая Горный Чарыш, места партизанского движения во главе с И.Я. Третьяком и И.И. Долговым, а также рейда П.Ф. Сухова, оставшегося в памяти сельского населения. Маршруты АО ВНО (1961, 1962 гг.) пролегали «по Степному Алтаю», на территориях формирования армии Е.М. Мамонтова, в том числе тех отрядов, которые действовали в Приобье и Кулундинской степи. Руководитель первой экспедиции НО ВНО в 1959 г. — председатель ВНО СибВО генерал-майор запаса Г.П. Сокуров, АО ВНО — генерал-майор М.Т. Карначев.

Работа экспедиций АО ВНО строилась на широких коммуникациях с участниками гражданской войны и государственно-партийными органами власти, включая руководителей райкомов и райисполкомов, с которыми решались вопросы обустройства и работы экспедиции. Самой массовой аудиторией общения было население сел. Встречи проводились в клубах, дворцах культуры, школах, в актовых залах. Для них использовались обеденные перерывы, вечера по окончании работы. На встречах с бывшими партизанами, кроме информации об их боевом опыте, Карначев интересовался материально-бытовыми условиями их жизни, инициировал решение выявленных проблем перед краевыми органами власти.

Можно сейчас, разбирая оставленные членами ВНО полевые материалы — записанные воспоминания, говорить об их ангажированности, идеологизированности, предвзятости, как это делается во многих постсоветских работах историков. Подходы и мнения, в том числе о прямом влиянии политики и идеологии на историческую память и ее мемориализацию, проанализированы многими сибирскими историками [Кокоулин, 2020; Алисов, 2016]. Можно найти и подтверждение этому у самих участников экспедиций. Например, одной из задач экспедиций стал поиск доказательств не стихийного характера партизанского движения на Алтае, а его как результата деятельности большевистского подполья. Идея была реализована в книге Г.В. Егорова «Солона ты, земля!» [1977]. В этом ряду стоит и обвинение в субъективности воспоминаний. Эти риски осознавали и сами члены ВНО. В оставленных ими документах постоянно встречаются на-

поминания о необходимости проверять причастность рассказчиков к партизанскому движению, степень достоверности их информации. Но это не умаляет той работы по изучению памяти участников и очевидцев событий гражданской войны, которую спустя 30 с лишним лет после окончания гражданской войны провели общественные ветеранские организации.

Карначев выезжал на места боев, выявлял оставшиеся от них следы, чертил схемы сражений [ГААК. Ф.Р-1578, оп. 1, д. 10, 11]. В полевом дневнике он описывал: «29 июля по 1 августа. Намечаем проехать по местам боев по кромке Космалинского (Касмалинского. — *Т. Щ.*) бора до Павловска… В некоторых местах сохранившиеся следы окопов. Так на опушке Космалинского бора по дороге из Солоновки в Малышев Лог заметны следы бывших окопов… Фотографируем памятник. Делаем остановку за Малыми Бутырками… Зайцев (бывший партизан. — *Т. Щ.*) рассказывает и показывает волнующие события боя партизанских отрядов с колчаковцами, составляет схему расположения частей» [ГААК. Ф.Р-1578, оп. 1, д. 23, л. 152]. Далее записано: «Экспедиция уточнила на местности и по рассказам живых свидетелей боев многие вопросы расположения сторон и условия ведения отдельных боев армии Мамонтова. Причем некоторые бои не описаны и не входили в летопись гражданской войны… На местности произведена рекогносцировка и записи условий ведения боя, сделаны фотографии… Собраны данные для составления схем боев этих районах…» [Там же, л. 157].

На основе дневников экспедиции можно говорить, что основными в полевой работе по изучению памяти являлись методы «устной истории» с записью опросов на магнитофон и визуальное наблюдение. Для введения экспедиционных материалов в туристско-краеведческую работу Карначевым была подготовлена брошюра «По местам партизанских боев» (Барнаул, Алтайское книжное издательство. 1971 г. 80 с.) [ГАНО. Ф.Р-2371, оп. 1. д. 44]. В ней опубликовано 49 схем с кратким описанием важнейших боев, «которые вели партизаны Степного Алтая с колчаковцами в 1918–1919 годах», составленных им с выездом на места сражений. Материалы широко вошли в практику школьных походов, разработанных им, участники которых еще успели застать уходящее поколение партизан, встретиться с ними.

Важным направлением работы АО ВНО в экспедициях 1961, 1962 и 1963 гг. [ГААК. Ф.Р-1578, оп. 1, д. 7, л. 1, 7] являлось изучение наряду с социальной памятью — культурной памяти о гражданской войне в сельском ландшафте, процессов ее «отвердения». Во время экспедиции участники выявляли места захоронений и имена погибших партизан, состояние памятников и могил — объектов культурной памяти, которые являлись частью процессов мемориализации памяти о партизанском движении на Алтае начиная с 1920-х гг. В этом направлении усилия АО ВНО объединялись с алтайским отделом ВООПИиК, в президиум которого входил Карначев. Описания конкретных памятников и работы вокруг них с местным населением подробно фиксировались в полевых дневниках: «21 июля Рубцовск. 10 часов. Направляемся к месту, где поставлен памятник погибшим партизанам. Плохо содержится памятник героям гражданской войны на базаре, рядом с мясными лавками… В это время Зайцев (участник экспедиции. — *Т. Щ.*) работал в архиве, интересовался партизанским движением. Потом с возмущением рассказывал, что документы оформлены небрежно… В 16 часов в большом зале горкома собрались бывшие партизаны — более 30 человек… Встречу закончили в 21 час» [ГААК. Ф.Р-1578, оп. 1, д. 23, л. 104, 105, 106, 111]. Далее: «В Гилевке экспедиция осмотрела место, где 7-й полк Красных Орлов разбил белополяков. К сожалению, в этом селе не установлено никакого памятного знака в честь этого важного события… Члены экспедиции осмотрели помещение, где находился штаб, госпиталь, побеседовали с бывшими партизанами, среди них бывший комендант куликовского гарнизона Ф.Т. Иванников. Побывали на могиле командира роты 7-го полка «Красных Орлов» Баранова» [Там же, л. 191, 193, 197].

Деятельность ССО «Память»: 1970–1980-е гг.

История создания, формы и методы работы. В 1970–1980-е гг. в работу по изучению военно-революционной памяти и формированию мест памяти включилось поколение, родившееся и выросшее в советское время. История революций и гражданской войны, входя в ядро сакральных событий, на которых базировались система государственных праздников и традиции массовых мероприятий, посвященных памятным датам и юбилеям, питала советский патриотизм и составляла основу воспитания молодежи. В контексте развития концепции этой истории основными участниками мемориализации военно-революционных событий становятся представители поколения, воспи-

танного на рабоче-крестьянской красногвардейской версии гражданской войны[1]. Интересно сравнить формы и методы работы с памятью ветеранов вооруженных сил и молодого поколения — студентов.

Анализируя опыт деятельности студенческого строительного отряда «Память» можно говорить одновременно и о преемственности, и о развитии в молодежной среде новых форм работы по увековечению памяти. Влияние на развитие практик формирования исторического сознания в 1970–1980-е гг. сыграла послевоенная ситуация, связанная со снятием острой актуальности темы гражданской войны для общества, прошедшего опустошающую Великую Отечественную войну, которая вытеснила на периферию коллективной и индивидуальной памяти военно-революционные события. И в семейном кругу, и в обществе на первое место выходит память о войне 1941–1945 гг. Соответственно тенденцией общественного движения стало перемещение военно-революционных событий из социальной в культурную и затем в национальную память: в мемориалы, летописи, учебную литературу, музейные экспозиции. А социальная и семейная память стала наполняться воспоминаниями и рассказами о Великой Отечественной войне. На рубеже 1960–1970-х гг. основные усилия советского общества направлены уже на формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне. Массово открываются мемориалы и комнаты боевой славы с экспозициями об участии сельского и городского населения Алтайского края в этой войне. Это вылилось в расширение сферы деятельности молодежных общественных движений, учрежден Всесоюзный поход детей и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, который также строился по сетевому принципу с возникновением штабов в регионах; на Алтае его возглавлял генерал Карначев.

В определенной мере эти изменения способствовали возникновению новой формы молодежного движения — студенческих строительных отрядов. Они были призваны вести широкую общественно-политическую работу среди молодежи и населения по ряду направлений: агитационная пропаганда; культурно-массовая, шефская и военно-патриотическая работа [Сулемов, 1983, с. 275, 291]. Единственным в своем роде, соединившим в себе массовое патриотическое движение и краеведческо-туристическую работу на основе военно-революционной памяти, стал студенческий отряд с символическим названием «Память». Работа над памятью героев двух войн для всего студенческого стройотрядовского движения всегда являлась частью стоящей перед ним «задачи культурного и патриотического воспитания нового поколения» [Филатов, 2015, с. 313]. Примером активного участия стройотрядов в движении по сохранению историко-культурного наследия стало создание в Волгоградской области «Солдатского поля», на котором позже проводились торжественные мероприятия и награждения победителей Всесоюзного похода. В них участвовала и алтайская делегация во главе с Карначевым. Генерал писал: «После тридцатилетней мертвой спячки земля возвращена к жизни. Участникам слета вручаются памятные шкатулки с земли с Солдатского поля. Такой подарок и я привез на Алтай, отдал в краеведческий музеи» [ГААК. Ф.Р-1578, оп. 1, д. 24, л. 17–24]. Для волгоградских стройотрядовцев создание Солдатского поля являлось одним из направлений работы, наряду с работой «на стройках, железнодорожном транспорте, уборке урожая — там, где не хватало рабочих рук» [Филатов, 2015, с. 312]. Датой основания первого строительного студенческого отряда, принявшего участие в освоении целины, считают 1959 год [Никифорова, 2016; Трегубов, 2013]. Затем образующиеся отряды охватили все сферы и отрасли народного хозяйства; в 1966 году был создан первый педагогический отряд [Смирнов, 2016].

Алтайский ССО «Память» полностью сосредоточил свою деятельность на строительстве и реконструкции памятников военно-революционной истории, зарабатывая средства для этого в период учебных семестров. Родился он в русле Всесоюзного похода, как краеведческий кружок, который с 1976 г. начал походы по местам сражений гражданской войны на Алтае. Столкнувшись с фактами разрушения памятников, трансформировался в 1981 г. в отряд безвозмездного труда под названием «Память». Отказавшись от традиционного строительства ферм или дорог, стал на общественных началах «строить» памятники и «формировать» память. Обучаясь строительным профессиям, студенты нашли применение своим умениям и навыкам в «строительстве» культурной памяти — создавая «места памяти» в культурном ландшафте региона —

[1] О формировании красногвардейской и белогвардейской версий истории необходимо писать отдельно, в том числе и о роли в нем устной истории. В РГАСПИ есть документы Истпарта, в которых обсуждается ситуация, что мигрирующие за рубеж белые генералы начали писать свою, белогвардейскую версию событий гражданской войны, тогда как массовый участник красногвардейского движения — крестьянин, будучи безграмотным, не способен описать свой опыт. Это и стало одной из причин массового «хождения в народ» за информацией для формирования красногвардейской версии.

бесплатно проектируя и возводя памятники героям военно-революционной истории, привлекая к работе местную администрацию и сельских жителей.

Инициатором и руководителем вышеназванного проекта была преподаватель БСТ Светлана Федоровна Бондарева. Бывшие бойцы ССО «Память» вспоминают: «Она заражала своим энтузиазмом и жизнелюбием» [ПМА Т.К. Щегловой]. Как и представители старшего поколения, С.Ф. Бондарева связывала между собой многие общественные организации, входя в состав президиума ВООПИиК, руководства Краевого общества «Знание»; являлась «связной» между поколениями дедов, отцов и внуков; между властью и обществом.

Работа ССО «Память» по «обустройству мест памяти»

Частью работы над памятью являлись встречи и беседы с участниками тех или иных событий, о чем свидетельствуют архивные документы: «В беседах с местными жителями удалось уточнить некоторые обстоятельства перехода отряда [П. Сухова] через Будачиху (гора), гибели бойцов интернациональной роты, расстрела санитарного отряда в Тележихе, картину гибели отряда в Тюнгуре… В течение трех лет бойцы «Памяти» собирали материал об отряде П.Ф. Сухова. Мы встречались с Анной Александровной Антипенко, сестрой командира Железнодорожного отряда в Сводном красногвардейском отряде П. Сухова Ивана Александровича Пьянникова. Иван Пьянников большевик, слесарь Барнаульского вагонного депо, вместе с И.И. Долгих и другими рабочими Барнаула пошел биться за нашу святую свободу, погиб в боях с белогвардейцами. Место гибели и время не установлены. Сколько их, безымянных героев гражданской» [ГААК. Ф. Р-1754, оп. 2, д. 100, л. 2].

Собираемая информация ложилась в основу работы вокруг «обустройства мест памяти» — реконструкции построенных ранее и возведения новых памятников. Первым проектом была реконструкция памятника П. Сухову (1982 г.), построенного в 1920-е гг. В последующих, 1983 и 1988 гг. его еще перестраивали и ремонтировали. Памятник стал местом слетов поисковых отрядов Алтайского края и Кемеровской области. Работа на всех этапах велась совместно с сельскими обществами. Ряд памятников были построены по инициативе сельских обществ, как, например, в с. Вострово Волчихинского района в Степном Алтае — в местах боев армии Мамонтова, когда «в октябре 1982 года в комсомольскую организации БСТ обратились с письмом жители села Вострово с просьбой построить памятник на месте захоронения М.Т. Трусова и партизан 1919 г.» [Там же, л. 8]. И на том, и на другом памятниках наряду с текстами патриотического содержания присутствуют надписи: «безвозмездно спроектированы и построены» студентами архитектурного отделения БСТ под руководством Светланы Федоровны Бондаревой [Беликова, 2004].

«Память» и «памятник» в деятельности ССО БСТ становились основой конструирования культурной памяти регионального общества. Частью этих культурных конструктов в 1980-е гг. стали восстановление памятников в селах Солонешенского района (с. Тележиха, подножье горы Будачихи), а также проектирование и установка памятных знаков на местах героического рейда П. Сухова. Степень освоения идей и языка национальной памяти участниками этого проекта показывают оставленные руководителем отряда «Память» материалы. Это статья под говорящим названием «Расстрелянный обелиск» о разваливающемся памятнике П.Ф. Сухову в Тележихе [ГААК. Ф. Р-1754, оп. 2, д. 100, л. 60] с подзаголовком «Размышления после краевого слета поисковых отрядов» (в Тюнгуре) [Молодежь Алтая…]. Среди новых мест памяти — обелиск сестрам милосердия из отряда Сухова в Тележихе, реконструированный бойцами ССО «Память» на месте деревянной пирамидки со звездой в 1983 г. В документе написано: «имена сестер установлены» [ГААК. Ф. Р-1754, оп. 2, д. 100, л. 69].

Во второй половине 1980-х гг. под влиянием перестройки и расширения «зоны памяти» ССО «Память» ведет строительство (лето 1989 г.) памятников одновременно красногвардейцам и белогвардейцам на месте исчезнувших сел Калманского района — Васино и Мезенцево [Там же, д. 99, л. 10; д. 101, л. 32]. На памятнике в с. Васино — надпись «безвозмездно построен бойцами отряда Память. 1989 г.» и подпись «Павшим за власть советов от борющихся за коммунизм», а далее — фамилии похороненных [Там же, л. 103]. На памятнике в с. Мезенцево — также надпись «безвозмездно построен бойцами отряда Память» (в 1987 г.) с комментариями, что «здесь тоже покоятся русские, не поделившие любовь к родине, земле нашей русской», и послесловием: «не время искать правых в национальной трагедии» [Там же, д. 99, л. 35].

Важнейшей частью работы по сохранению памяти являлись коммеморации, связанные с торжественным открытием памятников, так же как и в 1950–1960-х гг. с широким привлечением местного общества и власти. Анализ архивных материалов показывает, что к 1980-м гг. эти коммеморации,

отшлифованные многократными повторениями, имели традиционные для советских практик сценарий, атрибутику и символику, превращая эти мероприятия в коммуникационные площадки для прошлого и будущего; для детей, отцов и дедов; для общества и власти. На всех сохранившихся фотографиях торжественных мероприятий [Там же, д. 97, 98, 99, 100, 101, 102] обязательные участники наряду со стройотрядовцами — ветераны гражданской и Великой Отечественной войн с наградами на пиджаках и мундирах, пионеры в парадной форме с пионерскими галстуками, пионерскими значками, флагом пионерской дружины, горнами и барабанами. Принципиальным условием всех коммеморациий было проведение мероприятий на центральных площадях поселений при массовом стечении сельского общества и с участием районной и сельской администрации.

Заключение

Изучение советских практик работы с памятью (социальной и культурной) позволяет выделить два этапа в развитии коммеморациий (1960-е гг. и 1970–1980-е гг.), которые базировались на диалоге старших и младших поколений с опорой на память, а также на коммуникации общественных организаций и партийно-государственных структур. Лидеры общественных движений в этом диалоге являлись своего рода «коммуникаторами» или проводниками государственной политики в общество. На первом этапе основную силу представляло старшее поколение — участники и очевидцы двух масштабных событий — гражданской и Великой Отечественной войн, определивших их мировоззрение. На втором этапе вперед активно выступило младшее поколение — люди, воспитанные в советской системе ценностей, прошедшие школу воспитания в пионерских и комсомольских организациях. В основе их деятельности также лежала работа с памятью и коммеморации. При этом на первом этапе преобладала работа по сохранению памяти о военно-революционных событиях 1917–1921 гг., на втором — работа с памятью участников Великой Отечественной войны. На рубеже 1960–1970-х гг. массово разворачиваются мероприятия по мемориализации Великой Отечественной войны, коммеморативные практики гражданской войны переходят в проектную деятельность по развитию культурной памяти. Одним из таких проектов являлся студенческий строительный отряд безвозмездного труда «Память». Преемственность в деятельности ветеранов и студентов выражалась в стремлении увековечить и популяризировать память героев военно-революционной истории. Отличия состояли в том, что старшее поколение опиралось на свой эмпирический опыт и социальную память участников, младшее поколение больше работало с культурной памятью, базировавшейся на писанной представителями старших поколений истории. Сложился и определенный алгоритм коммеморациий, маркированный советской государственной праздничной системой и юбилейными кампаниями. На протяжении всего периода на основе изучения социальной памяти участников и очевидцев военно-революционных событий происходило формирование и закрепление культурной памяти в виде памятников, памятных мест и мемориалов. В комплексе вся работа с социальной и с культурной памятью давала тот материал, на котором формировались исторические представления как основа гражданского мировоззрения советского человека.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01443, https://rscf.ru/project/23-28-01443/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алисов Д.А. Проблемы меморализации Гражданской войны в России: Теория и практика // Гражданская война в России 1917–1922: Историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (16–17 июня 2016 г.). Омск: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 2016. С. 21–28.

Алисов Д.А., Закунов Ю.А. (гл. ред.). Гражданская война в России 1917–1922: Историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (16–17 июня 2016 г.). Омск: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 2016. 364 с.

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Беликова Т.Г. Установление Советской власти на территории Солонешенского района. 1918–1921 гг. Очерки. Путь отряда П. Сухова // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 143–168.

Белова А.В. Женская социальная память: Интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 39–51.

Бородкин П.А. Роль партизанского движения на Алтае в разгроме колчаковщины. Барнаул: Алтайская правда, 1950. 29 с.

Гордон Е.В. Из истории гражданской войны на Алтае: Рейд отряда Петра Сухова // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 320–322.

Кокоулин В.Г. Новые подходы в изучении гражданской войны в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 2 (23). С. 113–120.

Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть…: Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). Новосибирск: Золотой колос, 2015. 404 с.

Кривоносов Я.Е. (сост.). Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии, 1917–1922. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2001. 527 с.

Никифорова Э.А. История студенческих отрядов: К постановке вопроса // Вестник ТГУ. 2016. № 406. С. 127–130.

Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа: Междунар. науч.-практ. конф. к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург, 28–29 мая 2021 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 237–241.

Подустов Ф.Н. Организация и деятельность военно-научного общества Сибирского военного округа в 1920-е гг. // Вклад в победу над фашистской Германией Сибирских формирований Красной армии в годы Великой Отечественной войны: Материалы регион. науч.-практ. конф., 25 апр. 2008 г. Томск: Издательство ТГПУ, 2008. С. 188–196.

Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания: (Историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 82–99.

Смирнов П.А. Ты помнишь, как все начиналось? История первых студенческих педотрядов // Вестник МГПУ. Сер. Педагогика и психология. 2016. № 3 (37). С. 101–108.

Сулемов В.А. (ред.). История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. М.: Просвещение, 1983. 367 с.

Трегубов А.Е. История стройотрядовского движения — от отрицания до признания // Новое слово в науке и практике: Гипотеза и апробация результатов исследований. 2013. № 3. С. 37–41.

Филатов Д.Н. Деятельность студенческих строительных отрядов Волгоградской области по сохранению объектов культурного наследия в 1970–1990-е гг. // Известия ВолГПУ. 2015. № 5. С. 312–318.

Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.

ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.Р-1578. Оп. 1. Д. 7, 10, 11, 22, 23, 24, 26; Ф. Р-1754. Оп. 2. Д. 97, 98, 99, 100, 101, 102.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р-2371. Оп. 1. Д. 44. Ф.Р-2378. Оп. 1. Д. 43, 351.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9403. Оп. 1. Д. 7.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 100. Д. 312065.

Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы коммунистической партии и советского народа // Туристический портал «Скиталец». URL: https://skitalets.ru/information/books/metodicheskie-rekomendatsii-po-provedeniyu-vsesoyuznogo-pokhoda-komsomoltsev-i-molodezhi-po-mestam-r-2410_4684/#13 (дата обращения: 17.05.2023).

Егоров Г.В. Крушение Рогова. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1965. 127 с.

Егоров Г.В. Солона ты, земля! Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1977. 478 с.

Молодежь Алтая. 1988, 7 окт. № 41.

Очередные задачи ВНО: Речи т.т. Калинина, Ворошилова и Уншлихта на I Всесозном съезде ВНО. М.: Военный вестник, 1926. 30 с.

Паршукова Л. Жизнь, отданная армии // Алтайская правда. 1981, 13 мая.

ПМА Т.К. Щегловой, интервью А.Я. Бондарев, О.А Федоренко (Царегородцева).

Shcheglova T.K.

Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya st., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation

E-mail: tk_altai@mail.ru

Practices of the formation of historical consciousness in the veteran and student social movement of Altai Krai in the 1960s–1980s

In the paper, an analysis is carried out on the commemorative practices of the formation of historical consciousness on the basis of studying and constructing memory about the Russian Civil War in Altai Krai (south of Western Siberia). The separation of the periods of the 1960s and 1970s–1980s is determined by the succession

of generations. The sources of the research comprised the materials from the central (the Russian State Archive of Socio-Political History, the State Archive of the Russian Federation) and regional state archives of Novosibirsk Oblast and Altai Krai, and holdings of the museum of the Barnaul Civil Engineering College and author's field materials. As theoretic-conceptual approaches, the biographical method was used, which allowed it to reveal the traits of the Soviet man as a construct of the Soviet era, and the principle of regionalism for the analysis of anthropological aspects in particular socio-cultural conditions. In the research, the conceptual framework of the scientific field of 'anthropology of memory' was employed: social, historic and cultural memory, communications, and commemorations. The comparison of the social practices shows that at the first stage, owing to the veteran cause, military-revolutionary events were selected for the formation of historical consciousness. Another aspect of work was popularisation of the partisan movement through communicative channels: meetings, gala evenings, interviews, public rallies, and other collective forms of communication with rural community, youth and government. A comparison of the work of 'fathers' and 'sons' showed that the succession manifested in the strive to eternalise and popularise memory of the heroes of the Russian Civil War; translation of military-revolutionary events from social memory into cultural memory in the form of monuments and memorial places became a new tendency in the work on perpetuating the memory.

Keywords: the Civil War, social, historic and cultural memory, communications, commemorations.

Funding. The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation № 23-28-01443, https://rscf.ru/project/23-28-01443/.

REFERENCES

Alisov, D.A. (2016) Problems of memorialization of the Civil War in Russia: theory and practice. In: *Grazhdanskaya voyna v Rossii 1917–1922: istoricheskaya pamyat' i problemy memoralizatsii «krasnogo» i «belogo» dvizheniya:* Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (16–17 iyunya 2016 g.). Omsk: Rossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut kul'turnogo i prirodnogo naslediya, 1–28 (Rus.).

Alisov, D.A. Zakunov, Yu.A. (Eds.) (2016). *Civil War in Russia 1917–1922: Historical memory and problems of memorialization of the "red" and "white" movements:* Materials of the All-Russian scientific and practical conference (June 16–17, 2016). Omsk: Rossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut kul'turnogo i prirodnogo naslediya. (Rus.).

Assmann, A. (2014). *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (Rus.).

Assmann, Ja. (2004). *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (Rus.).

Belikova, T.G. (2004). Establishment of Soviet power on the territory of the Soloneshensky district. 1918–1921 Essays. The path of P. Sukhov's detachment. In: *Soloneshenskiy rayon: Ocherki istorii i kul'tury*. Barnaul: Izd-vo BGPU, 143–168. (Rus.).

Belova, A.V. (2019). Women's social memory: Integration of gender anthropology and anthropology of memory. *Bulletin of Anthropology*, 47(3), 39–51. (Rus.).

Borodkin, P.A. (1950). *The role of the partisan movement in Altai in the defeat of the Kolchak regime.* Barnaul: Altayskaya pravda. (Rus.).

Filatov, D.N. (2015). Activities of student construction teams of the Volgograd region to preserve cultural heritage sites in the 1970–1990s. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (5), 312–318. (Rus.).

Gordon, E.V. (2013). From the history of the civil war in Altai: The raid of Pyotr Sukhov's detachment. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 41(4), 320–322. (Rus.).

Kokoulin, V.G. (2020). New approaches to the study of the civil war in Siberia. *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela*, 23(2), 113–120. (Rus.).

Krasil'nikova, Ye.I. (2015). *We cannot forget to remember...: Memorial places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 — mid-1941).* Novosibirsk: Zolotoy kolos. (Rus.).

Krivonosov, Ya.Ye. (2001) (Comp.). *Revolutionary events and civil war in the Altai province, 1917–1922.* Barnaul: Altayskiy poligraficheskiy kombinat. (Rus.).

Nikiforova, E.A. (2016). History of student groups: To pose the question. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (406), 127–130. (Rus.).

Ogonovskaya, I.S. (2021). Commemorative practices as a tool for preserving the memory of the military history of Russia. In: *Odna na vsekh tragediya i odna Pobeda: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya k 80-letiyu nachala Velikoy Otechestvennoy voyny.* Orenburg: Izd-vo OGPU, 237–241. (Rus.).

Podustov, F.N. (2008). Organization and activities of the military-scientific society of the Siberian Military District in the 1920s. In: *Vklad v pobedu nad fashistskoy Germaniyey Sibirskikh formirovaniy Krasnoy armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny:* Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 25 aprelya 2008 goda. Tomsk: Izdatel'stvo TGPU, 188–196. (Rus.).

Repina, L.P. (2003). *"Cultural memory" and problems of historical writing (historiographic notes)*. Preprint WP6/2003/07. Moscow: GU VShE. (Rus.).

Repina, L.P. (2016). Events and images of the past in historical and cultural memory. *The New Past*, (1), 82–99. (Rus.).

Shcheglova, T.K. (2008). *Village and peasantry of the Altai region in the 20th century: Oral history.* Barnaul: BGPU. (Rus.).

Smirnov, P.A. (Ed.) (2016). Do you remember how it all began? History of the first student pedagogical detachments. *Vestnik MGPU. Seriya Pedagogika i psikhologiya*, 37(3), 101–108. (Rus.).

Sulemov, V.A. (Ed.) (1983). *History of the Komsomol and the All-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin*. Moscow: Prosveshcheniye. (Rus.).

Tregubov, A.E. (2013). History of the construction brigade movement — from denial to recognition. *Novoye slovo v nauke i praktike: Gipoteza i aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy*, (3), 37–41. (Rus.).

Щеглова Т.К., https://orcid.org/0000-0003-2738-414X

Сведения об авторе: Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул.

About the author: Shcheglova, T.K., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of National History at Altai State Pedagogical University, Barnaul.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 30.05.2024
Article is published: 15.09.2024

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подрисуночными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.rtf или *.doc (не в *.docx, чтобы избежать склеивания слов или искажения текста), озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом не более 500 знаков:** необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на русском и английском языках) объемом не менее 2000–2500 знаков с пробелами. Summary не является копией русскоязычной аннотации, должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Keywords;

— Figure captions (подрисуночные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— Acknowledgements (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);

— Funding (сведения о финансировании проектов);

— References (список литературы на латинице).

При составлении References нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: http://www.ipdn.ru/rics/va. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625008, Тюмень, Червишевский тракт, 13, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии…» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер**: **a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: http://www.ipdn.ru/rics/va.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др*. или *et al*.)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-I, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Jin Zh. Natural Science Research of Erlitou Bronze and Exploration of Xia Civilization // Cultural relics [文物], 2000. № 1. P. 56–69. (China).

(В иероглифике приводится лишь название журнала (сборника). Оно дается в квадратных скобках после перевода этого названия на английский.)

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. https://doi.org/10.1016/j.crpv.2014.06.004.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции и издателя:
625008, Тюмень, ул. Червишевский тракт, 13, ТюмНЦ СО РАН
Тел. (3452) 688-768
Адрес сайта: http://www.ipdn.ru
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАУ — Вопросы археологии Урала
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИИС — Из истории Сибири
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
ПМА — полевые материалы автора
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАН — Российская академия наук
РХГА — Русская христианская гуманитарная академия
СА — Советская археология
СМАЭ — Сборник МАЭ РАН
СО РАН — Сибирское отделение РАН
ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

16+

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (66)

2024

Главный редактор
доктор исторических наук В.А. Зах

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	С.В. Святко

Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна

Дата выхода: 15.09.2024. Уч.-изд. л. 25,6. Объем 52 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции и издателя: 625008, Тюмень, Червишевский тракт, 13, тел. (3452) 688-768
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: http://www.ipdn.ru

ISSN 977-2071-0437-05

Наконечники стрел из могильника Кикки-Акки

Тюменский научный центр СО РАН
Подписной индекс 80385
ООО «Урал-Пресс-Округ»
+7 (343) 385-87-24